

ГОДЫ ТЕРРОРА

КНИГА ПАМЯТИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Том 3

ООО «Издательский дом
«Типография купца Тарасова»
ПЕРМЬ
2011

ББК 63.3(2) 615-49
Г59

Ответственный за выпуск
А. М. Калих

Редактор
А. М. Калих

Корректоры
Н. Н. Лазько, Т. Н. Назукина

Книга подготовлена Пермским краевым отделением Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал»

Организационная поддержка:
Комиссия по восстановлению прав
реабилитированных жертв политических репрессий
(председатель – И. Г. Шулькин, секретарь – Е. М. Попова)

Издание осуществлено при финансовой поддержке Пермской краевой администрации

Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Часть шестая, том 3. – Пермь: ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2011. – 412 с.; илл.

ISBN 978-5-91437-032-6

- © Пермское краевое отделение Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал»
- © ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2011

К ЧИТАТЕЛЯМ

Очередной том Книги памяти мы начинаем публикацией материалов, вызвавших в 2010-2011 годах всплеск общественного интереса. Острейшую дискуссию в обществе вызвал проект государственно-общественной программы «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении». Проект программы был представлен Президенту РФ Дмитрию Медведеву 1 февраля 2011 года членами Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ.

В принципе можно было ожидать, что этот документ будет принят далеко не всеми. В последние годы все мы наблюдали «негромкий», но вполне ощутимый, настойчивый процесс реабилитации сталинизма. Сегодня идеологический «посев» дает всходы. Голос сторонников программы почти не слышен. Печатные и электронные СМИ заполнены чем угодно, но не попытками здравого, объективного анализа. Разработчиков проекта программы, заложивших в этот текст абсолютно гуманитарные, неполитические идеи, обвиняют чуть ли не в развале страны. Особенно странно и стыдно слушать ораторов, которые, не стесняясь, демонстрируют, что они документ не читали и читать не хотят. Они отвергают его с порога, и объяснить им что-либо физически невозможно.

Примерно такая же ситуация была с общественным обсуждением истории катынского преступления – расстрела войсками НКВД весной 1940 года почти 22 тысяч польских граждан. Какими только домыслами не была заполнена пресса! И это продолжалось до тех пор, пока Президент РФ не дал указание опубликовать ранее засекреченные катынские документы. До этой публикации 53 процента россиян считали, что казнь польских военнослужащих – дело рук фашистов. После обнародования документов «неверящих» осталось 26 процентов.

Пример с Катынью лишний раз свидетельствует: секретомания, закрытость архивов наносят огромный вред и обществу, и государству. Отсутствие достоверной информации создает благоприятную

почву для самых неприглядных спекуляций. Не по этой ли, в частности, причине на протяжении многих десятилетий общество не может найти консенсус, не способно дать адекватную оценку своему прошлому? Надеюсь, все мы понимаем, что извлечь уроки из прошлого – значит, выбрать будущее, наметить путь в завтра.

Издание Книги памяти жертв политических репрессий – это, кроме прочего, попытка прорвать информационную блокаду вокруг преступлений сталинского режима. Попытка, скажем честно, скромная, ограничивающаяся пределами Пермского края. Чтобы выбраться из нравственного болота, нужны усилия всех регионов, государства, гражданского общества России. Вот почему так необходима программа «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении». Пусть этот проект еще несовершенен, наверняка он нуждается в поправках и дополнениях. Так давайте же работать, думать, предлагать. Но не сидеть, не плакаться, не тянуться в болезненном опьянении к сталинскому прошлому. Предавая при этом память о своих предках, миллионах жертв тоталитарного режима.

Редактор

ПОКЛОНИТЬСЯ МИЛЛИОНАМ ЖЕРТВ

1 февраля 2011 года в Екатеринбурге под председательством Президента РФ Дмитрия МЕДВЕДЕВА состоялось выездное заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ, которое, в частности, рассмотрело предложения Совета (подготовленные международным обществом «Мемориал») об учреждении общенациональной государственно-общественной программы «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении».

Редакционная коллегия Книги памяти предлагает читателям отрывок из стенограммы заседания Совета – выступления председателя президиума Совета по внешней и оборонной политике Сергея КАРАГАНОВА и председателя правления общества «Мемориал» Арсения РОГИНСКОГО.

С. КАРАГАНОВ: Дмитрий Анатольевич, если позволите, я буду сразу Вам передавать документы.

Михаил Александрович Вам дал огромный набор документов, естественно, неисчерпывающий, который мы подготовили в процессе более чем полугодовой работы с историками, с философами, с огромным кругом людей. Особенно плодотворными были дискуссии и даже столкновения с руководителями «Мемориала». И поэтому мы договорились, в конце концов, что проект будут представлять два человека. Я представляю своё видение его политической и моральной необходимости, а Арсений Борисович Рогинский – руководитель «Мемориала» – расскажет о системе конкретных мер, которые мы предлагаем. Уж совсем конкретно – есть документы.

В популярной прессе наш проект получил название «Десталинизация». Это неточно и политически неправильно, хотя суть проекта, естественно, и в десталинизации, и в декоммунизации российского общественного сознания и самой нашей страны. Термин «десталинизация» уводит от истины, от сути того режима, наследие которого нужно ещё долгие годы преодолевать, и от сути той трагедии, которую пережил народ.

Предлагаемое нами название проекта – «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении». Главная его цель – обеспечение модернизации сознания российского общества и российской элиты. Убеждён, модернизация страны ни на техническом, ни на политическом уровне невозможна без изменения сознания общества, возвращения у народа чувства ответственности за себя, страну, гордости за неё, пусть временами и горькой.

Сейчас все за себя, общество фрагментировано, элита во многом презрительно относится к массам, а массы народа – к элитам. При этом народу и элите после последних 100 лет себя почти не за что уважать. Единственное, чем можно по-настоящему гордиться, – Великая Отечественная война, но её объединительный потенциал с годами истощается. Общество не может начать уважать себя и свою страну, пока оно скрывает от себя страшный грех – 70 лет тоталитаризма, когда народ совершил революцию, привёл к власти и поддерживал античеловеческий, варварский режим. Позволил ему существовать и участвовал в самогеноциде – системном волнообразном уничтожении самых лучших, самых сильных, самых свободных своих представителей, традиционной морали, уничтожении церквей, культурных памятников, самой культуры.

Самогеноцид начался с Гражданской войны через уничтожение и изгнание интеллигенции, духовенства – держателей культуры и традиционной морали, буржуазии – наиболее сильной и конкурентной части общества, дворянства – наиболее образованной и патриотической его части, хранителей национального самосознания и гордости. Затем последовали голодомор, коллективизация, которые были нацелены на уничтожение лучшего крестьянства. Именно они стоили, видимо, народу наибольшего количества жертв. Затем были репрессии новой интеллигенции, военных. Но что бы ни происходило, это были, как правило, лучшие представители народа. Продолжать скрывать от себя эту историю означает неявно оставаться соучастниками этого преступления. Если мы не признаем до конца правды, мы останемся наследниками не лучшей части нашего народа и не лучшего в нашем народе, а худшего в нём и худшей его части: палачей, стукачей, коллективизаторов, организаторов голодоморов, разрушителей церквей. Ссылаться на ветеранов – несостоятельный аргумент, тем более что ветеранов, чьи чувства могут пострадать, остались единицы. Наверное, не меньше осталось ветеранов, для которых осуждение тоталитарного режима было бы величайшим счастьем. Ушло и поколение людей, несших прямую ответственность за уничтожение народов. Но этот проект не нацелен даже против них.

Всем нам нужно поклониться миллионам жертв. Ведь и палачи были жертвами. Народ, который не почитает и не хочет знать бесчисленные могилы миллионов своих отцов и матерей, вряд ли может

надеяться на самоуважение и на уважение других народов. Если мы начнём этот проект, начнёт заполняться моральный вакуум, который разъедает наше общество, ведёт к его варваризации, в том числе тотальной коррупции, правовому нигилизму.

Если мы по благословению руководства страны и церковью создадим массовое движение по восстановлению исторической памяти и справедливости, вовлечём в него десятки тысяч молодых людей, то получим новую патриотическую, отвечающую за свою страну элиту. В любом случае программа должна быть нацелена не «против», а «за». Она должна быть нацелена в том числе и на формальное окончание гражданской войны, на окончательное национальное примирение. Не надо рушить памятники красным. Даже массово переименовывать улицы, кроме как в случаях курьёзов с улицами имени Карла Либкнехта и Розы Люксембург, не нужно. Главное, нужно почтить память других наших сограждан, сгинувших в той 70-летней гражданской войне, вернуть их народу.

Если проект будет принят хотя бы в первой его части, через развёртывание поддерживаемой государством общественной кампании по массовой установке памятников жертвам тоталитарного режима, через открытие архивов Президент и руководство страны только этим уже обеспечат себе почётное место в истории России.

Проект по определению должен иметь общий для всех стран бывшего Советского Союза характер. Среди жертв были все. Среди палачей тоже. Возможно, необходимо привлечение к проекту и стран бывшего соцлагеря. Боятся, что полное признание ужасов ГУЛАГа, полное открытие архивов нанесёт вред престижу страны. Это не так. Увековечение памяти жертв тоталитарного режима может вызвать только уважение. Волну уважения, а никак не злорадство и не попытки предъявить счета вызвало Ваше, Дмитрий Анатольевич, неоднократное осуждение тоталитарного режима, преклонение колен Владимиром Владимировичем Путиным перед Катынским крестом, а ведь Россия – огромная Катынь с тысячами могил миллионов лучших граждан СССР.

Почтив память во всех сёлах и городах, откуда они были увезены в лагеря и на смерть, их по большей части безымянные могилы, мы не только восстановим самоуважение, но и уважение всех нормальных людей в мире. Ведь сделаем мы это сами, без принуждения и давления извне, не вынужденно, как проигравшие, а по доброй воле.

Естественно, что проект будет иметь издержки. Стыд и ужас перед тем, что мы сами с собой сотворили в XX веке, можно и нужно компенсировать. Можно немало придумать рецептов. Но просто для воссоздания идентичности народа нужно воспользоваться правильно тем, что у нас уже есть, и тем, чем мы почти не пользуемся: блистательным XIX веком, который продолжался почти полтора века лет

(со времен Екатерины до 1917 года). Мы по-прежнему воспитаны в традициях ком. идеологии. Полустыдимся его, века эксплуататоров, реакционных монархов, а ведь это был век, когда Россия была среди первейших стран Европы, гарантом мира. Это был век расцвета русской культуры, ставшей в литературе первейшей в Европе и мире. Мы забыли по большей части славную для России Вторую Отечественную войну, которую большевики, сдавшие полстраны ради захвата и удержания власти, обозвали империалистической.

Надо просто напомнить себе, что всё-таки мы – страна не Ленина и Сталина, а Суворова и Жукова, а главное – Пушкина, Гоголя, Толстого, Чехова, Пастернака, Чайковского, Александра II, Столыпина, Королёва, Сахарова, Солженицына. Мы – великая страна, и нам есть чем гордиться.

Нужно восстанавливать истинную российскую идентичность, самоуважение, без которых невозможно движение вперёд. Моисей водил народ по пустыне 40 лет, мы уже прошли 20, сейчас мы отмечаем эти 20 лет. Если мы растратим и следующие 20 лет, можем из пустыни не выйти.

И последнее. Понимаю, что вызову неприятные эмоции, подрывающие привлекательность проекта. Но любые усилия по восстановлению общественной морали, самоуважения обесцениваются деморализующим общество и дискредитирующим власть процессом Ходорковского. Невозможно не верить, что этот процесс не носит политического характера, даже если он такого характера не носит. Если невозможно оправдать – помилуйте.

Д. МЕДВЕДЕВ: Спасибо.

Пожалуйста, Арсений Борисович Рогинский.

А. РОГИНСКИЙ: Понимаете, у меня ощущение, что сам факт представления этой программы руководителю страны – в общем, историческое событие. И это само по себе уже важно, потому что вообще-то не мы придумали эту программу, не какие-то три человека, рабочая группа и так далее. Ерундистика. Понимаете, программа эта росла из жизни, и предложения русское общество адресовало Хрущёву. Те, которые самые наивные, – ещё и Брежневу, а потом, соответственно, и Горбачёву и так далее. И что-то делалось, кусочки. Но на самом деле системно и масштабно никогда ничего не делалось. Эта программа не только про историю, но она имеет свою историю. Это первое.

Второе. Из чего мы исходим – я, мои друзья? Из очень простого: невозможно создать правового государства, невозможно его построить без памяти о несправии. Не просто знание того, что несправие было, но понимание того, что это несправие. Точно так же невозможно создать свободного гражданина без памяти о несвободе и без понимания, почему была эта несвобода. Знаете, эта программа не просто на увеличение знания, она направлена на понимание. Она масштабная и комплексная, осмысленно делать всё вместе, но это

же утопия. Понимаете? Это всё равно какие-то кусочки, которые вы- бирать Вам. И, конечно, это не программа, что мы предлагаем, это эскизы. Неслучайно они называются «предложения к программе».

В ней восемь разделов. Я очень коротко проанотирую некоторые пункты из нее. Один – увековечение памяти о жертвах, другой несом- ненный раздел – социальная поддержка тех жертв, которые сегодня живы, третий – доступ к архивной информации о терроре, затем по- литико-правовая оценка преступлений коммунистического режима, затем завершение процесса юридической реабилитации жертв, топо- ника, образование и просвещение и разное. На нескольких пунктах этого сюжета я сейчас останавлиюсь.

Во-первых, увековечение памяти жертв. Здесь о памятниках уже говорилось. Памятников, кстати говоря, у нас довольно много, но сто- ят они где-то на окраинах городов. Типичный случай. Мы с вами в Ека- теринбурге, под городом есть место, где захоронено 18 тысяч расстре- лянных человек. Оно под городом, а в городе ведь ничего нет. Я хотел бы напомнить, что важно в поставленном памятнике жертвам? Очень важен общественный памятник, но центральный памятник, например, в Москве, я убеждён, должен быть поставлен государством и от имени государства, с тем чтобы он обозначил отношение государства к этой проблеме. Это касается Москвы. Центральный памятник.

И, конечно, программа каких-то региональных памятников там, где их ещё нет, хотя региональные власти более или менее активны в этом отношении. Я, вообще говоря, кого не хочу упрекнуть, так это их. Но ведь памятников нужно гораздо больше, как говорил Сергей Александрович.

Два музейно-мемориальных центра, в Москве и Петербурге, я знаю, что Вы в разной степени одобряли и тот, и другой. Под Питером это в Ковалевском лесу, где Гумилёва расстреляли, расстрелы пер- вых лет советской власти. И в Москве, на берегу канала Москва–Волга (128 тысяч заключённых строили этот канал) есть место, даже «Водо- канал» готов что-то предоставить. В общем, всюду бюрократические препоны. А это центры работы с национальной памятью, не просто музеи, но действительно центры. Подробнее не буду сейчас говорить.

Ещё одна вещь, которую нельзя забыть. Вообще-то говоря, что та- кое память о жертвах? Жертвы – это кто? Люди с фамилиями. У нас на сегодняшний день силами регионов и региональной активности под- нято меньше половины имён. Создать единую базу данных о жертвах политического террора, точно такую же базу данных, например, кото- рая создана по жертвам Великой Отечественной войны (потрясающая база есть по войне), не так сложно. Информация в МВД, ФСБ, Росар- хиве. Конечно, нам надо создавать редакции, методики и так далее, но это не такая сложная и не такая дорогостоящая вещь, потому что очень многое уже создано.

Ещё одна вещь про захоронения. Не могу здесь не упомянуть, потому что миллионы наших граждан не знают, где похоронены их предки. С этим мы сталкиваемся постоянно. Нужно не только дать указания ведомственным и государственным архивам произвести дополнительные поиски в этих архивах, но и потом продумать сюжеты с мемориализацией. У нас довольно много этих предложений. Это я проанотировал первый пункт.

Второй пункт быстро. Социальная поддержка жертв репрессий. Там много всего, но есть один центральный пункт. У нас закон о монетизации перевёл наших стариков с федерального уровня на региональный. Получился бред. Два человека сидели вместе, отбывали одинаковый срок, живут в разных регионах: одному платят 300 рублей в месяц, другому – 1 000, потому что состояние регионов разное. Самое главное, ведь не регионы творили террор – прямо скажем, центр. Поэтому первое и главное – это возвращение на центральный уровень обеспечения.

Ещё есть несколько важных предложений. Например, жертвы репрессий – они же инвалиды. Они должны выбирать: кто они? Как они будут получать свои ежемесячные выплаты? Как жертвы репрессий или как инвалиды? Конечно, сумма по инвалидности выше. И он отказывается как бы от звания жертвы репрессий. Выглядит, в общем, неприлично.

И сюда же нужно ещё одну вещь добавить. Это не так трудно сделать. При принятии 122-го закона из закона о реабилитации вылетела формула о моральном ущербе. «Признавая моральный и материальный ущерб, нанесённый жертвам...» – в преамбуле закона о реабилитации. О «материальном» осталось, между прочим, а о «моральном» вылетело. Для них, для оставшихся стариков, – ощущение оскорбления, что как будто бы государство не признаёт моральный ущерб.

Третье, о чём бы я хотел сказать (здесь, конечно, Вы понимаете больше, чем я), – это политико-правовая оценка террора. Вы знаете, политико-правовой оценки преступлений нет, нет этой политико-правовой оценки. Моральные оценки – пусть их даст Солженицын, не знаю, Сахаров, ещё кто-то. Или чисто политическая оценка – пускай её даст парламент. Этого мало, потому что массовому сознанию надо на что-то опереться, а опереться сознание может (и учителя, я не знаю, и экскурсоводы, и так далее) только на юридическую квалификацию. Это сложная и трудная проблема – политико-правовая оценка. Это серьёзно и отдельно прописывал Михаил Александрович, отдельный разговор.

Д. МЕДВЕДЕВ: Арсений Борисович, извините, пожалуйста, я стараюсь не вмешиваться, когда выступают. Просто, чтобы мне была понятна Ваша позиция, я хочу понять, что такое политико-правовая

оценка и кто её должен дать? Потому что это, как Вы правильно сказали, тонкая вещь. Кто – суд, Президент, Правительство?

А. РОГИНСКИЙ: Есть разные варианты. Я понимаю, что мы не можем привлечь покойников к ответственности, это нелепо, и возбудить уголовные дела, но там у нас прописано... Михаил Александрович легче, чем я, ответит на этот вопрос. Простите, я просто переадресовываю ответ к юристу. Мне неловко, поэтому здесь перепассую к юристу, а сам, если можно, сделаю ещё один важный кусочек, про который сказали оба коллеги, – про доступ к архивной информации.

Понимаете, просто бредятина эта секретомания, просто бред, это очень легко преодолеть. На самом деле в 90-е годы очень много было рассекречено, потому что у архивов было право рассекречивания. Они проводили кучу экспертиз и рассекречивали, в общем, никаких накладок по этому поводу практически не было. Сейчас это право у них отняли, они готовят материалы, передают их в межведомственную комиссию по защите тайны, межведомственная комиссия под этими горами гибнет совершенно. То есть идея простая: пускай архивы рассекречивают те документы, которые старше 30 лет, а в спорных случаях, в которых они сомневаются, естественно, экспертиза, передают это на продление. То есть комиссия должна заниматься только продлением секретности. Это одно.

И второе – тоже юридическая проблема, которую не решишь. У нас, как известно, несколько миллионов следственных дел наших сограждан в архивах. Это важнейший источник по истории террора. К ним не допускается, кроме родственников, никто, то есть жертвы или родственники. Штука в том, что родственников-то нет. Вот захотели вы прочитать следственное дело великого поэта Мандельштама. Где же вы возьмёте доверенность от детей Мандельштама, которых нет? И таковых очень много, подавляющее большинство. Говорят: «Личная тайна, мы защищаем личную тайну». А личная тайна в законодательстве определена чудовищно плохо. Из-за этого закрыты миллионы дел. И даже возникают, между прочим, сейчас уголовные преследования в Архангельске историков, которые делали Книгу памяти. Личную тайну они, видите ли, раскрыли, что кто-то был членом семьи жертвы репрессий. Поэтому, понимаете, надо это определить и 75-летний бредовый срок снять.

Пропускаю то, что связано с топонимикой, здесь без закона не обойтись. Просто нельзя, чтобы у нас топонимика была заповедной зоной, в общем, имён довольно плохих людей. Но здесь должен быть закон. Понимаете, улицы не могут носить имена людей, которые виновны в тяжких преступлениях против прав граждан.

Про архивы и образование ещё один пункт. Как интернет-база данных нужна нам, так нам необходим интернет-портал. Помните, Вы дали указание опубликовать катынские документы? Пять листиков!

Эти пять листиков – 4 миллиона заходов. Вдумайтесь! Они перевернули сознание. 53 процента считали, что немцы. Прочитали, простите меня, эти листики, посмотрели кино – осталось 26 процентов. В течение двух недель!

В архивах хранятся миллионы важнейших документов. Нужен центральный интернет-портал для публикации важнейших документов по истории Советского Союза.

И ещё последнее. Эта программа должна быть международной. Террор был в России, но ведь не только в России, а вокруг. И все с нами будут с удовольствием сотрудничать и по линии этого портала, и по линии совместного создания книг памяти. И может быть, Россия учредит какой-то международный институт памяти. Очень важно преодолевать наши исторические войны с другими странами в этой совместной работе.

На этом бы я закончил. В этой программе пунктов всего под пятьдесят. Но, повторяю, это не программа – это эскиз программы, это только предложения к программе.

Спасибо.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ СОВЕТА ПО РАЗВИТИЮ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ «ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ ЖЕРТВ ТОТАЛИТАРНОГО РЕЖИМА И О НАЦИОНАЛЬНОМ ПРИМИРЕНИИ»

Без освоения общественным сознанием трагического опыта России в XX веке представляется невозможным движение российского общества к реальной модернизации. Исторический опыт показывает, что модернизация может быть успешной только в том случае, когда и национальная элита, и все общество едины в общем гражданском чувстве ответственности перед историей. А это чувство, чувство ответственного хозяина страны, в свою очередь, немислимо возродить, скрывая – не столько от внешнего мира, сколько от самих себя – правду о том, что наш народ сделал сам с собой в XX веке. Соккрытие правды о прошлом лишает нас возможности национального самоуважения, без которого мы никогда не создадим предпосылки для истинного патриотизма; а значит, и разговоры о модернизации останутся благими намерениями.

Одним из важнейших путей преодоления взаимного отчуждения народа и элиты является полное признание российской катастрофы XX века, жертв и последствий тоталитарного режима, правившего на территории СССР на протяжении большей части этого века. «Тоталитаризм пытался посягнуть на российскую открытость, и это грозило либо манией исключительности, либо комплексом самоуничтожения, – отмечал в 1996 году первый Президент России Б.Н. Ельцин. – Демократия предохраняет от этой опасности. Оберегая свободу и открытость, она обеспечивает возможность народу “самому быть”». Только признание пагубности тоталитаризма может стать фундаментом для подъема общества и страны.

Цели программы:

Первая и главная – модернизация сознания российского общества через признание трагедии народа времен тоталитарного режима. Содействие созданию в обществе чувства ответственности за себя, за страну. При этом – с главным акцентом не на обвинении тех из наших предков, кто творил геноцид, разрушение веры и морали, а на почтении и увековечении памяти жертв режима. Окончание гражданской войны, развязанной в 1917 г.

Вторая – обеспечение поддержки программе модернизации страны со стороны наиболее образованной и активной части населения. Если даже только часть предлагаемой программы – установка памятников жертвам тоталитаризма в городах и в местах их захоронений, создание музейно-мемориальных комплексов – будет осуществлена, уже одно это дополнительно повысит морально-политический авторитет нынешнего руководства страны.

Третья – укрепление объединительных тенденций на территории бывшего СССР и, возможно, бывшего «соцлагеря» – через осознание общности трагического прошлого. Программа должна носить общий для этих стран характер. Но при этом она должна быть инициирована Россией, как наиболее пострадавшей из стран, переживших тоталитаризм.

Четвертая – укрепление международного престижа страны. Осуждение Президентом тоталитарного режима, преклонение колен Премьер-министром перед Катынским крестом уже сыграли очевидную позитивную роль. Признав, что вся Россия – «большая Катень», начав оказывать знаки уважения жертвам тоталитарного режима самостоятельно, добровольно, без принуждения, страна может только вызвать к себе уважение со стороны всех нормальных людей и народов.

Возможные издержки от осуществления этой программы можно с лихвой компенсировать обращением к лучшему, что было в российской истории – например, к блистательной эпохе, начавшейся с Екатерины II и закончившейся в 1917 г., но продолжавшейся в неимоверно трудных

условиях и в XX веке. Российская идентичность должна, наконец, основываться на том, что история России началась не в 1917, что мы страна не Ленина и Сталина, а страна и народ Пушкина, Гоголя, Толстого, Пастернака, Чайковского, Суворова, Жукова, Королева, Солженицына, Сахарова, наконец, Екатерины II, Александра II, Столыпина, внесших огромный вклад в развитие и славу страны и ее культуры.

Конкретные направления программы:

Необходимо увековечить память о погибших; в частности, необходимо провести массовую установку обелисков и иных знаков памяти как в местах захоронения жертв тоталитарного режима, так и в городах и селениях, где их арестовывали и откуда их вывозили. Необходимо развернуть государственно-общественную программу содействия розыску и определению мест захоронения жертв репрессий. Этой программе, как и программе установки знаков памяти, следует с самого начала придать международный характер: она должна стать общей для всех стран СНГ и Балтии, а, возможно, и для других стран, входивших в «соцлагерь». Все были жертвами, и среди палачей тоже были представители всех народов. (См. Приложение 1, пункты 1.1, 1.3).

(В перспективе программа могла бы иметь и более широкий обще-европейский характер: вся Европа была жертвой, вся Европа виновна в трагедиях XX века – в двух мировых войнах, в двух тоталитаризмах, в тяжелейшем, не преодоленном до конца расколе).

Необходимо оказать поддержку живущим среди нас жертвам репрессий; их осталась горстка, но несправедливость, совершенная по отношению к ним, должна быть искуплена. (См. Приложение 2).

Необходимо, наконец, рассекретить архивы с тем, чтобы перестать скрывать от самих себя страшную правду о злодеяниях, которые творились у нас в стране. Скрывая всем известную правду, мы сами себя позорим и ассоциируем с тоталитарным режимом. (См. Приложение 3).

Думается, общество к реализации такой программы готово.

Почитание памяти павших может вызвать к жизни не эрзац, а реальное массовое патриотическое движение. Особенно важно привлечь к этому движению молодежь.

* * *

Перед страной и ее руководством в перспективе стоят базовые задачи, выполнение которых, несомненно, будет иметь историческое значение. Решение этих задач, как правило, не может иметь одномоментного характера. Сама постановка проблем потребует определенной последовательности действий. Соответственно, и совокупность действий, направленных на осмысление и преодоление трагического прошлого, уже на первом этапе можно разбить на две категории: пер-

воочередные шаги, являющиеся ключевыми для решения проблемы в целом, и сопутствующие этим шагам и подкрепляющие их меры.

К первоочередным шагам, обеспечивающим увековечение памяти погибших и выполнение нравственного долга перед живыми, относятся:

– *Издание Указа или Закона*, предусматривающего создание во всех крупных городах и крупных населенных пунктах (по крайней мере, до уровня райцентров) памятников жертвам репрессий; действие через СМИ и иные каналы созданию массового поискового движения, которое выявляло бы имена жертв, искало места захоронений, участвовало в установлении памятников; широкое привлечение к этому движению молодежи (опыт таких движений существует у наших соседей, но база для него есть и в России); создание общественно-государственных благотворительных фондов, финансирующих увековечение памяти жертв.

– *Создание как минимум двух общенациональных мемориально-музейных комплексов рядом с обеими столицами и монументального памятника жертвам в центре Москвы.* (См. Приложение 1, пункт 1.2).

– *Выработка и принятие единой государственной программы создания Книг памяти жертв тоталитарного режима и создание на их основе Единой базы данных «Жертвы тоталитарного режима в СССР».* (См. Приложение 1, пункты 1.3, 1.4).

– *Совершенствование механизмов социальной поддержки живущих в России жертв репрессий.* (См. Приложение 2).

Эти меры должны подготовить политико-правовую оценку преступлений прошлого – в форме официальной декларации от имени как исполнительной, так и законодательной власти, а также, вероятно, в форме авторитетного юридического решения, квалифицирующего преступные деяния в соответствии с нормами права. Отсутствие такой оценки является важнейшим препятствием для «детоталитаризации» российского общественного сознания. (См. Приложение 4, Приложение 8).

Возможно, уже сейчас стоит переименовать странновато звучащий День народного единства в «*День памяти жертв гражданской войны и национального примирения*». Т. е. окончания длившейся почти целый век гражданской войны. Такое переименование тем более логично, что и события 1612 года символизировали конец «смуты», то есть фактически были окончанием гражданской войны.

Чтобы поддержать и закрепить результаты, достигнутые вышеперечисленными первоочередными мерами, необходимо также, возможно, на втором этапе:

– *завершить процесс юридической реабилитации граждан, осужденных по политическим мотивам в разные периоды советской истории* (см. Приложение 5);

– *принять Закон о топонимике*, запрещающий увековечивать в названиях населенных пунктов, улиц, площадей и т. д. память лиц, несущих ответственность за массовые репрессии и другие тяжкие преступления против прав и свобод граждан (см. Приложение 6);

– *создать современные курсы отечественной истории для средней школы*, свободные от старых и новых мифологем, сочетающие системность и историзм изложения с отчетливой нравственной, правовой, гражданской и политической оценкой событий (см. Приложение 7);

– *поощрять и поддерживать научные исследования* по отечественной истории; с этой целью облегчить доступ исследователей к архивным материалам. Для продвижения достоверной информации о прошлом в общественное сознание обеспечить оцифровку и интернет-публикацию важнейших исторических документов XX века из государственных и ведомственных архивов (см. Приложение 7);

– *стимулировать и повсеместно развивать музейную работу*, направленную на освещение трагических страниц советской истории.

Необходимо создать действенный механизм реализации предложенной программы, если, разумеется, она будет принята (см. Приложение 9).

Реализация данной программы в полном объеме желательна и необходима в сотрудничестве с другими государствами, возникшими на постсоветском пространстве. При этом важно, чтобы инициатором совместных программ была именно Российская Федерация – не только как государство-продолжатель Советского Союза, но и как страна, наиболее пострадавшая от репрессий советского периода (см. Приложение 10).

Приложение 1

Увековечение памяти жертв тоталитарного режима

1.1. Памятники и памятные знаки

Сейчас в России уже существует несколько сотен монументов, закладных камней, памятных знаков и мемориальных досок, так или иначе связанных с историей государственного террора тоталитарного режима и памятью о его жертвах. Тем не менее, положение в этой области нельзя назвать удовлетворительным.

1.1.1. Почти все памятники и памятные знаки установлены безо всякого, даже символического, участия федеральной власти. В подавляющем большинстве случаев эти знаки установлены по инициативе и на средства общественных организаций, частных лиц, отдельных муниципальных учреждений культуры и образования (музеи, школы), иногда – муниципальных властей, изредка – с участием региональных

администраций. Множество, если не большинство памятных знаков – установленные 15-20 лет назад закладные камни будущих полноценных монументов. Однако из-за отсутствия необходимых денежных средств монументы на месте закладных камней почти нигде не появились. В городах памятники чаще всего устанавливаются в местах, где были обнаружены тайные захоронения расстрелянных – то есть, как правило, на окраинах городов или даже за городской чертой. В Центральной России, где живет большинство населения страны, памятники, посвященные истории политических репрессий, вообще довольно редки. Хотя в отдельных случаях памятники создаются на собранные общественностью, бизнесом и муниципальные деньги и сейчас. Пример – памятник жертвам репрессий, установленный 4 ноября 2010 г. на одной из центральных площадей Барнаула.

- ***Необходимо разработать и осуществить федеральную программу установки памятников, посвященных жертвам политических репрессий – во всех тех крупных городах России, где таких памятников еще нет, или там, где они находятся на периферии городского пространства, или там, где они обозначены лишь закладными камнями.***

1.1.2. В подавляющем большинстве случаев памятники и памятные знаки, посвященные истории террора, не имеют никакого юридического статуса. Они не внесены в Федеральный перечень объектов исторического и культурного наследия, и даже, как правило, не поставлены на учет в отделах культуры региональных администраций. Эти памятники не защищены от вандализма и административного произвола, их охрана и поддержание в надлежащем виде не обеспечены.

- ***Необходимо:***
 - ***провести учет и паспортизацию всех памятников, памятных знаков и мемориальных досок, посвященных жертвам террора или связанных с его историей;***
 - ***включить эти памятники, памятные знаки и мемориальные доски в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объектов культурного наследия федерального, регионального или местного значения.***
- ***Для памятников и занимаемых ими земельных участков необходимо разработать процедуру урегулирования правоотношений, связанных с землепользованием и градостроительной деятельностью, имущественными отношениями, и занесения этих памятников в Единый кадастр Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестра).***

1.1.3. До сих пор не возведен общенациональный памятник жертвам террора.

- **Необходимо создание в центре столицы общенационального памятника жертвам государственного террора XX века.** Создание такого памятника – один из центральных пунктов программы, символический акт, закрепляющий осуждение преступлений тоталитарного режима.
- Необходимо, разумеется, и давно перезревшее решение о захоронении тела Ленина.

Но нужна и большая предварительная разъяснительная работа, чтобы вся предлагаемая программа не свелась бы к выносу тела из мавзолея и кампании вокруг этого.

1.2. Музейно-мемориальные комплексы

Стране необходимы как минимум два музейно-мемориальных комплекса общенационального значения, посвященные истории террора тоталитарного режима – в Москве и Санкт-Петербурге. Подготовленная рабочей группой под руководством председателя Союза музеев России М.Б. Пиотровского концепция музейно-мемориального комплекса в **Ковалевском лесу под Санкт-Петербургом** была одобрена на заседании Правительства Санкт-Петербурга в феврале 2010 г.

Предложение о создании аналогичного комплекса **на территории Москвы в устье реки Химки**, на земельном участке, принадлежащем ФГУП «Канал имени Москвы», было выдвинуто инициативной группой во главе с М. С. Горбачевым.

Оба эти проекта, получили одобрение Президента РФ, однако буксуют на уровне ведомственных согласований.

- **Необходимо подготовить и издать соответствующие Постановления о создании Музейно-мемориальных комплексов в Москве и Санкт-Петербурге.**
- **Необходимо рассмотреть вопрос о мемориализации наиболее символических зданий и сооружений, связанных с историей террора. Таких, как, например, бывшее здание Военной коллегии Верховного суда в Москве на Никольской улице, подобные здания в других городах.**

1.3. Места захоронений жертв репрессий

Выявление, сохранение, обустройство и, по возможности, мемориализация мест захоронений расстрелянных, заключенных лагерей и тюрем, ссыльных и депортированных, репрессированных по политическим мотивам – задача, имеющая не только политическое, но и нравственное измерение. Сейчас страна только подступает к решению

этой задачи, и без активного участия федеральной государственной власти здесь не обойтись.

1.3.1. В настоящее время усилиями краеведческих и других общественных организаций, поисковых отрядов, школьных туристических клубов, музейных учреждений и т. д. в стране выявлено около 400 мест расстрелов и захоронений расстрелянных, лагерных кладбищ и кладбищ спецпоселков. Очевидно, что таких мест захоронений существует на порядок больше. Все эти захоронения надо выявить и обустроить или, по крайней мере, отметить места, где они находились, памятными знаками. Одним из главных препятствий здесь является невозможность или затрудненность доступа к архивным источникам. Кроме того, история многих уже выявленных на местности мест захоронений слабо документирована или не документирована никак.

Необходимо:

- **Обязать Федеральную службу безопасности (для которой такая работа должна стать в т.ч. способом отмежевания от карательных органов тоталитарного режима), Министерство внутренних дел и Росархив провести специальный поиск в государственных и ведомственных архивах с целью выявления и максимально полного документирования мест захоронений жертв террора.**
- **Подготовить и издать распоряжение, обеспечивающее свободный доступ исследователей ко всем документам, прямо или косвенно связанным с местами захоронения жертв террора. В первую очередь следует открыть для исследователей фонды, содержащие акты о расстрелах, документы, фиксирующие смерти заключенных и спецпоселенцев, а также материалы внутренних расследований органов госбезопасности 1989-1991 и более ранних лет относительно расстрелов и мест захоронений расстрелянных.**

1.3.2. В Российской Федерации имеется всего несколько мест захоронений, которые фактически выполняют в своих регионах функции мемориальных кладбищ и являются таковыми в сознании местного населения. Однако эта их роль не закреплена специальным юридическим статусом (за исключением мемориальных кладбищ польских военнослужащих в Катыни и Медном, чей статус обеспечивается межгосударственными соглашениями и правительственными распоряжениями). В то же время подавляющее большинство мест захоронений жертв террора вообще никак не обустроены и быстро разрушаются, многие уже уничтожены или исчезли бесследно.

Необходимо:

- *Разработать и принять Закон, устанавливающий для мемориальных кладбищ жертв террора особый юридический статус, аналогичный статусу мемориальных воинских кладбищ.*
- *Разработать и осуществить комплекс мер, направленных на недопущение дальнейшего разрушения и исчезновение мест захоронений жертв террора, на сохранение этих мест захоронений в их исторических границах.*
- *При мемориализации мест захоронений учитывать, что в большинстве случаев там захоронены не только граждане России (СССР), но и многих других государств, и привлекать к созданию памятников и памятных знаков представителей всех заинтересованных стран.*

1.4. Книги Памяти жертв тоталитарного режима и Единая база данных (ЕБД)

Чтобы соединить историческое знание с личной и семейной памятью о терроре, присутствующей в сознании миллионов российских семей, и таким образом сформировать национальную память об одной из страшнейших трагедий XX века, необходимо персонифицировать историю террора в именах жертв репрессивной государственной политики.

1.4.1. С начала 1990-х годов в российских регионах (как правило, по инициативе общественности и/или региональных властей) выходят Книги памяти жертв политических репрессий. Благодаря этим книгам сотни тысяч людей узнали о судьбе своих предков. Однако на сегодняшний день в Книгах памяти **опубликовано меньше половины общего числа имен жертв репрессий**; в некоторых регионах России до сих пор не издано ни одного тома Книг памяти, а в большинстве регионов эта работа не завершена. К тому же работа эта ведется без единых подходов к составу Книг и к полноте включаемой в них информации.

- *Необходимо разработать и осуществить единую государственную программу по подготовке Книг памяти. Для этого следует сформировать, во-первых, рабочую группу из представителей государственных ведомств, общественных организаций и историков-архивистов, которая в кратчайшие сроки выработает единую методику составления Книг памяти, и, во-вторых, центральную редакцию, которая будет осуществлять эту программу, организовывая и координируя выпуск региональных Книг памяти.*

1.4.2. Естественным и необходимым продолжением работы по созданию региональных Книг памяти должно стать объединение содержащихся в них данных в единый информационный комплекс, который будет представлять историю террора в именах и судьбах его жертв. Пример такого единого информационного комплекса – размещенная в Интернете Объединенная база данных, созданная Министерством обороны РФ и увековечивающая память советских воинов, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. В области истории изучения репрессий аналогичная база данных была создана обществом «Мемориал»; однако, в ней на сегодняшний день содержится всего лишь около 2,7 миллионов имен, т. е. меньше половины от общего числа жертв политических репрессий, если ограничиваться одной только Российской Федерацией. Такая база данных может стать международной, интегрирующей всю работу по восстановлению имен и судеб жертв террора, ведущуюся на постсоветском пространстве. Было бы естественно, чтобы Россия, располагающая уникальными архивными массивами, взяла на себя роль инициатора такой международной программы, посвященной памяти жертв террора.

- **Необходимо создать (на основе региональных Книг памяти, архивных источников, а также данных, собираемых в ряде республик бывшего СССР) и разместить в Интернете Единую базу данных «Жертвы тоталитарного режима в СССР», включающую все выявленные имена пострадавших от репрессий. В работе по составлению этой Единой базы данных самое активное участие должны принять архивные службы ФСБ и МВД, органы прокуратуры, а также Росархив.**
- **Необходимо заключить многосторонние межгосударственные соглашения со странами СНГ и Балтии и, возможно, с бывшими соцстранами об их участии в работе по созданию ЕБД «Жертвы тоталитарного режима в СССР и в странах бывшего соцлагеря» в рамках общей международной программы.**

Приложение 2

Социальная поддержка жертв репрессий

Принятый в 1991 г. Закон «О реабилитации жертв политических репрессий» предусматривал, помимо юридической реабилитации, ряд мер, направленных на социальную реабилитацию пострадавших. Среди этих мер были и чисто экономические – единовременная компенсация за время лишения свободы и конфискованное имущество (ст. 15) и ряд льгот, перечень которых определяла ст. 16 Закона.

Размеры всех этих компенсаций были символическими – вследствие бедственного состояния российской экономики в тот период. Однако они были гарантированы федеральным бюджетом и размер компенсаций (и льгот) был одинаков для всех на всей территории страны. Изменения в законодательстве существенно снизили уровень защищенности реабилитированных граждан.

2.1. В результате инфляции и изменений, отменивших содержавшиеся в Законе механизмы индексации, предусмотренные сегодня в Законе о реабилитации размеры единовременных компенсаций – 75 рублей за месяц заключения и не более 10 тысяч рублей за конфискованное имущество, включая дом, – выглядят просто издевательством. **Размеры единовременных компенсаций должны быть повышены до приемлемого уровня, соответствующего нынешним возможностям государства.** На необходимость этого уже указывал Конституционный Суд (определение от 15.05.2007 № 383оп). Обращения жертв репрессий в Правительство РФ по этому поводу не встретили понимания.

- **Необходимо в ст. 15 и ст. 16. ч. 1. Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» внести изменения, увеличивающие размеры единовременных компенсаций.**

2.2. ФЗ 122 от 22.08.2004 г. (Закон «о монетизации»), переводя поддержку жертв репрессий с федерального на региональный уровень, существенно ухудшил их положение почти во всех регионах. Некоторые регионы (республики, из которых выселялись целые народы) оказались ущемлены, поскольку численность жертв репрессий в них существенно выше, чем в остальных. Но существенно не только само ухудшение положения реабилитированных — не менее остро жертвы репрессий ощущают возникшее неравенство. Региональные бюджеты, на которые сегодня возложена поддержка реабилитированных, имеют совершенно разные возможности, и в результате люди, отсидевшие один и тот же срок в одном и том же лагере, получают «меры социальной поддержки», резко различающиеся в денежном выражении (от 130 до 2 400 рублей в месяц).

- **Социальные ежемесячные выплаты жертвам репрессий должны осуществляться из средств федерального бюджета.** Это принципиально важно не только для самих реабилитированных, но и для адекватного осознания проблемы обществом, поскольку репрессии осуществлялись государством, а не отдельными регионами.
- **Размер социальных ежемесячных выплат (социальной поддержки) жертвам репрессий должен быть единым, независимо от места проживания реабилитированных.**

- **Размеры социальных ежемесячных выплат должны быть приведены в соответствие с нынешней экономической ситуацией**, заметно лучшей, чем в 1991 году, и **должен быть предусмотрен механизм их индексации.**
- **Должны быть предусмотрены не только денежные выплаты, но и натуральные льготы, прежде всего медицинского характера** – в связи с преклонным возрастом подавляющего большинства реабилитированных.

Сегодня компенсационные выплаты реабилитированным приравнены к льготам, имеющим совершенно иную правовую природу. Большинство реабилитированных в силу преклонного возраста и перенесенных испытаний ныне являются инвалидами, но их фактически заставляют выбирать между статусами инвалида и реабилитированного, или между статусом реабилитированного и статусом участника Великой Отечественной войны. Это оскорбительно для жертв репрессий и нарушает их права. Сегодня только граждане, подвергшиеся воздействию радиации (вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС и вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне), имеют право одновременно получать выплаты по закону «О социальной защите инвалидов в РФ». Однако вина и ответственность государства перед реабилитированными во всяком случае не меньше, чем перед жертвами этих техногенных катастроф.

- Выплаты и льготы, предусмотренные Законом о реабилитации, были не милостыней и не жестом доброй воли государства, а специфической формой компенсации жертвам преступлений, совершенных государством. **Эта компенсация должна предоставляться независимо от того, получает ли реабилитированный гражданин какие-то другие льготы или выплаты из госбюджета.** Это вопрос не только справедливости по отношению к пострадавшим, но и морального климата в обществе.

В п. 3 статьи 28.1 Федерального закона № 181-ФЗ от 24.11.1995 «О социальной защите инвалидов в РФ» необходимо внести соответствующее изменение (дополнение).

2.3. Из общего числа жертв политических репрессий **должна быть выделена категория узников лагерей и тюрем. Этой категории** (сейчас их насчитывается не более 30 тыс. человек на всю Россию) должен быть обеспечен **максимальный уровень компенсаций и социальной поддержки.** Сегодня эта категория выделена только в Петербурге, где бывшие узники лагерей и тюрем получают двойную (в сравнении с другими реабилитированными) ежемесячную выплату.

2.4. Многие нынешние ведущие российские предприятия создавались трудом узников. Было бы справедливо, если бы часть прибыли предприятий, созданных с использованием труда заключенных, направлялась в *специально учрежденный общественно-государственный фонд, призванный поддерживать реабилитированных граждан.*

Приложение 3

Обеспечение доступа к архивной информации о политических репрессиях в СССР

Доступ в архивы – одна из важных болевых точек во взаимоотношениях общества и власти. Сегодня в общественном сознании широко бытует мнение, что власть, препятствуя доступу к архивным документам, сознательно, по каким-то своим основаниям, скрывает от граждан правду о прошлом. Де факто закрытость архивов создает впечатление, что нынешняя Россия не порвала с террором тоталитарного режима, считает его позорные тайны своими и скрывает их. Одновременно, ограничение на доступ к архивной информации подпитывает демагогию коммунистов, позволяя им отрицать давно установленные факты.

- Процесс рассекречивания архивных документов, имевших ограничительные грифы, до предела забюрократизован. Установленный Законом о государственной тайне 30-летний срок, после которого документы с ограничительными грифами должны быть рассекречены (за определенными исключениями), на деле во многих случаях превращается в бесконечный.
- Для всех, кроме реабилитированных жертв или их родственников и лиц, действующих по их доверенности, полностью закрыт доступ к хранящимся в архивах следственным делам менее чем 75-летнего срока давности. У очень многих реабилитированных лиц нет родственников или найти их невозможно – таким образом, возможность работы с их делами закрыта в принципе.
- Полностью закрыт доступ к следственным делам нереабилитированных (даже для их родственников) вне зависимости от срока давности.

Основными мерами для исправления ситуации мы видим следующие.

3.1. В сфере рассекречивания документов о репрессиях

3.1.1. Изменить и упростить процедуру рассекречивания документов, имеющих ограничительные грифы. Сейчас государствен-

ные архивы готовят документы к рассекречиванию и передают их на решение Межведомственной комиссии по защите государственной тайны (МВК). Необходимо **предоставить государственным архивам право и обязать их самим проводить рассекречивание документов, с момента создания которых прошло свыше 30 лет.** Ранее такое право у госархивов было. МВК должна заниматься не снятием ограничительных гриффов с документов, а наоборот – по представлению архивов лишь продлением сроков секретности, обоснованием продления, установлением таких сроков (5, 10 лет и т. д.). Рассекречивание документов должно происходить в точно установленные сроки, за несоблюдение которых должна быть предусмотрена ответственность соответствующих чиновников.

3.1.2. Обязать ведомственные архивы провести интенсивное рассекречивание документов, связанных с репрессиями, с момента создания которых прошло более 30 лет (для СВР, согласно законодательству – 50 лет). Для процедуры рассекречивания в ведомственных архивах должны быть установлены определенные сроки. Процедура рассекречивания, проводимая в ведомствах, должна быть прозрачной для заявителей, ходатайствующих о рассекречивании тех или иных документов.

3.2. В сфере доступа к архивно-следственным делам, проверочно-фильтрационным делам, личным делам заключенных и спецпоселенцев, судебным делам

3.2.1. Необходимо **внести поправки в нормативные акты,** регулирующие доступ к архивной информации о репрессиях. В первую очередь это касается изданного 25.06.2006 приказа Минкультуры РФ, МВД РФ и ФСБ РФ «Об утверждении Положения о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращённых уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел». Право доступа к делам реабилитированных лиц должно быть предоставлено ученым, краеведам, составителям «Книг памяти», журналистам, пишущим на темы, связанные с репрессиями.

Не должно существовать ограничений, кроме предусмотренной в законодательстве ответственности за неправомерное (недобросовестное) использование полученной информации. Сегодня отказ указанным категориям пользователей в доступе к следственным делам, по сути, является превентивным наказанием.

3.2.2. Необходимо **обеспечить доступ исследователей и представителей общественности к делам реабилитированных лиц.**

В этих делах зачастую содержится важнейшая информация о механизмах репрессий.

3.2.3. Должно быть жестко законодательно определено понятие «личная тайна» во избежание расширительного толкования и использования этого понятия для ограничения доступа к архивной информации.

Приложение 4

Политико-правовая оценка преступлений тоталитаризма

4.1. Политико-правовая оценка преступлений тоталитарного режима в СССР до сих пор отсутствует, что создает почву для отождествления политического руководства современной России с коммунистической диктатурой, существовавшей в Советском Союзе в течение многих десятилетий. Лишь в некоторых документах, преимущественно международно-правового характера, имеются декларативные положения об огромной цене, заплаченной народом России за преступления тоталитаризма, и о решительном осуждении режима, пренебрегавшего правами и жизнью людей¹. Сходные формулировки встречаются также в некоторых двусторонних соглашениях, заключенных Российской Федерацией со странами бывшего Варшавского договора. Здесь содержится осуждение «антигуманной сущности тоталитаризма» и подчеркивается необходимость «окончательно подвести черту под тоталитарным прошлым, которое проявилось и в попрании принципов международного права»².

Попытка политико-правовой оценки тоталитаризма содержится в постановлении Конституционного Суда РФ от 30.11.1992 № 9-П по так называемому «делу КПСС». Здесь, в частности, говорится: «В стране в течение длительного времени господствовал режим неограниченной, опирающейся на насилие власти узкой группы коммунистических функционеров, объединенных в политбюро ЦК КПСС по главе с генеральным секретарем ЦК КПСС. ... Материалами дела, в том числе показаниями свидетелей, подтверждается, что руководящие структуры КПСС были инициаторами, а структуры на местах – зачастую проводниками политики репрессий в отношении миллионов советских людей, в том числе в отношении депортированных народов. Так продолжалось десятилетиями».

¹ Постановление ГД ФС РФ от 26.11.2010 № 4504-5 ГД «О Заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О Катынской трагедии и ее жертвах».

² «Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Словацкой Республикой». (Подписан в г. Братиславе 26.08.1993).

Определенный вклад в политико-правовую оценку тоталитаризма внес и российский парламент. Так, в преамбуле закона РФ Закон РФ от 18.10.1991 № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» говорится, что ««за годы Советской власти миллионы людей стали жертвами произвола тоталитарного государства, подверглись репрессиям за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и иным признакам». Здесь подчеркивается, что многолетний террор и массовые преследования своего народа несовместимы с идеей права и справедливости.

О преступлениях тоталитарного режима говорится также в Декларации Верховного Совета СССР от 14.11.1989 «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав», в законе РФ от 26.04.1991 № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» и т. д.

Однако ни один из указанных выше документов не дает исчерпывающей политико-правовой характеристики тоталитарного режима, существовавшего в СССР в XX веке.

4.2. Главный смысл политико-правовой оценки – дистанцирование современной России от СССР и преступных действий тоталитарного режима (как во внутренней, так и во внешней политике), заявление о неприемлемости для сегодняшней политической элиты и российского общества в целом большевистских способов управления страной.

Кроме того, такая оценка – самый убедительный способ показать российскому обществу и всему миру приверженность России идеям правового государства.

В свою очередь, отсутствие такой оценки дает возможность сторонникам различных экстремистских идейных течений оправдывать преступления, жертвами которых стали миллионы людей, продолжать пропагандировать насильственные методы решения общественных проблем. Без официальной политико-правовой оценки будет сохраняться угроза возврата к этим методам.

Политико-правовая оценка необходима также для целей совершенствования российской правовой системы и правоприменительной практики. Она позволит безошибочно определять, какие из числа сохранившихся норм советского законодательства не могут долее применяться в Российской Федерации, какие из них нуждаются в замене или адекватном современном условиям толковании.

Наконец, политико-правовая оценка тоталитарного режима важна для преподавания отечественной истории в школах и университетах, для воспитания новых поколений россиян. Здесь потребны не только суждения моральных авторитетов (даже таких, как А.И. Солженицын), но и четкая юридическая квалификация.

4.3. Политико-правовая оценка может быть выработана разными способами.

Наиболее адекватным представляется путь судебной оценки, при котором каждый нормативно-правовой акт, изданный в условиях тоталитарного режима, может быть обжалован любым заинтересованным лицом – с учетом упоминавшегося выше постановления Конституционного Суда РФ – по правилам главы 24 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации с целью признания его недействующим полностью или частично со дня его принятия или иного указанного судом времени. В свою очередь, решение суда о признании нормативного правового акта недействующим влечет за собой утрату силы не только этого нормативного правового акта, но и других, основанных на нем нормативных правовых актов.

Мы имеем в виду, например, постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» и реализацию этого постановления (миллионы арестованных и сосланных крестьян), утвержденный Политбюро 31 июля 1937 г. Приказ НКВД «О репрессировании бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» и его реализацию (около 800 тысяч арестованных, половина из них расстреляна) и длинную цепь подобных акций. Относительно этих преступлений в архивах сохранились многие тысячи документов, есть еще и живые свидетели.

Такое судебное разбирательство не только возможно – при условии незначительной корректировки положений ГПК РФ, но и необходимо. Необходима общая точка отсчета для решения множества юридических проблем, связанных с прошлым, и в частности:

1. подтверждение доминирующей роли политического руководства СССР в планировании и осуществлении репрессий и, тем самым, политического характера репрессий во всех случаях, когда репрессии не связаны с объективно доказанными преступными деяниями репрессированных. Этот вполне очевидный факт необходимо судебным решением закрепить раз и навсегда;

2. подтверждение юридической ничтожности решений партийных и государственных органов о создании антиконституционных квазисудебных органов, и, как следствие, юридической ничтожности решений квазисудебных органов;

3. подтверждение фактов совершения руководителями ВКП(б)-КПСС и СССР преступлений против собственного народа – т. е. преступного (противозаконного, антиконституционного) характера решений партийных и государственных органов о проведении массовых репрессий, о насильственном изъятии имущества во время коллективизации, о депортациях народов. Жертвами этих преступлений стали многие миллионы граждан.

Эти факты имеют юридическое значение для множества россиян – жертв и их потомков. Эти факты могут иметь значение и во многих других случаях – например, при решении вопроса о том, могут ли российский города, предприятия или улицы носить имена людей, принимавших участие в организации массовых репрессий.

Политико-правовая оценка коммунистического тоталитаризма может быть дана и без использования судебных процедур. Будучи всесторонне юридически точной, политико-правовая оценка тоталитарного режима могла бы быть выражена в специальном послании Президента РФ (в качестве примера такого документа можно назвать Послание «О конституционности» от 25 марта 1993 г.), или в официальной декларации обеих палат Федерального Собрания.

Приложение 5

Завершение процесса юридической реабилитации жертв террора

Для завершения процесса юридической реабилитации жертв террора необходимо:

5.1. Внести в Закон о реабилитации поправки, расширяющие перечень категорий лиц, попадающих под действие Закона, и максимально обеспечивающие восстановление прав пострадавших от репрессий.

5.2. Предусмотреть в Законе процедуру установления факта применения репрессии в случае неполноты сохранившейся документации (дело Романовых, «Катынское дело» и др.).

5.3. В преамбулу Закона о реабилитации вернуть слова о моральном ущербе, нанесенном террором его жертвам, которые были изъяты оттуда в процессе принятия в 2004 г. федеральным законом № 122-ФЗ.

5.4. Провести в инициативном (а не только заявительном, как сейчас) порядке реабилитацию по делам о репрессиях, осуществленных в административном порядке (крестьяне, высланные во время коллективизации, иные депортации разных лет).

5.5. Заключить международные соглашения со странами, входившими в состав Советского Союза, о совместной и согласованной работе в области реабилитации.

Приложение 6

Обновление российской топонимики

Необходимо разработать и внести в Государственную думу РФ **Закон о топонимике, запрещающий увековечивать память лиц, несущих ответственность за массовые репрессии и другие тяжкие преступления против прав и свобод граждан.** Спорные вопросы

могут разрешаться в судебном порядке, с привлечением документальных исторических свидетельств, что само по себе будет иметь важное просветительное и воспитательное значение.

Приложение 7

Образование и просвещение

7.1. Необходимо, чтобы темы тоталитаризма и государственного террора советской эпохи были должным образом представлены в **школьных курсах** отечественной истории XX века. **Необходимо разработать и предложить педагогическому сообществу принципиально новый комплект учебно-методических пособий для средней школы.** Для подготовки такого комплекта следует объявить специальный конкурс.

7.2. Необходима государственная поддержка научных исследований, а также издания научных и мемуарных книг по истории коммунистического тоталитаризма.

7.3. Необходимо разработать специальные научно-просветительные и культурные программы государственного телевидения.

7.4. Необходимо создать **специальный Интернет-портал, на котором опубликовать все важнейшие документы политической истории Советского Союза**, хранящиеся в архивах, а также важнейшие исследования российских и зарубежных ученых. Такой портал естественно станет притягательным центром внутрироссийского межрегионального сотрудничества, и – не менее важно – эффективным центром международного сотрудничества, так как соответствующие документы хранятся в архивах многих стран. Портал стал бы очевидным свидетельством открытости России, ее готовности к совместной работе над прошлым с другими странами.

7.5. Тема политического террора советской эпохи должна стать элементом постоянной экспозиции во всех исторических и краеведческих музеях Российской Федерации, такой же обязательной компонентой музейной работы, какой является тема Великой Отечественной войны.

Приложение 8

Иные меры противодействия возрождению тоталитарной идеологии в обществе

Поскольку с принятием данной программы антитоталитаризм становится частью официальной политики России, необходимо:

8.1. Поднять статус 30 октября — Дня памяти жертв политических репрессий. Целесообразно было бы, чтобы выступление Прези-

дента в этот день стало традиционным. Следовало бы также рекомендовать главам региональных администраций ежегодно принимать участие в траурных мероприятиях, проходящих в этот день в их регионах.

8.2. Принять официальное постановление о том, что публичные выступления государственных служащих любого ранга, содержащие отрицание или оправдание преступлений тоталитарного режима, несовместимы с пребыванием на государственной службе.

8.3. Провести ревизию официальных памятных дат и профессиональных праздников, с переориентацией их на события всей многовековой истории России, а не только советского периода. Например, День российской милиции (10 ноября) опирается на постановление НКВД 1917 года о создании рабочей милиции. Между тем, День полиции более логично отмечать 7 июня в честь декрета Петра I от 7 июня 1718 года об учреждении в Санкт-Петербурге Главной полиции. Положительные примеры такого рода имеются: например, День работника прокуратуры (12 января) опирается на дату Указа 1722 года Петра I. Возможно, следует переосмыслить День народного единства 4 ноября и назвать его Днем памяти жертв гражданской войны и национального примирения.

8.4. Целесообразно, чтобы Россия выступила с инициативой создания Международного института памяти, призванного стать центром совместной работы по осмыслению и преодолению тоталитарного прошлого. Такой институт мог бы стать альтернативой и дополнением национальным институтам памяти, возникшим в последние годы во многих сопредельных странах и, как показал опыт, служащих, в значительной мере, не столько задаче осмысления прошлого, сколько узко понимаемым сиюминутным национальным интересам. Для наших отношений с соседями и для нашей репутации в мире чрезвычайно важно, чтобы инициатором такого проекта выступила именно Россия.

Приложение 9

Механизм реализации программы

Выполнение такой общенациональной общественно-государственной программы не представляется возможным без самого **тесного сотрудничества государственной власти на всех уровнях с обществом.** В частности, к осуществлению программы следует привлечь общественные организации, а также творческие союзы, научные объединения, профессиональные сообщества – историков, музейщиков, краеведов, педагогов. И, разумеется, представителей традиционных конфессий. **Крайне важно, чтобы это взаимодействие затронуло молодежь.**

Прежде всего, необходимо:

9.1. Сформировать Рабочую группу из представителей Совета, Администрации Президента РФ и Правительства РФ, поручив ей в 3-ме-

сячный срок детализировать предложения Совета и разработать конкретные механизмы для реализации данной программы.

9.2. Реорганизовать Комиссию по реабилитации при Президенте РФ, расширить ее полномочия и активизировать деятельность с тем, чтобы возложить на нее в дальнейшем функции координирующего центра по реализации данной программы.

9.3. Поддержать инициативу по созданию общественно-государственного благотворительного фонда, через который в формате частно-государственного партнерства осуществлялось бы финансирование наиболее затратных компонентов программы: установка памятников, создание музейно-мемориальных комплексов и т. д.

Приложение 10

Международные аспекты программы

Реализация данной программы крайне затруднена, а ее положительный эффект для имиджа России, для модернизации общественного сознания, для самоуважения народа, для руководства страны будут ограничены, если с самого начала программе не будет придан международный характер.

Можно было бы, в частности, предложить, чтобы программа памяти стала общей для всех пожелавших участвовать стран бывшего СССР и, возможно, для всех государств бывшего «социалистического лагеря».

10.1. В таком качестве ее можно было бы представить на созванном по инициативе России в Москве саммите стран бывшего СССР (бывшего «соцлагеря»). Саммит можно было бы приурочить либо к открытию в центре Москвы памятника жертвам тоталитарного режима, или к открытию (закладке) хотя бы одного из двух предложенных мемориальных комплексов либо в Москве, либо в Санкт-Петербурге.

10.2. Возможно предложение странам бывшего СССР («соцлагеря») заключить международные соглашения о совместной работе по реабилитации жертв тоталитарного режима и о мемориализации мест захоронений жертв политических репрессий.

10.3. Можно было бы предложить создание в Интернете единой для стран бывшего СССР («соцлагеря») Книги памяти (базы данных) **«Жертвы тоталитарного режима в СССР и в странах бывшего соцлагеря»**, а также совместную работу по созданию Интернет-портала, на котором могли бы быть размещены важнейшие документы по политической истории Советского Союза.

10.4. Рекомендуем и создание Международного института памяти, призванного стать центром совместной работы обществ и государств бывшего СССР (бывшего «соцлагеря») по преодолению тоталитарного прошлого, сближению позиций в оценках исторических событий XX века.

КАТЫНЬ: ХРОНИКА СОБЫТИЙ

hro.org, 17/03/08

Термин «катынское преступление» – собирательный, он обозначает расстрел в апреле–мае 1940 года почти 22 тысяч польских граждан, содержащихся в разных лагерях и тюрьмах НКВД СССР:

14 552 польских офицеров и полицейских, взятых в плен Красной Армией в сентябре 1939 года и содержащихся в трех лагерях НКВД для военнопленных, в том числе:

– 4 421 узник Козельского лагеря (расстреляны и захоронены в Катынском лесу под Смоленском, в 2 км от станции Гнездово),

– 6 311 узников Осташковского лагеря (расстреляны в Калинин и захоронены в Медном),

– 3 820 узников Старобельского лагеря (расстреляны и захоронены в Харькове);

7 305 арестованных, содержащихся в тюрьмах западных областей Украинской и Белорусской ССР (расстреляны, по-видимому, в Киеве, Харькове, Херсоне и Минске, возможно, и в других неустановленных местах на территории БССР и УССР).

Катынь – только одно из целого ряда мест расстрелов – стала символом казни всех вышеперечисленных групп польских граждан, так как именно в Катыни в 1943 году были впервые обнаружены захоронения убитых польских офицеров. На протяжении последующих 47 лет Катынь оставалась единственным достоверно известным местом захоронения жертв этой «операции».

Предыстория

23 августа 1939 года СССР и Германия заключили договор о ненападении – «пакт Риббентропа–Молотова». Пакт включал секретный протокол о разграничении сфер интересов, согласно которому, в частности, Советскому Союзу отходила восточная половина территории

довоенного польского государства. Для Гитлера пакт означал снятие последнего препятствия перед нападением на Польшу.

1 сентября 1939 года нацистская Германия напала на Польшу, развязав тем самым Вторую мировую войну.

17 сентября 1939 года, в разгар кровопролитных сражений Войска Польского, отчаянно пытавшегося остановить стремительное продвижение немецкой армии в глубь страны, по сговору с Германией в Польшу вторглась и Красная Армия – без объявления войны Советским Союзом и вопреки действовавшему договору о ненападении между СССР и Польшей. Советская пропаганда объявила операцию Красной Армии «освободительным походом в Западную Украину и Западную Белоруссию».

Наступление Красной Армии стало для поляков полной неожиданностью. Некоторые не исключали даже, что ввод советских войск направлен против германской агрессии. Понимая обреченность Польши в войне на два фронта, польский главнокомандующий издал приказ не вступать в бой с советскими войсками и оказывать сопротивление только при попытках разоружения польских частей.

В результате сопротивления Красной Армии оказали лишь немногие польские части. До конца сентября 1939 года Красной Армией были взяты в плен 240–250 тысяч польских солдат и офицеров, а также пограничников, служащих полиции, жандармерии, тюремной стражи и т. п. Не имея возможности содержать столь огромную массу пленных, сразу после разоружения половину рядовых и унтер-офицеров распустили по домам, а остальных Красная Армия передала в десяток специально созданных лагерей военнопленных НКВД СССР.

Однако и эти лагеря НКВД оказались перегруженными. Поэтому в октябре–ноябре 1939 года большинство рядовых и унтер-офицеров покинули лагеря военнопленных: жителей территорий, захваченных Советским Союзом, распустили по домам, а жителей территорий, оккупированных немцами, по договоренности об обмене пленными, передали Германии (Германия же взамен передала Советскому Союзу захваченных в плен немецкими войсками польских военнослужащих – украинцев и белорусов, жителей территорий, отошедших к СССР).

Договоренности об обмене касались и гражданских беженцев, оказавшихся на территории, занятой СССР. Они могли обращаться в немецкие комиссии, действовавшие весной 1940 года на советской стороне, за разрешением вернуться к постоянным местам жительства на польских территориях, занятых Германией.

В советском плену были оставлены около 25 тысяч польских рядовых и унтер-офицеров. Кроме них не подлежали роспуску по домам или передаче Германии армейские офицеры (около 8,5 тысяч человек), которых сосредоточили в двух лагерях военнопленных – Старобельском в Ворошиловградской (ныне Луганской) области и Козель-

ском в Смоленской (ныне Калужской) области, а также пограничники, полицейские, жандармы, служащие тюремной стражи и т. п. (около 6,5 тысяч человек), которых собрали в Осташковском лагере военнопленных в Калининской (ныне Тверской) области.

До вынесения приговора арестованных месяцами держали в тюрьмах западных областей УССР и БССР, образованных на захваченных территориях довоенного польского государства.

5 марта 1940 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о расстреле «находящихся в лагерях для военнопленных 14 700 польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков», а также 11 000 арестованных и содержавшихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии «членов различных контрреволюционных шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков».

Основой для решения Политбюро стала записка наркома внутренних дел СССР Берии в ЦК ВКП(б) Сталину, в которой расстрел перечисленных категорий польских пленных и заключенных предлагался «исходя из того, что все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти». При этом в качестве решения в протоколе заседания Политбюро была дословно воспроизведена заключительная часть записки Берии.

Расстрел

Казнь польских военнопленных и заключенных, относящихся к категориям, перечисленным в решении Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года, была осуществлена в апреле и мае того же года.

Все узники Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей военнопленных (кроме 395 человек) были отправлены этапами примерно по 100 человек в распоряжение Управлений НКВД соответственно по Смоленской, Калининской и Харьковской областям, которые проводили расстрелы по мере прибытия этапов.

Параллельно шли расстрелы заключенных тюрем западных областей Украины и Белоруссии. 395 военнопленных, не включенных в расстрельные предписания, отправили в Юхновский лагерь военнопленных в Смоленской области. Затем их перевели в Грязовецкий лагерь военнопленных в Вологодской области, из которого в конце августа 1941 года они были переданы на формирование Польской армии в СССР.

13 апреля 1940 года, вскоре после начала расстрелов польских военнопленных и заключенных тюрем, была проведена операция НКВД по высылке на поселение в Казахстан их семей (а также семей других репрессированных), проживавших в западных областях УССР и БССР.

Последующие события

22 июня 1941 года Германия напала на СССР. Вскоре, 30 июля, между советским правительством и польским правительством в изгнании (пребывавшим в Лондоне) было заключено соглашение о признании недействительными советско-германских договоров 1939 года, касающихся «территориальных перемен в Польше», о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Польшей, образовании на территории СССР польской армии для участия в войне против Германии и освобождении всех польских граждан, находившихся в СССР в заключении в качестве военнопленных, арестованных или осужденных, а также содержащихся на спецпоселении.

За этим договором последовали Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 года о предоставлении амнистии польским гражданам, находившимся в заключении или на спецпоселении (к тому времени их было около 390 тысяч), и советско-польское военное соглашение от 14 августа 1941 года об организации польской армии на территории СССР.

Армию планировалось сформировать из амнистированных польских узников и спецпереселенцев, прежде всего из бывших военнопленных; ее командующим был назначен генерал Владислав Андерс, срочно выпущенный из внутренней тюрьмы НКВД на Лубянке.

Осенью 1941–весной 1942 годов польские официальные лица неоднократно обращались к советским властям с запросами о судьбе тысяч пленных офицеров, не прибывших к местам формирования армии Андерса. Советская сторона отвечала, что сведений о них нет. 3 декабря 1941 года, на личной встрече в Кремле с польским Премьер-министром генералом Владиславом Сикорским и генералом Андерсом, Сталин предположил, что эти офицеры, возможно, сбежали в Маньчжурию.

13 апреля 1943 года германское радио официально сообщило об обнаружении в Катыни под Смоленском захоронений польских офицеров, расстрелянных советскими властями. По распоряжению немецких властей установленные фамилии убитых стали зачитываться по громкоговорителям на улицах и площадях оккупированных польских городов.

15 апреля 1943 года последовало официальное опровержение Совинформбюро, согласно которому польские военнопленные летом 1941 года были заняты на строительных работах западнее Смоленска, попали в руки немцев и были расстреляны ими.

С конца марта по начало июня 1943 года германская сторона при участии Технической комиссии польского Красного Креста провела эксгумацию в Катыни. Были извлечены останки 4 243 польских офицеров, по обнаруженным личным документам установлены имена и фа-

мили 2 730 из них. Трупы были перезахоронены в братские могилы рядом с первоначальными захоронениями, а результаты эксгумации летом того же года опубликованы в Берлине в книге «Amtliches Material zum Massenmord von Katyn». Найденные на трупах документы и предметы немцы передали для детального изучения в Институт судебной медицины и криминалистики в Кракове.

(Летом 1944 года все эти материалы, кроме малой их части, тайно спрятанной сотрудниками краковского института, были вывезены немцами из Кракова в Германию, где, по слухам, сгорели во время одной из бомбардировок.)

25 сентября 1943 года Красная Армия освободила Смоленск. Только 12 января 1944 года была создана советская «Специальная комиссия по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров», председателем которой назначили академика Н.Н. Бурденко.

При этом уже с октября 1943 года специально откомандированные работники НКВД–НКГБ СССР готовили фальсифицированные «доказательства» ответственности германских властей за расстрел польских офицеров под Смоленском.

Согласно официальному сообщению, советская эксгумация в Катыни проводилась с 16 по 26 января 1944 года по указанию «комиссии Бурденко». Из вторичных могил, оставшихся после немецкой эксгумации, и одной первичной могилы, которую немцы не успели исследовать, были извлечены останки 1 380 человек, по найденным документам комиссия установила личные данные 22 человек. 26 января 1944 года газета «Известия» опубликовала официальное сообщение «комиссии Бурденко», согласно которому военнопленные поляки, находившиеся летом 1941 года в трех лагерях западнее Смоленска и оставшиеся там после вторжения германских войск в Смоленск, были расстреляны немцами осенью 1941 года.

Для «легализации» этой версии на мировой арене СССР попытался использовать Международный военный трибунал (МВТ), судивший в 1945–1946 годах в Нюрнберге главных нацистских военных преступников.

Однако, заслушав 1–3 июля 1946 года показания свидетелей защиты (представленных немецкими адвокатами) и обвинения (представленных советской стороной), ввиду очевидной неубедительности советской версии МВТ принял решение не включать катынский расстрел в свой приговор в качестве одного из преступлений нацистской Германии.

3 марта 1959 года председатель КГБ при Совете Министров СССР А.Н. Шелепин направил первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву совершенно секретную записку, подтверждавшую, что 14 552

пленных – офицеров, жандармов, полицейских «и т. п. лиц бывшей буржуазной Польши», а также 7 305 заключенных тюрем Западной Украины и Западной Белоруссии были расстреляны в 1940 году на основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года (в том числе 4 421 человек – в Катынском лесу).

В записке предлагалось уничтожить все учетные дела на расстрелянных.

При этом на протяжении всех послевоенных лет, вплоть до 1980-х, МИД СССР многократно предпринимал официальные демарши с утверждением об установленной ответственности гитлеровцев за расстрел польских военнослужащих, захороненных в Катынском лесу.

...Советский Союз признал вину только через полвека после казни пленных польских офицеров – 13 апреля 1990 года было опубликовано официальное заявление ТАСС о «непосредственной ответственности за злодеяния в Катынском лесу Берии, Меркулова и их подручных», а сами злодеяния квалифицировались в нем как «одно из тяжких преступлений сталинизма».

В 1991 году следственная группа ГВП совместно с польскими специалистами провела частичные эксгумации в 6-м квартале лесопарковой зоны Харькова, на территории дачного поселка УКГБ по Тверской области в 2 км от поселка Медное и в Катынском лесу.

Основным результатом этих эксгумаций стало окончательное установление в процессуальном порядке мест захоронения расстрелянных польских узников Старобельского и Осташковского лагерей военнопленных.

Через год, 14 октября 1992 года, по распоряжению Президента России Б.Н. Ельцина были обнародованы и переданы Польше документы, изобличающие руководство СССР в совершении «катынского преступления» – упомянутые выше решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года о расстреле польских узников, «постановочная» записка Берии к этому решению, адресованная Сталину (с собственноручными подписями членов Политбюро Сталина, Ворошилова, Молотова и Микояна, а также отметками о голосовании «За» Калинина и Кагановича), записка Шелепина Хрущеву от 3 марта 1959 года и другие документы из Президентского архива.

Так стали достоянием общественности документальные доказательства того, что жертвы «катынского преступления» были казнены по политическим мотивам – как «закоренелые, неисправимые враги советской власти». Тогда же впервые стало известно, что расстреляны были не только военнопленные, но и заключенные тюрем западных областей УССР и БССР.

Решение Политбюро от 5 марта 1940 года предписывало, как уже говорилось, расстрелять 14 700 военнопленных и 11 тысяч заключенных. Из записки Шелепина Хрущеву следует, что военнопленных при-

мерно столько и расстреляли, однако заключенных было расстреляно меньше – 7 305 человек. Причина «недовыполнения» неизвестна.

25 августа 1993 года Президент России Б.Н. Ельцин со словами «Простите нас...» возложил венок к памятнику жертв Катыни на варшавском мемориальном кладбище «Повонзки».

5 мая 1994 года заместитель начальника Службы безопасности Украины генерал А. Хомич передал заместителю Генерального прокурора Польши С. Снежко поименный алфавитный список 3 435 заключенных тюрем западных областей УССР с указанием номеров предписаний, которые, как известно с 1990 года, означали отправку на расстрел. Список, сразу же опубликованный в Польше, стал условно именоваться «украинским списком».

«Белорусский список» до сих пор неизвестен. Если «шелепинское» число расстрелянных заключенных верно и если обнародованный «украинский список» полон, то в «белорусском списке» должны значиться 3 870 человек.

Таким образом, к настоящему времени нам известны имена 17 987 жертв «катынского преступления», а 3 870 жертв (заключенные тюрем западных областей БССР) остаются безымянными.

Места захоронения достоверно известны только для 14 552 расстрелянных военнопленных.

В 2000 году на местах захоронений расстрелянных военнопленных были открыты польско-украинский и польско-российские мемориальные комплексы: 17 июня в Харькове, 28 июля в Катыни, 2 сентября в Медном.

21 сентября 2004 года ГВП РФ прекратила уголовное дело № 159 на основании пункта 4 части 1 статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса РФ (за смертью виновных).

Сообщив об этом общественности лишь через несколько месяцев, тогдашний Главный военный прокурор А.Н. Савенков на своей пресс-конференции 11 марта 2005 года объявил секретными не только большинство материалов расследования, но и само постановление о прекращении «катынского дела».

Тем самым был засекречен и содержащийся в постановлении персональный состав виновных. Из ответа ГВП РФ на последовавший запрос «Мемориала» видно, что виновными признаны «ряд конкретных высокопоставленных должностных лиц СССР», чьи действия квалифицированы по пункту «б» статьи 193-17 действовавшего в 1926–1958 годах Уголовного кодекса РСФСР (превышение власти лицом начальствующего состава РККА, имевшее тяжелые последствия при наличии особо отягчающих обстоятельств).

ГВП сообщила также, что в 36 томах уголовного дела встречаются документы, имеющие гриф «секретно» и «совершенно секретно», а в 80 томах – документы с грифом «для служебного пользования».

На этом основании доступ к 116 из 183 томов закрыт. Осенью 2005 года с остальными 67 томами, «не содержащими сведений, составляющих государственную тайну», были ознакомлены польские прокуроры.

В 2005–2006 годах ГВП РФ отказывала в рассмотрении поданных родственниками и «Мемориалом» заявлений о реабилитации как жертв политических репрессий ряда конкретных расстрелянных польских военнопленных, а в 2007 году Хамовнический районный суд г. Москвы и Московский городской суд подтвердили эти отказы ГВП.

***Справка подготовлена
Международным обществом «Мемориал»***

* * *

Памяти жертв катастрофы под Смоленском

hro.org, 10/04/10

Глава Международного историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал» Арсений Рогинский сообщил, что на борту разбившегося Ту-154, помимо Президента Польши и официальных лиц, находились руководители польских общественных организаций, связанных с катынской трагедией. Всего в результате авиакатастрофы под Смоленском погибло 96 человек. Общество «Мемориал» выражает семьям и близким погибших, народу Польши свои самые искренние соболезнования. «С этого дня слово «Катынь» будет вдвойне означать польское несчастье», – с горечью отметил Адам Михник.

* * *

«Катынь – это какой-то трагический рок для поляков», – сказал «Интерфаксу» Арсений Рогинский.

Редакция HRO.org связалась с Александром Гурьяновым, который в составе группы общества «Мемориал» находился непосредствен-

но на мемориальном комплексе в Катыни в ожидании президентской делегации из Польши. В Катыни находятся родственники убитых в 1940-м году польских офицеров, представители польских и российских общественных организаций. Там началась молитва в память о погибших в сегодняшней катастрофе, люди плачут, не могут поверить в произошедшее.

Член правления «Мемориала» Ян Рачинский, находившийся 10 апреля в Катыни, рассказал Радио «Свобода»: «Начался день довольно рано. Стала собираться публика в ожидании торжественной церемонии, церемония запаздывала. Поначалу характер катастрофы был неясен, и тут вместо церемонии началось чтение молитв. Месса была католическая, только в этих условиях, естественно, церемония была изменена. Месса служилась – поминались и польские офицеры, и погибшие сегодня в катастрофе. Позже уже стало известно, что, по всей видимости, почти все находившиеся в самолете погибли. Об этом сообщил посол Польши в России и один из представителей канцелярии президента. После этого состоялась месса, она только что завершилась, люди возложили цветы.

На это кладбище должно было прийти около тысячи человек. Все доступное пространство было заполнено людьми. Начало церемонии, насколько я знаю, было намечено на 11.30. Примерно в это же время появились первые сведения о случившейся катастрофе. Предварительно ожидалось, что сообщение сделает губернатор области, но он, видимо, занят на месте катастрофы, и сюда приехали только представители польской стороны».

«Естественно, все потрясены. Помимо того, что это трагедия, у многих здесь присутствующих в самолете с Президентом летели знакомые, у некоторых и родня, поскольку там были и представители общестственности», – рассказал член правления Международного общества «Мемориал» Ян Рачинский.

Общество «Мемориал» выражает семьям и близким погибших свои самые искренние соболезнования.

Президент Польши вместе с большой делегацией летел в Смоленск с частным визитом для участия в траурных мероприятиях в Катыни, где захоронены польские граждане, расстрелянные НКВД СССР в 1940 году.

Самолет упал в лесополосе города Смоленска, расположенной в микрорайоне Северный, на улице Кутузова, сообщили Newsru в областном управлении МЧС.

В департаменте информации и печати МИД России сообщили, что причиной крушения самолета Президента Польши под Смоленском стала плохая погода. «По предварительным данным, авария произошла из-за того, что самолет осуществлял посадку на военный аэродром близ Смоленска в условиях густого тумана», – сообщили в департаменте информации и печати МИД России.

Жители Варшавы собираются перед президентским дворцом на Краковском предместье польской столицы, приносят цветы и зажигают свечи в память о жертвах страшной катастрофы.

Обращение «Мемориала» к Президенту Дмитрию Медведеву в связи с 70-летием Катынского расстрела

Уважаемый господин Президент!

70 лет назад, 5 марта 1940 года Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с И. Сталиным приняло решение, по которому в апреле-мае того же года были расстреляны без суда 14,5 тысяч польских офицеров и полицейских, содержащихся в трех лагерях военнопленных НКВД СССР в Козельске, Осташкове и Старобельске, а также 7,3 тысячи арестованных, содержащихся под следствием в тюрьмах западных областей Украинской ССР и Белорусской ССР.

Катынь, до 1991 года бывшая единственным достоверно установленным местом гибели части казненных, стала символом этого злодеяния.

Катынское преступление – это не только убийство весной 1940 года почти 22 тысяч польских граждан. Это еще и полвека лжи и фальсификаций, когда Советский Союз вопреки очевидным фактам отрицал свою ответственность за уничтожение польских военнопленных и пытался убедить весь мир и собственных граждан, что преступление – дело рук гитлеровцев.

Ситуация изменилась лишь в 1990 году, когда Президент СССР М.С. Горбачев передал Президенту Польши В. Ярузельскому поименные списки военнопленных, отправленных на казнь, и некоторые другие документы, свидетельствующие, что операция по уничтожению польских граждан была осуществлена НКВД СССР. Тогда же было возбуждено уголовное дело, принятое к расследованию Главной военной прокуратурой под № 159.

В 1992 году по распоряжению Президента России Б.Н. Ельцина были обнародованы документы, изобличающие руководство СССР в совершении «катынского преступления». На важнейшем из этих документов – записке наркома внутренних дел Берии в ЦК ВКП(б) Сталину с предложением расстрелять польских военнопленных и узников тюрем, «исходя из того, что все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти» – после резолюции «За» значатся собственноручные подписи И. Сталина, К. Ворошилова, В. Молотова, А. Микояна и отметки о голосовании «За» М. Калинина и Л. Кагановича.

В 2000 году в местах захоронений расстрелянных военнопленных в Катынском лесу и около села Медное в Тверской области были открыты мемориальные кладбища (тогда же было открыто мемориальное кладбище в Харькове). Казалось, что лжи и недомолвкам в вопросе о Катыни пришел конец, что для недоверия к нашей стране больше не будет оснований.

Однако в 2004 году уголовное «катынское дело» № 159 Главной военной прокуратурой было прекращено. При этом основные материалы дела, включая и постановление о его прекращении, были засекречены Межведомственной комиссией по защите государственной тайны, деятельностью которой руководит Президент Российской Федерации. Засекречивание материалов «катынского дела» очевидным образом нарушает действующий российский закон «О государственной тайне», который не позволяет относить к государственной тайне и засекречивать сведения о фактах нарушения прав и свобод человека и гражданина, а также о фактах нарушения законности органами государственной власти и их должностными лицами.

Несмотря на это Главная военная прокуратура и Межведомственная комиссия по защите государственной тайны по сей день отказываются отменить свое решение о засекречивании. По сей день Главная военная прокуратура отказывается исполнять действующий российский закон «О реабилитации жертв политических репрессий»,

утверждая вопреки очевидности, что политический мотив и даже сам факт расстрела в отношении каждого отдельного военнопленного не может быть установлен.

Ссылаясь на секретность, Главная военная прокуратура отказалась назвать имена тех, кого она признала виновными, сообщив позже лишь то, что это «отдельные лица из числа руководства НКВД СССР», действия которых квалифицированы по п. «б» статьи 193-17 УК РСФСР (1926 г.) как «превышение власти, имевшее тяжелые последствия при наличии особоотягчающих обстоятельств». Таким образом, Сталин и члены Политбюро, принявшие решение о массовом расстреле польских граждан, признаны невиновными в «катынском преступлении», которое ранее в Заявлении ТАСС от 13 апреля 1990 года было названо «одним из тяжких преступлений сталинизма». А само преступление, совершенное по указанию руководства СССР и фактически являвшееся актом государственного терроризма, теперь квалифицируется как превышение власти отдельными руководителями ведомственного уровня, иначе говоря, как их самоуправство. С нашей точки зрения, бессудные расстрелы военнопленных и гражданских лиц должны быть квалифицированы в соответствии с пунктами «b» и «с» статьи 6 Устава Международного военного трибунала в Нюрнберге – как военное преступление и преступление против человечности.

Прекращение расследования «катынского» дела, засекречивание его материалов, вопиюще неадекватная правовая оценка, данная Главной военной прокуратурой, отказ признать расстрелянных жертвами политических репрессий – воспринимаются общественным мнением внутри страны и за рубежом как отказ от продвижения к правде, начатого в 1990-е годы. Попытки реанимировать сталинскую фальсифицированную версию событий предпринимаются не только в желтой прессе, но и с трибуны парламента. **В результате тень преступлений и лжи сталинского режима ложится на сегодняшнюю Россию.**

Уважаемый господин Президент, в этой ситуации мы призываем Вас использовать имеющиеся у Вас полномочия и содействовать следующим безотлагательным шагам:

1. Отмена решения Межведомственной комиссии по защите государственной тайны от 22 декабря 2004 года о засекречивании материалов «катынского» уголовного дела № 159;

2. Возобновление расследования уголовного «катынского» дела с целью процессуального установления полного персонального состава всех жертв расстрела – как военнопленных, так и заключенных, установления (совместно с органами прокуратуры Украины и Республики Беларусь) мест захоронения расстрелянных узников тюрем Западной Украины и Западной Белоруссии, процессуального установления ис-

черпывающего состава виновных, включая лиц, принявших решение о расстреле польских военнопленных и узников тюрем, а также организаторов этой преступной операции и ее исполнителей всех уровней, точной и полной юридической квалификации совершенных преступлений в соответствии с нормами российского и международного права;

3. Поименная реабилитация в соответствии с российским законом «О реабилитации жертв политических репрессий» всех расстрелянных по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года.

В апреле 2010 года на мемориальных кладбищах в Катынском лесу и около села Медное должны состояться совместные польско-российские траурные церемонии, посвященные 70-й годовщине Катынского расстрела. Известно, что для участия в церемонии в Катыни Премьер-министр России В.В. Путин пригласил Премьер-министра Польши Д. Туска. Мы искренне приветствуем высокий государственный статус этого мероприятия, а также факт, что его инициатором стала российская сторона.

И все же, учитывая важность и болезненность вопроса, мы считаем необходимым личное участие в этой церемонии Президента России. Или, если по каким-то причинам это невозможно, публичное заявление Президента России по поводу Катынского расстрела.

По нашему мнению, ясное и недвусмысленное осуждение преступления, совершенного государственными органами Советского Союза по решению его руководства, заявление о намеченных шагах, которые необходимо осуществить, чтобы вывести «катынское дело» из тупика, могли бы стать переломным моментом в отношениях России и Польши. Такое заявление необходимо не только ради репутации России в мире. Гораздо важнее, что оно нужно для успешного будущего нашей страны, которое невозможно без честной оценки тоталитарного прошлого.

***Правление Международного общества «Мемориал»
05.03.2010***

Выступление Премьер-министра России Владимира Путина 7 апреля 2010 года на мемориальном комплексе жертв политических репрессий «Катынь»

Уважаемый господин Премьер-министр, дорогие дамы и господа, соотечественники!

Нас собрали сегодня здесь общая память и скорбь, общий исторический долг и вера в будущее.

Мы склоняем головы перед теми, кто мужественно принял здесь смерть, чьи устремления, надежды, таланты были безжалостно растоптаны. Перед теми, кого не дождалась, но навсегда сохранили в своих сердцах матери, дети, любимые.

В этой земле лежат советские граждане, сгоревшие в огне сталинских репрессий тридцатых годов, польские офицеры, расстрелянные по тайному приказу, бойцы Красной Армии, казненные нацистами во время Великой Отечественной войны.

Катынь неразрывно связала их судьбы. Здесь, рядом друг с другом, как в братской могиле, они обрели вечный покой. Они обрели покой, но не забвение, потому что не может быть стёрта из памяти мученическая смерть невинных жертв, не может быть спрятана правда о преступлениях.

России и Польше, как никаким другим странам, русским и полякам, как никаким другим народам Европы, выпало пережить практически все трагедии XX века, заплатить непомерно высокую цену за две мировые войны, за братоубийственные вооруженные конфликты, за жестокость и бесчеловечность тоталитаризма.

Нашему народу, который прошел через ужасы гражданской войны, насильственную коллективизацию, через массовые репрессии 1930-х годов очень хорошо понятно, может быть, лучше, чем кому бы то ни было, что значат для многих польских семей Катынь, Медное, Пятихатка.

Потому что в этом скорбном ряду и места массовых расстрелов советских граждан. Это и Бутовский полигон под Москвой, Секирная гора на Соловках, расстрельные рвы Магадана и Воркуты, безымянные могилы Норильска и Беломорканала.

Репрессии крушили людей, не разбирая национальностей, убеждений, религий. Их жертвами становились целые сословия у нас в стране: казачество и священники, простые крестьяне, профессора и офицеры – офицеры, в том числе, царской армии, которые пришли на службу советской власти в свое время, и их не пощадили, – учителя и рабочие.

Логика была одна – посеять страх, пробудить в человеке самые низменные инстинкты, направить людей друг на друга, заставить слепо и бездумно повиноваться.

Этим преступлениям не может быть никаких оправданий. В нашей стране дана ясная политическая, правовая, нравственная оценка злодеяниям тоталитарного режима. И такая оценка не подлежит никаким ревизиям.

Перед этими могилами, перед людьми, которые приходят сюда почтить память своих близких, было бы лицемерно сказать: «Давайте всё забудем». Было бы лицемерно сказать, что всё кануло в Лету.

Нет, мы обязаны хранить память о прошлом и, конечно, будем это делать, какой бы горькой ни была эта правда. Нам не дано изменить прошлого, но в наших силах – сохранить или восстанавливать правду, а значит, и историческую справедливость.

Этот тяжкий труд, кропотливый труд взяли на себя историки России и Польши, представители общественности, духовенства. Обращаясь к минувшему, они работают ради истины, а значит, ради будущего отношений двух наших стран.

Именно такой совместный путь к осмыслению национальной памяти и исторических ран способен помочь нам избежать тупика непонимания и вечного сведения счетов, примитивных трактовок с делением народов на правых и виноватых, как это стремятся иногда делать безответственные политики.

Десятилетиями циничной ложью пытались замарать правду о катынских расстрелах. Но было бы такой же ложью и подтасовкой возложить вину за эти преступления на российский народ.

История, написанная злобой и ненавистью, настолько же фальшива и лакирована, как и история, прилизанная во имя интересов конкретных людей или конкретных политических групп. Я уверен, что в России и в Польше это всё больше и больше осознают.

И как бы ни было трудно, мы должны идти навстречу друг к другу, помня обо всем, но понимая, что жить только этим прошлым невозможно.

И потому сегодня мы здесь вместе. Здесь, в Катыни, на этой памятной церемонии, посвященной 70-летию польской трагедии. Мы были вместе и в Гданьске, в годовщину начала Второй мировой войны. На её фронтах наши народы сражались против общего врага.

Уверен, также вместе будем праздновать юбилей Великой Победы, главную роль, решающую роль в которой сыграли солдаты Красной Армии и за которую отдали свои жизни сотни, тысячи воинов Войска Польского, Армии Крайовой и Армии Андерса, защитники Москвы и Варшавы, Вестерплатте и Смоленска.

И наши потери, и опыт союзничества должны нас сблизить. Мы не имеем морального права оставить будущим поколениям груз недоверия друг к другу. В современном мире в Европе XXI века просто нет другой альтернативы подлинному добрососедству между народами Польши и России. Этот выбор по-настоящему достоин двух наших народов, которым суждено быть рядом, достоин нашей общей трагической, но великой судьбы. Светлая память и вечный покой всем, кого приняла земля Катыни. Мира, добра и процветания ныне живущим. Спасибо большое.

Медведев: Катынь – это преступление Сталина

Rus.db.lv

18.04.2010 г.

Автор: ИТАР-ТАСС

Сегодня в Кракове, во время похорон польского Президента Леха Качиньского, российский Президент Дмитрий Медведев рассказал, что думает об убийстве польских офицеров под Катынью.

В начале траурной мессы проводивший ее архиепископ Краковский Станислав Дзивиж обратился к Президенту РФ, подчеркнув, что произошедшая трагедия объединила российский и польский народы.

Священнослужитель напомнил, что Лех Качиньский направлялся в Катынь, потому что хотел «воздать должное убитым там соотечественникам». «70 лет Катынь разделяла два народа, сокрытие правды о тех событиях не позволяло затянуться ранам», – сказал он, сообщает **Newsru.com**.

Дмитрий Медведев в ответ заявил, что трагедия, которая случилась под Смоленском, не оставила равнодушным никого. «Для Польши она стала национальной трагедией. И у нас в стране она вызвала самые горькие эмоции, и поэтому у нас был объявлен траур. Поэтому я считал правильным проводить в последний путь Президента Польши Леха Качиньского и его супругу Марию», – заявил Президент России.

«У нас были разные периоды в истории, – отметил Президент России. – Последний был не из легких. Но перед лицом тяжелых утрат мы можем приложить усилия для сближения позиций наших стран, чтобы наши народы слышали друг друга лучше, находя разрешение самых трудных проблем».

«Одна из них – Катынская трагедия. Хотя с нашей стороны все оценки давно даны. Катынская трагедия – это преступление Сталина и ряда его приспешников. Позиция российского государства по этому вопросу давно сформулирована и остается неизменной», – подчеркнул Дмитрий Медведев.

Как уже сообщалось, сегодня **исполняющий обязанности Президента Польши Бронислав Коморовский** заявил, что надеется на то, что Россия предоставит полную информацию о событиях 1940-го года в Катыни, сообщает «Эхо Москвы».

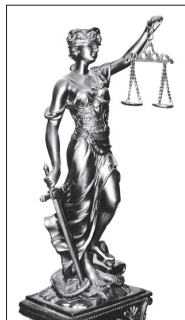
«На протяжении десятилетий поляки должны были молчать о Катыни, об этом молчал и свободный мир, в Польше за правду о Катыни приходилось платить высокую цену», – сказал Коморовский в своем выступлении. Он подчеркнул, что «сегодня в связи с трагедией под Смоленском о Катыни говорит весь мир».

Как подчеркнул и.о. Президента Польши, «надежду на это дают слова, прозвучавшие со стороны Президента и Премьер-министра России».

ВС обязал Мосгорсуд рассмотреть заявление «Мемориала» по существу

hgo.org, 22/04/10

21 апреля 2010 года Верховный суд Российской Федерации отменил определение Московского городского суда от 28 декабря 2009 г. об отказе рассмотрения жалобы Общества «Мемориал» на решения Межведомственной комиссии по защите государственной тайны. В нарушение Закона «О государственной тайне» Межведомственная комиссия в 2004 г. засекретила постановление Главной военной прокуратуры (ГВП) о прекращении расследования уголовного «катынского» дела, а в 2009 г. отказалась отменить свое решение.

Таким образом, удовлетворив частную жалобу «Мемориала» Верховный суд постановил вернуть дело в Московский городской суд для рассмотрения по существу заявления «Мемориала», оспаривающего незаконные действия Межведомственной комиссии по защите государственной тайны.

Задачу рассекречивания постановления ГВП о прекращении указанного дела «Мемориал» рассматривает как первый шаг к рассекречиванию всех материалов расследования «катынского преступления», проводившегося с 1990 г. и прекращенного в 2004 г. за смертью виновных.

В обращении общества «Мемориал» к Президенту Д.А. Медведеву в связи с 70-й годовщиной решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. о расстреле польских военнопленных и узников тюрем, рассекречивание материалов расследования этого злодеяния было названо в качестве одного из трех основных шагов, которые позволят достичь правового разрешения «катынского» дела.

Два других шага – это возобновление прекращенного расследования и поименное признание всех расстрелянных жертвами политических репрессий в соответствии с действующим российским Законом «О реабилитации жертв политических репрессий».

Поясним, что возобновление расследования необходимо ради процессуального установления персонального состава всех потерпевших – расстрелянных военнопленных и узников тюрем, ради процессуального установления полного состава виновных (до сих пор ГВП не признала виновными ни Сталина и членов Политбюро, вынесших решение о расстреле польских военнопленных и узников тюрем, ни исполнителей этого преступного приказа, кроме нескольких руководителей

НКВД), а также ради точной и полной юридической квалификации «катынского» преступления в соответствии с нормами российского и международного права.

Катынь: пакет из 1940-го

По решению Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева на сайте Федерального архивного агентства размещены электронные образцы подлинников документов по проблеме Катыни из знаменитого «пакета № 1».

Елена Новоселова
«Российская газета» – Центральный выпуск № 5170 (91) от 29 апреля 2010 г.

Электронные образцы подлинных документов впервые стали доступны общественности в аутентичном виде, со всеми пометками.

Тайна расстрела польских военнопленных, которая десятилетия хранилась архивами ВКП (б) - КПСС, стала доступна любому пользователю Интернета.

Первый же документ от марта 1940 года, на котором поверх напечатанных на машинке ужасающих своим цинизмом слов синим карандашом расписался Иосиф Сталин, рассказывает о том, что «в лагерях для военнопленных НКВД СССР и в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в настоящее время содержится большое количество бывших офицеров польской армии...

Каждый из них только ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти». В лагерях, сообщает подписавший документ Берия, содержится 14 736 человек (по национальности – 97 процентов поляки), из них 295 генералов, 144 – чиновников, помещиков и ксендзов. В тюрьмах – 18 632 арестованных, из них поляков – 10 685. И главная фраза, которую хочется привести не в пересказе:

«Предложить НКВД СССР:

Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14 700 человек, а также дела о находящихся в тюрьмах Западных Украины и Белоруссии 11 тысяч человек рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания – расстрела.

Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения...»

Событие комментирует руководитель Росархива Андрей Артизов.

Российская газета: Есть ли среди документов, которые вывешены на сайте Росархива, еще неопубликованные?

Андрей Артизов: Речь идет о знаменитом «пакете № 1». Материалы из него практически все опубликованы, кроме одного документа.

На сайте мы размещаем идентичные документам их электронные образы в цвете: пользователи Интернета получают полное представление о том, как они выглядят на самом деле. Среди документов, первых, записка наркома внутренних дел Лаврентия Берии от 5 марта 1940 года в Политбюро. На ней автографы членов политбюро – Сталина, Ворошилова и Молотова, Микояна. На полях приписки: «Калинин: «за» и «Каганович: «за».

Далее идет выписка из постановления Политбюро – текст этого постановления о согласии с предложениями НКВД о расстреле «в особом порядке» польских военнопленных генералов и офицеров. Здесь же размещен электронный образ документа, который еще ни разу не публиковался. Это изъятые из официального протокола постановления Политбюро две страницы. Почему это было сделано в 60-е годы? Чтобы сохранить в тайне это преступление, было принято решение из дела с протоколом Политбюро страницы, где перечисляются решения по всем вопросам, изъять. Их изъяли и спрятали в тот же «пакет № 1».

И, наконец, рукописная записка 1959 года (писал делопроизводитель, а подписывал Александр Шелепин – тогдашний руководитель КГБ) на имя Хрущева, где Шелепин сообщает, что хранившиеся в специальном запечатанном помещении на Лубянке дела 21 тысячи польских офицеров, расстрелянных в особом порядке, уничтожены.

Российская газета: Будут ли вывешены на сайте Росархива материалы о расстреле в польском плену нескольких тысяч красноармейцев в 20-х годах прошлого века?

Артизов: Мы будем продолжать размещать материалы по сложным польско-российским, польско-советским вопросам. Вместе с польскими коллегами мы подготовили и издали сборник документов на польском и на русском языках под названием «Красноармейцы в польском тылу». Он о печальной судьбе наших военнопленных, оказавшихся в Речи Посполитой в итоге советско-польской кампании 1920 года. Думаю, что мы разместим наиболее интересные документы из этого сборника, тираж которого ограничен, на официальном сайте Росархива, чтобы это стало доступно широким кругам пользователей – как российских, так и иностранных.

Тем временем:

Президент России Дмитрий Медведев заявил вчера в Дании, что архивные материалы, связанные с массовыми репрессиями, будут становиться более доступными для общественности. «Катынские архивы вообще-то открыты, другое дело, что есть ряд материалов, которые еще не передавались нашим польским партнерам. Я дал поручение провести соответствующую работу и после необходимых процедур передать те материалы, которые интересны нашим польским коллегам», – отметил он.

По словам главы Российского государства, наши оценки катынской трагедии были сделаны давно, но некоторое время назад Медведев «дал поручение не только продолжать эту работу, но и предъявить те результаты, которые уже есть». Сегодня, отметил Медведев, это уже сделано.

Обращение общества «Мемориал» к Президенту России Дмитрию Медведеву

hro.org, 26/05/10

Обращение общества «Мемориал» к Президенту Российской Федерации Д.А. Медведеву: *«...Главная военная прокуратура демонстративно проигнорировала решающее участие в преступлении Сталина, Молотова и других, давших санкцию на расстрел польских граждан. Свидетельствующий об этом документ с собственноручными подписями членов Политбюро, опубликованный в апреле с.г. на сайте Федерального архивного агентства, прекрасно известен ГВП...»*

Президенту Российской Федерации Дмитрию Анатольевичу Медведеву

Уважаемый господин Президент!

Сделанные в апреле–мае с.г. Вами, а также премьер-министром В.В. Путиным заявления о «**катынском деле**», в которых расстрел польских граждан назван преступлением тоталитарного режима, виновниками которого являются Сталин и его приспешники, чрезвычайно важны – преодоление наследия сталинизма жизненно необходимо нашей стране. Очень важным мы считаем и опубликование по Вашему указанию на общедоступном сайте Федерального архивного агентства документов, изобличающих сталинское руководство СССР в принятии решения о совершении этого злодеяния. Эти шаги имеют огромное значение для донесения правды о катынском преступлении до самых широких кругов граждан России.

Тем более странным и подрывающим доверие к заявлениям российского руководства выглядит письмо из Главной военной прокуратуры (ГВП) от 9 апреля с.г., полученное в ответ на наше предыдущее обращение к Вам от 2 марта 2010 г. В этом обращении мы просили Вас предпринять ряд конкретных действий, которые, по нашему убеждению, способствовали бы разрешению «катынской проблемы». В частности, мы говорили о необходимости поименного признания всех лиц, расстрелянных по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., жертвами политических репрессий в соответствии с действующим российским Законом «О реабилитации жертв политических репрессий».

В ответ на это ГВП повторяет прежнее свое утверждение о якобы отсутствии материалов, подтверждающих применение «меры государственного принуждения» — т. е. в данном случае расстрела — к каждому в отдельности из польских военнопленных. Это утверждение противоречит наличию целого комплекса официальных материалов, включающего в себя, в частности, советские архивные документы, ставшие известными в начале 1990-х гг., в том числе составленные НКВД СССР в 1940 г. поименные списки военнопленных, многие из которых были опознаны в 1943 и 1991 гг. в ходе эксгумаций в местах захоронения в Катынском лесу, около села Медное под Тверью и на окраине Харькова.

Такое утверждение ГВП свидетельствует, что следствие по «катынскому» делу № 159, прекращенное 21 сентября 2004 г., не изучило все имеющиеся доказательства и не выполнило одну из основных задач расследования любого уголовного дела, а именно, задачу установления полного персонального состава потерпевших (в данном случае жертв расстрела). Теперь для решения этой важнейшей задачи требуется возобновление дела.

Этим, однако, не ограничиваются претензии к следователям ГВП.

Из письма ГВП следует, что ответственными за совершение преступления были признаны должностные лица НКВД СССР (имена которых

засекречены вместе с постановлением о прекращении дела), а их действия квалифицированы по п. «б» ст. 193-17 УК РСФСР (1926 г.), как превышение власти, имевшее тяжелые последствия.

И определение круга ответственных, и квалификация преступления вопиющим образом противоречат обстоятельствам дела.

Статья 193-17 предусматривает ответственность за превышение власти только лиц начальствующего состава РККА (и приравненных к ним чинов НКВД). Квалифицировав преступление по этой статье, Главная военная прокуратура сознательно исключила высшее партийно-государственное руководство СССР из числа соучастников.

ГВП демонстративно проигнорировала решающее участие в преступлении Сталина, Молотова и других, давших санкцию на расстрел польских граждан. Свидетельствующий об этом документ с собственноручными подписями членов Политбюро, опубликованный в апреле с.г. на сайте Федерального архивного агентства, прекрасно известен ГВП.

Его копия, вместе со всеми необходимыми экспертизами, имеется в материалах дела № 159 еще с начала 1990-х гг.

Нет сомнений, что квалификация катынского преступления по ст. 193-17 недобросовестна. Но для того, чтобы переqualифицировать обвинение, надо возобновить расследование, а, по утверждению ГВП, о возобновлении расследования речь не может идти, поскольку истек 10-летний срок давности по этой статье.

Видимо, создав такой порочный круг, ГВП считает свою позицию неуязвимой.

Уважаемый господин Президент, в связи с изложенным обращаемся к Вам с просьбой дать указание Генеральному прокурору Российской Федерации о назначении проверки качества расследования Главной военной прокуратурой уголовного «катынского» дела № 159 в части установления полного персонального состава потерпевших, исчерпывающего персонального состава участников преступления и адекватной юридической квалификации их деяний, а также, по результатам проверки, о возможном возобновлении расследования указанного дела.

Мы убеждены, что добросовестное, полное и максимально гласное расследование катынского преступления необходимо не только для нормализации российско-польских отношений, но, прежде всего, для того, чтобы тень сталинских преступлений не ложилась на современную Россию.

Правление Международного общества «Мемориал»

Текст верен.

Исполнительный директор

Международного общества «Мемориала»

Е. Б. Жемкова

25 мая 2010 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Копия ответа ГВП от 9 апреля 2010 г. на обращение Правления Международного общества «Мемориал» к Президенту Российской Федерации Д.А. Медведеву — на 2 л.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГЛАВНАЯ ВОЕННАЯ ПРОКУРАТУРА

пер. Хользунова, 14,
Москва, Россия, 119160

09.04.2010 № 5у-6818-90/402

В Правление Международного общества
«Мемориал»

127051 г. Москва, Малый Каретный переулок,
дом 12

Обращение Правления Международного общества «Мемориал» от 2 марта 2010 года, адресованное Президенту Российской Федерации, поступило в Главную военную прокуратуру и рассмотрено.

По результатам расследования т.н. «Катынского» уголовного дела действия должностных лиц НКВД СССР были квалифицированы по п. «б» ст. 193-17 УК РСФСР (1926) как превышение власти, имевшее тяжелые последствия при наличии особо отягчающих обстоятельств. 21 сентября 2004 года уголовное дело было прекращено на основании п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с их смертью, в отношении остальных – в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ – за отсутствием в деяниях состава преступления и на основании п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ – за отсутствием события преступления.

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению, если истекли сроки давности уголовного преследования.

Указанные сроки определены уголовным, то есть материальным законом, и, следовательно, согласно ст. 9 УК РФ при их определении в отношении деяний, совершенных в 1940 году, должен применяться Уголовный кодекс 1926 года.

Исходя из требований ст. 14 УК РСФСР (1926) давность уголовного преследования по п. «б» ст. 193-17 УК РСФСР (1926) составляет 10 лет со времени совершения преступления.

С учетом изложенного срок давности уголовного преследования лиц, в отношении которых вынесено постановление о прекращении уголовного дела, истек и, следовательно, возобновление расследования по нему будет противоречить п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

БА № 0069024

Согласно требованиям статей 6 - 10 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» судебные органы, органы прокуратуры и внутренних дел Российской Федерации при решении вопроса о реабилитации или признании конкретного гражданина не подлежащим реабилитации, руководствуются материалами уголовных или административных дел либо иными документальными сведениями, послужившими основанием к применению репрессии и свидетельствующими о приведении ее в исполнение, независимо от органа, принявшего решение о ее применении.

Решение о реабилитации или об отказе в реабилитации выносится в отношении конкретного лица и при наличии соответствующих материалов о применении мер государственного принуждения по отношению к конкретным гражданам.

При расследовании т.н. «Катынского» уголовного дела совместно с представителями польских правоохранительных органов, а также с участием украинских и белорусских правоохранительных органов не удалось установить обстоятельства пленения каждого в отдельности из польских граждан, характера предъявленных обвинений.

Предпринимались активные меры к поиску не только уголовных дел, но и иных документальных сведений, которые могли бы свидетельствовать о приведении в исполнение мер государственного принуждения к каждому в отдельности из польских военнопленных. Однако в ходе названных мероприятий таких документов добыто не было.

Следствием установлено, что все учетные архивные дела в отношении польских военнопленных уничтожены в 1959 году, восстановить их невозможно и исчерпаны все возможности для собирания иных доказательств.

Эта позиция подтверждена решениями российских судебных органов, которыми в пределах установленной компетенции отказано родственникам польских граждан и их представителям в удовлетворении всех их ходатайств, в том числе требований о реабилитации.

Из изложенного следует, что правовых оснований для постановки вопроса об их реабилитации не имеется.

Врио начальника 2 отдела
5 управления надзора ГВП

О.Л. Кругликов

Иск «Мемориала»: перестаньте секретить документы о преступлениях режима

hro.org, 13/07/10

Правозащитное общество «Мемориал» подало в суд заявление о незаконности засекречивания постановления Главной военной прокуратуры о прекращении расследования «катынского» дела. Об этом в эфире «Эха Москвы» заявил сотрудник общества «Мемориал» Александр Гурьянов.

По его словам, «катынское» дело было прекращено решением Главной военной прокуратуры в сентябре 2004 года и практически сразу засекречено. Также засекречена была большая часть всех материалов расследования и, прежде всего, все содержательные материалы». «67 томов оказались без каких-либо грифов, 116 томов недоступны, потому что на них есть гриф «Секретно» или «Для служебного пользования», – сказал Гурьянов.

«Ключевым документом является один из этих томов, а именно постановление о прекращении дела. Оно должно содержать все результаты расследования», – добавил он.

«Межведомственная комиссия по защите государственной тайны является самым высшим органом в нашей стране в этой области. Она состоит, согласно указу Президента, из заместителей руководителей всех силовых ведомств. Полномочия у этой комиссии очерчены довольно большие, но в них не входят полномочия засекречивать конкретные материалы и конкретные документы. Они не прописаны в положении об этой комиссии», – отметил сотрудник «Мемориала».

Ранее прокуратура сообщала, что «расследование дела о расстреле польских офицеров в Катыни не может быть возобновлено в связи с истечением сроков давности». «По Катыни возобновлено дело не будет. Наше национальное законодательство, Уголовно-процессуальный кодекс написан таким образом, что не может быть возбуждено уголовное дело, а возбужденное дело должно быть прекращено, если истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности», – сообщил главный военный прокурор Сергей Фридинский.

Уголовное дело о расстреле в 1940 году более 21 тысячи польских военных было начато в 1990 году и расследовалось более 14 лет. В октябре 2008 года Московский окружной военный суд отклонил жалобу родственников расстрелянных в Катыни польских офицеров на прекращение дела. Защита потерпевших обжаловала это решение в Верховный суд, который, в свою очередь, признал законным отказ возобновить следствие по этому делу.

В конце апреля 2010 года Росархив по указанию Президента Дмитрия Медведева впервые разместил на своем сайте электронные

образцы подлинников документов по этому делу. 8 мая Россия передала Польше 67 томов уголовного дела номер 159 по Катыни.

21 апреля года Верховный суд удовлетворил жалобу «Мемориала» на отказ Мосгорсуда признать незаконным засекречивание постановления о прекращении катынского дела.

Дело о незаконности засекречивания материалов расследования катынского расстрела

Александр Гурьянов, 12/10/10

11 октября 2010 г., в Московском городском суде состоялось очередное (восьмое) заседание по заявлению Общества «Мемориал» о незаконности засекречивания Постановления Главной военной прокуратуры (ГВП) от 21 сентября 2004 г. о прекращении расследования «катынского» уголовного дела. Как и предыдущее, заседание было закрытым.

В заседании участвовали представители «Мемориала» и ГВП, которая на одном из предыдущих заседаний была судом признана третьим лицом в деле. Представители Межведомственной комиссии по защите государственной тайны (МВК) на заседание не явились, более того – МВК не прислала ответ на судебный запрос Мосгорсуда от 21 сентября 2010 г., несмотря на предупреждение об ответственности за неисполнение требований суда о явке представителей и о предоставлении доказательств.

Напомним, что в первоначальном заявлении «Мемориала» в Мосгорсуд от 14 декабря 2009 г. содержались три требования:

- во-первых, признать незаконным письмо МВК от 27 августа 2009 г., которым Межведомственная комиссия отказала «Мемориалу» в отмене решения о засекречивании Постановления ГВП от 21 сентября 2004 г. о прекращении «катынского» уголовного дела;
- во-вторых, признать необоснованным решение МВК от 22 декабря 2004 г. о засекречивании Постановления ГВП от 21 сентября 2004 г.;
- в третьих, обязать МВК рассекретить это Постановление ГВП.

Напомним также, что в ходе предыдущих судебных заседаний возникло противоречие между, с одной стороны, неоднократными официальными письмами ГВП за 2005-2008 гг. и утверждениями, зафиксированными в постановлениях Московского окружного военного суда, Военной коллегии Верховного суда РФ и в меморандуме Уполномоченного Российской Федерации при Европейском суде по правам человека и, с другой стороны, присланным в Мосгорсуд сообщением МВК, что она не принимала решения о засекречивании Постановления ГВП о прекращении «катынского» дела.

На июльские запросы Мосгорсуда по поводу этого противоречия МВК и ГВП прислали письма, с которыми представители «Мемориала» были ознакомлены на предыдущем судебном заседании.

Несмотря на отсутствие сведений, могущих согласно закону составлять государственную тайну, одно из этих писем снабжено грифом «Совершенно секретно», что препятствует донесению его содержания до общественности. Тем не менее эти письма прояснили, каким образом было осуществлено засекречивание материалов «катынского» дела, в частности, Постановления ГВП о его прекращении.

В результате «Мемориалу» пришлось на сегодняшнем заседании представить суду заявление о поддержке нашего первого требования в первоначальном виде, об уточнении формулировки второго требования – теперь мы просим суд признать необоснованным решение Межведомственной комиссии от 22 декабря 2004 г. в части сохранения режима секретности для Постановления ГВП о прекращении уголовного «катынского» дела, и об изменении третьего требования – теперь мы просим признать незаконным и необоснованным решение Главной военной прокуратуры о засекречивании Постановления от 21 сентября 2004 г. о прекращении дела.

Кроме того, сегодня «Мемориал» заявил два ходатайства – об истребовании судом документов из МВК и ГВП, в частности, экспертного заключения Федеральной службы безопасности (ФСБ), на основании которого ГВП засекретила материалы «катынского» дела, и ходатайство о привлечении ФСБ к судебному рассмотрению заявления «Мемориала» в качестве третьего лица.

В связи с отсутствием ответа МВК на последний судебный запрос Мосгорсуда судья отложила вынесение определений по заявлению и ходатайствам «Мемориала» до следующего заседания, назначенного на вторник 2 ноября 2010 г., в 10-00 (зал № 604).

Об авторе: Александр Гурьянов, историк, руководитель Польской Комиссии Международного общества «Мемориал»

Страна сплошных секретов. Как же идет суд о незаконности засекречивания документов по «катынскому делу»

hro.org, 21/09/10

Мосгорсуд установил инициатора засекречивания постановления Главной военной прокуратуры о прекращении расследования катынского дела. Об этом после заседания суда рассказал глава польской программы общества «Мемориал» Александр Гурьянов. Он добавил, что поскольку процесс проходит в закрытом режиме, каждый из его участников дал подписку о неразглашении, в связи с чем инициатор засекречивания постановления пока остается неизвестным общественности. Там почему «катынские» документы и спустя 70 лет продолжает окутывать такая секретность?

Но если представители Главной военной прокуратуры после окончания заседания, отделавшись дежурной фразой «без комментариев», спешно покинули суд, то сотрудники центра «Мемориал» несколько приоткрыли завесу тайны. Координатор польской программы общества «Мемориал» Александр Гурьянов отметил, что ранее в Главной военной прокуратуре им говорили, что решение о засекречивании постановления о прекращении расследования по катынскому делу было принято в Межведомственной комиссии по защите гостайны.

В самой Комиссии в ответ на очередной запрос из «Мемориала» заявили, что там подобного решение не принимали.

Как рассказал Гурьянов, сегодня, наконец, стало известно, кто же стоит за засекречиванием постановления.

В ходе сегодняшнего заседания были оглашены письменные ответы Межведомственной комиссии по защите государственной тайны и Главной прокуратуры на запрос, посланный туда ранее. Эти два ответа указывают на инициатора засекречивания, имя которого не разглашается. Как сказал А. Гурьянов; «В качестве варианта, мы давно это уже знали».

Гурьянов также рассказал, что сегодня со стороны «Мемориала» было подано ходатайство о том, чтобы сделать процесс по этому делу открытым. Однако судья решил отклонить это прошение. Следующее заседание этого процесса должно состояться 11 октября. Однако решение, которое примет суд, скорее всего, будет не в пользу «Мемориала», считает Гурьянов.

Представитель мемориала также выразил недоумение тем фактом, что власти отказываются полностью рассекретить материалы по катынскому делу. По его словам сокрытие данных об убийстве тысяч польских офицеров в 1940-м году, может свидетельствовать только о том, что нынешняя власть считает себя продолжателем преступного тоталитарного режима.

В июне этого года главный военный прокурор России Сергей Фридинский заявил, что не видит оснований для возобновления расследования катынского дела и признания убитых поляков жертвами репрессий – подчеркивает «Эхо Москвы».

* * *

Александр Гурьянов, представитель общества «Мемориал»:

«Теперь засекречено само судебное разбирательство заявления «Мемориала» о незаконности засекречивания ключевого материала уголовного «катынского» дела».

Сегодня, 21 сентября 2010 года, в Московском городском суде состоялось очередное (седьмое) заседание по заявлению общества «Мемориал» о незаконности засекречивания Межведомственной ко-

миссией по защите государственной тайны (МВК) Постановления Главной военной прокуратуры (ГВП) от 21 сентября 2004 г. о прекращении расследования «катынского» уголовного дела. В заседании участвовали представители «Мемориала» и Главной военной прокуратуры, которая на предыдущем заседании была судом признана третьим лицом в деле.

Напомним, что после получения судом письма, в котором МВК утверждает, что не принимала решения о засекречивании указанного Постановления ГВП, суд направил в МВК и ГВП запросы с целью выяснить, кто-же на самом деле засекретил материалы уголовного «катынского» дела, которое расследовалось Российской главной военной прокуратурой на протяжении 14 лет.

Необходимость запросов Мосгорсуда была вызвана тем, что письмо МВК с отказом от «авторства» решения о засекречивании вошло в противоречие с документами, копии которых суду представил «Мемориал»: ответами ГВП на неоднократные запросы «Мемориала» о рассекречивании Постановления о прекращении «катынского» дела, а также судебным постановлением Военной коллегии Верховного Суда РФ и ответом Уполномоченного Российской Федерации при Европейском суде по правам человека (ЕСПЧ) на запрос ЕСПЧ.

Все эти документы прямо указывают на МВК как на орган, принявший решение о засекречивании материалов «катынского» дела (с тем, что в ответах ГВП «Мемориалу» вместо термина «засекречивание» использован эвфемизм «решение о наличии сведений, составляющих государственную тайну»).

На сегодняшнем заседании представители «Мемориала» были ознакомлены с ответами ГВП и МВК на запросы Мосгорсуда. Эти ответы позволили определить, какой из этих органов в действительности засекретил материалы уголовного «катынского» дела.

По нашему мнению ни одно, ни другое письмо не содержат каких-либо сведений, которые в соответствии с действующим российским законом можно было бы отнести к государственной тайне. Тем не менее, оба ведомства проставили на своих ответах грифы «секретно» или «для служебного пользования».

На этом основании судья отказала в удовлетворении поданного сегодня «Мемориалом» ходатайства о проведении открытого судебного разбирательства, объявила о проведении заседания в закрытом режиме и предупредила участников об уголовной ответственности за разглашение сведений, составляющих государственную тайну. После этого на заседании мы не услышали ничего, что по закону можно было бы отнести к государственной тайне, однако подписка о неразглашении у нас была уже взята!

По нашему мнению, проставление грифов секретности на ответы, не содержащие государственной тайны, как и проведение закрытого судебного разбирательства – это своеобразный кляп на рты представителей «Мемориала», причем с целью не допустить информирования общественности об утаивании нынешними российскими государственными органами того факта, что Катынское преступление фактически являлось актом государственного террора, предпринятым по решению верховной власти Советского Союза в лице Сталина и других членов Политбюро ЦК ВКП(б).

Суд отказал внуку Сталина в его иске

hro.org, 14/10/09

Это решение, пожалуй, впервые подтвердило в судебном порядке общеизвестные факты: ответственность Сталина за массовые репрессии и его вину в «катынском преступлении». Конечно, для всесторонней оценки преступлений коммунистического режима нужен процесс иного масштаба, чем заседание районного суда.

Но очередной важный шаг к такой оценке сделан.

13 октября 2009 года Басманный районный суд г. Москвы принял решение отказать внуку Сталина Е.Я. Джугашвили в его иске о защите чести и достоинства И.В. Сталина.

Процесс, вызвавший большой интерес общественности и СМИ, проходил, к сожалению, в очень тесном помещении, едва вмещавшем представителей сторон, так что следить за ходом рассмотрения журналисты практически не имели возможности.

Иск был предъявлен «Новой газете» и А.Ю. Яблокову, автору статьи «Винным назначен Берия». Эта статья была опубликована в специальной вкладке «Правда ГУЛАГа», которую «Новая газета» выпускает совместно с обществом «Мемориал». «Мемориал» обратился в суд с ходатайством о включении в процесс в качестве третьего лица на стороне ответчика. Ходатайство было судом удовлетворено. Сторону истца (внука Сталина) представляли Л.Н. Жура, Ю.И. Мухин и С.Э. Стрыгин.

Со стороны ответчиков выступали адвокаты Г.М. Резник, представлявший интересы «Новой газеты» и «Мемориала», и А.Э. Бинецкий, представлявший интересы А.Ю. Яблокова, а также представители «Новой газеты» (О.Н. Хлебников и Я.С. Кожеуров) и «Мемориала» (А.Э. Гурьянов, Н.В. Петров и Я.З. Рачинский).

В иске Е.Я. Джугашвили содержалось требование признать не соответствующими действительности и порочащими память Сталина следующие фрагменты статьи:

«Сталин и чекисты повязаны большой кровью, тяжчайшими преступлениями, прежде всего, против собственного народа...»

«Сталин и члены Политбюро ВКП(б), вынесшие обязательное для исполнителей решение о расстреле поляков, избежали моральной ответственности за тяжчайшее преступление...»

«...Бывший отец народов, а в действительности кровожадный людоед признан «эффективным менеджером»...»

«Секретными протоколами к Пакту Молотова – Риббентропа было предусмотрено, что СССР, несмотря на действовавший с Польшей договор о ненападении, должен участвовать на стороне Германии в нападении на Польшу. После того как 01 сентября 1939 года Германия начала войну с Польшей, СССР, выполняя свои обязательства перед Германией, 17 сентября 1939 г. вторгся в Польшу...»

«В ходе расследования было установлено, что в действительности 14 700 польских военнопленных из трех лагерей НКВД и 7 305 польских граждан, содержащихся в тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии, по постановлению Политбюро ВКП(б) в апреле-мае 1940 года были расстреляны сотрудниками НКВД СССР и захоронены на территории дач УНКВД и в других местах.»

«Не смотря на подтверждающие правоту этих документов показания бывшего председателя КГБ Шелепина, бывшего начальника Управления по делам военнопленных НКВД СССР Сопруненко, начальника НКВД по Калининской области Токарева и других, подлинность этих документов была дополнительно тщательно проверена.»

«Впервые документально было подтверждено, что около 22 тысяч жертв катынского преступления казнили по решению Политбюро ЦК ВКП(б) – по политическим и национальным мотивам как «закоренелых, неисправимых врагов советской власти... по национальности свыше 97% – поляки.»

«...Обстоятельства этого массового убийства подтверждаются не только этими документами, но и показаниями свидетелей и материалами эксгумаций в местах захоронений.»

В ходе процесса представители истца по собственной инициативе исключили из иска часть первого фрагмента – о тяжчайших преступлениях, прежде всего, против собственного народа. Истец не обязан мотивировать изменение предмета иска, и остается только гадать – то ли представители истца наконец осознали, что эта часть утверждения соответствует действительности, то ли не считают преступления против собственного народа порочащим обстоятельством.

Следует подчеркнуть, и на это обращали внимание представители ответчиков, что истец пытается оспаривать общеизвестные и общепризнанные факты.

Тем не менее, в подтверждение каждого из оспариваемых высказываний ответчиками были представлены и приобщены к делу

документы – в виде заверенных копий из архивов, где хранятся подлинники, или в виде публикаций в академических научных изданиях.

Кроме того, по ходатайству «Мемориала» к делу были приобщены Книга памяти «Расстрельные списки. Коммунарка» (один из девяти вышедших к сегодняшнему дню томов с именами расстрелянных в Москве по ложным политическим обвинениям) и два электронных издания.

Первое из этих изданий, осуществленное при содействии Уполномоченного по правам человека в РФ, – диск «Жертвы политического террора в СССР» (интернет-версия <http://lists.memo.ru>), включающий имена более 2 600 000 реабилитированных граждан СССР.

Во втором – выпущенном совместно с Архивом Президента РФ диске «Сталинские расстрельные списки» (интернет-версия <http://stalin.memo.ru/index.htm>) – воспроизведены (в точном соответствии с архивным источником) имена людей, осужденных по непосредственной санкции Сталина и его ближайших подручных, резолюции «вождей» и сопровождавшие списки документы.

О том, какова была роль Сталина в решении судеб этих людей, о том, что «Сталин и чекисты повязаны большой кровью», однозначно свидетельствует, например, записка Ежова от 20.08.1938:

С-секретно

Тов. Сталину

Посылаю на утверждение 4 списка лиц, подлежащих ВК:

1. Список № 1 (общий) — 313

2. —»— № 2 (бывш. военных работников) — 208

3. —»— № 3 (бывш. работников НКВД) — 134

4. —»— № 4 (жены врагов народа) — 15

Прошу санкции осудить всех по первой категории.

20. VIII-38 г. Ежов.

(АП РФ, оп. 24, дело 417, лист 224)

Испрашиваемая санкция **на расстрел 670 человек была дана Сталиным и Молотовым** в тот же день.

Представитель истца Мухин в своем выступлении заявил, что эти сталинские резолюции — не что иное, как «демократические указания политического руководства о выборе меры наказания». Представления о праве у защитников Сталина весьма своеобразны.

Так, они апеллировали к азбучной истине, что никто не может быть признан виновным без решения суда при полном обеспечении права на защиту, – и при этом многократно именовали Особое совещание и тройки судебными органами, хотя эти органы не предусматривали не только участия защиты, но даже и вызова обвиняемых.

Адвокат Резник совершенно справедливо пояснил представителям истца, что признать виновным действительно может только суд, но назвать преступником может и общественное мнение. Так, напри-

мер, Гитлер не был осужден в Нюрнберге — поскольку был уже мертв к моменту создания трибунала, вряд ли, однако, кто-то усомнится в том, что Гитлер был преступником. Аналогичным образом то, что Сталин умер, никак не отменяет преступность его деяний.

Среди приобщенных к делу документов с собственноручными визами и правками Сталина — шифровки на места о дополнительных «лимитах» на расстрелы, приказ о заключении в лагеря жен «изменников Родины», директива о применении пыток (также с собственноручной правкой Сталина), и др.

Попытки сталинистов оспорить оценку пакта Молотова-Риббентропа также потерпели фиаско.

Эта оценка была дана уже 24 декабря 1990 года Съездом народных депутатов СССР, неоднократно подтверждена высшими должностными лицами РФ, вошла в школьные и вузовские учебники; давно опубликованы в научной литературе факты военного сотрудничества СССР и Германии с первых дней второй мировой войны.

В поисках аргументов в пользу собственной интерпретации смысла секретных протоколов Ю. Мухин нашел уж вовсе неожиданного союзника в лице А. Гитлера и представил суду цитату из германской ноты о начале войны с Советским Союзом, считая, видимо, что приводимые в этой ноте обоснования нацистской агрессии соответствуют истине.

Наибольшее внимание в ходе процесса представители истца сосредоточили на истории расстрела польских военнопленных. Суду были представлены копии документов из закрытого «пакета № 1», подтверждающие прямую вину Сталина (а также Берии, Ворошилова, Молотова, Микояна, Калинина и Кагановича) в расстреле поляков.

Ю. Мухин и С. Стрыгин долго излагали суду свои экзотические теории о «фальсификации» этих документов, к которой, по их утверждениям так или иначе причастны и прокуратура, и Горбачев, и Ельцин, и Путин, работники архивов и еще неопределенный круг лиц, в числе которых указывались и ответчики, — концепция вполне в духе сталинской эпохи. Цели и смысл этой «фальсификации» разъяснены не были, а «аргументы», высказанные в суде представителями истцов, давно известны и отвергнуты научным сообществом.

Документы из «пакета № 1» были опубликованы еще в 1992 году. Как и любой другой источник, они, безусловно, могут быть подвергнуты научной критике. Однако до сих пор ни один серьезный специалист не усомнился в их подлинности.

Автор оспариваемой статьи А.Ю. Яблоков подробно рассказал о результатах следствия в тот период, когда он возглавлял следственную группу по так называемому «катынскому делу», о результатах экспертиз, о допросах свидетелей, об эксгумациях. В частности, он подчеркнул, что документы из «пакета № 1» — лишь одно из доказательств расстрела польских военнопленных сотрудниками НКВД.

Представители истца вправе верить в собственные фантастические теории. Но суд должен основываться на законе и установленных фактах.

Решение суда об отклонении иска представляется естественным и очевидным, однако оно имеет важное значение. В частности, это решение, пожалуй, впервые, подтвердило в судебном порядке общеизвестные факты: ответственность Сталина за массовые репрессии и его вину в «катынском преступлении». Конечно, для всесторонней оценки преступлений коммунистического режима нужен процесс иного масштаба, чем заседание районного суда. Но очередной важный шаг к такой оценке сделан.

Общество «Мемориал»

Мосгорсуд счел засекречивание материалов «катынского дела» правомерным. «Мемориал» обратится в Верховный суд

Александр Гурьянов, 02/11/10

2 ноября 2010 года, в Московском городском суде состоялось последнее (девятое) заседание по заявлению Общества «Мемориал» о незаконности засекречивания Постановления Главной военной прокуратуры (ГВП) от 21 сентября 2004 г. о прекращении расследования «катынского» уголовного дела и незаконности отказа Межведомственной комиссии по защите государственной тайны (МВК) отменить решение о засекречивании этого Постановления.

В поступившем накануне несекретном ответе на судебный запрос МВК повторила свою прежнюю просьбу рассмотреть заявление «Мемориала» в отсутствие представителя Комиссии, подтвердила, что Постановление ГВП о прекращении уголовного «катынского» дела было засекречено самой Главной военной прокуратурой и сообщила, что вопрос о рассекречивании Постановления находится в компетенции ГВП.

В ранее присланном письме МВК уже заявляла, что вопрос о возможности рассекречивания закрытых материалов «катынского» дела не требует решения Комиссии.

Таким образом, противоречие между утверждениями этих двух ведомств сохраняется, ибо ***и в сегодняшнем заседании представитель ГВП заявил, что Главная военная прокуратура не имеет возможности рассекретить свое Постановление о прекращении «катынского» дела без решения Межведомственной комиссии.***

В начале заседания судом было отказано в ходатайстве «Мемориала» об истребовании из ГВП и МВК ряда документов – Постановления ГВП от 21 сентября 2004 г. о прекращении «катынского» дела, экспертного заключения **Федеральной службы безопасности**, на

основании которого Постановление ГВП **было засекречено**, и решения МВК от 22 декабря 2004 г. о сохранении режима секретности Постановления ГВП.

Суд отказал также в ходатайстве «Мемориала» о привлечении Федеральной службы безопасности к участию в деле в качестве третьего лица.

В ходе заседания представитель ГВП утверждал, в частности, что засекречивание материалов «катынского» дела не препятствует уставной деятельности «Мемориала», так как предметом дела являлось общеуголовное преступление, **не относящееся, по мнению ГВП, к политическим репрессиям!**

Заслушав представителей сторон суд отказал «Мемориалу»:

– в признании незаконным отказа Межведомственной комиссии от 27 августа 2009 г. в отмене решения о засекречивании Постановления ГВП о прекращении уголовного «катынского» дела;

– в признании необоснованным решения Межведомственной комиссии от 22 декабря 2004 г. о сохранении секретности указанного Постановления ГВП;

– в признании незаконным и необоснованным решения Главной военной прокуратуры о засекречивании Постановления от 21 сентября 2004 г. о прекращении уголовного «катынского» дела.

Знаменательно, что решение Мосгорсуда было вынесено не только без исследования, но даже без ознакомления с текстами оспариваемых решений МВК и ГВП.

Общество «Мемориал» **намерено обжаловать** решение Мосгорсуда в кассационной инстанции, коей в данном случае является Верховный суд Российской Федерации.

*Представитель общества «Мемориал»
Александр Гурьянов*

Государственная Дума России приняла заявление «О катынской трагедии и ее жертвах»

hro.org, 26/11/10

Владимир Шишлин: Парламент России официально назвал Сталина и его соратников виновными в «катынском расстреле» десятков тысяч поляков. Правозащитное общество «Мемориал» поддержало заявление Думы, но призвало российские власти дать и юридическую оценку расстрелу органами НКВД более 20 тысяч польских военнопленных в 1940 году на территории СССР.

Государственная Дума 26 ноября 2010 года признала, что расстрел польских офицеров под Катынью был совершен **по прямому указанию Сталина и других советских руководителей**.

«Опубликованные материалы, многие годы хранившиеся в секретных архивах, не только раскрывают масштабы этой страшной трагедии, но и свидетельствуют, что Катынское преступление было совершено по прямому указанию Сталина и других советских руководителей», – говорится в заявлении Государственной Думы «О катынской трагедии и ее жертвах», принятом палатой за основу 26.11.2010.

За принятие этого документа проголосовали члены трех фракций – «Единая Россия», «Справедливая Россия» и ЛДПР.

Фракция КПРФ голосовала против.

«В официальной советской пропаганде ответственность за это злодеяние, получившее собирательное название катынской трагедии, приписывалась нацистским преступникам. Эта версия долгие годы оставалась предметом подспудных, но от этого не менее ожесточенных дискуссий в советском обществе и неизменно порождало гнев, обиду и недоверие польского народа», – отмечается в заявлении.

Депутаты напомнили, что еще в начале 90-х годов прошлого столетия в новой России было признано, что массовое уничтожение польских граждан на территории СССР во время второй мировой войны стало актом произвола тоталитарного государства, подвергшего репрессиям также сотни тысяч советских людей за политические и религиозные убеждения, по социальным и иным признакам.

Государственная Дума выразила «глубокое сочувствие всем жертвам необоснованных репрессий, их родным и близким».

Многие документы, долгое время хранившиеся в закрытом архиве Политбюро ЦК КПСС, уже были переданы польской стороне, однако часть секретных документов до сих пор не предана гласности, сказано в заявлении.

«Депутаты Государственной Думы уверены, что эта работа должна быть продолжена – необходимо и дальше изучать архивы, выверять списки погибших, восстанавливать честные имена тех, кто погиб в Катыни и других местах, выяснять все обстоятельства трагедии», – говорится в документе.

Катынь является трагическим местом и для нашей страны, отметили в Думе. «В катынских рвах покоятся **тысячи советских граждан, уничтоженных сталинским режимом** в 1936-1938 годах. Именно на них отработывалась **технология массовых убийств**, которая затем в том же месте была применена в отношении польских военнослужащих. Рядом находятся и могилы советских военнопленных, расстрелянных гитлеровскими палачами в годы Великой Отечественной войны», – говорится в документе.

«Решительно осуждая режим, пренебрегавший правами и жизнью людей, депутаты Государственной Думы **протягивают руку дружбы польскому народу** и выражают надежду на начало нового этапа в отношениях между нашими странами, которые будут развиваться на основе демократических ценностей», – говорится в заявлении российского парламента.

Глава Московской Хельсинкской группы (МХГ) Людмила Алексеева надеется, что заявление Госдумы по катынскому преступлению **приведет** к официальному осуждению сталинского режима. «Я счастлива, что Госдума сделала это заявление. Надеюсь, что это поможет окончательному осуждению и официальному разоблачению Сталина», – заявила Алексеева «Интерфаксу».

Общество «Мемориал» поддержало заявление, но призвало российские власти дать и юридическую оценку расстрелу органами НКВД более 20 тысяч польских военнопленных в 1940 году на территории СССР. «Политическая оценка Катыни очень важна, и, слава Богу, если она появится. Хорошо, если будет признано то, что очевидно всему миру», – сказал «Интерфаксу» один из руководителей общества «Мемориал» Ян Рачинский. По его словам, политической оценки катынского преступления недостаточно, необходимо **рассекретить материалы** уголовного дела и архивы, связанные с Катынью. Кроме того, он заявил, что расстрелянных польских военнопленных **необходимо признать жертвами политических репрессий**.

«Если будет высказана позиция Госдумы, то будет сделан серьезный шаг вперед, в том числе для улучшения отношений между Россией и Польшей. Но виновность Сталина и высшего советского руководства должна быть подтверждена **не только политически, но и юридически**», – сказал Ян Рачинский.

Россия должна открыть максимальное количество документов по «катынскому делу», считает глава Совета при президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека Михаил Федотов. «Применительно к катынской трагедии – мы должны сделать все, чтобы не было даже мельчайших подозрений на то, что мы пытаемся что-то скрыть», – сказал он «Интерфаксу».

По его словам, в России планируется осудить роль НКВД и других организаций в политических репрессиях. Федотов сообщил о разработке Советом проекта «Национальное примирение и увековечение памяти жертв тоталитарного режима».

«Будет ли в рамках проекта дана оценка конкретных организаций? Думаю, что да, – ответил Федотов на вопрос о том, будет ли в России осуждена роль НКВД в сталинских репрессиях. – Но инструментами режима являются не только спецслужбы, но даже и такие, казалось бы, далекие от спецслужб организации, как творческие союзы. Давайте вспомним, как Бориса Пастернака исключали из Союза писателей».

«Это не будет суд над Сталиным, это не будет суд над НКВД. Это будет оценка режима. То, что **жертвами этого режима был весь народ**, – для меня лично это очевидно», – сказал Федотов.

По его словам, разрабатываемый Советом проект предполагает мемориальную работу – **установку памятников, организацию музеев и мемориальных комплексов, открытие архивов и их изучение, а также социальную поддержку** жертв тоталитарного режима.

В середине января 2011 года с членами президентского Совета по правам человека планирует встретиться Дмитрий Медведев. «Он встретится с советом для обсуждения трех вопросов: о национальном примирении и увековечении памяти жертв репрессий, о защите семьи и детства, а также судебной и полицейской реформ», – пояснил Михаил Федотов.

Катынь: внук Сталина требует 100 миллионов рублей с депутатов Госдумы

hro.org, 13/12/10

Внук Иосифа Сталина Евгений Джугашвили подал в суд иск на сумму 100 миллионов рублей к Государственной Думе с требованием защитить доброе имя его деда, сообщает на сайте КПРФ. Поводом для иска стало принятие депутатами заявления «О катынской трагедии и ее жертвах», которое возлагает ответственность за это преступление на Сталина и его соратников.

Истец попросил суд признать содержащиеся в заявлении сведения о том, что «Катынское преступление было совершено по прямому указанию Сталина», не соответствующими действительности и порочащими честь и достоинство бывшего советского руководителя, передают Грани.ру.

Госдума 26 ноября приняла заявление, в котором признала, что расстрел польских офицеров под Катынью был совершен по прямому указанию Сталина и других советских руководителей. «Опубликованные материалы, многие годы хранившиеся в секретных архивах, не только раскрывают масштабы этой страшной трагедии, но и свидетельствуют, что Катынское преступление было совершено по прямому указанию Сталина и других советских руководителей», – говорится в заявлении «О катынской трагедии и ее жертвах».

«В официальной советской пропаганде ответственность за это злодеяние, получившее собирательное название катынской трагедии, приписывалась нацистским преступникам. Эта версия долгие годы оставалась предметом подспудных, но от этого не менее ожесточенных

дискуссий в советском обществе и неизменно порождало гнев, обиду и недоверие польского народа», – отмечается в заявлении.

В нем напоминает, что еще в начале 1990-х годов в России было признано, что массовое уничтожение польских граждан на территории СССР во время Второй мировой войны стало актом произвола тоталитарного государства, подвергшего репрессиям также сотни тысяч советских людей за политические и религиозные убеждения, по социальным и иным признакам.

21 сентября Тверской суд Москвы отказался по иску Джугашвили признать сфальсифицированными документы Росархива по «катынскому делу». «Решением суда в удовлетворении исковых требований отказано», – сказала тогда пресс-секретарь Тверского суда Александра Березина.

По ее словам, Джугашвили просил у суда «признать содержащиеся в опубликованных 28 апреля на сайте Росархива документах по проблеме Катыни сведения о том, что Сталин вместе с другими членами политбюро предложил НКВД СССР дела 25 тысяч польских граждан рассмотреть в особом порядке с применением к ним высшей меры наказания – расстрела, вымышленными, не соответствующими действительности, порочащими Сталина».

Как отметила Березина, истец просил также обязать Росархив убирать с сайта документы по проблеме Катыни, которые он считает подложными, и взыскать с ответчика 100 миллионов рублей в качестве компенсации «морального вреда и нравственных страданий».

Со своей стороны адвокат внука Сталина Леонид Жура заявил тогда о собственной победе в суде. «Расстрел польских офицеров в Катыни был признан не порочащим Сталина, и только на этом основании иск был отклонен. Так что это, фактически, наша победа», – сказал адвокат. Жура также отметил, что представители Росархива не смогли представить доказательства подлинности оспариваемых документов. Адвокат уже заявил, что намерен обжаловать решение Тверского суда в кассационной инстанции.

50 томов «катынского дела» в декабре переданы Польше. Однако в реабилитации казненных до сих пор отказывают

hro.org, 15/12/10

Пятьдесят томов «катынского дела» о расстреле польских офицеров сотрудниками НКВД в 1940 году в Катыни доставлены из России в Польшу. Об этом сообщил 14 декабря польский МИД. Вместе с тем, прокуратура и суды РФ до сих пор отказывают в рассекретивании всех документов по катынскому преступлению и безусловной юридической

реабилитации жертв массовых расстрелов 1940-го года под различными надуманными предлогами.

«Пятьдесят томов катынского дела доставлены в МИД через наше посольство в Москве», – цитирует РИА «Новости» слова сотрудника пресс-службы МИД Рафала Собчака польским СМИ.

Российская сторона передала эти документы Посольству Польши. Тогда польский МИД заявил, что среди них документы 1940-х годов и документы российского следствия 1990-х, сообщает «Балт-Инфо».

«Катынское дело» долгие годы осложняло отношения между Польшей и Россией. Напомним, в марте 2005 года в Генпрокуратуру РФ поступил запрос польской стороны с ходатайством об ознакомлении со всеми материалами так называемого «катынского дела». В октябре 2005 года польская сторона была ознакомлена с 67 томами. В ноябре 2009 года в Генпрокуратуру РФ поступило новое польское ходатайство об ознакомлении со всеми материалами уголовного дела.

Массовое интернирование поляков и польских граждан на территорию СССР прошло осенью 1939 года. В 1943 году, после оккупации германскими войсками западных районов СССР, появились сообщения о том, что сотрудники НКВД расстреляли польских офицеров в Катынском лесу в 14 километрах к западу от Смоленска. Советская комиссия в 1944 году обвинила в расстреле поляков немецкую сторону.

И только в перестройку президент СССР Горбачев признал, что за расстрел польских офицеров несет ответственность сталинский режим. Как стало известно, **советскими чекистами в 1940 году было казнено около 22 тысяч** поляков и польских граждан.

Государственная Дума России 26 ноября 2010 года признала, что расстрел польских офицеров **под Катынью** был совершен **по прямому указанию Сталина и других советских руководителей**. «Опубликованные материалы, многие годы хранившиеся в секретных архивах, не только раскрывают масштабы этой страшной трагедии, но и свидетельствуют, что Катынское преступление было совершено по прямому указанию Сталина и других советских руководителей», – говорится в заявлении Государственной Думы «О катынской трагедии и ее жертвах».

Международное историко-просветительское и правозащитное общество «Мемориал» – наиболее значимая на постсоветском пространстве неправительственная организация, работающая над проблемами исторической памяти, – долгие годы добивается рассекретивания всех документов по катынскому преступлению и безусловной юридической реабилитации жертв массовых расстрелов 1940-го года. Прокуратура и суды РФ до сих пор отказывают и в том, и в другом под различными надуманными предлогами.

Карагандину обде Ленинский р. Молодого
 41-60 Малаговокой области
 18.VIII.55 год при Никитеровие Рабичи
 протививаши! П. Тергесевский
 Зайвлекен
 1937 году в октябре меся

6514
 151
 1937 г.
 1903 г.
 галтер

Мой муж Никитеров Александр
 Фридрихович был Яковом разгоров
 с Косо возвал, а франкишескии по
 стелити в разгоров с Косо был
 престобав. С тех пор я не знаю
 за что? и куда? через мой муж
 предпильно прому все оказало мне
 помошь по существу моего дела
 и сообщити тел

ИД и обни
 ррррррр
 приноде
 ион агента
 ошенко к
 з сурганов
 ве П.И. от
 суд, одне
 нр?
 получи по
 ственческо
 кова - Воро
 что
 на зе
 Гладовичо

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ НАС!

Приве т из Свердловска маме родне мн
 Лилиа, Мена, бабушка. Я здорова. Три
 ду на месте соавду адрес и тогда Ви
 мне пишете ваики пашо исе то мнел
 нео? родило. До моего письма никто мн
 не пише. Прому и чмоодно поадр
 мите редит помогите ми соавду
 до моего приуда. Возмите к себе мо
 Жану с сестрой и Левой, так же ко
 олите мои детди втрь

занимались Во
 Вицельского А.
 Бузьевского
 П. Приждю

СССР
 НАЦИОНАЛЬНЫЙ
 ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
 ЗАРЯДНИК МВР
 ЗАПИСНАЯ КНИЖКА
 № 5621
 ЗАРЕГИСТРИРОВАННОЕ
 ИМЕНА ЧИТА

УДОСТОВЕРЕНИЕ
 № 5621
 ЗАРЕГИСТРИРОВАННОЕ
 ИМЕНА ЧИТА

Дата рождения: 1906 г.
 Место рождения: Свердловская обл., г. Свердловск
 Место жительства: Свердловская обл., г. Свердловск
 Место работы: Свердловская обл., г. Свердловск
 Место учебы: Свердловская обл., г. Свердловск

Инициалы: С.И. Тергесевский
 Подпись: С.И. Тергесевский
 Дата: 1955 г.

родни су
 беру тхность, то свани
 все не остави ребят мн
 ко ва выете, не забв
 энд. Передного проавоу
 таме та, помога мн
 отдави ребят, аа и ва
 в пуду родичику, да и ва
 наденести, да и ва
 и да и ва

Имя	Фамилия	Отчество
Пол	Дата рождения	Место рождения
Место жительства	Место работы	Место учебы
Состояние	Семейное положение	Специальность
Срок службы	Срок действия	Подпись

Надежда

Дочь меня спросила, сын просил ответить:
Почему нет с нами нашего отца.
Обо всем, что было, пусть узнают дети,
Детям расскажу я правду до конца.

Муж был арестован, муж мой – враг народа,
И с детьми из дома выгнали меня.
Постучалась к брату, брат дрожал от страха:
«Уходи быстрее, ты мне не сестра».

Сколько было горя – не смогу измерить,
То, что рассказала, снова повторю:
Муж мой – враг всем людям – не смогу поверить,
Пусть меня он слышит: я его люблю!

Он меня услышал, он мне улыбнулся,
Навсегда запомню я его слова:
«Умирают люди, города и страны.
Все пройдет на свете, а любовь жива!»

Автор стихотворения – Галина Анатольевна Антонова, дочь Антоновых, когда-то приютивших семью репрессированного П.Т. Гусарова.

«Когда после ареста отца, мы вернулись в Молотов (Пермь)... и нам совершенно негде было жить, нас не пустил к себе даже родной брат матери. Это и вправду было опасно. Нас приютили давние друзья мамы и папы – Анатолий Степанович (инженер-строитель) и Надежда Степановна (педагог) Антоновы, сами имевшие троих детей».

Из воспоминаний Дмитрия Петровича Гусарова

РЕКВИЕМ

Вместо предисловия

В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина, которая, конечно, никогда не слышала моего имени, очнулась от свойственного нам всем опьянения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

– А это вы можете описать?

И я сказала:

– Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом.

1 апреля, 1957, Ленинград

Посвящение

Перед этим горем гнутся горы,
Не течет великая река,
Но крепки тюремные затворы,
А за ними «каторжные норы»
И смертельная тоска.
Для кого-то веет ветер свежий,
Для кого-то нежится закат –
Мы не знаем, мы повсюду те же,
Слышим лишь ключей постылый скрежет
Да шаги тяжелые солдат.
Подымались как к обедне ранней,
По столице одичалой шли,
Там встречались, мертвых бездыханней,
Солнце ниже, и Нева туманней,
А надежда все поет вдали.
Приговор... И сразу слезы хлынут,
Ото всех уже отделена,
Словно с болью жизнь из сердца вынут,
Словно грубо навзничь опрокинут,
Но идет... Шатается... Одна...
Где теперь невольные подруги
Двух моих осатанелых лет?
Что им чудится в сибирской вьюге,
Что мерещится им в лунном круге?
Им я шлю прощальный свой привет.

Март, 1940

КАК АРЕСТОВЫВАЛИ «МЕНЬШЕВИКОВ» В ОЧЕРЕ

Рассказывает Анатолий Олегович Бурдин,
внук Николая Андреевича Бурдина.

Ночью с 19 на 20 февраля 1938 года в районном городке Очёр арестовали сразу 19 человек. Среди арестованных оказались учительница и два попа. Рядом с этими образованными (по меркам того времени) арестантами оказался и Николай Андреевич Бурдин. 13 мая он был осужден, а 14 мая расстрелян. Почему в такой спешке осужден и расстрелян Николай Андреевич? Что за человек он был? Чем он мог оказаться неугодным режиму?

Одиннадцатилетний Олег и девятилетняя Лиза, проснувшись, наблюдали с печи, как арестовывают их отца. Они видели, как по комнате ходили несколько дядей и рылись во всех ящиках. Что искали, дети не поняли. Лиза, теперь Елизавета Николаевна, вспоминает, что она больше всего не хотела, чтобы взяли альбом с заставками из картинок, который лежал в ящике стола вместе с какими-то другими бумагами. 20-летнего Ефима дома не было: он работал в пригороде.

15-летняя Валентина также ничего не поняла. Через какое-то время тайком написала в Пермь письмо, в котором спрашивала, где её отец. Она уже успела забыть о письме, когда мать получила повестку с требованием, чтобы дочь явилась в милицию. Когда перепуганная Валентина пришла в отделение, её стали спрашивать в подробностях, что писала и почему писала. И только потом сказали, что отец осужден на 10 лет без права переписки и отправлен на Соловецкие островки. Так и сказали: «На Соловецкие островки». Возможно, это была такая присказка у милицейских работников...

Николай Андреевич не имел определенного места работы, занимался тем, что подвернется: малярил (был первоклассный маляр), столярничал, собирал утиль, клеил для почты конверты, делал для магазинов бумажные кульки, набивал сигаретные гильзы табаком. Но за это, как говорится, не судят. Более подозрительной могла оказаться его активность иного рода, так и оставшаяся неизвестной его детям.

Он много куда-то писал. По словам Валентины, писал даже самому Сталину. Уже после ареста на его имя пришло два письма из газеты «Звезда». Этот факт может свидетельствовать о чем угодно. Например, об уровне грамотности Николая Андреевича. Или об активной гражданской позиции: он, видимо, сообщал газете о каких-то недостатках, критиковал кого-то. В противном случае газета не вела бы с ним переписку. Но при аресте еще нашли якобы какую-то книгу то ли Бухарина, то ли Троцкого.

О том, что Николай Андреевич был человеком начитанным (хотя образование было, как у большинства, начальное) говорят не только его переписка, но и сохранившиеся книги. Дети (Лиза, Валя) помнят, что у него хранились газеты «Нева» еще царского времени. В частности, запомнилось, что эти многостраничные газеты были из хорошей бумаги. Хранились толстые журналы «Вестник знаний». Запомнились какие-то журналы, вверху каждой страницы которых была изображена кудрявая головка мальчика, обвитого змеем. Дети помнят два ящика с книгами: деревянный, обитый железными полосками, и железный.

В железном хранили сначала бельё и всякие куски материи, из которых Валентина шила своей малолетней сестре платья и что-то брату. Книги в нем стали храниться уже после переезда на новое место жительства и ареста отца.

В отличие от Николая Андреевича его жена Анна Афанасьева была неграмотной. Например, она спрашивала у детей год своего рождения, так как не знала чисел. Ей говорили, что родилась в тот год, когда выпали «три восьмерки». И при записях она повторяла таким же образом: «три восьмёрки», то есть в 1888 году.

Николай Андреевич вел дневник. Однажды Лиза тайком открыла ящик и прочитала запись, в которой описывается самоубийство Морозова, не то председателя горисполкома, не то секретаря партийной организации. Интересно, почему сотрудники НКВД такие важные улики оставили? Не нашли? У отца и старшего сына Ефима, как охотников, было по ружью. При обыске их конфисковали. Впоследствии, после реабилитации, за одно ружье выплатили 85 рублей.

Как говорится, «основания» для ареста Николая были. Стоило только преподнести находки соответствующим образом. Ведь потребность в поимке «шпионов» у НКВД всегда была.

...В семье Николай Андреевич был строг, но семью любил. По праздникам даже детям давал «помаленьку кагорчику» и дарил обновки. И дети помогали ему: они помогали клеить и сушить на печи конверты, набивать табаком сигаретные гильзы. Николай Андреевич не был бездумным растратчиком, жил бережливо, любил запас и учёт. В специальном ящике у него нередко хранились «про запас» буханки хлеба. А в дневнике он вел записи о покупках и соответствующих затратах. В свободное время, если оно было, любил читать книги. Эта любовь передалась и детям.

Незадолго до ареста Николай Андреевич начал строить новый дом. В поле рядом с городом рубил сруб. Сейчас там стоят жилые дома. В срубе у него дети видели гипсовую скульптуру Ленина. Зачем она там хранилась? Видимо, были какие-то порывы души...

Подготовив сруб, Николай Андреевич продал дом, в котором жили. Деньги нужны были для окончания строительства. Для временного проживания купил маленькую избушку уже в самом

Очёрё. Перевезли туда срубы и уже подготовили в огороде место для постройки. Но последовал арест.

Непосредственной причиной для него якобы послужил донос. Но в справке, выданной нам УКГБ, причины ареста определены иначе: Бурдин Николай Андреевич «арестован по подозрению в том, что он проводит контрреволюционную деятельность». Весьма характерная для того времени формулировка: «арестован по подозрению». Вот так: не задержан, а сразу арестован. И арестован не по обвинению, а всего лишь по подозрению. То есть, арестованным мог быть любой человек без всякой причины, а всего лишь по подозрению.

В чем выражается «контрреволюционная деятельность» – в справке не расшифровывается. Но далее указывается, что «в ходе следствия... был обвинён в том, что он является участником контрреволюционной меньшевистской организации».

Следственные органы, сами того не замечая, в этой справке признали свою слабость. Меньшевистские организации в 1938 году не могли бы существовать даже в самых захудалых городишках. Как бы то ни было, тройкой УНКВД по Свердловской области Бурдин Николай Андреевич приговорен к высшей мере наказания, то есть расстрелу.

В ходе проверки 1956 года было установлено, что материалы следствия сфальсифицированы, хотя это ясно и без всякой дополнительной проверки. Без всякой причины пострадал невинный человек, и под угрозой оказалась жизнь его детей.

Арест одного человека в масштабах страны – не велика потеря. Но для конкретной семьи потеря кормильца – катастрофа. И вопрос состоит не столько в том, кем и какими вырастут дети, а вообще, вырастут ли, выживут ли.

После ареста отца-кормильца остались мать Анна Афанасьева с малолетними детьми Олегом и Лизаветой. Сначала еще жили за счет старых запасов. Являясь старшим в семье, Ефим хотел все-таки закончить строительство дома. Но с началом войны его призвали в армию. В октябре 1941 года Ефим пропал без вести. Наступили не просто трудные – тяжкие времена. Валентина стала ходить по окрестным деревням (Пестерево, Малахово и другим селам) просить милостыню. Иногда с ней ходили и младшие Олег с Лизаветой. Крапива стала естественной приправой в еде.

В мае Валентина уехала в Пермь. В 1942 году срубы пришлось продать школе под «кипятильню», она прослужила потом многие годы.

Мать, Анна Афанасьевна, работая техничкой в школе, упала со строительных лесов и в 1943 году умерла. Дети выживали, как могли. Попрошайничали по окрестным деревням. Однажды зимой, когда уже совсем нечего было есть, они собрали в снегу выброшенную испорченную лапшу и съели её. Олег приворовывал хлеб, картошку или другие продукты на колхозном рынке. Все приносил домой, сестренке.

Вскоре Валентина позвала Олега в Пермь работать на заводе, куда его приняли охранником. Нужда и голод не способствовали формированию у Олега (как и многих его сверстников) высоких идеалов. Питания не хватало, вскоре он продал простыню из общежития. Боясь наказания, скрылся в штольне, где на горячих трубах зимовали ребята-ремесленники, совершил прогул на работе. Это в условиях военного времени было серьезным преступлением. Милиция вытащила его из штольни, он отсидел срок в тюрьме. Про тюрьму Олег не рассказывал, только говорил, что там над ним издевались.

Валентина до отъезда успела закончить семилетку, а после ареста отца ещё два класса педучилища. В Перми устроилась на завод им. Калинина. Не успела и поработать, началась война. Валя пошла в отдел по найму с просьбой отпустить ее домой. На это начальник Степанов стукнул кулаком по столу: «Вы что, в куклы приехали играть?» И Валя осталась на заводе.

Так сложилась судьба детей репрессированного отца. Думается, что судьбы детей миллионов репрессированных могли отличаться только деталями.

В конце концов, Валентина, Елизавета и Олег выросли, встали на ноги. Пережили гибель родителей, перетерпели невзгоды, голод, унижения. Честно прожили свою нелегкую трудовую жизнь.

...Изучая историю нашей семьи, я узнал, что мы являемся потомками «Сеньки Ларионова сына Бурдина», который вместе с другими служивыми был основателем Очерского Острога в 1600–1602 годах. Мы гордимся своими предками, помним Бурдина Николая Андреевича (7.11.1885–14.05.1938). Как помним и чтим всех невинно репрессированных в 1937–1938 годах.

P.S. Когда с этим текстом познакомились Валентина Николаевна и Елизавета Николаевна, они попросили убрать из него упоминание о письмах к Сталину, книге Бухарина, о запасах хлеба. Но просьба их, как я понял, диктовалась въевшимся страхом, опасением чего-то. И я оставил их воспоминания в первом варианте, без корректировки, считая, что именно такие подробности дают более точную картину тех дней, лучше раскрывают характеры людей, ставших жертвами сталинского террора.

«БЫТЬ МНЕ СЧАСТЛИВЫМ...»

Предлагаем вашему вниманию подборку материалов, посвященных врачу Петру Тимофеевичу Гусарову (1906-1985). Речь идет, можно сказать, о типичной судьбе советского интеллигента середины 30-х годов прошлого века. О его семье, о сыне, о друзьях и знакомых, с кем делил зековскую пайку. Он прошел через тюрьмы, лагерь, ссылки. Был арестован в 1937 году, в 1949 году арестован повторно, реабилитирован в 1957 году. Как он сам говорил о себе: «Я родился в "сорочке"...»

*1937 год. Снято перед самым арестом.
Сборы с друзьями на охоту.*

Я РОДИЛСЯ В «СОРОЧКЕ»

Он родился в 1906 году, в селе Вознесенский завод Тамбовской губернии (ныне поселок Вознесенское Нижегородской области) в семье рабочего. В 1913 году в поисках работы отец – Тимофей Егорович Гусаров – переехал в г. Енакиево (Петровский завод) Екатеринославской губернии, куда за ним перебралась и семья. Здесь Петра отдали в школу. В 1915 году семья перебралась на Урал, на Сосьвинский металлургический завод. В 1917 году Петр поступил в первый класс начального училища. Как и его сверстники, стал свидетелем революции и гражданской войны, прошедших через Сосьву.

В 1921 году семья Гусаровых вернулась на родину, в Вознесенское. Петр поступил на работу слесарем в мастерскую механического цеха Кулебакского завода. Здесь был избран секретарем комсомольской ячейки. А затем занимал различные должности в комсомольских комитетах. Одновременно учился, и в 1925 году закончил единую трудовую школу в с. Кулебаки.

*Начало 50-х годов.
Петр Тимофеевич дома
с собакой.*

Осенью 1925 года П.Т. Гусаров приехал в Пермь и поступил на медицинский факультет Пермского университета. Обучаясь в университете, вел

активную комсомольскую деятельность. Был избран секретарем комсомольской организации университета и членом бюро Пермского городского комитета комсомола. Вступил в ряды коммунистической партии, но в период партийной дискуссии 1927 года занял позицию Троцкого, за что был исключен из нее. Это событие решило судьбу Петра Тимофеевича в 1937 году.

По окончании медицинского факультета вместе с женой Надеждой Васильевной Самович, тоже врачом, был направлен на работу в село Утятское Курганского округа. С 1932 года – в затоне Дербешка (Тат. АССР) заведовал больницей Камского водздрава. Осенью 1936 года, предвидя неизбежность ареста, уехал в Пермь, «...полагая, что моё «личное дело троцкиста» ходит за мной, и что в глухомани я окажусь самой подходящей фигурой для привлечения к расправе...» (из воспоминаний П.Т.). Но попытка избежать ареста была тщетной. «5 октября... только успел перешагнуть порог дома, мне сообщают, – тебя разыскивает МГБ».

На следующий день к дому подъехал фэзтон. На козлах кучер в поддевке, опоясанный красным кушаком. Вороной рысак и фэзтон служили маскировкой «непричастности» экипажа к действительному хозяину – МГБ. В квартиру зашел молодой человек в военной форме, предъявил удостоверение и ордер на обыск. «Начинаю прощаться. Целуюсь со всеми в доме и ухожу. Ушел на 10 лет...».

На руках молодой жены остались пятилетняя дочь Таня и двухлетний сын Дима.

Из приговора суда: «Подсудимый Гусаров П.Т., работая в больнице при затоне Дербёшка КРП, систематически проводил среди служащих, рабочих и больных контрреволюционную пропаганду, направленную

*П. Т. Гусаров и его жена
Н. В. Самович в ссылке.*

на срыв мероприятий партии и правительства, а также проводил контрреволюционную террористическую агитацию в отношении руководителей партии и Советского правительства...»

Суд приговорил Гусарова Петра Тимофеевича по ч. I ст. 58-10 УК к тюремному заключению на 10 лет с последующим поражением в избирательных правах на 4 года. Добавим, что все его подельники были приговорены к расстрелу.

Большую часть срока Петру Тимофеевичу пришлось отбывать в Печорских лагерях. В 1946 году получил разрешение на выезд из Печоры. Приехал в Пермь, где проживала семья. Его приняли на прежнюю должность – старшим лечебным инспектором Камского водздравотдела. Казалось, жизнь налаживается. Но в январе

1949 года он повторно арестован. Мера пресечения – 7 лет ссылки на севере Красноярского края, поселок Подтесово.

Вернулись Гусаровы в Пермь через много лет – в 1956 году. Петр Тимофеевич трудится хирургом и зав. отделением Лечпрофобъединения Молотовстроя в п. Балатово. Здесь, в ноябре 1957 года, после 20 лет жестоких испытаний и унижений, он получил определение Судебной коллегии Верховного Суда СССР об отмене приговора 1937 года и прекращении дела по ст. 58 за отсутствием состава преступления.

С 1960 года Петр Тимофеевич возглавлял линейную Нижне-Курьинскую больницу Камского водздравотдела, откуда в июле 1966 года вышел на пенсию.

«В моей биографии есть любопытный факт, – рассказывал он друзьям, – 95-летняя бабка Агафья, которая знала решительно всё и обо всех, сообщила мне, что я родился в «сорочке». Это означало: быть мне счастливым. Если принять во внимание, что я остался жив и невредим, пройдя множество жизненных ситуаций с реальной смертельной опасностью, то слова бабки Агафьи можно считать пророческими». Он умер в 1985 году.

ИСКРЫ ПАМЯТИ

Воспоминания Дмитрия Петровича Гусарова
о своем детстве и отце

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

В очередном отпуске мы всей семьей плывем по Волге на экскурсионном теплоходе по маршруту Пермь–Астрахань. Мы, северяне, одни их многих тысяч, кто на вечной мерзлоте строят новые города и добывают из глубины земли природный газ. После девятимесячной суровой зимы и снежной бесконечной тундры мы наслаждаемся солнцем и любимемся красотой зеленых берегов. Жизнь на теплоходе идет по расписанию. Экскурсии в приволжские города, зеленые стоянки, музыка, танцы, конкурсы. Масса впечатлений. Следующая стоянка – город Казань.

После экскурсии по Казанскому Кремлю мы с небольшой группой туристов не пошли к главному выходу, а через открытую дверь в противоположной кремлевской стене вышли на высокий земляной вал, с которого можно было по деревянной лестнице спуститься на берег Волги. Внизу виднелась старая пристань, вдоль берега тянулись большие купеческие склады из грубого серого камня. Эта панорама пробудила во мне непонятный интерес. Вдруг зажглись искры памяти и высветили картину из детства. До этого события я не задумывался, как жил, что со мной происходило. Пробудившаяся память вернула меня в прошлое.

Я, пятилетний мальчишка, и моя мама сидим у подножья холма на поляне. На холме высокая каменная стена. Вокруг кучками сидят люди. Большинство – женщины, некоторые с детьми. Все смотрят в сторону длинного каменного здания, обнесенного забором из колючей проволоки. В заборе калитка. У калитки часовые с оружием. Люди напряженно ждут. Из здания выходит человек в военной форме, подходит к калитке и что-то громко объявляет. Начинается оживление. Все переговариваются, переключивают сумки, смотрят на часы. Мама подсаживается ко мне, обнимает меня и тихим спокойным голосом объясняет, что наш папа находится сейчас в этом здании, и тебе, сынок, только одному разрешено свидание с ним. Передачи запрещены. Мама кладет мне в карман очень маленький,

*Дима Гусаров с детства
был рядом с Петром
Тимофеевичем. Несмотря на
арест и ссылку отца.*

перетянутый тонкой резинкой рулончик. Она настойчиво и терпеливо внушает мне, что этот сверток я должен незаметно передать папе, что бояться не надо, что папа меня очень любит и будет рад со мной повидаться.

В очередной раз выходит человек в военной форме и на этот раз называет нашу фамилию. Мама много раз целует меня и за руку подводит к человеку в форме. Мама остается за калиткой. Я не понимаю, что происходит, и поэтому не очень испуган. Заходим в здание. В длинном коридоре несколько железных дверей и часовые. Одна дверь открывается, выходит человек в форме. Я мельком вижу двухъярусные нары, на нарах сидят люди. Часовой закрывает дверь на замок. Сопровождающий просит открыть другую дверь. Заходим в комнату с грубым деревянным полом и маленькими окнами с решетками. В глубине комнаты сидит человек.

Я узнаю папу, хотя не видел его больше года. Несколько шагов, и я в его объятиях. Что говорил отец, не помню, да и что можно сказать ребенку в таком положении. Зато я прекрасно помнил наказ матери. Слежу за конвоиром, присутствующим в комнате. Он курит, пуская дым в разбитое окно. Осторожно достаю из кармана сверток и быстро вкладываю его в ладонь отца. Всё проходит благополучно, и я очень рад, что так здорово выполнил мамино поручение. Вскоре объявили: «Свидание окончено».

Это было первое, после ареста, свидание с отцом, попавшим под каток репрессий и осужденным на десять лет по популярной тогда «58» статье. Это было первое свидание с «другим миром», который надолго вошел в нашу повседневную жизнь.

В этом доме жила ссыльная семья Гусаровых.

...До отплытия туристского теплохода, я нашел на пристани человека, который помнил, что в одном из этих больших старых складов, очень давно, была временная пересыльная тюрьма.

Второе свидание с отцом случится через восемь долгих лет. Все эти годы мама, я и старшая сестра тяжело выживали, особенно во время войны. Голод, холод, болезни и отсутствие постоянного жилья... Каждый день на себе ощущали, что значит быть членом семьи врага народа, и это клеймо не смоеется даже после полной реабилитации отца.

Когда после ареста отца мы вернулись в Молотов (Пермь) из поселка Дербешка Татарской АССР, куда мои родители были направлены по распределению после института, и нам совершенно негде было жить, нас не пустил к себе даже родной брат матери. Это и вправду было опасно. Нас приютили давние друзья мамы и папы – Анатолий Степанович (инженер-строитель) и Надежда Степановна (педагог) Антоновы, сами имевшие троих детей. Они жили в деревянном доме, стоявшем особняком от других домов, на Городских горках за Егошихинским логом. Это была окраина города, и наше проживание мало кто замечал. Несколько лет мы росли вместе с детьми Антоновых, и всю последующую жизнь сохраняли дружеские связи.

На работу мама устроилась тоже с большим трудом, несмотря на то, что она была квалифицированным врачом. Врачей остро не хватало, но ее взяли медицинской сестрой. Правда, в этом качестве она проработала недолго, и скоро снова стала врачом. Может быть, это была маленькая хитрость главного врача, тоже боявшегося неприятностей. Мы выжили тогда только благодаря беззаветной самоотверженности и нескончаемому терпению мамы, ее невероятной трудоспособности и любви. Она с утра до позднего вечера работала в военном госпитале, часто дежурила по ночам, стараясь как можно больше заработать.

Нас, детей войны, во многом воспитывала и закаляла улица, со своими, иногда очень сомнительными и жесткими, правилами. Моя сестра была спокойной, рассудительной девочкой, я же своими похождениями не раз сильно огорчал маму.

Сообщение об окончании войны придало нам новых надежд и уверенности. Мама стала чаще бывать дома и уделять нам больше внимания. Ушли в прошлое мои уличные приключения, я стал лучше учиться.

1946 год. Год без войны. Я перешел в шестой класс. Начались летние каникулы. И тут мы получаем письмо с «того света». Мало кто надеялся увидеть отца живым. Но он, оказывается, жив. Письмо принес знакомый ему машинист, который должен перегнать паровоз с вагонами из нашего города в Воркуту. Из письма и многочисленных рассказов гостя Николая Ивановича, мы, наконец, узнали, где и как отбывал свой срок отец. Врач-хирург, он почти все годы своего заключения работал

— 64 —

УДОСТОВЕРЕНИЕ
№ 5671
(взамен паспорта)

ДАНО ОСАМЬОМУ Гусарову Виктору Викторовичу 1906 г.р.
в том, что он строго ограничен в правах передвижения и обязан проживать в пос. Убогтесово Синицкого районе, Красноярского края Гусаров В. В.

состоит под главным надзором в Синицком РО МГБ КК и обязан являть на регистрацию каждого 5-20 числа в Синицком РО МГБ. При отсутствии отметки о своевременной явке на регистрацию, удостоверение недействительно.

Исполнитель: Синицкого РО МГБ КК
майор Синицкий
Депутатом законодательного собрания Красноярского края Синицкий

Дата регистрации <u>25/15</u> 19 <u>52</u> г.	Дата регистрации <u>5/15</u> 19 <u>52</u> г.
м п Подпись <u>Виктор</u>	м п Подпись <u>Виктор</u>
Дата регистрации <u>5/15</u> 19 <u>52</u> г.	Дата регистрации <u>24/15</u> 19 <u>52</u> г.
м п Подпись <u>Виктор</u>	м п Подпись <u>Виктор</u>
Дата регистрации <u>28/15</u> 19 <u>52</u> г.	Дата регистрации <u>28/15</u> 19 <u>52</u> г.
м п Подпись <u>Виктор</u>	м п Подпись <u>Виктор</u>
Дата регистрации <u>5/15</u> 19 <u>52</u> г.	Дата регистрации <u>17/17</u> 19 <u>52</u> г.
м п Подпись <u>Виктор</u>	м п Подпись <u>Виктор</u>
Дата регистрации <u>20/17</u> 19 <u>52</u> г.	Дата регистрации <u>1/14</u> 19 <u>52</u> г.
м п Подпись <u>Виктор</u>	м п Подпись <u>Виктор</u>
Дата регистрации <u>28/17</u> 19 <u>52</u> г.	Дата регистрации <u>13/15</u> 19 <u>52</u> г.
м п Подпись <u>Виктор</u>	м п Подпись <u>Виктор</u>
Дата регистрации <u>15/17</u> 19 <u>52</u> г.	Дата регистрации <u>6/15</u> 19 <u>52</u> г.
м п Подпись <u>Виктор</u>	м п Подпись <u>Виктор</u>

Эти бумаги выдавали вместо паспорта.

по специальности. Это помогло ему отбыть свой срок и сохранить здоровье. Сейчас он на год раньше срока условно-досрочно освобожден без права выезда. Живет в поселке, у него своя комната. Находится на станции Кочмас, недалеко от Воркуты, где, как и по всей дороге, ведется строительство силами заключенных.

Отец приглашал приехать летом к нему. Закончились, как тогда писала советская пресса, «шестьсот героических дней», грузовое движение на новой железной дороге Воркута – Котлас открыто. Но пассажирские поезда ходят плохо из-за частых крушений по причине проседания насыпи и полного отсутствия регулирования движения. Разговор снова вернулся к нашей поездке. Мама сказала, что не сможет поехать из-за слабого здоровья, да и отпуск ей этим летом не обещали. Уходя, дядя Коля оставил адрес общежития железнодорожников. Пока шли разговоры, у меня созрело решение обязательно поехать к отцу, даже одному, и обрести его, наконец, навсегда. Я уговаривал маму отпустить меня с дядей Колей, если она не сможет ехать. Переговоры были трудными. Я даже угрожал побегом, если не отпустят. Аргумент очень непристойный, но я готов был на все. Наконец, мама сдалась, взяв с меня слово вести себя должным образом и во всем слушаться дядю Колю.

Наступил решающий момент. Состав ждет отправления, я определен в единственный старенький пассажирский вагон под присмотр проводницы. Последние напутствия и прощания. Мама вытирает слезы, а я чувствую себя покорителем Севера, о которых много читал

у любимого писателя Джека Лондона. За спиной вещмешок, где продукты, собранные всем домом, и рыболовные снасти. Гудок, и поезд специального назначения отправляется туда, где предстоит новая встреча с отцом. Впереди долгая дорога.

Убедившись, что я вполне самостоятельный мальчик, проводница предоставила мне полную свободу. Наблюдать за окружающим миром я предпочитал с крыши вагона. Иногда, перепрыгивая с вагона на вагон, добирался до паровоза и наблюдал, как машинист ведет паровоз и как работает у горячей топки кочегар. Там же, на крышах вагонов, я общался с многочисленными мешочниками, которые ехали до ближайшей станции в надежде обменять картошку и другие овощи на одежду и предметы, необходимые в быту. Одни слезали с крыш вагонов, другие залезали. Тогда это было обычным явлением.

По новой железной дороге открыто только грузовое движение. Из Воркуты идут составы с углем. До станции Котлас все обычно и знакомо. Люди бегают за кипятком, пытаются что-нибудь купить из еды у местного населения. За Котласом все меняется. Поезд идет медленно, а вдоль железной дороги – зоны, зоны, зоны, кажется железная дорога сплошь затянута колючей проволокой. Везде работают заключенные, их тысячи. Строят мосты, станции, разъезды, укрепляют и расширяют насыпь для прокладки второго пути. Часто и долго стоим на разъездах, ожидая встречного. Это составы с углем из Воркуты. Видны следы недавних крушений – под насыпью разбитые вагоны, рассыпанный уголь.

Позади Ухта, Печора, Инта. Остановка Кочмас. Поселок Абезь. Я прибыл на место, где должен встретиться с отцом. Вместе с дядей Колей вышли из вагона на насыпь и подошли к двум женщинам. Дядя Коля объяснил им, к кому я приехал, и просил отвести меня к отцу. Женщины охотно согласились, но сказали, что доктор Петр Тимофеевич уехал в соседний поселок на мотодрезине и должен скоро вернуться. Дядя Коля ушел, ему надо вести состав к месту назначения. Женщины тут же начали меня допрашивать. Их интересовало все: что на земле дают на карточки, кто моя мама, в каком классе и многое другое. Вокруг собрались люди, я не успевал отвечать на вопросы. Многие, глядя на меня, украдкой плакали. Время шло, на дороге показалась дрезина. Когда из нее вышел человек, все стали объяснять, что это мой отец. По фото старых лет я без труда его узнал и побежал навстречу.

Я знал, что это мой родной папа, что мне его очень не хватало все эти годы, но долгая разлука сделала свое коварное дело. Такой горячей любви и привязанности, какую я испытывал к маме, к отцу у меня не было, и нам предстояла трудная работа души и сердца по обретению друг друга. Объятия закончились, нужно начинать жить вдвоем. Осмотрев меня, грязного и нестриженого, отец решительно

двинулся к воротам зоны. На проходной вся охрана уже знала, что к доктору приехал сын. С нами поздоровались и без задержки пропустили. Направляемся в баню. Пока здесь свободно. «Помывки» нет. Нас встретил человек с бритой головой, множеством наколок на руках, спине и груди. Взглянув на меня, человек все понял. Из раздевалки мы идем в баню. Там несколько деревянных скамеек и две огромные полубочки. Сильные руки легко поднимают меня, и я в ванной. Мойщик намеревался меня мыть, но я решительно заявил, что сделаю все сам. Мне все-таки помогают натереть спину, а затем ополаскивают. В раздевалке ждет чистая и сухая одежда, и человек с ножницами в руках.

Чистый и подстриженный, в сопровождении молодого человека, который представился Сашей, идем в лазарет, где у отца операционная. Из лазарета втроем идем на склад. Впечатление от посещения склада осталось у меня на всю жизнь. После голодных лет я увидел много невиданных никогда раньше продуктов, консервов, печенья и прочих деликатесов американского происхождения. Потом я узнал, что большая часть этих продуктов предназначалась для администрации и вольнонаемного персонала лагеря.

Мы дома. Небольшая комната. Две кровати, столик и печка с плитой. Мне определена кровать, даны четкие инструкции и я готов к новой жизни. Каникулы начались.

Проснувшись утром, принялся приводить в порядок свои удочки. Я уже знал, что речка Кочмас небольшая, но рыба в ней ловится хорошо. Отец объяснил, что на рыбалку сможем пойти только рано утром, до начала работы. Я был согласен на все, а нашим планам способствовала сама природа. Круглые сутки было светло, а солнце, едва коснувшись горизонта, снова быстро устремлялось в небо. И вот меня будят в четыре утра, и я, зяблый рыбак, соскакиваю с кровати без промедления. Короткие сборы, и мы идем по бескрайней тундре к реке. Издалека реку не видно, но она четко обозначена густым кустарником и невысокими лиственницами вдоль берегов. Резко пахнет багульник. Я понял, почему мне дали накомарник и настойчиво советовали его сразу одеть. Тучи комаров кружились вокруг нас и без промедления впивались в незащищенные места. Такого я не мог даже представить. Но это не убавило моего желания рыбачить.

Пройдя вдоль берега несколько шагов, отец дал мне знак замедлить, а сам из лески делает петлю и привязывает ее к концу удилица. Осторожно опускает петлю в воду и ведет ее вниз по течению. Резкое движение удилица вверх, и на берег выброшена небольшая щука. Она бьется на берегу, а я отчаянно пытаюсь ее поймать.

Малая нужда заставила меня подняться на берег и углубиться в чащу. Иду, и вдруг замечаю в густых зарослях что-то странное. Про-

дравшись сквозь кусты, приближаюсь к заинтересовавшему меня объекту. Совсем близко подойти не удастся. Передо мной болотная топь. Но уже ясно вижу перед собой страшного мертвого раздутого человека с деревянной биркой на ноге. В ужасе бросаюсь бежать к отцу и что-то невразумительно пытаюсь ему объяснить. Отец сразу понял, в чем дело.

Умерших зимой в зоне заключенных хоронила специальная похоронная команда. Выдолбить нормальную могилу в мерзлоте обессиленным от голода людям не по силам, поэтому хоронили неглубоко, засыпая снегом и мерзлым грунтом. Весной, когда почти вся тундра покрывалась водой, могилы размывало и трупы всплывали. Двигаясь по течению, они застревали в густых кустах...

...Брожу по поселку Абезь в поисках старой фермы, в надежде накопать червей для рыбалки. Где искать старую заброшенную ферму, показали здешние старожилы. Я нашел эти развалины. Рядом сплошные заборы из колючей проволоки в три ряда. Между квадратами зон небольшие расстояния. За колючим забором мечутся огромные собаки. Мое внимание привлекла небольшая колонна заключенных, которая выходила из ворот одной из зон в сопровождении конвоиров с собаками. За рвом и мостиком стояла машина, куда и вели заключенных. Но вот колонна ступила на мостик, и как по команде в одну секунду заключенные прыгают в ров. Образовалась человеческая куча-мала, где каждый держится за других. Слышны страшные ругательства конвоя, которым не менее выразительно отвечают люди из кучи. Заметно, что конвоиры в первые секунды растерялись, но быстро пришли в себя и, жестоко действуя прикладами, стали по одному отрывать людей и как мешки забрасывать в кузов стоящей рядом машины.

Конвоиров было немного, а нужно было охранять заключенных в машине, вырывать из кучи и загружать других. Сил конвоя явно не хватало, и они начали травить людей собаками в надежде взять ситуацию под свой контроль. Я с ужасом наблюдал, как собаки рвали ноги заключенных, которыми те старались, как могли, защищаться. В это время заключенные, которые уже находились в машине, прямо с борта машины прыгнули в кучу, и все началось сначала. Убедившись, что они не справляются, конвоиры открыли стрельбу из автоматов. Но стреляли не в людей, хотели запугать бунтующих заключенных и дать сигнал о помощи.

Тем временем избиение и травля собаками людей продолжалась, было жутко смотреть, как неистово люди сопротивлялись погрузке в машину. Но вот из ворот лагеря выбежали еще несколько охранников, и началось еще более страшное зрелище. Конвоиры по одному оглушали людей и бросали их в кузов. Я продолжал наблюдать, пока один из охранников не заметил меня, и, не стесняясь в выражениях, велел мне убираться подальше.

Через некоторое время мимо меня проехала машина, и я увидел, что в кузове сидят шесть конвоиров и четыре заключенных, остальные в невероятных позах лежат друг на друге на полу кузова. Все заключенные в крови. Что происходило, я не мог понять, пока не вернулся к отцу. Он предположил, что заключенных из обычного лагеря отправляли в штрафную зону, а это можно приравнять к смертному приговору. Из штрафных зон с одноразовым питанием и особо тяжелыми условиями труда и содержания большинство уже не возвращались.

На другой день отец подтвердил, что его предположения оправдались. Я несколько дней не мог прийти в себя. Днями, когда отец был занят или находился в отъезде, я отправлялся в зону. На проходной меня уже все знали и свободно пропускали, предупреждая, однако, чтобы духа моего к вечерней перекличке здесь не было.

В лагерных бараках – земляные полы, и только в проходах настелены доски. Деревянные двухъярусные нары с грязными матрацами и набитыми сухой травой подушками. Грязные, грубо оштукатуренные стены. В проходе между рядами нар несколько небольших печек из кирпича или сваренных из листового железа. Каждый барак, кроме официального номера, имеет свое лагерное название. Там отбывают срок власовцы, политики, мужики, воры, урки, доходяги, американцы. (Доходяги – это истощенные люди, которые не могут работать. Их усиленно кормят черемшой. Большинство из них обречены. Американцы – советские военнопленные, освобожденные из фашистского плена американской армией и, по требованию советского правительства, отправленные в Советский Союз. Все они получили по десять лет лагерей).

В каждом бараке свой порядок. Это, конечно, все довольно условно, но так было заведено. Бригадир, помощник, работник на кухне, в бане, на складе, санитары в больнице – элита лагеря. Большинство из воров в законе. Они правят бал. Они запанибрата с охраной. Через них идут посылки, переписка, курево и многое другое. Самый дружный и неприступный для уголовников барак, где отбывают власовцы. У них военный порядок. Бригадир из бывших уважаемых командиров. Все это я узнавал от моего опекуна, грузина Гриши, из политических заключенных, приставленного лагерным начальством истопником и поваром к врачу и оперуполномоченному. Студент юридического факультета, получивший десятилетний срок за какие-то высказывания, Гриша был расконвоирован и освобожден от общих работ, которые особенно в зимнее время были смертельно тяжелы. Ему оставалось до освобождения несколько месяцев.

КРЫСИНАЯ ОХОТА

1946 год. Город Киров. Очередная пересадка на многодневной утомительной дороге домой из поселка Абезь. Я возвращаюсь домой из

удивительной поездки к отцу, которого не видел долгих семь лет. Абезь – один из центров «Печлага», входившего в состав ГУЛАГа.

Железнодорожный вокзал, деревянное здание дореволюционной постройки, до отказа забит пассажирами. Я и тетя Валя, женщина, которая тоже едет в мой город и которую отец попросил сопроводить меня до дома, идем в вокзал в надежде устроиться на ночь. С большим трудом, переступая через лежащих вповалку людей, чемоданы, мешки и другие предметы, находим место у стены под лестницей, где можно сесть и с трудом вытянуть ноги. В таком положении предстоит провести ночь. Усталость берет свое. Вокзал постепенно затихает. Люди спят на полу. Я тоже засыпаю.

Просыпаюсь от шуршания и попискивания под полом. Кругом полумрак. Слышно тяжелое дыхание и бормотание уставших людей. Присмотревшись, вижу дырку в плинтусе, явно прогрызенную крысами. Наблюдаю. Из норки осторожно вылезает крупная крыса и смело устремляется в гущу спящих людей на поиски пищи. Меня это не пугает. Мы, мальчишки войны, многое видели и мало чего боялись. Вот из дыры показалась очередная. Принюхивается, оглядывается, но не решается вылезти. В моей голове возникает заманчивая идея поймать крысу на крючок.

Мне 12 лет. Я уже заядлый рыбак и добытчик. В моем мешке драгоценные снасти: лески, жилки, крючки, обманки. Скоро леска с довольно крупным крючком готова. На крючок насаживаю катышок из хлебного мякиша. Подбрасываю приманку к крысиной норке. Я был поглощен вековым охотничьим инстинктом и наивным детским любопытством. Кругом тяжелым сном спят уставшие люди, а я вышел на охоту.

Ждать пришлось недолго. Из норки показался подвижный нос, блестящие как бусинки глаза. Она принюхивается и оглядывается. Я весь в напряжении. Резким движением крыса хватается наживку и исчезает в норке. Леска натягивается. Я тяну на себя в страхе потерять драгоценную снасть. И вдруг, в сонной тишине раздается пронзительный противно-резкий крысиный визг. Я в полной растерянности и испуге продолжаю тянуть леску. Визг повторяется и усиливается, как сирена воздушной тревоги. С усилием дергаю леску, крючок ломается, визг мгновенно прекращается.

Оглядываюсь и вижу, как сонные люди, не понимая, что происходит, в испуге поднимаются и все смотрят в мою сторону. Я замер с леской в руке, на конце которой болтается любимый сломанный крючок.

Что началось тогда вокруг меня, сейчас вспоминаю с улыбкой. А тогда было совсем не до смеха. Люди кричат, ругаются, в воздухе слышен крепкий русский мат. Кто-то из соседей дает мне подзатыльник, кто-то дергает за одежду, пытаюсь получить ответ неизвестно на что. Люди, которые еще не знают, что произошло, энергично расспрашивают

осведомленных. Постепенно гул голосов смолкает. Стоящий рядом человек вдруг заразительно хихикнул. Еще кто-то тихо засмеялся. Через несколько секунд по залу разразился и покатился волнами громкий веселый смех. Я понял, что отделался испугом и парой тумачков. А люди продолжали смеяться, и с этим смехом выплескивали горести и обиды, напряжение трудной дороги и непомерную тяжесть послевоенной жизни.

Было раннее утро. После такой эмоциональной разрядки люди поняли, что уже не до сна, и потянулись к выходу в надежде узнать, когда можно отправиться в нужном направлении. Постоянного расписания тогда не было.

Проходя мимо меня, люди улыбались. Кто-то угостил лепешкой, кто-то ласково потрепал волосы. Пожилая женщина с заплаканными глазами крепко обняла и поцеловала.

Эту ночь в старом вокзале я не забуду никогда. Насколько же люди были терпеливы и доброжелательны в условиях суровой, голодной послевоенной жизни! И как готовы были помочь друг другу. Господи, верни и сохрани нам лучшие качества человеческой души, которых нам сейчас так не хватает.

ПИСЬМО НИНЫ ПАВЛОВНЫ...

4 октября 1958 года

Мы не знаем фамилию Нины Павловны, не знаем кто она. Просто в архиве Петра Тимофеевича хранилось это теплое, искреннее письмо от человека одной с ним судьбы. Оно о пережитом в лагере ГУЛАГа, о самом Петре Тимофеевиче, лагерном враче, спасшем от смерти многих страдальцев. За этими строчками – их жизнь, их слезы, изломанная судьба и несбывшаяся надежда на то, что впереди только хорошее, только счастье и любовь...

Мой дорогой, мой хороший Петр Тимофеевич!

Два часа тому назад, по осенней измызганной, осыпанной желтыми листьями дороге, мне доставили Ваше письмо.

Я не могу сравнить его появление ни с громом среди ясного неба, ни с падением на землю Луны, ни с наступлением лета среди суровой зимы... Лишь только глаза мои прочли на конверте адрес отправителя, сердце сжалось от мучительной и сладкой боли, и время как будто бы остановилось сразу. А потом сумасшедший вихрь подхватил меня и понес, понес в далёкое, никогда не забываемое, славное, любимое моё прошлое...

Я прочла Ваше письмо несколько раз. Я горько и сладко выплакалась и за себя, и за Вас, целый час всей душой пробыла в далёком Кочмесе, и вот, успокоившись немного, немедленно отвечаю Вам. Не удивляйтесь, что письмо мое будет больше походить на бессвязный и непоследовательный бред сумасшедшего. Диагноз «реактивный психоз» с 1941 года ходит со мной до сих пор.

Ваше письмо не исчерпает слов моей благодарности за память о давней дружбе и теплый, откровенный тон. Как мне понятно в нем всё, что выражено словами и что сквозит между строк... Я могу только согласиться с Вами, что наш удел – оставаться непонятыми...

Дорогой мой доктор! Мы обязательно, обязательно встретимся. Заранее уведомляю Вас, что эта встреча доставит Вам еще лишнее разочарование. От прежней бравой Нины Павловны не осталось ни малейшего следа. 15 непрерывных лет на крайнем севере, все эти урки-мурки и толики-молики сделали свое дело.

В семье сестры мне живется неплохо. Ни в чем меня не ограничивают, кругом богатая природа, без которой я не могу жить, рядом Кама. У нас есть своя лодка, зять рыболов и охотник. Я выучилась вкусно готовить (чего раньше не умела), ухаживать за кроликами, гусями и курами (у нас целое хозяйство), выращивать овощи. День уходит на это или шатание по лесу (тому лесу, где Чайковский когда-то создавал свои симфонии), а лес у нас прямо у крыльца. А вечером книги, радио и вышивание. Видите, какая я стала паинька? 8 ноября сего года мне стукнет 47 лет. Голова у меня, правда, белая как сыч, но не плешивая, и, причем, все зубы целы (не выбиты и не съедены цингой).

Перспектив никаких. Настроение все время отвратительное, душа и мысли ежечасно в прошлом. Тяжело мне живется, и всегда, между прочим, жилось тяжело еще по одному обстоятельству. Как ни странно, но пройдя сквозь слои общества, от высшего до низшей, сгнившей в сифилисе проституции, вращаясь все время среди порочных, преступных, извращенных во всех смыслах людей, среди глубоких циников, клятвопреступников, развратников и предателей, я осталась чистой, нежной, впечатлительной и даже сентиментальной. Я могу в исступлении безобразно материться, но ни одной вольности или скабрёзности не позволить во взаимоотношениях с мужчиной. И я прекрасно понимаю до сих пор чувства дружбы, долга, преданности и любви. Но я всегда оставалась и остаюсь непонятой. Может быть, это у меня ненормально?

Боже! До чего же я разболталась. Прежде всего (вот с этого бы и надо было начать), очень рада, что Вы живы, что, безусловно, несмотря ни на что, сохранили человеческий облик, работаете по специальности и имеете уже 520 рублей выслуги. Теперь у Вас, безусловно, настоящий, солидный докторский вид. А я всегда, неизбежно, во время моих бесчисленных мысленных возвратов в Кочмес вижу Вас

(Вы об этом, конечно, и не подозревали) в белом халате поверх коричневой телогрейки, склонившегося над носилками, на которых борется со смертью жизнь какого-нибудь раздавленного Галкина или простреленного Каракуцы, а я, конвульсивно сжав кулаки, умоляю Вас: «Петр Тимофеевич, спасите, помогите!»

Вы не всегда приходили в этих воспоминаниях. Иногда мимоходом вспоминался какой-нибудь кочмесский эпизод, или тип, и Вы не появлялись. Вы – это ладно. А уж ваш лазарет и подавно. Я его всегда ненавидела. Неуютный, обдуваемый ветрами, пахнущий дистрофиками. Место страданий больных и обслуги... Вы появлялись неизбежно только тогда, когда я вспоминала свою колонну и доверенных мне людей, и тогда (независимо от Кочмеса), когда я в уме коллекционировала хороших, честных, но очень несчастных людей, прошедших через мою жизнь. Как давно это было, и как памятно. Памятны Ваши визиты к нам, милый чудак Архаров, мои визиты в лазарет с гостинцами для больных. Как я их всех любила. И какой преданностью они мне отплачивали. Суровое и тяжелое то было время, но лучше его, пожалуй, не было и не будет.

Передайте, пожалуйста, мой сердечный привет Сергею Ивановичу и Леночке. Скажите, что мне стало легче жить от того, что Вы и они в Перми. Как приеду, мы пойдем с Вами к ним. Ладно? Между прочим, на Печоре Сергею Ивановичу была кличка «незавершонка», он, по-моему, таким и остался. Безумно завидую, что у Павловых собирались без меня.

Вы в письме крепко пожали мне руку. Мой козырь старше. Я Вас крепко целую. И не отвертитесь от поцелуя при встрече. Да-да. И поцелуемся, и поплачем, и выпьем, и споем (не боясь Марчука, Тимошенко и Скрынского), и поднимем из могил всех мертвых, и произведем сан. отбор всем живым.

Будьте здоровы. Полного Вам успеха в работе и в приспособливании к «футлярам». Буду счастлива получить от Вас хоть маленькую весточку. 8-го ноября поднимите рюмку за новорожденную Нину Павловну и хоть на минутку, в воображении своем, загляните в Кочмес.

Нина Павловна.

4.X – 58 г.

Полуденовка

ВОСПОМИНАНИЯ О ГЕНЕРАЛЕ ПЯДЫШЕВЕ

Ниже мы публикуем отрывок из воспоминаний П.Т. Гусарова, которому «повезло» отбывать часть своего лагерного срока с крупным военачальником, генерал-лейтенантом Константином Павловичем Пядышевым. К.П. Пядышев был одним из многих ге-

нералов, на которых Сталин без всяких на то оснований возложил вину за неудачи первых месяцев войны.

Вот короткая справка:

Великую Отечественную войну К.П. Пядышев встретил в должности заместителя командующего Ленинградского военного округа. Он был одним из организаторов обороны Ленинграда. С 23 июня руководил строительством укреплений на Лужском оборонительном рубеже. 4-5 июля была сформирована Лужская оперативная группа, занявшая оборону на одноимённом рубеже; командующим был назначен генерал-лейтенант К.П. Пядышев. По воспоминаниям маршала артиллерии Г.Ф. Одицова, Константин Павлович Пядышев

Пядышев К.П.

«талантливый военачальник строго придерживался суворовских принципов обучения войск, обладал исключительным даром интуиции и предвидения, так много значащих в бою». Выдвинув передовые отряды к реке Плюссе, Пядышев немедленно приступил к созданию прочных заслонов на Киевском шоссе и по обеим сторонам Варшавской железной дороги.

Однако во второй половине июля Пядышев был арестован. Ему предъявили абсурдные обвинения в антисоветской агитации, которые генерал, разумеется, отрицал. 17 сентября 1941 осуждён военной коллегией Верховного суда по части 1 статьи 58-10 на 10 лет лишения свободы с поражением в правах на 5 лет.

25 июня 1943 года А.М. Василевский и Н.Н. Воронов ходатайствовали о скорейшем освобождении Пядышева как ценнейшего военачальника, однако ходатайство не было удовлетворено. 15 июня 1944 года К.П. Пядышев скончался в лагере. Реабилитирован 28 января 1958 года.

Воспоминания П.Т. Гусарова написаны (предположительно) в 1970–1980 годы. Разумеется, автор еще не мог знать с кем, в действительности, свела его судьба. В его распоряжении были только отрывочные сведения, услышанные в лагере. Но сегодня для нас абсолютная достоверность сообщаемых им событий – не самое важное качество этих воспоминаний. Хотя, как вы убедитесь, они достаточно близки к истине. Самое важное, на наш взгляд, другое. Оно высказано автором в последних строчках: «Из знающих место захоронения Пядышева остался один я. И поэтому считаю своим долгом подробно указать, где оно».

Прибытие в лагерь генералов 25-летников, т. е. со сроками на 25 лет, было сенсацией, и слух об этом распространился по всему лагерю с молниеносной быстротой. Сообщалось о чрезвычайно строгой охране их, о том, что на колонны, где они находятся, никого не пропускают, и что все они осуждены за измену Родине. И, как всегда, лагерный слух стал реальностью. Вскоре мне представился случай убедиться в этом.

Однажды меня вызывают на вахту – прибыли больные для госпитализации в лазарет, один из них – хирургический больной. Вопрос о госпитализации хирургических больных решался мной. Лекпом штабной колонны указывает на стоящего в стороне пожилого человека, среднего роста, тучного, одетого в лагерное обмундирование третьего срока и говорит:

– Этого больного оперуполномоченный не разрешает оставлять в лазарете, распорядился доставить его к вам на осмотр и назначить лечение, которое я должен буду проводить в колонне.

– А почему?

– Это бывший генерал, он на особо строгом режиме.

– Что у больного?

– Карбункул предплечья.

Осматриваю. На предплечье карбункул, по ходу лимфатических сосудов ярко-красные с багровым оттенком полосы, пульс частый, температура около 40 градусов. Пишу в формуляре – госпитализировать. Вахтенный, прочитав мое заключение, говорит: «Позвоните оперуполномоченному, он не разрешает оставлять в лазарете». Звоню оперу, называю себя и говорю: «К нам доставлен больной Пядышев, он нуждается в неотложной госпитализации, на колонне оставлять его нельзя». В ответ: «Сам будешь ходить на колонну».

Меня взорвало, стараюсь сдержаться и спокойным тоном продолжаю разговор: «Это что? Распоряжение свыше? К кому в таком случае мне надлежит обращаться?» Слышу отборный мат. Стало ясно – его инициатива. Перевожу разговор на взаимно «вежливый» тон, но без мата с моей стороны. Говорю: «Я сейчас доложу о больном в санотдел и в управление лагеря и сниму с себя ответственность за исход. Если ты считаешь себя специалистом в медицине, то и будешь нести ответственность за больного!» В конечном итоге слышу: «Ладно, но если он убежит, ты будешь отвечать. Дай трубку дежурному!» Разрешение дано. Пядышева беру к себе в хирургическое отделение.

Близко познакомиться с Пядышевым не представилось возможности из-за перегруженности работой. В конце зимы 1942 года я принял хирургическое отделение при лазарете 3-го лагерного отделения со 148 больными. ...Так что времени для бесед на отвлеченные темы не имелось, а штат был невелик. Имелось три дежурных леккома из

заклученных, один медбрат вольнонаемный и две вольнонаемные медсестры, одна из них операционная.

У дежурных лекпомов Опарина и Шарапилова было много общего. Оба старые большевики, красные партизаны, ответственные работники. Оба имели возможность на себе близко познакомиться с методами дознания «доблестной» разведки, и основным из них был – «битые определяет сознание». Обоих не оставлял вопрос: «за что?» Ответ содержался в забытой песенке времен гражданской войны: «Товарищ, товарищ, за что ж мы боролись, за что проливали свою кровь? За что мы боролись – на то и напоролись, Иван Петрович, милый, будь здоров!»

Они ...считали, что с ними поступили так по ошибке, произошло недоразумение. Их приятель из терапевтического отделения Кирилл Говорухин, человек довольно примитивный, разглагольствовал о правильности политики Сталина и о необходимости борьбы с врагами.

Я избегал встреч и разговоров с ним. Меня раздражала его глупость, и по этой причине не интересовался его биографией. Но однажды узнал, что Говорухин был начальником политотдела Ленинградского военного округа и что Пядышев может это подтвердить.

Вскоре к нам зашел Говорухин. ...Спрашиваю: «Вы, оказывается, знали раньше Пядышева?» – «Да, мы вместе работали с ним в Ленинградском военном округе. Тогда командующим был Рокоссовский». – «Был, а теперь где?» – «На Воркуте (подразумевался лагерь)». И далее продолжал: «Еще в мою бытность начальником политотдела меня в Ленинградский обком вызывает Жданов и дает указание созвать политотдел и исключить Рокоссовского из партии. Спрашиваю, а какая должна быть мотивировка? Сами что-нибудь придумайте. На следующий день созываю политотдел, Рокоссовского нет. Звоню Жданову, как быть, Рокоссовский на заседание политотдела не явился. Можно ли решать вопрос без него? В ответ Жданов говорит: ничего решать уже не надо!»

В начале войны Рокоссовского освободили и вызвали в Ставку Верховного Главнокомандующего. Он ехал на спецпоезде, остановил поезд в Кочмесе и приказал привести к нему Пядышева. Начальство засуетилось, начались сборы – принесли новый бушлат, нашли у кого-то ботинки и новую шапку. Возвратясь, Пядышев сообщил, что Рокоссовский пожелал ему быстрого выздоровления и обещал взять его к себе начальником штаба, вероятно, армии.

Константин Павлович Пядышев осужден, с его слов, за восхваление буржуазной культуры. Когда-то он был в Париже, посетил Парижский театр и в письме к жене восторженно отозвался о постановке. В царской армии он служил штабным офицером, во время гражданской войны добровольно вступил в ряды Красной Армии.

Во время финской войны командовал дивизией. От Ворошилова получил приказ – срочно взять Выборг ударом в лоб. Взять город с неприступными оборонительными укреплениями на его подступах, где за один-полтора километра простреливались каждые 15 сантиметров по фронту, без артиллерийской подготовки, силами одной дивизии, было равносильно самоубийству. Пядышев полагал, что дивизия будет полностью уничтожена через 2-3 часа после наступления, не дойдя до города.

Как ни оценивай приказ наркома и его «великий талант», а выполнять надо. Выслал разведку проверить состояние льда на Финском заливе. Разведка донесла, что лед крепкий, выдерживает значительную нагрузку и что ледяное поле простирается до самого Выборга. Ночью по льду дивизия ворвалась в город. Финны не ожидали удара с тыла и не оказали сильного сопротивления. Выборг взят, о чем доложено Ворошилову. Товарищи Пядышева сказали ему: «Выборг-то ты, Костя, взял, но не так, как сказано в приказе. Как бы тебе не вышло это боком». Они были правы.

...Вскоре у Пядышева обнаружили осложнение на почки. Его перевели в терапию, к грамотному, эрудированному врачу. Однако месяца через два Пядышев умер. Захоронили его на бугре, рядом с зоной лазарета. На похоронах разрешили быть всей обслуге лазарета и охране.

В 1946 году кончился мой первый срок. Приехал в Пермь, здесь проживала моя семья. Пошел в милицию за разрешением на прописку. Лейтенант, посмотрев мои документы, ни промолвил ни слова, подает мне предписание в 24 часа покинуть город. Это меня не очень обескуражило. Иного в те времена быть не могло. Обращаюсь к лейтенанту: «А если по-человечески, в каком ближайшем районе разрешается проживание? На Печору забрать семью не могу, для детей, учащихся старших классов, там средней школы нет, так что я просто вынужден жить вблизи Перми». К моему удивлению, он посоветовал прописаться в Нижних Муллах, в 10 км от города.

Однако совет мне не понадобился. Мой друг, доктор И.А. Левин, помог прописаться в Перми. На работу приняли на прежнюю должность старшим лечебным инспектором Камского водздравотдела, в ведении которого находились лечебные учреждения по рекам Каме, Белой, Вятке.

Однажды в газете, кажется, «Красной звезде», промелькнула фамилия генерала Пядышева. Стало быть, он реабилитирован, посмертно. А воздадут ли ему должное и похоронят ли его останки в подобающем месте?

Из знающих место захоронения Пядышева в живых остался один я. И поэтому считаю своим долгом подробно указать, где оно. От станции Кочмес на север тянется выемка, у северного конца ее река Кочмес дает извилину чуть не под прямым углом. Напротив ее, на правой

стороне полотна железной дороги, если стоять лицом на север, располагался лазарет. Здесь, метрах в 75 ...от полотна железной дороги на возвышении лежит округлый камень диаметром 60-70 см. Это и есть его могила.

СИРОТСКИЕ СЛЁЗЫ

Воспоминания Ольги Александровны Курочкиной (Просвирниной)

Мой папа, Александр Васильевич Просвирнин, родился 30 марта 1894 года в селе Сивинское Тойкинской волости Сарапульского уезда Вятской губернии. Сын крестьянина-хлебопашца и кузнеца. В семье было пятеро мужчин (дедушка, отец, три сына) и три женщины (бабушка, мать, дочь). Папа, самый старший из сыновей, помогал отцу в его тяжелом деле – с тринадцати лет работал в кузнице молотобойцем, ещё раньше взялся за соху.

В семь лет он поступил в четырехлетнюю приходскую школу, окончил её, но в свободное от тяжелого крестьянского труда время продолжал обучаться самостоятельно с помощью сельской учительницы. Желание учиться у него было постоянно и неисстребимо. И еще – постоянная тяга к искусству. Моя старшая сестра Галина

помнит, что у папы был прекрасный голос. Где он в селе учился музыкальной грамоте и игре на инструменте? Тяга к искусству привела его на Екатеринбургские курсы певческой грамоты, хорового духовного и светского пения, которые он окончил 7 июля 1914 года.

А уже в середине января следующего года папу призвали на военную службу и с Сарапульского сборного пункта отправили в Петроград, в запасной батальон лейб-гвардии Павловского полка. Шла первая мировая война. Папа прошел военную подготовку, получил чин ефрейтора. И подал докладную командиру роты с просьбой дать ему возможность, пока батальон стоит в запасе, подготовиться к сдаче экзаменов за курс гимназии. Разрешили. Всего через полтора месяца он успешно сдал экзамены. А еще всё то время, пока полк стоял в запасе, папа пел в хоре Петроградского оперного театра. Сохранилась фотография, на которой он в театральном костюме. Когда всё успевал?

*Ольга Александровна
Курочкина.*

*Папа – Александр
Васильевич Просвирнин.*

офицерский чин – прапорщика. Однако контузия дала о себе знать. Почти весь 1917 год пришлось провести в госпиталях Казани, потом Перми. В январе 1918 года по состоянию здоровья папу освободили от воинской обязанности. Он вернулся домой в село Сивинское. Там и женился на своей подруге детства и юности Анастасии Волковой – нашей будущей маме.

В 1919 году папу, несмотря на болезнь, призывают в Красную Армию. Он принимает участие в борьбе с Колчаком и доходит до Иркутска. Потом получает направление в штаб главнокомандующего вооруженными силами Дальневосточной республики, где назначен на должность начальника хозяйственной команды штаба.

*Мама – Анастасия
Петровна.*

17 мая 1916 года его отправили в действующую армию, в самое пекло войны. Идут кровопролитные бои. За взятие заставы под городом Корытиным Волынской губернии 20 октября 1916 года папа награждён Георгиевским крестом 4 степени. Он ранен, но вскоре возвращается на боевые позиции. 23 ноября 1916 года ему присваивается звание унтер-офицера, после чего он становится командиром взвода. 23 декабря 1916 года получает Георгиевский крест 3 степени.

В сражении под Корытинским лесом его контузило. После лечения вновь возвращается в действующую армию. За боевые отличия произведен в первый

Мама вслед за отцом прибыла сначала в Иркутск, где родилась моя старшая сестра Галина. Вскоре папу перевели в Читу. Мама и новорожденная Галя последовали за ним.

Однако контузия продолжала давать знать о себе. Здоровье его ухудшалось. В 27 лет он заболел эпилепсией. Папа не сдавался, продолжал служить. Но 2 июля 1921 всё же был вынужден уволиться из армии по состоянию здоровья. Но и после этого до конца жизни был верен своей дивизии, оставаясь в ней вольнонаемным служащим.

В Чите в семье Александра Васильевича и Анастасии Петровны Просвирни-

ных появились на свет еще четверо детей: Геннадий в 1922-м, Лидия в 1924-м, Ольга (автор этих строк) в 1926-м, Евгений в 1929-м. Квартира у нас была большая, трёхкомнатная. Семья жила дружно и интересно. К нам приехали мамы родители, бабушка и дедушка, помогали растить нас. Папа старался не поддаваться болезням, как и прежде, вел в театре, теперь уже Читинском. В доме часто бывали гости, люди высокообразованные и интеллигентные – сослуживцы и друзья папы.

А какие бывали у нас ёлки в Новый год и Рождество! Родители и мы готовили всем подарки, проводили викторины, давали концерты, а потом все вместе пили чай со сладостями. Хотя я была маленькая, но в памяти осталось многое: ласка и доброта мамы и папы, без криков и наказаний. Отец устраивал игры, спектакли, учил красиво читать, петь, играть на фисгармонии. И заботился о нашем разностороннем воспитании – нравственном, эстетическом, физическом. Галина и Геннадий учились в средней школе и в музыкальной. Мы, младшие, учились пока дома.

Чита – небольшой город, многие здесь знали наших родителей, уважали их, относились с почтением.

Как гром среди ясного неба – 8 января 1931 года поздно вечером раздался стук в дверь. Мама открыла. На пороге – двое мужчин в длинных черных пальто. Они потребовали: «Просвирнин Александр Васильевич, одевайтесь!» Мама вывела нас в гостиную. Папочка брал каждого из нас на руки, целовал и говорил: «Я скоро вернусь». А маме: «Настенька, не беспокойся, я не виновен, разберутся и я приду». Папа НЕ ВЕРНУЛСЯ. Страх охватил маму, бабушку и дедушку. А мы, малыши, конечно, ничего не понимали. Какие-то дяди куда-то увели нашего отца, доброго, умного, красивого. Почему?!!!

Что было потом, после ареста папы, я знаю со слов сестры Галины и мамы, ведь мне тогда было всего лет пять. На следующий день, 9 января, подъехали сани, и не одни. Всё, что было в доме, забрали и вывезли: все пять детских кроваток, мебель, фисгармонь и другие вещи. Нас выбросили из квартиры на улицу. Началась страшно тяжелая жизнь: ни жилья, ни запасов одежды, а на улице сибирская зима. Холодные, голодные бродили мы с мамой по городу. Мама брала на руки самого младшего ребенка – Женю, меня за ручку. Галина держала за руки Гену и Лиду. Бывшие друзья отвернулись, как от больных чумой, боялись, что с ними будет то же самое. Но все-таки находились и те, кто, несмотря на страх, проявлял доброту. Кто-то тихонечко подкормит, кто-то пустит переночевать.

Мама тайком от нас постоянно навещала папу в тюрьме и получала от него записочки. В последней записке папа написал: «Милая Настенька! Принеси мне пару белого белья (это означает расстрел – О.К). И прошу тебя, дай детям образование, береги себя. Целую всех. Ваш папочка». Вскоре в местной газете появилось сообщение, что

23 февраля 1931 года расстреляны пять «врагов народа», обвиненные по ст. 58/7. Среди них был и наш папа. Все пятеро из одного учреждения. «Судьи» не побоялись Бога, арестовав папу в Рождество, и расстреляли его, защитника Отечества, 23 февраля, в День Красной Армии и Флота, как будто специально глумясь над самым значением этого праздника.

Папы не стало в 37 лет, а мама в 35 осталась вдовой с пятью малолетними детьми без каких-либо средств к существованию. Наверное, те, кто творил произвол, думали: уничтожим одного умного человека, погибнут и его наследники. Но мы выжили.

В апреле нас пустила пожить одна женщина. То ли флигель, то ли банька где-то на окраине Читы. Но я помню, что там было тепло и сухо. Хоть какая-то крыша над головой! В этой хибарке жили всемером. Все дети переболели свинкой и корью. Лечил нас доктор по фамилии Мухортов, один из тех немногих, что не отвернулись от нас. Помню его седенького с трубочкой. Он тайно по вечерам приходил к нам, приносил лекарства, гостинцы. Мухортов всегда поддерживал морально и материально нашу семью. Даже в это страшное время мир был не без добрых людей!

После извещения о расстреле папы дедушка, Петр Григорьевич, пошёл по окраинам Читы в лес – хотел найти общую могилу, где мог быть захоронен отец. И вдруг перед ним охранники с оружием в руках: «Куда? Что надо? Уйди или пристрелю!». Дед постоял и ушел. Может быть, там и было место захоронения расстрелянных.

Наступила весна. В районе, где мы жили прежде, появляться было нельзя, нас оскорбляли, бросали вслед палки, камни и кричали: «Уходите, дети "врага народа"!» Обездоленные, униженные мы поняли: больше оставаться в Чите нельзя. Мама со своими родителями приняли решение переехать с семьей в Пермь, к бабушкиному брату Максиму Семёновичу Никитину. Семья у него была большая, но обеспеченная. Мама извещает его письмом: «Александр Васильевич умер. Просим принять у себя». Дядя даёт согласие. Взрослые и нам сказали, что папа умер в больнице от воспаления легких, и поэтому переезжаем в Пермь.

И вот мы – мама с бабушкой и пятеро детей – едем в поезде. Хорошо помню, как объезжали озеро Байкал. Смотрели, прильнув к окну. С собой у нас, по сути, не было ни еды, ни денег. На вокзалах можно было бесплатно брать кипяток, так мы и питались семь суток.

Вот, наконец, Пермь! Мама с бабушкой выводят нас, едва живых, из вагона. Им тяжело. «Ну, вот и доехали эти умненькие воспитанные дети», – говорили, прощаясь с мамой, попутчики.

Жильё дяди оказалось очень тесным. Пока было тепло, жили в сенях в кладовке. Но наступила холодная осень. Добрая семья Оф-

рихтеров (они жили на первом этаже этого же дома) приютили Галину, Геннадия и Лидию. Какие прекрасные люди! Как они помогли нашей семье! А я, мама, Женя и бабушка продолжали жить в кладовке. Кутались во все, что можно было найти. Иногда грелись на кухне.

Мама всё время ищет жилье для нас. И, наконец, находит десятиметровую комнату в подвале. В ней разместились мы все восемь человек! Несмотря на такие бытовые условия, старшие дети Галина и Геннадий пошли в школу. Золотые руки мамы передельвали старые вещи, которые отдавали родственники, и мы, дети, выглядели вполне прилично. Про папу никто из соседей не спрашивал, и слава Богу.

В голодные 1932–1933 годы мама нашла работу кладовщицей на Дзержинском заводе (тогда он назывался сепараторным), написав при поступлении в автобиографии, что муж умер в 1931 году в Чите. Только так ее могли принять. Мамино заработка на всех не хватало. Тогда были введены так называемые заборные книжки. На них выдавали сухие серые галеты вместо хлеба.

Одна из работниц завода предложила в 1933 году переехать в ее одноэтажный дом. Детям выделили комнату на 2 окна, а мама с бабушкой разместились в кухне. Несмотря на трудности, мамочка идёт учиться, заканчивает семь классов, потом поступает на курсы медицинских работников – и это всё, работая на заводе. А в 1934 году она перешла в больницу и трудилась там до выхода на пенсию.

1935 год – огромные очереди за хлебом. Бабушка с вечера занимает очередь, а в шесть утра приходит и будит нас: «Лидя, Лёля (Лёля – это я, Оля), Женя, вставайте! Пора за хлебом». Мама получала всего 60 рублей в месяц. Сахар покупали только с полочки. Бабушка наколет малюсенькие кусочки, так и пили чай – вприкуску и вприглядку. Масла сливочного в доме не бывало, только маргарин. Мама мужественно держалась и нас приучала к труду и терпению. Мы не стонали и не просили ничего.

Четверо детей учились в школе. Маме краснеть за нас не приходилось. О папе она по-прежнему ничего не рассказывала. Боялась, что, узнав правду, мы поделимся ею с кем-нибудь. Только потом мы узнали, как сильно она любила папу, как поклялась себе, во что бы то ни было исполнить просьбу мужа – дать всем детям образование. И, напрягаясь из всех сил, выполняла его завещание. Галина и Геннадий после девятилетки пошли учиться на рабфаки – там хоть небольшая, но стипендия. А после поступили в институты.

1939 год. Галина учится в пединституте, Геннадий – в мединституте. Мы, младшие, ходим в школу. Питание скромное. Нас, сестер, мама научила рукоделию, и мы вышивали «в люди» кофточки, платица. Сменили маленькое жилье на большее по улице Кирова. Правда, это полуподвал, но всё же просторнее.

Постепенно, жизнь налаживалась. Но 22 июня 1941 года грянула Великая Отечественная война. Вспоминать о ней больно и тяжело. Геннадия с четвертого курса мединститута забирают и отправляют в Куйбышевскую военную медакадемию (ныне город Самара). После ее окончания, в 1942 году, он получает звание капитана медицинской службы и направляется хирургом в полевую госпиталь на Курскую дугу. Сохранились его письма с фронта, в которых было много тепла, любви к бабушке, маме и всем нам. После двух ранений и контузии его комиссовали. Вернувшись в Пермь, занимает ответственные должности заведующего отделением, главного врача больницы. Голодное, полное лишений детство и война дали знать о себе. В 66 лет Геннадий ушел из жизни.

Старшую сестричку Галину после окончания филфака отправили корреспондентом какого-то издания на юг страны. Там она заболела и вернулась в Пермь. Закончила курсы медсестер, всю войну работала в госпитале. После войны Галина закончила пединститут, преподавала русский язык и литературу. В 2003 году моей старшей сестрички тоже не стало. Но она успела сделать главное. Это именно она сумела добиться правды: связалась с Читинской прокуратурой и узнала о судьбе нашего папы, получила документы о его реабилитации.

Но об этом расскажу позднее. А сейчас вернусь в тяжелые военные годы. В 1942-м, после окончания десятилетки, сестра Лида поступает в мединститут. Голод, холод, нужда, худенькая одежда и обувь не помешали ей закончить учебу и стать потом лучшим специалистом-эндокринологом Перми. Все годы проработала в областной клинической больнице. Но пережитые тяготы сказались и на ее здоровье, в 62 года нашей Лиды не стало. Это была большая потеря не только для нас, ее родных, но и для пациентов.

Теперь немного о себе. После окончания семи классов, в 1942 году, я пошла работать на оборонное предприятие – Пермский центральный телеграф. Получила специальность телеграфистки-бодистки. То есть освоила буквопечатающий аппарат Бодо, названный так по имени его французского изобретателя Жана Бодо. Этот аппарат позволял передавать по одному проводу одновременно несколько телеграмм в обоих направлениях. Текст принимаемой телеграммы изображался не тире и точками, а обычными буквами. Очень ответственная была работа. Мне, четырнадцатилетней девчужке, приходилось трудиться по шестнадцать часов в сутки без выходных. Зато и хлебушка уже не по триста граммов в день получала, как прежде, а по пятьсот и еще зарплату.

Но меня одолевало желание учиться. Решила поступать в нефтяной техникум. Но бывшие мои учителя звали обратно в школу. Я вернулась, прочувшившись в техникуме всего месяц.

Телеграф и техникум потеряли меня, и передали дело в прокуратуру. За уход с оборонного предприятия грозил трибунал. Пришлось вернуться на телеграф. Руководство сделало для меня, как несовершеннолетней, некоторое послабление: предложили такой график работы, который позволял учиться в школе. И так, с шести до двенадцати часов я работала на телеграфе, с половины второго до половины девятого вечера – занятия в школе. После них выполняла домашние задания при свете керосиновой лампы. Электричества-то не было. А еще успевала активно участвовать в общественных делах.

Директор школы А.С. Шикунова, заметив мои организаторские способности, добилась через райком комсомола (к тому времени я была уже комсомолкой) перевода с телеграфа в школу старшей пионервожатой. Так я училась и работала. Хоть было сложно, но справлялась, потому что работа с пионерами и комсомольцами захватывала меня. Мы с ребятами шефствовали над госпиталями, помогали одиноким обездоленным пожилым людям, готовили посылки для фронта, проводили встречи с фронтовиками. Кроме того, по графику райкома комсомола работали на предприятиях. На паровозоремонтном заводе имени Шпагина выгружали из вагонов детали для ремонта паровозов. В грузовом порту занимались разгрузкой барж. На Перми-1, когда прибывал поезд с ранеными, переносили их на носилках в эвакуогоспиталь, который находился в здании вокзала.

Школа отапливалась дровами. Когда дрова заканчивались, мы шли на берег Камы, вырубали вмерзшие в лед бревна и, вбив в них предварительно большой гвоздь, цепляли веревку и тащили в гору через железную дорогу по улицам Осинской, Орджоникидзе и дальше к школе. Это напоминало картину Репина «Бурлаки на Волге». Все тяжелые работы учителя и ученики выполняли вместе. Жизнь была очень нелёгкой, но мы все надеялись на Победу. И она пришла!

В школе я проработала до декабря 1946 года, хотя уже с сентября стала студенткой исторического факультета Пермского педагогического института. После окончания института работала учителем и завучем в школах до самого выхода на пенсию. Кроме того, постоянно занималась общественной работой: возглавляла районный комитет профсоюза учителей, совет ветеранов педагогического труда.

Самый младший брат, Женя, не видевший детства, худенький, болезненный, после седьмого класса пошел работать на завод. Затем окончил авиационный техникум. Служил в армии офицером в авиационных войсках. После вновь работал на заводе и учился в институте. Позднее преподавал в школе, а потом на курсах.

Итак, мама свой долг перед папой выполнила – дала всем пятерым детям высшее образование, сделала нас настоящими людьми. Мы считаем её героиней. А ей и официально это звание присвоили, вручив медаль «Мать-героиня» вместе с медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Где-то в 80-х годах минувшего века мама, наконец-то, рассказала нам о том, что папа в Чите не умер, а был расстрелян по чьему-то ложному доносу. Мама вспоминала, как она перенесла всё это, как хранила тайну от нас, чтобы не испортить нам жизнь. И тут же все детские воспоминания и картинки из жизни встали перед моими глазами так ярко, что захотелось зажмуриться, спрятаться, как маленькой, в подол маминой юбки, чтобы всего этого не было, вернуться в то время, когда папа был с нами. Но прошлого, увы, не вернуть. Я перечитывала характеристики папы, написанные при его жизни в разные годы, где говорится о нем, как о честном, добросовестном, порядочном человеке. И не понимала, кому было выгодно это преступление.

Однажды, незадолго до маминой смерти, мы, три сестры, сидели возле неё. Мамочка попросила достать сумочку, подаренную ей папой в Чите. Там, в платочке, завязанном узелком, хранились десять папиных записок из тюрьмы. О них мы до этого ничего не знали. Читаем, плача, одну за другой. В каждой – нежные слова для мамочки и всех нас. В каждой папа просил маму беречь себя и детей, говорил, что скоро будет дома и всё наладится. И вот последняя, десятая записка, та самая, с просьбой о чистом белье, из которой мама еще давным-давно поняла: расстрел! Её читать было особенно тяжело. Мама попросила, когда умрет, положить эти записочки ей в руку. 53 года она хранила их, как зеницу ока, и ушла в иной мир в 1984 году с любовью к папе.

Именно с этого времени старшая сестра Галина начала искать правду об отце. Она много раз писала в различные инстанции в Читу, пытаясь узнать хотя бы, где он похоронен. И только в 1990 году мы получили свидетельство о его смерти. Позднее нам прислали из Читы справку о реабилитации папы, мамочки и пятерых детей.

Тяжёлая участь постигала все семьи незаконно репрессированных. Их родным и близким был нанесён такой моральный и материальный ущерб, который никогда не восполнить. Чем измерить сиротские слёзы, безрадостное детство и изувеченную молодость детей «врагов народа»? Ничем.

И всё же уничтожить народ организаторам преступных репрессий не удалось! Это доказано хотя бы на истории отдельно взятой нашей семьи. Она не просто выжила, несмотря на нечеловеческие мучения. Дело моих родителей – честный труд на благо общества – продолжили мы, их дети, а также наши дети и внуки. Они тоже получили образование, приносят пользу обществу. И это уже победа, маленькая победа над авторами чудовищного террора!

Узнав, что в Перми действует общество, защищающее жертв политических репрессий, почувствовав потребность активно помогать тем, кто пережил ГУЛАГ, я пришла в Пермское областное (теперь – краевое) отделение Международного общества «Мемориал»,

вступила в Ассоциацию жертв политических репрессий. И вскоре меня избрали председателем совета Дзержинского районного отделения «Мемориала».

В то время в нашем районном отделении насчитывалось пятьсот членов. Я знала каждого по имени-отчеству, знала, когда репрессирован, каковы условия его жизни, его беды и радости. Этим людям, по чьим судьбам прокатилось тяжелое колесо репрессий, особенно были нужны доброта и милосердие. Я старалась дать им это. Наш совет работал активно. Главной моей заботой было – помочь каждому незаконно репрессированному вернуть честное имя, добиться реабилитации. Было написано не меньше 130 писем от имени репрессированных в города России и СНГ с просьбой выслать необходимые документы. Я рада, что смогла помочь стольким людям.

А еще наш совет оказывал жертвам политических репрессий материальную помощь, пусть совсем небольшую, но такую необходимую. Мы помогали людям получать направления в госпиталь и больницу, выделяли деньги на гостинцы для больных, на лекарства, на подарки к юбилеям.

Сдав полномочия председателя районного совета, я не рассталась с «Мемориалом»: помогаю новому составу совета разрешать какие-то проблемы, что-то подсказываю. В общем, помогаю, как могу. Вот уже двадцать лет «Мемориал» – моя жизнь! Вместе с ним живу по законам нравственности, законам совести.

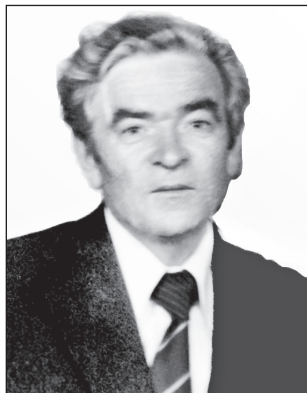

С дочерью, внучкой и правнучкой.

И сейчас я не в стороне от активной жизни. К 65-летию Победы в Великой Отечественной войне вышла небольшая книга «Так мы жили», написанная теми, кто трудился во время войны в Молотове (нынешней Перми). Там опубликована и моя статья, ведь мне есть что рассказать о тех годах. В июле 2010-го я приняла участие в Фестивале «Женщины города Перми» и стала финалисткой в номинации «Источник доброты». В сентябре 2010-го в журнале «Мы – земляки» вышла статья об истории нашей семьи. Я и впредь, сколько хватит сил, буду помогать «Мемориалу» раскрывать темные страницы истории бывшего СССР, чтобы никогда в нашей стране не повторились политические репрессии.

СЛЕД НА ЗЕМЛЕ

О своем отце Иване Ивановиче Лауте
рассказывает его дочь Татьяна

Иван Иванович Лаут

Мой отец Лаут Иван Иванович – согласно семейной родословной – Иван VII в роду Лаут. Предки приехали в Россию из Германии в 1766 году. По указу Ее Императорского Величества самодержицы Всероссийской Екатерины II получили в «вечное и потомственное владение» земли Саратовского наместничества с мельницей на левом берегу и пристанью на правом берегу речки Ахмат, притока Волги. Так как указанная мельница нуждалась в перестройке, а угодья пусты и обветшалы, то семье была выдана безвозмездно ссуда при условии, что в течение пяти лет все указанные работы будут выполнены. Известные всем националь-

ные черты, такие как уважение к закону, трудолюбие, честность и преданность стране, в которой живешь, помогли семье Лаут, как и многим другим эмигрантам из Германии, пустить глубокие корни на российской земле и выполнить взятые на себя обязательства. Все наши предки с того времени являются гражданами России.

...Августовским солнечным днем у раскрытого окна сидела молодая женщина, она была занята любимым делом – вышивкой. А мысли ее были далеко. 16-летний младший сын Ваня, только что окончивший 9 классов, в июле 1941 года по призыву ЦК ВЛКСМ вместе с тысячами советских людей ушел строить оборонительные рубежи под Смоленском и Вязьмой. Эта женщина была моя бабушка – Ольга Александровна Лаут.

Вдруг под окном раздались звуки шагов. Взглянув, бабушка обомлела – это был ее Иван, грязный, изможденный, напуганный и повзрослевший. От него она узнала о жестоких бомбежках, разрушениях, страшных картинах крушения поездов и гибели людей.

Осенью родители эвакуировали папу с московской родственницей Ирмой Ивановной Марковой, дедушкиной сестрой, и ее сыновьями в Казахстан. Они уехали в Талды-Курганскую область, село Кзыл-Агач Канопольского района. Город Михайлов Рязанской области, где остались родители папы, был оккупирован фашистами.

После победы под Москвой дедушку Лаута Ивана Ивановича выслали в Казахстан, а бабушку осудили на 10 лет как врага народа.

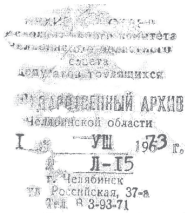
Выселяли немцев, как гласило Постановление ГКО от 10 января 1942 года, «в целях рационального использования немцев-переселенцев мужчин в возрасте от 17 до 50 лет». Немцев-переселенцев передали в распоряжение НКВД СССР для использования на лесозаготовках, строительстве заводов и железных дорог.

Гордый, независимый характер не позволил папе жить на хлебни-ком в семье родственников. Закончил курсы трактористов, работал и активно участвовал в весенней посевной. Несмотря на это, 5 мая 1942 года Ивана и дедушку мобилизовали на строительные работы. Папа попал в трудармию при Челябинметаллургстрое, а дед трудился в г. Буинске Татарской АССР на строительстве железной дороги. И это несмотря на то, что дедушку совсем недавно, в апреле 1942 года, де-мобилизовали из-за многолетнего туберкулеза из стройбата г. Глазова Удмуртской АССР. Таким образом, семья была разрушена.

Что же такое трудармия? Как жили трудармейцы? Согласно упо-мянутому Постановлению были установлены «нормы продовольст-вия и промтоварного снабжения НКВД СССР для мобилизованных немцев по нормам, установленным ГУЛАГу». Помню, когда на обед дома готовили бульон, папа говорил, что воды он и в войну напился. Еще отец страдал сильными головными болями из-за серьезной трав-мы черепа. Он не любил вспоминать трудные времена, пережитые несправедливости и обиды. Но вот о том, как в зимнее время ночью волосы ледяной коркой примерзали к стене барака, и наутро приходи-лось отливать их теплой водой, он как-то раз мне рассказал. А у папы были мягкие волнистые волосы. Также из скупых его воспоминаний и рассказов других людей, переживших подобную судьбу, знаю, что тру-дармейцы жили в бараках, кишевших клопами и другими насекомыми.

В 1946 году принудительные работы для российских немцев отме-нили, но право перемещения по стране осталось под запретом. После демобилизации из трудармии в августе папа поступил в Челябинский электромеханический техникум. «Но ввиду тяжелых материальных и бытовых условий (не было общежития) был вынужден в начале октября учебу прекратить и переехать в г. Молотов на постоянное место житель-ства», – писал в автобиографии мой отец. Из Челябинска ему разреши-ли переехать в Молотов, потому что здесь жил его больной отец.

Он, как и всегда, не боялся любой самой тяжелой работы. Устро-ился кочегаром локомотива 1-го строительного участка Строительст-ва № 31/38 МПС. И, не откладывая, стал готовиться к продолжению учебы. Несмотря на постоянное недоедание, усталость от тяжелой физической работы, он сумел наверстать то, что было забыто за шес-тилетний перерыв в учебе. Успешно сдал вступительные экзамены в Пермский железнодорожный техникум. Когда в архиве техникума я читала папино заявление с просьбой о зачислении, то с трепетом ощутила, какое волнение и тревогу испытывал 23-летний абитуриент,

Гр ЛАУТУ Ивану Ивановичу
г. Пермь, 614068
ул. Крисанова д 42-а кв 45

КОПИЯ

АРХИВНАЯ СПРАВКА

По хранящейся в Госархиве картотеке учета лиц, находившихся на Челябинском металлургострое по трудмобилизации, значится ЛАУТ Иван Иванович
1924 года рождения. уроженец г. Бальцера немцев Поволжья

Прибыл на Челябинском металлургострой 14 мая 1942 года по мобилизации
Алма-Атинским районвоенкоматом области
Убыл 10 сентября 1946 года по демобилизации

Картотека ЧМ
 ЮВАН... инского обл. сархива
 1 Начальник отдела
 5
 (И. И. ЛАУТОВ)
 (И. И. ЛАУТОВА)
 ЧР 1963 2895 16

Справка бывшему трудармейцу И. И. Лауту.

который при этом оставался под надзором МВД. В его личном деле сохранились приказы, в которых Лауту И.И. не раз и не два объявлялись благодарности за отличную учебу.

Мое внимание привлекла справка, выданная взамен паспорта и разрешавшая проживание в общежитии техникума. В ней сказано, что она «действительна только в гор. Молотов» в течение одного года. Это означало, что человек находится на спецпоселении и не имеет права перемещаться без специального разрешения, а также должен регулярно отмечаться в спецкомендатуре. В личном деле отца, хранящемся в архиве МВД, я нашла заявления периода учебы в техникуме, адресованные в комендатуру, в которых он просит разрешения на прохождение летней практики, на поездку к родственникам во время каникул, в дом отдыха «Красный Яр» по путевке, которой его наградили за отличную учебу в 1950 году. Эти просьбы отца были удовлетворены, но каждый документ заканчивался словами, что «настоящее разрешение по возвращении к месту поселения подлежит немедленной сдаче в спецкомендатуру МВД». А вот на заявлении с просьбой разрешить поездку к родственникам за вещами уже после окончания техникума стоит отказ.

Каждый поселенец был обязан подписать документ, в котором его предупреждали, что он «оставлен навечно в местах обязательного

СССР

СПРАВКА

Выдана Ивану Лауту (ке) Лаут Ивану
Ивановичу "1921" года рождения, уроженец (ка)
Саратовской обл. и.р. Банжер
 работающему (ей) Ивановичу Ивану Лауту
 в том, что ему (ей) разрешено проживать в городе Молотове по
 адресу: Коммунистическая ул. 2-17
 Справка выдана взамен паспорта и действительна только в
 гор. Молотов.
 Срок действия справки по "1" декабря 1949 г.
 Начальник ОСП УМВД Мол. обл. Макаров (Макаров)
 Подполковник
 Справка выдана "10" авг. 1949 г.

Этот документ разрешает спецпоселенцу, ущемляемому железнодорожного техникума Ивану Лауту проживать в Молотове (Перми).

поселения выселенцев без права возвращения на прежнее место жительства», а «за самовольный выезд (побег) с места обязательного поселения» будет «осужден на 20 лет каторжных работ». А возвращаться-то уже и некуда – все районы бывшей республики немцев Поволжья были включены в состав Саратовской и Сталинградской областей. А оставленные при выселении немцев дома, имущество давно распределены между людьми, охочими до чужого добра.

В 1951 году, окончив с отличием техникум, папа продолжил работать в строительстве № 31/38 Министерства путей сообщения. Сначала в должности строймастера, затем – начальника производственно-технического отдела, а с 1957 года – в должности главного инженера. За эти годы под его руководством построены жилые дома в поселке Комсомольском, подъездные пути к причалам грузового порта, вторые железнодорожные пути до ст. Шаля и 12-квартирные жилые дома в Краснокамске.

Работу папы ценили, отмечали благодарностями и премиями. Но, несмотря на это, командировку в Краснокамск ему разрешили только по запросу из Управления строительства в комендатуру. В ответе комендатуры отмечалось, что «спецпоселенец Лаут Иван Иванович ... за время проживания в г. Молотов установленный режим не нарушал. В городе имеет семью. Выезд считаю возможным разрешить».

Но наступили и более свободные времена: в августе 1954 года вышло, наконец, распоряжение, освобождающее немцев от спецучета. Отец, дедушка и бабушка получили паспорта граждан СССР. В августе 1957 года управление «Пермстройпуть» направило Ивана Ивановича

В спецкомендатуру МВД г. Молотова,

От спецпереселенца Лаут Иван Иванович,
прожив. по ул. Коммунистической д. № 4
Ленинского района.

Заявление

Прошу Вашего разрешения на выезд
из гор. Молотова на время каникул с
25 июля по 25 сентября 1949г. к родственникам
проживающим на ст. Валезино. Перм. ж.д.

Учред. в Мал. железнодорожном техникуме

18. 7. 49г.

«В спецкомендатуру МВД г. Молотова
... Прошу вашего разрешения на выезд...»

Лаута на учебу в Тбилисский институт железнодорожного транспорта.

Я понимаю, что чувствовал в те дни отец. Сейчас люди даже не задумываются об этом, а тогда для немцев Поволжья освобождение от спецучета ощущалось как глоток свежего воздуха. Отцу как бы дали понять, что в него поверили как в гражданина страны, хорошего специалиста. Но об освобождении, о равноправии говорить было еще рано.

В маленьком поселке Комсомольский, где мы жили, все знали друг друга. Было немало людей, враждебно относившихся к семье, где звучала немецкая речь. А после долгой разлуки бабушка и дедушка не могли наговориться на родном языке. Факт направления Ивана Ивановича на учебу в институт стал для недоброжелателей своеобразным сигналом о том, что времена меняются, что людей начинают ценить по их делам и способностям. Да и вообще нам повезло: папа взял маму, меня и полугодовалую сестру с собой. Так что нам посчастливилось некоторое время жить в Грузии. Институт папа закончил с отличием. Там он увлекся игрой в шахматы, они стали и нашим общим семейным увлечением.

По возвращении в Пермь отец продолжал трудиться главным инженером СМП-199 и 828 до 1966 года. В том году его назначили на должность главного инженера, а затем – начальником УКСа Пермского горисполкома. Семья Лаутов гордится делами отца. Он руководил застройкой микрорайонов «Нагорный», «Светлый», «Январский» и «Бахаревка». С его участием построены такие крупные объекты, как дом культуры им. Калинина, цирк, клубы Пермской печатной фабрики «Гознак» и Пермского нефтеперерабатывающего завода, здания Дома

Советов и НИИУМСа, спортивный корпус речного училища и много жилых зданий в центральных районах города. Мы любим посещать Выставочный зал, что на Комсомольском проспекте, и все пермяки помнят магазин «Океан», что напротив, – и это только малая часть того, что оставил мой отец нашему городу.

До выхода на пенсию он на протяжении многих лет работал заместителем управляющего трестом «Пермдорстрой». И мог бы сделать еще много, но здоровье, подорванное в юные годы, не позволило. Папа ушел из жизни в 1988 году после тяжелой болезни, когда ему было только 63 года.

Иду ли я по улице Плеханова, Добролюбова, Большевикской, Мира или Крупской – всюду ощущаю живую память об отце. Мне есть что рассказать своим детям и внукам об их дедушке, они могут им гордиться.

ИЗ КОГОРТЫ ОДЕРЖИМЫХ

«...когда нам сказали, что он враг народа, люди говорили: он не враг народа, он Бог народа!»

Родом В.Е. Цифринович из деревни Журавки Полтавской (ныне Черниговской) области, сын кустика. Рано остался без матери, отец женился вторично. Мачеха не слишком жаловала неродных детей, жили бедно. Окончив два класса церковно-приходской школы, Владимир начинает работать помощником продавца. В 1912 году переезжает в Харьков, где с помощью родственников устраивается в снарядный цех паровозостроительного завода.

15 мая 1917 года принят в члены РСДРП(б). С первых дней революции – активный участник многих ее событий на Украине. Работал в военной комендатуре, был заместителем начальника особого отдела, заведующим агитпросветом, председателем ревкома, редактировал газету в особой группе А.Я. Пархоменко.

С сентября 1919 года – на восточном фронте, где назначается сначала заместителем, а затем начальником политотдела 27-й дивизии пятой армии. После

Владимир Ефимович Цифринович, один из основателей калийной промышленности СССР, первый управляющий Всесоюзного калийного треста, руководитель строительства Соликамского калийного комбината и магнезиевого завода.

окончательного разгрома войск адмирала Колчака, в декабре, заболел тифом, долго лечился в госпиталях Омска и Харькова.

Четыре года В.Е. Цифринович находился на партийной работе в Крыму – секретарь Керченского и Севастопольского укомов, заведующий орготделом обкома. С июня 1924 года – в аппарате Московского комитета ВКП(б), где занимал должности инструктора, заведующего отделом. В 1928 году возглавил одну из крупнейших районных парторганизаций столицы – Бауманскую.

Природный ум, незаурядные организаторские способности, талант оратора и публициста сделали его фигуру довольно популярной. Его имя нередко появлялось в печати, он часто выступал на различных собраниях и конференциях, митингах.

Но вот неожиданный поворот судьбы. Нашлись недоброжелатели, нашептали кому надо и где надо. Осенью 1929 года Бауманская партийная конференция не избрала Цифриновича на новый срок секретарем. А в ноябре по рекомендации С. Орджоникидзе он получил назначение на хозяйственную работу – стал управляющим Всесоюзного калийного треста и начальником строительства Соликамского калийного комбината.

Как и многие другие производства, это создавалось в стране впервые. У границы перенимали опыт проходки калийных шахт, там же закупали оборудование. Владимир Ефимович быстро освоился на новом месте, установил деловые связи с крупнейшими учеными-химиками. Под его руководством был создан журнал «Калий», проводились научные конференции, организована опытная станция по проверке эффективности удобрений. 9 марта 1934 года Соликамский калийный комбинат вступил в число действующих. В.Е. Цифриновича наградили орденом Ленина.

Еще не были убраны строительные леса на сооружении калийного комбината, а рядом начали расти корпуса еще одного предприятия – магниевого завода.

Наркомтяжпром Серго Орджоникидзе считал Владимира Ефимовича одним из лучших командиров индустрии, включил его в число членов совета, действовавшего при Наркомтяжпроме. Цифринович избирался делегатом XI, XIV, XV, XVII партийных съездов, ряда Всесоюзных партконференций и съездов Советов.

23 июня 1937 года без санкции прокурора Владимира Ефимовича арестовали. Дикое обвинение: участник антисоветской контрреволюционной организации правых. На многие годы его имя вычеркнули из истории калийного комбината и магниевого завода. Но в памяти людей он оставался всегда.

Передо мной большая папка с воспоминаниями людей, которые работали с Цифриновичем. Многие, кому посчастливилось выжить, стали крупными учеными. Один из них – бывший первый начальник химфабрики, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской

премии Александр Сергеевич Леонтичук долго работал в Томске-7. Вот что он написал:

«Освоение крупнейшего в мире месторождения калийных солей требовало большой широты взглядов, смелости в постановке технических и организационных вопросов, выборе и выдвижении кадров. Всеми этими качествами обладал молодой талантливый руководитель. Владимир Ефимович умел поддержать энтузиазм молодежи, разубедить в необоснованной осторожности старых специалистов, находил общий язык с иностранцами. Он увлек новым делом крупнейших ученых страны: Курнакова, Терпигорелова, Скочинского, Прянишникова, Вольфовича.

Не все шло гладко, случались досадные срывы, конфликты, ошибки. Но все, кто был честен и трудолюбив, знали, что всегда могут рассчитывать на помощь и поддержку В.Е. Цифриновича».

К приезду нового управляющего в еловом лесу, где велась проходка, стояло около 20 барачков. Ни клуба, ни библиотеки. Овощи и картошку завозили из других областей. В столовой выстраивались длиннейшие очереди.

Бывали, наверное, и у Цифриновича минуты сомнений. Позднее он напишет: «Знал, что берусь за трудное дело. Но увидеть такой беспорядок, грязь, азиатчину не ожидал...»

В числе первых практических шагов была реорганизация строительства. Вместо подрядной организации создали собственную, на месте развернули производство стройматериалов. А вскоре отказались от услуг фирмы «Гефришахбау», освоили проходку шахт.

Постепенно менялся внешний облик поселка калийщиков. Вырастали жилые дома, появились скверы, две оранжереи, летний театр, стадион.

– Мы должны растормошить людей, пробудить интерес к культуре, – говорил Цифринович.

Цифринович не терпел расхлябанности, равнодушного отношения к делу. При этом никогда не терял самообладания, умел держать себя в руках. Даже если происходила авария, он не устраивал разносов, а спрашивал: «Скажите, это было неизбежно, как смерть, или кто-то не принял своевременных мер?»

Марта Владимировна, дочь, вспоминала, что отец был доступен всем. Какой-то рабочий, который жил не в самом Соликамске, а поблизости в деревне позвонил Цифриновичу ночью. У его жены начались роды. И он не знал, что делать, как ее вывезти в больницу. Вы можете себе представить, чтобы сейчас рабочий позвонил директору ночью, домой? И Цифринович на машине поехал. Потом он вспоминал, что машина застряла по дороге, и он сам толкал ее. Короче говоря, отвезли женщину в роддом.

С пуском первого калийного предприятия напряжение не ослабевало. Выдвинута новая задача: на базе карналитовых залежей

освоить выпуск «крылатого» металла – магния. Но дело продвигалось с большим трудом.

– Мы должны были затратить около трех лет, – писал Цифринович, чтобы убедить целый ряд товарищей и организаций, что дедушка Менделеев не ошибался, когда 70 лет назад написал, что из карналлита можно получить магний.

Один из организаторов нового производства Б.С. Гуляницкий вспоминал:

– Мне до сих пор помнится яркое полемическое выступление Владимира Ефимовича, позицию возглавляемого им «Союзкалия»: богатейшее месторождение соликамских карналлитов должно быть использовано для создания отечественной магниевой промышленности. Если существующие технологии не дают возможности создать непрерывный процесс, то надо создать такую технологию и такую аппаратуру.

Иностранные фирмы наотрез отказались консультировать нас, отказались оказывать и какую-либо другую помощь, а «крылатый» металл был очень нужен. И правительство приняло решение отправить группу соликамцев в заграничную командировку для изучения методов получения магния. Летом 1934 года В.Е. Цифринович, Я.М. Хейфец и Б.С. Гуляницкий выехали в США.

Соликамские инженеры проехали через всю страну с востока на запад. Они побывали на химических и сталелитейных заводах, осмотрели предприятия Форда. Им охотно показывали все, что делается из магния, начиная от детской тележки и кончая деталями самолетов, автомобилей, дирижаблей.

Не показывали только сам процесс получения металла.

До предела было заполнено время командировки. Каждый день бешеная скорость, каждый день тысячи автомашин, летящих навстречу. Крикливые пестрые рекламы сливались в какой-то вихристый разноцветный клубок. Короткий ночной отдых, остановка на заправочной станции – и снова в путь.

Владимир Ефимович смотрел на бегущий серый бетон и представлял ставший родным Урал. Крепко сплелись лапами по краям дороги ели. На дороге скромные указатели: Красновишерск-Чердынь-Соликамск-Пермь. Машины везут бумагу, металл, рыбу, алмазы...

Пароход плывет по Волге,

Дым пускает по трубе,

Ах, позволь, позволь, папаня,

Мне жениться по любви,

начинал он напевать частушки, заметив, что товарищи устали или просто загрустили.

Возвратившись из заграничной командировки, Владимир Ефимович вместе с товарищами написал подробный технический отчет. Он

поделился своими впечатлениями с читателями «Правды», выступил с большим докладом на слете ударников в Соликамске.

«Наше пребывание в Америке лишний раз подчеркивает чрезвычайно большое значение магния, который должен сыграть важнейшую роль в развитии техники, – говорил он. – Государства, овладевшие этим производством, ревниво охраняют его и не особенно желают делиться секретами с другими. И, наконец, последний вывод и, по моему, самый главный, сводится к тому, что Советскому Союзу в производстве магния надо взять упор на собственные силы, отнюдь не отказываясь от получения иностранной помощи».

Вскоре были открыты специальные курсы в Ленинграде и курсы техминимума в Соликамске. Владимир Ефимович пригласил молодых инженеров С.П. Солякова, Ю.Н. Караваева, М. П. Нестерову, В.В. Шарковкина и других. Им смело доверили руководящие должности.

14 августа 1934 года в Соликамск приехал нарком Серго Орджоникидзе. Прямо с вокзала он направился на комбинатскую площадку, побывал в цехах, побеседовал с рабочими.

Наркома интересовало все. Он спустился в шахту, обошел химическую фабрику, ТЭЦ, каждый цех. Всюду знакомился с людьми, расспрашивал о производстве, о жизни. После комбината Серго осмотрел строительство магниевых заводов, а затем предложил проехать в поселок. Он побывал в рабочих квартирах, заходил в столовую, магазины, детский сад.

Вечером Орджоникидзе встретился с инженерно-техническими работниками и ударниками. Он извинился, что из-за недостатка времени не может быть здесь дольше.

Серго держал на коленях дочь Цифриновича, Марту, внимательно слушал, после каждого выступления спрашивал девочку: «Правду он говорит, а?» Потом выступил сам:

– Я вообще не любитель рассыпать комплименты. Но то, что я здесь увидел, меня поразило. Я увидел серьезное солидное строительство. Здесь, на севере Урала, без шума и треска, в невероятно трудных условиях вы создали огромное дело.

Где бы ни был нарком, он звонил в Соликамск, интересовался ходом строительства магниевых заводов, работой калийщиков.

– Должно быть обращено самое серьезное внимание на химическую промышленность, – такое же внимание, каким в течение нескольких лет пользовалась черная металлургия. Химия должна быть двинута вперед во что бы то ни стало, – настойчиво подчеркивал Серго.

Преображался старинный город, менялись образ жизни людей, их интересы. Цифринович не только изучал потребности горожан, он формировал их.

О первом концерте квартета имени Первого калийного комбината, который состоялся в Москве, газета «Известия» писала, что

«подобрались серьезные, думающие музыканты, тончайшее искусство на деле уходит в широкие народные массы».

Марта Владимировна вспоминала, что отец обратился в Московскую консерваторию с тем, чтобы ее выпускников распределили в Соликамск. И они приехали, в Соликамске появились детская музыкальная школа, хоровая капелла.

Да, он был настоящий самородок, поражавший многих широтой своих знаний, эрудицией, точной памятью.

«Основные вопросы калийного и магниевого производства, – вспоминал бывший главный инженер Н.И. Глушко, – были очень сложными. Требовалось принимать ответственные решения, нередко связанные с большим риском. Тесная связь с крупнейшими учеными, связь науки с практикой были важнейшими принципами в работе В.Е. Цифриновича. Именно это, плюс интуиция позволяли ему принимать смелые решения. Годы показали, что мы были на правильном пути».

В 1932 и 1935 годах по приглашению калийщиков в Соликамске побывали бригады Академии наук СССР. Ученые выступали с лекциями и докладами, помогали в решении практических вопросов, давали консультации.

Владимир Ефимович проявил себя и как публицист. Во время работы в Москве и на Урале он выступал в газетах «Правда», «За индустриализацию», «Уральский рабочий», по просьбе М. Кольцова подготовил статью для книги «День мира», задуманной М. Горьким.

«Мы создали калийную промышленность» – так называется его книга, изданная в 1934 году в Свердловске. Это наиболее яркий и достоверный рассказ из всего написанного в то время о строительстве комбината и его людях.

Летом 1937 года в газетах появилось сообщение, что арестован брат Владимира Ефимовича, партийный работник республики Поволжья. Все чаще и чаще ловил на себе директор подозрительные взгляды. С тревогой читал о все новых и новых «врагах народа». В июне его вызвали в Москву на заседание в ЦК, где обсуждался вопрос о резком увеличении производства магния.

Сталин был знаком с Цифриновичем и его женой. В 1928 году он даже приглашал их к себе на дачу для встречи нового года.

– Может случиться, что райком поставит вопрос обо мне. Арестован мой брат, – сказал Сталину Владимир Ефимович.

Сталин спокойно сказал:

– Не бойтесь. Мы вас знаем хорошо. Давайте магний. Напишите Межлауку (В.И. Межлаук заменил Орджоникидзе, тоже был репрессирован).

Тревожные предчувствия Цифриновича, к сожалению, оправдались. 23 июля его арестовали и отправили в тюрьму НКВД в Свердловске. Он обвинялся в том, что вместе с секретарем обкома партии

И.Д. Кабаковым являлся руководителем правотроцкистской контр-революционной организации на Урале. В 1930 году якобы вступил в преступную связь с гитлеровским соратником Гессом и агентом германской разведки Дином, передавал им секретные сведения, готовил взрыв Березниковского химкомбината.

Рассмотрение дела продолжалось 15 минут. 14 января 1938 года приговор был приведен в исполнение. А через несколько дней арестовали супругу Цифриновича. Ее отправили в Карагандинский лагерь для жен изменников родины, печально знаменитый «АЛЖИР».

Осиротевшую Марту приютили родственники. Девчушка отправляла Сталину одно письмо за другим. К счастью, одно из них попало в руки какого-то порядочного человека. К тому же за свою хорошую знакомую настойчиво ходатайствовала жена Орджоникидзе Зинаида Гавриловна. Редкий по тем временам случай: «дело» было пересмотрено. В ноябре 1939 года Ц.М. Цифринович освободили...

Вот такая судьба одной семьи, жизнь которой была искажена тоталитарной системой. Но у дочери Цифриновича, Марты, видимо, оказался характер отца. Она получила театральное образование, стала известной артисткой.

На одной из бывших окраин Соликамска расположился микрорайон калийщиков с поэтическим названием Клестовка. Там есть улица Цифриновича. На здании бывшего «Союзкалия» в честь Владимира Ефимовича открыта мемориальная доска.

Альберт Нечиперович

ДЛЯ ТЕБЯ СРЕДЬ ДЕТЕЙ НЕ БЫВАЛО ЧУЖИХ

**Галина Николаевна Никитенко вспоминает
о своей матери Евдокии Андреевне**

К сожалению, моя репрессированная мама рано ушла из жизни, полной лишений и тяжёлых испытаний. Мы, её дети, вначале не проявляли интереса к прошлому родителей. А государству, что и говорить, удобны Иваны, родства не помнящие. Родителей же наших приучили помалкивать о своём прошлом, «не распускать язык», чтобы не поплатиться.

Вспоминаю, иногда по вечерам приходил к нам один разговорчивый мужчина и, пока мама топила печь и готовила ужин, что-то горячо ей доказывал. Она, видно, с ним не соглашалась, потому что он, потрясая кулаками над головой, убегал, приговаривая: «Сталинистка! Сталинистка!» А мама после его ухода сказала однажды бабушке:

– Разве я могу быть откровенной с чужими? Ведь на моих руках ты, мои дети и муж-инвалид. Если меня заберут, что с вами будет? Лучше держать язык за зубами.

За последние годы появилось немало книг с воспоминаниями репрессированных. Но вот уже и последние из них уходят из жизни. А многое ещё осталось нерассказанным. Для истории ведь важны и интересны любые мелочи в их воспоминаниях, потому что не сделаны ещё надлежащие выводы и рано ставить точку. Видно, пришла пора уже и детям репрессированных поделиться своими воспоминаниями. Мы тоже разделили судьбу своих невинно репрессированных близких. Но я хочу не просто свидетельствовать о том, что и как довелось пережить. Хочу вспомнить, как они мужественно держались при всех нечеловеческих испытаниях, стараясь вопреки злой воле судьбы и государства не просто выживать...

Наши родители всё сделали, чтобы их дети выросли не озлобленными и мстительными, а, наоборот, – милосердными, способными иметь и дарить радости жизни. Мне, конечно, давно надо было узнать, как, например, и откуда моя мама оказалась на Урале. Но в житейской суете всё откладывала это важное расследование. Тем временем из жизни ушли почти все мои старшие родственники. Из маминой семьи

Январь 1946 года. Евдокия Андреевна (в центре) со своей мамой Варварой Васильевной (слева), мужем Николаем Николаевичем Борментовым (вверху слева), со своими детьми и родственниками мужа.

в живых никого не осталось. Но последние годы меня очень поддерживала морально мамина младшая двоюродная сестра тетя Нюта. Её семью тоже насильно вывезли на Урал, только в другой район. Вот к ней я и обратилась.

Тётя Нюта постаралась рассказать в письме о наших родственниках все, что помнила сама.

Мой прадед Никита (от него, видно, и фамилия пошла – Никитины) имел трёх сыновей и одну дочь. Проживал на хуторе под городом Себеж Псковской области. Один его сын, Александр (будущий отец тёти Нюты), учился в Ленинграде, но вдруг женился против воли отца на бедной девушке из деревни. Отец сильно на него за это рассердился и выделил из своего хозяйства. У Александра родилось девять детей. Когда их мать умерла, старшему было только семнадцать лет. Александр женил этого сына на двадцатилетней девушке, которая и стала вести их хозяйство. А малыши детьми занималась старшая дочь девяти лет. Александр сам больше не женился, чтобы у детей не было мачехи.

Александр так обижался на своего отца, что при отъезде из родного дома при разделе сказал ему:

– Никогда не прощу тебе этой обиды и на похороны твои не приду!

Тётя Нюта вспоминает, что когда дед умер, отец, действительно, не хотел идти на похороны. Но бабушка пришла, стала плакать и уговаривать:

– От людей ведь стыдно!

– А меня обидеть не стыдно было?

Бабушка сказала, что без него не вернётся. И сын сдался. Мужики, увидев Александра, стали гадать между собой, перекрестится ли он, войдя в дом отца-покойника, как того требовал обычай. Но Александр только снял шапку.

Другой из трёх сыновей, Яков, был взят ещё в царскую армию, вернулся с русско-японской войны весь израненный и вскоре умер. А третий сын, Андрей (мой дедушка) женился на красивой девушке Варваре Васильевне Картенко. Она тоже из небогатой семьи, совсем неграмотная, а потом уж не до грамоты ей было. Родила девятерых детей, в том числе и мою маму, Никитину Евдокию Андреевну (раньше имена давали по святцам, а не по желанию родителей). В юности мама дружила со своей двоюродной сестрой Марфушей, которая была старшей сестрой тёти Нюты. Подружки-сёстры бегали вместе на вечерки и пели там так, что за три километра было слышно.

В их деревне действовала школа-трёхлетка. Так моя мама закончила её за одну зиму. Все классы занимались вместе, только сидели по разным рядам. Вот она и усвоила все, что преподавали. Тётя Нюта училась позднее и не успела закончить третий класс, т. к. их выслали в марте 1931 года. Больше она никогда не училась.

Единственная дочь моего прадеда Никиты, Марфа, вышла замуж удачно и, по сравнению с братьями, жила богато: дом был под железной крышей. Оба сына Марфы учились в Ленинграде и, видимо, поэтому избежали высылки.

Тётя Нюта вспоминает, что детства с игрушками у неё не было, и очень рано пришлось пасти скот. Наверняка таким же было и детство моей мамы. Но если отец тёти Нюты хотя бы мечтал дать ей образование, считал её способной, то моей маме Евдокии её неграмотная мать сказала:

– Не учителькой же тебе быть: сиди – пряди!

Мамин старший брат Фёдор тоже избежал высылки, так как уехал в Ленинград до 1929 года. Тётя Нюта от своего брата Ивана, тоже ленинградца, слышала, что Фёдор стал потом директором крупного совхоза и не скрывал, что его родители раскулачены и высланы. Однажды будто бы какой-то рабочий обозвал Фёдора «кулацкой мордой», но другие рабочие его одёрнули, потому что понимали: многих высылали тогда ни за что. Думаю, что и до дяди Фёдора потом добрались бы, если бы он не погиб на фронте.

Тётя Нюта в старости объясняла политику сталинских репрессий так:

– Лес валить, в шахтах горбатиться и на северных стройках работать добровольно никто не поехал бы. Вот и объявили коллективизацию, чтобы скот и дома отобрать для колхозов, а несогласных объявить кулаками и наказать высылкой.

Тётя Нюта вспоминает, что их семьи не числились в кулацких, а считались середнячками. К тому же оба брата, Александр и Андрей Никитины, воевали в гражданскую войну на стороне красных. А у Александра один из сыновей служил в Красной Армии. Но их все равно раскулачили. В семье тёти Нюты к этому времени проживало только четверо из девяти детей. Вот их, оставшихся, и привезли на сборный пункт. Там уже была семья дяди Андрея (моего деда), который им сказал:

– Не бойтесь, мы вас не бросим.

Но когда стали вызывать по списку, оказалось, что для 7 семей (в том числе и для семьи тёти Нюты) места уже нет. Им сказали, что могут возвращаться. А их вещи уже уехали в Соликамский район с семьёй дяди Андрея, и дом уже отдан колхозу. Куда возвращаться? Тут подошёл другой состав, и всех оставшихся погрузили в него как спецпереселенцев. У них с собой ничего не было: ни еды, ни одежды...

Три дня ехали голодными, пока, наконец, не выдали паёк. Привезли их в леспромхоз Галка, и тут дядя Андрей разыскал их, написал, чтобы приезжали за вещами. А кто ж их пустит? Хлебнули они горя на лесоповале... Только Бога благодарили, что не сгинули тогда от голода, холода и болезней. Но, конечно, лишения сказались. Забегая вперёд, скажу, что из девяти детей маминой семьи никого не осталось уже к 1978 году. Два старших брата погибли на фронте. Марфа, Настя

и Митя умерли, как и их отец, на лесоповале. Филиппа ещё до войны выслали на Колыму за то, что не спас трактор, на котором осушал болото, а сам уцелел. Вернулся после смерти Сталина и по совету моей мамы уехал в Ленинград помогать семье погибшего старшего брата Фёдора. Но здоровье его было сильно подорвано колымскими лагерями, и он не дожил до пенсии. Мама моя, не щадя себя, как одержимая, билась за будущее детей (своих и чужих), но в 52 года её победил рак.

Нетрудно догадаться, как жилось семье моей мамы на лесоповале в Усть-Долгой Соликамского района. Самые слабые (дед Андрей и трое его детей) продержались недолго: умерли друг за другом в первые же 3 года. Через многие годы тётя Нюта сообщила мне в письмах некоторые факты из жизни её двоюродной сестры Дуси, моей мамы.

Когда их привезли на Урал, маме было 16 лет. Работала в лесу наравне со взрослыми. Ходила в лаптях: ссыльным не выдавали спецодежду и обувь. Бригада перевыполняла норму, чтобы считаться стахановской и получать чуть больший паёк. И вот будто бы мою маму полюбил хороший молодой человек, начальник участка. Они стали жить вместе. Какие в тех условиях могли быть свадьбы?! Но скоро моей маме «добрые люди» сообщили, что ему, коммунисту, нельзя жениться на ссыльной: «партбилет – на стол!» Она не хотела, чтобы он за неё пострадал, и объявила:

– Нам надо расстаться. Я ни у кого камнем на дороге быть не хочу. Жену ты себе ещё найдёшь, а партбилет не вернёшь.

Он с ней не соглашался. И тогда она... бежала из посёлка, оставив ему записку.

Не знаю, как мама оказалась в другом посёлке ссыльнопоселенцев – Карналлитовом. Уже до войны там проживало больше 600 таких семей, а в годы войны привозили ещё депортированных разных национальностей.

Посёлок Карналлитовый вырос вокруг деревни Зырянновка. Все должности в посёлке, кроме коменданта, занимали высланные: и директор начальной (единственной) школы, и заведующая детяслями, и директора продуктовых магазинчиков... Маму определили в библиотекеари при клубе, заведовал которым мой будущий отец. У него было приличное по тем временам образование: 4 класса церковно-приходской школы. Он приехал в Соликамск в 1938 году после «чистки в партии» по приглашению своего друга, местного коменданта.

Бывший гражданский муж моей мамы разыскал её, приезжал из Усть-Долгой и уговаривал вернуться. Но мама пожалела его. Она объясняла это так: партийные живут намного лучше других, вот пусть и живет сам по себе, не хочу мешать. И отказалась вернуться. Потом он погиб на фронте.

Мой будущий отец привёз с собой из Сибири дочь-первоклассницу от первого брака. Мама сначала не соглашалась выходить за него

замуж, у неё уже появился друг. Но вскоре друга арестовали в связи с взрывом на комбинате. Взяли многих с немецкими фамилиями, а он был из депортированных немцев. Успел передать маме записку с просьбой ждать его год. Когда этот срок истёк и друг не объявился (сколько людей тогда пропадало!), мама вышла за папу, пожалев его дочь. А через год родилась я.

В 1941 году отец пошёл на войну добровольцем. Перед отъездом, рассказывали, поднял меня над детской кроваткой и сказал:

– Расти, дочка, на страх врагам!

В 1942 году он вернулся из-под Сталинграда без ноги. Мама работала тогда в детяслях, и на её попечении были: старая мать-пенсионерка, младший брат-школьник Алёша и трое детей – папина дочь Фая, я и маленький Коля, родившийся в феврале 1942 года. Отец наш, служивший на фронте связистом, стал начальником поселковой почты. В его подчинении была женщина-почтальон, она же и уборщица.

Что я помню из тех лет? Многие вспоминают хлеб по карточкам. А я считала тогда главной едой картошку и помню, как тяжело всем эта «кормилица» доставалась. Весной по воскресеньям весь посёлок выходил на обширное песчаное поле, где у каждой семьи была полоска земли. А осенью женщины впрягались в двухколёсные тележки и тащили мешки с картофельным урожаем. Сзади тележки изо всех своих силёнок толкали дети, пытаясь помочь своим худым и слабым мамам.

Такая жизнь казалась нам, детям, нормальной. «За детство счастливого наше, спасибо, родная страна!» – это был лозунг не одного десятилетия в Стране Советов. И никого он не смущал. Детство всегда вспоминается счастливым. Разве не счастье – побежать, наконец, в поле или в лес и полакомиться там разными пистиками, пиканами, семенущками, диким луком, заячьей капустой?! А самой лучшей едой все школьные годы я считала драники.

Летом обязанностью всех подростков была работа в поле и на огороде: пололи и поливали овощи, таскали на коромысле тяжёлые вёдра с водой. И питались в летние каникулы в основном подножным кормом: ели сырьём то, что росло на грядках и в лесу. Как ни загружены были работой, но выкраивали время для купания в речке и детских игр. В годы войны, конечно, с питанием было еще тяжелее. Но взрослые делали всё, чтобы дети не очень страдали от голода. Мама позже рассказывала, что падала дорогой с работы в голодные обмороки, но доносила нетронутой свою пайку хлеба для неродной дочери-школьницы:

– Ее же отец на фронте за нас жизнью рисковал, а я должна сохранить детей.

Летом торопились запастись на зиму лесными дарами. У взрослых на это не было сил и времени. Ребятишки ходили в лес за грибами-

ягодами, как на работу. Приходили и просто валились с ног. Но как приятно было вечером от мамы услышать похвалу:

– Кормилицы наши растут: кошка ведь из леса всё это не принесёт.

Самое неприятное в лесу – это лютые комары. Как же они изводили нас! Но однажды мудрая учительница начальных классов сказала, что комары пьют только вредную кровь. И мы стали переносить их укусы более терпеливо: плохой крови нам не жалко, пусть пьют.

А как мы одевались? Мама перед смертью (уже в 60-е годы) сказала как-то:

– Хорошо, что я растила вас, когда все одевались небогато и одинаково.

Помню, она терпеть не могла ватники-фуфайки. Видимо, эта одежда вызывала в ней протест как униформа эзков, самых унижаемых людей. Она выкручивалась как-то, перешивая и перелицовывая добытые где-то обноски, но фуфаяк в нашем доме не было. А вот стёганные бурки с галошами и подшитые старые валенки носили без стеснения и мы. Помню, в 50-е годы моему братику достали кирзовые сапожки, а мне – нет. Я, семиклассница, обиделась.

– Неужели ты будешь носить такие? – спросила мама.

– С удовольствием, – ответила я и скоро получила обновку. Сохранилась даже фотография, на которой мы с братом в такой шикарной обуви. Я до самого окончания школы бегала летом по посёлку босиком, потому что берегла для выхода в кино свои матерчатые тапочки, которые красила зубным порошком.

В нашем посёлке не было детсада. Поэтому дети ходили в детясли подолгу, лет до 5. Мама заведовала этими яслями, и ей после войны как-то удалось добиться, чтобы у всех детей во время пребывания в яслях была казённая одежда, как у детдомовцев. Мамаши, приводя своих детей в ясли, запикивали их домашнюю одежку в шкафчики, а оттуда доставали ясельную, чистую и нестарую. При яслях жила очень добросовестная прачка. И на прогулку надевали всё казённое: валеночки, пальтишки, башлычки...

Но особенно яркое воспоминание осталось от детских праздников, которые готовили детям ясельные сотрудники. Все помещения, особенно игровые, украшали соответственно событию. В Первомайские и Октябрьские праздники всюду пестрели маленькие флажки. Коротко с водой обкладывали мохом – получалась полянка с озером, на котором плавали игрушечные уточки, рыбки, а по полянке «гуляли» разные зверушки.

Но самым волшебным праздником была, конечно, новогодняя ёлка. Все воспитатели и дети наряжались в самодельные костюмы, в основном из марли, крашеной и некрашеной. Кого только здесь не увидишь! Зима, Дед Мороз, Снегурочка, Ночь, Солнце, зайчики и снежинки, волки и лисички, хлопושки... Музыка, танцы и песенки, стишки

*Цветник под окном –
весенняя забота
Евдокии Андреевны.
1958 год.*

и сценки... Очень весело! А в конце праздника каждому маленький кулёк с гостинцами. И всё это пекли, готовили, мастерили неутомимые руки ясельных работников.

Моя мама творчески подходила к воспитанию детей и заражала других. Огромным уважением пользовалась она у односельчан и авторитетом у горздравотдела, хотя у неё не было тогда никакого документа об образовании. В 1940 году она ходила в 5-й класс городской вечерней школы, но не закончила его, так как в апреле родилась я. А потом – война, мужинвалид, дети-школьники, возраст... Но главное – многолетняя огромная нагрузка в должности зав. яслями, которая вмещала в себя тогда слишком много обязанностей при маленькой зарплате. Даже все и не пере-

числишь: кладовщик и бухгалтер, завхоз и подменный воспитатель, скотник и огородник, строитель и садовник, косарь и землекоп, швея и художественный руководитель... А как же! Ведь сами выращивали для детей зелень, содержали коровку, чтоб было свежее молочко (про смеси тогда и слышать не могли), а значит, и покос, и навоз, и картошка на поле...

Да хоть бы зарплату ещё при этом не отнимали на бесконечные государственные займы! А дома, в бараке, тоже невпроворот: воды наносить, дров нарубить, печь истопить, еду приготовить, бельё постирать в корыте, выгладить тяжёлым утюгом и перештопать... У всех женщин жизнь тогда была нелёгкая. Но в нашем посёлке её всегда скрашивала клубная и школьная самодеятельность, активными участницами которой были эти же труженицы, а застрельщицей – моя молодая мама. И откуда у них силы брались?

Помню, у нас после войны даже свой парк культуры в посёлке был. Весной молодёжь выходила туда на субботники (по воскресеньям, выходной был один). Чистили парк, обновляли газончики и сцену, скамейки и спортплощадки... После этого – открытие летнего сезона с концертом местной самодеятельности за мизерную плату, которая шла на обустройство парка.

Пока маму в 52 года не свалила смертельная болезнь, мы не видели её никогда в постели. Когда просыпались, мама уже накрывала завтрак. А вечером мы засыпали при электричестве – у мамы не за-

кончены дела. Конечно, подрастая, мы какие-то дела брали на себя, но основная часть оставалась на ней.

Незабываемая идиллическая картина 50-х годов: зимний вечер, мама готовит ужин, а остальные сидят за столом. Братик Коля занят любимым рисованием, я вышиваю, а папа, сняв после работы свой тяжёлый протез, читает вслух продолжение очередного номера роман-газеты.

Но вспоминаются не только радости. Повзрослев и оглядываясь назад, мы начали задаваться вопросами. Почему в нашем посёлке все были полунищими, жили в ужасных бараках без мебели и посуды? Зачем в нашем посёлке комендант? Почему нас в детском саду (после яслей) не пускали на завтрак, пока мы хором не споём гимн? Почему у мамы по щекам текли слёзы, когда мы на праздниках пели песню про Сталина? Почему весь посёлок устраивал побелку стен и травлю неистребимых клопов именно перед праздниками 1 мая и 7 ноября? Почему в пионерской комнате нашей школы (в бараке) не было ничего, кроме некрашеного стола и старого барабана? Почему летом нельзя было полакомиться зелёным горошком, который рос у дороги, на краю колхозного поля?.. И много других разных «почему».

Бедность и беспорядок, жизнь по чьей-то указке, тяжёлые условия труда и быта... Мудрено ли, что родители наши уходили из жизни слишком рано? На послевоенной фотографии 1945 года моя 30-летняя мама выглядит 60-летней бабушкой. А через 4 года после Победы она чуть не распрощалась с жизнью. Жесточайшая желтуха свалила её на больничную койку. Я тогда готовилась к вступлению в пионеры, учила клятву. Такое событие, а мама в больнице. Галстук мне повязала, сняв со своей шеи, моя учительница (она же и пионервожатая).

На другой день меня и братика повезли в больницу к маме. Она потом рассказывала, что хотела с нами попрощаться, не надеясь выжить. Когда я вошла в палату, где было много коек с больными, то не сразу увидела маму. И вдруг я наткнулась на глаза старушки, которая пронзительно смотрела на меня с угловой койки. Из её глаз покатились слёзы, и я поняла, что это она, моя мама. Меня, испуганную, подвели к ней.

– Не бойся, доченька. Поздравляю тебя со вступлением в пионеры. Учись хорошо. Я скоро вернусь домой.

В коридоре я уже не смогла удержать слёзы. А мама после свидания с нами поняла, что ей нельзя сдаваться, пока не поставит нас на ноги.

Вскоре маму ждал ещё один удар. В 50-е годы вышел указ, по которому должности заведующих могли занимать только люди со специальным образованием. Маме, которая пользовалась большим уважением в горздравотделе, разрешили поступить без документов на вечернее отделение медучилища. И несколько зим она ходила после

работы пешком в город на занятия, возвращалась поздно, кормила семью и садилась штудировать учебники, чтобы быть примером девочкам-однокурсницам, свежим выпускницам семилетки. Мама успешно закончила училище и через полгода (в 40 лет) получила звание «Отличник здравоохранения».

В 1967 году мама сама у себя обнаружила опухоль и согласилась на операцию («надежда умирает последней»). Но все раковые больные тогда были обречены. Единственное, что смог сделать для неё горздравотдел, это обеспечить её, наконец, благоустроенным жильём и бесплатным обезболивающим до самой кончины. Мама раньше сама не просила квартиру, ждала, когда снесут в посёлке последний барак. Подходящую фотографию для своего памятника мама не смогла подобрать в семейном альбоме и пошла делать снимок в городскую фотографию за 5 километров пешком, автобусы ещё не ходили.

Мы с братом учились в других городах – в Перми и Свердловске. И тут у мамы объявился ещё один сын. Однажды отец сказал, что на почте уже месяц лежит письмо, которое надо отправлять обратно – его некому вручать. Оно адресовано милиции пос. Карналлитовый, а её здесь никогда не было. Мама подумала и решительно сказала:

– Давай прочитаем. Человек ждёт ответа, а мы с тобой так давно здесь живём, что разберёмся не хуже милиции.

И только распечатали конверт, из него выпала фотография, на которой засняты ясельные дети военной поры в самых лучших домашних платьях. А впереди прямо на земле сидят 3 малыша совершенно голенькие. Это подкидыши.

В своём письме автор сообщал, что заканчивает службу в армии и не знает, куда ехать. А эта детская фотография сопровождает его всю жизнь. Она была вложена в его документы воспитанника детского дома. Мама сразу узнала его в крупном мальчике, которого они тогда в шутку прозвали «генералом Толбухиным». Именно она вложила эту фотографию в его вещи, когда отвозила очередную группу ясельных подкидышей в детприёмник г. Березники.

Посоветовавшись, мои родители написали в воинскую часть, пригласили Валентина Воинова (так звали солдата) к себе, в Соликамск. Когда солдат приехал, мама помогла ему с одеждой и устройством на работу. Вскоре выяснилось, что в тех местах, где он служил, женщина ждёт от него ребёнка. И снова мама проявила решительность:

– Вот тебе, сыночек, деньги на дорогу. Я сегодня зарплату получила. Съезди и разберись по-человечески. Ты вырос сиротой, но виновата была война: многие не могли прокормить детей и подбрасывали государству. Сейчас войны нет. Не бери грех на душу. Пусть твой ребёнок не будет сиротой.

Солдат поехал, женился там и дочку назвал Татьяной. После смерти мамы Воинов какое-то время писал письма мне как сводной сестре.

О кончине нашей мамы был некролог в газете «Соликамский рабочий», и на гражданскую панихиду в Карналлитовскую школу № 9 пришла такая масса людей, что прощание длилось несколько часов. Люди шли и шли, задерживаясь ненадолго у её гроба. У многих на глазах были слёзы: ведь многие сами были её воспитанниками, а потом водили в ясли своих детей. Старушки молились за неё, крещёную атеистку, потому что жила она, как истинная христианка.

На Соликамском кладбище стоит памятник с фотографией моей мамы. А под портретом эпитафия:

Для тебя средь детей не бывало чужих.
О себе не заботясь нимало,
Ты для детства счастливого их
Труд и сердце своё отдавала.

Почти одновременно с маминой кончиной сбылась её мечта: на Карналлитовом снесли все бараки. Но барачную жизнь ссыльнопоселенцев не стереть из памяти. Комнатушки по обе стороны длинных баракосараев, сколько семей, столько и дверей. За каждой дверью нищета: мебели и посуды почти нет, одежда на гвоздиках, печка, рукомыльник с поганым ведром, которое служило и ночным горшком. «Удобства» на улице: дощатая продувная кабинка, одна на два барака...

В бараках жили люди разных национальностей – высланные немцы, болгары, марийцы, крымские татары... Не помню случая, чтобы национальность послужила причиной ссоры или плохих отношений друг к другу. Напротив, все были уважительны и заботливы, помогали друг другу. Комнаты в бараках на замок не закрывались. Вместо него в пробой втыкалась щепочка, и никто не входил. Случалось, конечно, и воровство, но оно как-то сглаживалось и прощалось.

Помню, мама однажды расстроилась: ребёнка из яслей унесли в казённом одеяле. Мама взяла дома наше одеяло, свернула его и сказала:

– Ещё послужит. Лишь бы не отказалась, – и пошла с ним поздним вечером к воровке.

– Возьми для ребёнка это одеяло, а ясельное верни, пожалуйста. Оно ведь с клеймом и числится на мне.

Женщина со слезами приняла подарок и просила прощения у мамы, заведующей яслями.

Другой случай, уже из послевоенных (тоже голодных) лет. Мы зимой к празднику налепили капустных пельменей и вынесли в сарай на ночь, заморозить. Утром мама обнаружила там только пустую доску и в стене дыру к соседям. Пришла расстроенная, посидела молча на табуретке и сказала:

– Может, ещё хватит у нас муки налепить новые пельмени. А те я знаю, куда делись: их мышки стащили.

Мы маму поняли и с соседскими ребятами ссориться из-за этих пельменей не стали.

А папе нашему она потом тихонько сказала:
– У них в семье 5 детей. Зачем их позорить?

Наверное, за это всепонимание и милосердие маму так уважали сельчане. А «Соликамский рабочий» поместил о ней статью с фотографией. Только мама ни за что не захотела сниматься одна, лишь с коллективом.

Я считалась в посёлке примерной ученицей, активной пионеркой и комсомолкой. Но сейчас мне до боли стыдно вспоминать некоторые моменты. До сих пор недоумеваю, почему мы многое, что творилось тогда, считали нормальным и правильным. Например, колонны тихих женщин, окружённых солдатами и собаками, которых вели куда-то той же дорогой, по которой мы шли в школу. Мы вроде не видели их. Как же: у нас ведь «ни за что не сажают»!

Особенно не могу простить себе свои горькие слёзы по умершему Сталину в марте 1953 года.

Мама никогда не рассказывала о своей жизни на лесоповале и гибели близких. Наверное, на то было несколько причин: не хотела травмировать наши детские души и провоцировать несвоевременные вопросы, а может, просто тяжело было вспоминать горестные события, беречь свои раны... Но главное – на разговоры с детьми совершенно не было времени.

Иногда думается, что моя великодушная мама простила их высылку ещё при жизни Сталина. Узнав, что на их родине, оккупированной фашистами, после войны никого и ничего не осталось, она сказала:

– Может быть, и хорошо, что нас выслали: всё-таки не все мы погибли.

Но мама всегда решительно отказывалась вступить в партию под предлогом, что она малограмотная. Всю жизнь работала, как каторжная, жилы вытягивала. Слова плохого никогда не сказала своим детям про палача Сталина и ненасытное государство.

*Мама (слева) приехала ко мне в гости.
1962 год.*

Я закончила Соликамскую среднюю школу № 1 без троек и хотела поступить в пединститут г. Перми. Но меня почему-то 2 года подряд не принимали туда с хорошими оценками на вступительных экзаменах. Помню, какая радостная приезжала я в Соликамск. Но мне присылали бумажку с моими «4» и «5», а в конце – убийственная фраза: «В институт не зачислена». Недоумение и обида: ведь другие сдавали намного хуже...

– Ничего, доченька, на следующий год поступишь, – утешала мама и молча глотала ещё одну обиду от государства.

Годы спустя я догадалась, что или в институте тогда ещё был список спецпоселков, откуда не рекомендовалось брать абитуриентов, или кто-то резонно рассуждал, что детей ссыльных можно ради своих подвинуть: они, мол, привыкли терпеть.

Через два года я поступила с отличными оценками в другой вуз. Но обида на пединститут у меня не прошла, за эту несправедливость поплатилась и моя дочка-первенец, Танечка. Если бы я поступила вовремя и окончила вуз через 4 года, то у доченьки мама была бы не перегруженная студентка, а молодой специалист со всеми правами (отпусками и пособиями). И не попала бы она в ясли в двухмесячном возрасте, чтобы не мешать маме сдавать на стипендию (22 руб.).

Мама умерла, не увидев, кроме Танечки, больше никого из своих четырех внуков (по два от сына и дочки). С Таней она даже водилась в Соликамске, пока я в Перми сдавала сессии. До встречи с моей второй дочкой Дианой мама не дожила три месяца. Я шла за гробом, имея 6-месячную беременность. Все мои переживания сказались на новорождённой. За её жизнь боролись несколько недель.

Так что можно считать жертвами репрессии не только мамину семью, но и её детей и внуков. Мои дочки пострадали и при новом строе: Таню убил какой-то маньяк около оперного театра. А Диана, родив 6 детей, не получила от государства ничего, кроме унижения. Видно, не скоро ещё замолит Россия грехи своих нераскаявшихся атеистов. Пока государство не признает свои преступления против народа, они будут продолжаться. Не надо забывать уроки истории, чтобы они не повторялись.

Каждую экзаменационную сессию моя дочка Танечка гостит у бабушки с дедушкой Бормотовых в пос. Карналлитовый. 1963 год.

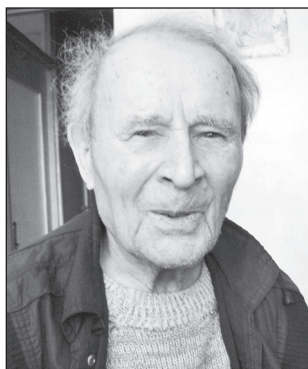

Бабушка Дуся с любимой внучкой Танечкой. Март 1967 года – последняя весна Евдокии Андреевны...

СОХРАНИТЕ ЖИВУЮ ДУШУ

Воспоминания Георгия Макаровича Штомпеля

Посвящается моей любимой жене
Марии Петровне Лисовской

*Георгий Макарович
Штомпель.*

На 93 году своей жизни я решил описать жизнь семьи отца и свою. Это я делаю, в первую очередь, для своих детей, внуков, правнуков и праправнуков. Все описанное мной в дальнейшем без прикрас и так, как оно было, и так, как я помню прошлое, а помню все пока в деталях.

Откуда взялось семейство Штомпель? По данным архива посемейного списка жителей войска Черноморского 1793 года наши предки были запорожские казаки, поселившиеся на Кавказе после ликвидации запорожского казачества в 1791 году.

Я родился 26 ноября 1912 года на Кавказе, в кубанской станице Старовеличковской в семье казака Макара Титовича Штомпель. Помню своего прадедушку, пробабушку Евфросинию, дедушку Тита Максимовича, бабушку Меланию. Прадедушка Максим умер где-то в 1915-1916 годах, пробабушка Евфросиния умерла в те же годы. Ей было 87 лет, когда она умерла. Дедушка Тит Максимович умер в 1916-1917 годах. У отца был брат младший, в 1914 году он был убит, хоронили дома, в станице.

Теперь коснемся семейства отца. Он родился в 1893 году, 15 июля. Мама Наталья Прокофьевна родилась в 1891 году. Бабушка Мелания – в 1865. Затем идут дети. К 1929–1930 гг. семья состояла из отца, мамы, бабушки и нас 5 братьев и 3 сестер, то есть всего 11 человек.

Прадедушка Максим Евстафьевич был грамотным. Имел много книг, большей частью религиозных, я их часто листал, смотрел картинки, но читать еще не умел. Все: прадедушка, дедушка и отец любили землю и занимались хлебопашеством. Обрабатывали надел земли, сеяли хлеб, держали скот, была своя пасека. Жили крепким хозяйством, жили сами и помогали родне.

По рассказам мамы и бабушки мне было где-то 3-4 года, когда я заболел оспой. Говорили, очень сильно болел, уже безнадежно. Мне уже шили «потусторонний» сарафан, но я выжил. Смерть ушла от меня и надолго. А может, уйдет и насовсем, чего, конечно, никогда не бывает.

У меня и у мамы остались следы оспы на лице. Мои отметины видны были до 30 лет, потом все прошло. Наверное, повлияла жена.

До школы я зря не сидел, а все активничал. Совал свой нос везде, помогал бабушке убирать и сушить фрукты из своего сада. Наш надел земли был расположен в 10 километрах от станицы. Помогал отцу и маме в бахчеводстве, ухаживал за пчелами. На лето отец всю пасеку увозил в поле. Пчеловодство я любил, хотя от пчел принимал много укусов, но затем все обходилось мирно, я пчел любил, и они меня. Пасека у нас была большая – 20 ульев.

Наша земля находилась в 300 метрах от железной дороги, идущей из Краснодара в Новороссийск и другие города. Я любил наблюдать движение грузовых и пассажирских поездов. Мне было это интересно. Железная дорога была ограждена глубокой канавой.

Во время уборки трав, хлебных посевов и обмолота их я во всем помогал отцу. Пшеницу обмолачивали на току при помощи катков, которые тащили лошади. После обмола зерно очищали на веялках. Оно становилось чистым, и его увозили в мешках домой, где высыпали в закрома. Вместо нынешних моторов были лошади, а я на передовой лошади сидел по 6-8 часов в день и управлял обмолотом зерна.

На бахче росли арбузы, качанки, лук, чеснок, картофель – все нужные для семьи овощи. Осенью все это убирали и увозили домой в станицу, на зимовку. В степи у нас был дом, конюшня, загон для скота и пасека. Все это до весны оставалось в целости и сохранности. Зимой дома я помогал ухаживать за лошадьми, коровами, овечками. Кормил и поил их водой, короче говоря, без дела никогда не сидел. Так все было до школы.

В школу я пошел, когда мне исполнилось 10 лет. Сначала учился в школе I ступени. Первая ступень – это до 5 класса, а школа с 5 по 9 классы называлась школой II ступени. Девять классов – это уже среднее образование. Школа недалеко, в 20 минутах ходьбы от дома. Она называлась «Северная школа I ступени».

Здесь я проучился четыре года. Все нормально, но одна беда – читать не мог складно, за что учительница София Матвеевна (тоже Штомпель, кстати, какая-то далекая родня) часто брала за ухо и больно таскала, приговаривая «читай, читай!» Но потом я научился и читал нормально. Был вроде учеником дисциплинированным, но однажды на уроке впереди сидящей девочке наставил ручку к лицу пером и тихонько кликнул ее, она быстро повернулась и поранила себе лицо. Тут Софья Матвеевна выгнала меня из класса, надавала подзатыльников, поставила в коридоре для общего обозрения. И сказала: «стой тут, пока уроки не закончатся». Когда все уже расходились по домам, я тоже решил оставить свой «пост». Учительница с тремя учениками попыталась меня задержать. Я ученикам надавал подзатыльников и сбежал домой.

На второй день надо идти в школу. Уже время пришло, а я не иду. Бабушка спрашивает: «Ты что не идешь в школу? Заболел, что ли?» Пришлось все бабушке рассказать. Пошла она со мной в школу. Бабушка конфликт с учительницей и ученицей уладила и ушла домой.

Я остался в школе, стал поумнее, прилежно учился пока не окончил 4 класс. Потом стал учиться в 5 классе II ступени. Школа находилась в центре станицы. Здесь размещались станичный совет, центральная площадь, где проходили собрания и станичные митинги. В 200-х метрах от школы – деревянная церковь и рядом каменная, которая строилась. Но так и не достроили, ее разорили.

Учился в этой школе до 9 класса. Если бы закончил его, получил бы среднее образование, но в 9-й класс я ходил всего 12 дней. 12 сентября 1930 года закончилась моя учеба, и не получил я среднего образования.

А случилось вот что. В 1929 году отца арестовали и судили. Дали два года и сослали в Вологодскую область, станцию Коноша. Здесь отец пилил лес, колол дрова за тюремную жидкую баланду и 200 граммов черного хлеба. За что? За то, что работал день и ночь, содержал большую дружную семью и прикармливал себе врагов – бедняков и батраков, которые никогда не работали и не хотели работать. Отдыхали себе и пили кровь с таких работяг, как мой отец. Но после ссылки кулаков они долго не прожили. В 1930-е годы страшный голод был, и они померли. Сами голод создали, сами себя и наказали.

После ссылки отца остались мы одни: мама, бабушка и нас восемь человек ребятни. Мне только было 17 лет. Отца судили как злостного кулака, не выполняющего хлебозаготовки. А как их выполнишь, если власть держащие опустошили все закрома?

После ухода отца начался полный грабёж. Приезжали и приходили, кому вздумается. Крали кому что надо. Забрали весь хлеб, лошадей, овец, коров, ликвидировали пасеку. У нас, как я говорил, было два дома. Забрали оба дома, а нас всю семью переселили в кладовку, где мы на голой земле спали и, если можно так сказать, жили. Кругом поставили охрану из местных батраков. Нашлась им работа.

А кому было бежать и куда? Но я сбежал, взял билет и уехал в Новороссийск, где осмотрел незнакомый прибрежный город на Черном море и через два дня сел на корабль и уплыл морем, которого никогда не видел, в курортный городок, расположенный на берегу Черного моря, – Геленджик. На корабле «Доб-Геленджик» я плыл морем. Отплыл и берег стал невидим, одна гладь морская, рядом корабль сопровождали дельфины. Было все интересно, все ново.

И вот началась морская качка, идут волны высотой до 10 метров, корабль их черпает. На палубе вода, все ушли в трюм, внутрь корабля. Корабль дает то носовую, то боковую качку, мочит всех. Капитан корабля всех успокаивает (он привык), но говорит, что такое редко бывает.

И вот, наконец, Геленджик. В Геленджике осмотрел все окрестности с курортниками, прелести морского берега и затем на корабле уплыл в Новороссийск. Отсюда взял билет на поезд до станции Старовеличковская. Прибыл поездом к семье, где меня все ждали. Мама и бабушка знали, куда я уехал, но всем говорили, что не знаем.

На второй день я пошел в центр станицы. И когда увидели меня, обрадовались, сразу занялись мной: где был? как жил? Сразу под ружьем отправили меня домой, сопровождал с ружьем мужчина, активный по тем временам батрак. Когда идешь от центра, надо переходить большой мост через реку Понуру. Я говорю охраннику: «Хочешь, я тебя сейчас...» Он подумал, что я его хочу сбросить вниз, заорал: «Ты что? Иди вперед, а то стрельну». Потом смирились. Я ему говорю: «Иди себе куда знаешь, а я сам дойду до дома». Он ушел, а я пришел к семье. Все рассказал маме и бабушке. Бабушка говорит: «Не тронь ты его, гада, а то и в самом деле стрельнет. И так много горя пережили».

Вот так, в кладовке сарая мы и жили. Однако в школе я учился хорошо, как будто ничего не случилось. Но не любил химию, этот предмет мне давался туго. Химичка говорила: «Ты учи химию, не только свою астрономию». Я сильно увлекался астрономией, но ее в школе не вели. Был у меня хороший друг одноклассник Василий, старше меня на два года. Вот мы с ним и занимались астрономией. Я выписывал даже журнал «Хочу все знать», мы многое срисовывали с него. Читали книги, нас в классе называли «астрономы», но мы на правду не обижались. Это увлечение осталось у меня на всю жизнь.

Учителя были хорошие. Учитель математики Скрябин (не помню, как зовут) дает задачку классу, все молчат, решить не могут. Мне говорит: «Ну, Джордж, иди к доске, выкладывай». И я выкладывал решение. Меня он в шутку называл Джорджем, потому что я Георгий.

В то время по распоряжению станичного совета шел перемер всех земель у владельцев. Была создана специальная комиссия, включили в эту комиссию и меня, как счетчика с семилетним образованием. Поля разных форм – и треугольники, и шестиугольники. Приходилось подсчитывать квадратные метры, а затем переводить в десятины (гектаров тогда еще не было). Но я с этим делом справился, хотя это трудно – среди солидных мужиков, а ты 16-летний пацан. Но ты можешь считать, а они нет.

В кладовке мы прожили около года, питались припрятанными припасами. Хотя мужики рыскали, все меняли, интересовались чем живем, но не нашли ничего съестного. Я хотел грохнуть хотя бы одного гада, но мама и бабушка успокаивали меня, говорили «не тронь их», я не трогал.

Но вот пришло 12 сентября.

День был ясный, солнышко ярко светило и улыбалось. Но не всем. Часов в 10 утра ввалилась кавалькада, люди, лошади, телеги,

вооруженные. Вбежали в кладовку, берут что попало, детей в охапку, крик, шум. «Быстро грузись на телеги и на вокзал». Мама и бабушка что успели схватили, сели в телеги, тут откуда-то взялись две наши лошади. Сказали, берите их с собой, я их привязал к телеге, и мы двинулись на вокзал станицы Старовеличковская. Там нас погрузили в грязные товарные вагоны.

Когда набрался целый состав, тронулись в путь под охраной. Ехали в тесноте, голодные, без воды и не знали, куда нас везут. Потом кто-то сказал, что в Ставропольский край.

Через 4-5 дней привезли на станцию Дивное Ставропольского края. Выгрузили весь состав на землю. Затем на телегах отправили за 40-60 км от Дивного и привезли в село Киевка. В селе пусто, местных жителей переселили неизвестно куда.

В Киевке все наше семейство поселили на окраине, в пустом доме. Отдали две лошади, но их кормить было нечем и вскоре они скончались. Здесь жили до июня 1931 года. Жили плохо, страшно голодали. Сядем, бывало, за стол всей оравой детей, а кушать нечего. Я ходил за 15 км в село Большая Джалга на рынок, там кое-что добывал, тем и жили. На вымирание нас отправили. Ходить-то на рынок запрещали, ловили свои же и садили в тюрьму. Заниматься здесь сельским хозяйством бесполезно. Земля – один песок, ничего не росло. Даже деревьев нет.

Вот так и жили. У нас все малыши, а мама и бабушка не могут ничего сделать. Я старался помочь семье, занимался с неграмотными. За это полагался небольшой паек.

К нам в село выслали еще одного станичника, хорошего знакомого отца. Он нам хотел помочь, вез на телеге мешок муки. Но его поймали, отобрали лошадей и муку, посадили в тюрьму. Он признался, что муку нам вез. Тогда посадили и меня в одиночную камеру. Я сидел 3 дня. А муку так и не отдали.

Пришла беда – с голоду умерли мои сестрички, Клавдия и Агафия, и Алеша, самый младший брат одного года от роду. Их похоронили. Вот мои две сестрички и братик лежат в Ставропольском песке. И могилки их дорогих уже нет, все занесено песком.

Положение было тяжкое, безвыходное. Бабушка с братиком Пашей решили бежать домой на родину, в станицу. Они бежали, а мама, я, Павлик, Маруся и Саша остались в Киевке.

Бабушка и Петя все-таки добрались до дому. Петя устроился у родни мамы, а бабушка хотела пристроиться у своей дочери Василины, но ее муж не разрешил. Пришлось ей жить подаянием, у знакомых. В 1932 году бабушка моя дорогая умерла. Петя, братик, тоже умер.

Отца с нами в Киевке не было, он отбывал безвинный срок в Волгодне. Такая беда настигла наше семейство. И вот 10 июня 1931 года меня как главу семейства вызывает комендант. У него не было одного

пальца на руке, так его называли беспальный. Пришел к бараку, а там много людей. Вдруг появляются вооруженные люди, нас всех, человек 500, загоняют в барак и закрывают на замок. Держали почти две недели. Затем 24 июня всех выгоняют на улицу и строем по 4 человека ведут неизвестно куда. Гнали под конвоем по голой степи без хлеба, без воды. Кругом верховая охрана. Вечером пригнали на станцию Дивное. Тут уже привезли семью арестованных. Я нашел свою маму с братиками и сестричкой.

Ночь спали на сырой земле. Я проснулся, ночь была звездная, тихая. Посмотрел на небо, вспомнил все, что с нами произошло, и впервые горько заплакал. Мама, братики и сестричка спали. Утром я все рассказал маме и она, бедняга, тоже заплакала.

Утром конвой велел грузиться в товарные вагоны. А что грузить? Почти ничего не осталось. Людей было много, набрался целый состав. 25 июня 1931 года состав тронулся, нам сказали, что везут на Урал. Изможденных, голодных людей повезли добывать на Урал.

Пищи в дороге никакой не давали, лишь один кипяток на остановках. Через всю Россию колесили. 5 июля прибыли на станцию Кумыш Свердловской железной дороги. Сгрузили нас не на станции, а в лесу, под открытым небом. Впервые дали скудный паек. Потом нас по реке Чусовой на плотках доставили в деревню Нижнюю Ослянку. А в Нижней Ослянке разместили на квартирах у жителей. На 12 день нас отправили на телегах в Верхнюю Ослянку, где тоже разместили на квартирах у местных жителей. Здесь мы были недолго и нас перевезли в лес, на 185 участок, в бараки.

Меня мобилизовали на работу, отправили на Муравейку, где рубили лес, кололи дрова. Потом начали строить дома для переселенцев. Отдаленность Муравейки от участка составляла 8-10 км. Нам начали выдавать продовольственный паек.

12 ноября освободился из заключения отец. Мы с ним строили дома. Потом нас переселили в Муравейку, там мы с отцом выстроили дом для семьи. Мы едва жили, было трудно с питанием, одеждой. Отец договорился с жителем села Коноваловка Коняевым, и они удочерили мою сестру Марусю. Конечно, это было очень тяжело, мама плакала, отец плакал. Наша семья теперь состояла из отца, мамы, брата Павлика, Саши и меня. Коняевы были старики, но жили лучше нас. Поэтому Маруся там жила нормально. Но вскоре Маруся осталась одна, приемная мать умерла, умер и сам Коняев. Затем уже позже Маруся вышла замуж за Павла Якунина, с которым живет до сих пор. У нее семейство два сына: младший Володя и старший Саша. Есть внуки и правнуки.

И вот пришла весна 1932 года. Было трудное положение с питанием, мы голодали. Я с согласия отца и мамы задумал бежать. Тут подвернулся еще земляк-станичник с женой, и мы втроем ушли

с Муравейки. Но не успели дойти до станции Кын, как нас задержали. В наказание послали в поселок Усть-Серебрянку на лесосплав. Все время думал о семье, меня тянуло к ним. В общем, снова бежал, теперь обратно на Муравейку. А 15 июля 1932 года нас снова насильно грузят на телеги, отправляют на станцию Кын. Потом в вагоны и поездом до Усолья, затем на баржах до Сторожевой. Здесь нас выгрузили и загнали в общий барак, в котором совсем недавно держали заключенных. Комнат здесь никаких не было. Одни дощатые нары, где все и помещались вповалку.

Сторожевая находилась недалеко от города Красновишерска, 12 км по суше, по воде около 25 км. Нас голых и необутых встретил холод. Паек давали мизерный, мы опять голодали. Потом меня и позднее отца перевели работать на лесоповал в Верхнюю Вильву, в 8 км от пристани Сторожиха. Мы с отцом лес пилили, жили в общем бараке, спали на общих нарах. Мама с Павликом и Сашей тоже жили на Сторожихе и тоже в общих бараках, в тесноте и грязи.

Так продолжалось недолго. Нам с отцом давали паек от выработки, бывало по 500-600 граммов хлеба на каждого и другие продукты. Часть из них отец ночью относил нашей дорогой маме с ребятами. Но все равно мамочка, дорогая, не выдержала и сильно заболела. Заболел и братик Павлик. Братик выздоровел, но мама никак не могла прийти в себя. Медицинской помощи никакой не было. И она бедная, любимая моя мамочка, самый дорогой мне на свете человек, 9 ноября 1932 года скончалась. Хоронил ее отец, очень сильно плакал.

Меня на похороны, гад-комендант, не отпустил, сказал «хватит и одного, надо выполнять план лесозаготовок». Так я и не увидел мамочку в последний раз. Отец меня упрекал, что я не захотел в последний раз увидеть мамочку. Я в этом не виноват, но у меня до сих пор болит душа и будет болеть, что я не увидел свою мамочку в последний раз.

После смерти мамы отец забрал Павлика и Сашу к себе на лесопункт Верхняя Вильва с разрешением коменданта. Здесь мы жили: отец, я, Павлик и Саша. В общем бараке спали вповалку, была столовая, кухня, по вечерам давали жидкий суп. Хлеб на Павлика и Сашу не давали, а мы с отцом хлеб получали от выработки 500-600 граммов не больше в день.

Мы с отцом продолжали работать на лесоповале. Однажды отец попал под падающую ель, которую спилили члены бригады. Около месяца он болел, но потом выздоровел, его лесиной задело по голове. Но в конце марта 1933 года снова заболел. Болезнь переносил на ногах, но потом не вытерпел, пошел в больницу, за 8-10 километров от Верхней Вильвы. Там 10 февраля 1933 года он скончался в больнице Усть-Говоруха в 10 часов утра. По разрешению коменданта я пошел в больницу. Мне не сказали, от какой болезни скончался отец, сказа-

ли, что его можно увидеть в больничном морге (просто сарай). Я туда зашел и увидел – мне стало плохо. Спросили: «Хоронить будешь?» А как же я мог хоронить, если я гол и бос? Доктор сказал: ладно, сами похороним.

И вот я до сих пор не знаю, где находятся дорогие мне могилки. Знаю только место, где похоронены мама и отец. Конечно, это непростительно мне. Но я был в таком состоянии, что сам не понимал себя. Мама и папочка, наверное, мне это простят, ведь мне надо было думать о младших.

Нас осталось трое: я, Павлик, Саша. О сестре Марусе я ничего не знал. Продолжал работать, а братики днями и ночами жили в бараке.

И снова беда. Я ехал на участок, на лошади переезжал через Верхнюю Вильву. Лошадь упала в реку, а я попал под лошадь, весь вымок. Мокрый, промерзлый поехал в бригаду. Так и работал до конца смены в мерзлой одежде. Понятное дело, заболел. Лежал в бараке с 12 марта по 18 апреля 1933 года. Лежал пластом, медицинской помощи никакой. Хлеба нет. Мои братики Павлик и Саша бросились на добычу в близлежащие деревни, как они добывали еду, не знаю. Но кормили меня до самого выздоровления. Спасибо им, дорогим братьям Павлику и Саше, они спасли меня от смерти.

С апреля по июнь месяц я работал на клеймовке леса на штабелях. У меня после болезни еще болели ноги. По разрешению коменданта стал работать в продуктовом магазине, помогал продавцу. Человек он был хороший. Помогал мне – когда даст крупы, муки, когда хлеба булку. Мы с братиками немножко пришли в себя. Конечно, его уже нет в живых, этого доброго человека, но спасибо ему за то, что помог в такой трудный момент мне и моим братьям.

Потом я встал на ноги и пошел на сплав. 27 августа 1933 года отмечали так называемый день ударника. На лесоповале сработали хорошо, кормили хорошо. Как будто свет стал иной. А на следующий день комендатура сообщила, что меня направляют на курсы десятников в поселок Усть-Улье, за 120 километров от Верхней Вильвы. Павлика с Сашей переводят в детдом в Нижней Вильве.

Когда война началась, моих братьев забрали в армию. Младший брат Саша погиб без вести. Так нас трое из одиннадцати и осталось сейчас: я, брат Павел и сестра Мария. И все.

...Вместе с напарником Матюниным мы отправились в Усть-Улье, вверх по реке Вишере. Все 120 километров шли пешком. По пути встречались поселки спецпереселенцев. С 2 сентября 1933 начались занятия. А в октябре нам выдали документ с правом работы десятниками по приему древесины. Можно сказать, с тех пор я стал по-настоящему взрослым, стал планировать свою жизнь. Решил, что могу добиться многого, если поставлю перед собой цель.

В июне 1934 года меня отправили на курсы в Чердынь в лесопромышленное училище. Я очень радовался этому. Братики жили в детдоме Нижней Вильве. В Чердыни я учился до 1 февраля 1936 года. Учебное здание было расположено на берегу реки Колвы. Здание деревянное, двухэтажное.

Учились все по одной специальности «слесарь-тракторист». В группе было 20-25 человек. Вели предметы специалисты по тракторному и слесарному делу. Я был старостой группы, активистом, за хорошую учебу получал благодарности и премии. Одновременно заочно учился на курсах машиностроительного черчения в Москве. Весь курс освоил, это была мне потом большая подмога в жизни.

Производственную практику мы проходили в лесу на вывозке леса и корчевке пней в Красновишерском районе. Я работал на тракторе ЧТЗ. После экзаменов комиссия определила квалификацию каждого ученика. Мне присвоили «тракториста III категории» и выдали соответствующий документ.

Получил направление на Могильниковскую тракторную базу, расположенную в 40-50 километрах от Чердыни. Я сначала работал трактористом, а затем перевели слесарем в цех по ремонту тракторов. На МТБ был свой медпункт, баня, столовая, диспетчерский пункт. В клубе собиралась по вечерам молодежь. Я почувствовал себя молодым, участвовал в драмкружке.

На МТБ было много молодежи. Вот там я и заметил одну красивую девушку, она с первого взгляда понравилась мне. Тоже трактористка, но в последнее время работала диспетчером. Появлялась эта девчонка часто и в клубе, в драмкружке. Зовут ее – Лисовская Мария Петровна, будущая моя верная, любимая жена. Она из большой переселенческой семьи Лисовского Петра Валерьяновича. Самая старшая из детей – дочь Мария. Вот она и работала за всех младших: корчевала пни, копала землю под огород босиком и с лопатой. До крови доводила усталые ноги. Нужно было работать, чтобы получить продуктовый паек для всей семьи.

Все это, возможно, и отразилось, в пожилом возрасте – болели ноги, болезнь Паркинсона и все, которые унесли мою Маню на тот свет.

Мы часто встречались, я заходил к ней в женский барак. Она была гордая дивчина. Мы полюбили друг друга, и однажды при ее дежурстве в диспетчерской я пришел к ней, говорили о многом. И, в конце концов, я ее поцеловал и был счастлив.

Но однажды приехал отец и увез ее. Я даже не смог с ней встретиться. Он всеми силами старался детям дать образование. Маня поступила в Свердловский дорожно-механический техникум. Но там Мане не нравилось, и она по окончании первого курса решила уехать в Житомирскую область, где жила ее сестра Екатерина.

Но там свое несчастье: мужа Кати арестовали, потом и саму Катю. В итоге их обоих расстреляли. Мария решила больше не возвращаться в Свердловск. В 1938 году в Житомире поступила на рабфак. Закончить его не удалось, неожиданно ее отчислили, потом... арестовали. Под конвоем везли через всю Россию, как беглянку из спецпоселка доставили в комендатуру, а затем отпустили домой. Когда она ехала поездом мимо Кизела, хотела бросить мне письмо. Но не посмела, подумала: я арестантка, а он учится в техникуме. Еще несчастье принесу.

Когда Мария училась в Свердловске, мы с ней переписывались. Но потом связь оборвалась. Я уехал на учебу в Кизел, поступил в горный техникум. А Мария поступила в Чердынскую среднюю школу № 1 в 10 класс. В 1939 году закончила учебу, получила среднее образование и в этом же году поступила в Соликамский учительский институт. В самом начале войны получила диплом учителя русского языка и литературы.

Все это время мы с ней переписывались, это была моя радость. Она приезжала ко мне в Кизел, где я после окончания горного техникума работал на шахте им. Ленина. Запомнилось, как я туда устраивался. Явился с направлением в трест «Кизелуголь» к начальнику шахты Молопову. Он, видимо, знал, из какой я семьи, и по-отечески предупредил: «У нас плохое положение, идут аресты. Механика по транспорту посадили. Рекомендую пойти мастером подземного транспорта, а потом будет видно».

Марию после окончания института направили на работу в поселок Новоильинск, недалеко от Перми. Но в Новоильинске работы не оказалось. Я ей сказал: «Жду тебя в Кизеле». 19 августа 1941 года она приехала ко мне навсегда.

29 мая 1942 года у нас родился сын Валерий. Это Мария его так назвала. Родился, когда я был на работе, сосед вызвал врача. Хороший врач по фамилии Шевченко принял роды.

Шла война. Я по-прежнему работал в шахте. Трудился, как все тогда, с огромным напряжением. Мария воспитывала Валерия. А в 1947 году, 4 апреля, у нас родилась дочь Людмила.

От редактора. Сотрудники и волонтеры общества «Мемориал» несколько раз приезжали в город Кизел, чтобы встретиться с Георгием Макаровичем Штомпелем. Он вручил им отрывок из своих воспоминаний, который мы сегодня публикуем с минимальными сокращениями. В дополнение к ним молодые люди записали на диктофон многочасовые беседы с Георгием Макаровичем. Теперь эти записи станут частью большого электронного архива Пермского «Мемориала», они помогут нынешнему и будущему поколениям восстановить живую историю народа, ответить на трудные вопросы, связанные с нашим прошлым и настоящим.

Своими впечатлениями о встречах с Г.М. Штомпелем делится волонтер общества «Мемориал» Рамиль Фатхутдинов:

– Первая моя встреча с Георгием Макаровичем произошла в мае 2010 года во время волонтерской поисковой экспедиции «По рекам памяти». Я увидел человека 98 лет, который, как выяснилось, отлично помнит далекие события 30-40-х годов прошлого века. И помнит все, что произошло с ним, с его близкими. Выглядит он моложе своих лет, сохранил здравый рассудок и мудрость.

Я задавал Георгию Макаровичу множество вопросов, хотел узнать не только об испытаниях, которые ему выпали, но и о жизни, о быте тех времен. Мне хотелось понять, что было главное для него, что он больше всего ценил. Да, конечно, – семья, мать и отец, братья и сестры, дети и внуки. Но он добавил – и работа. Я понял, что он вкладывает в это слово особый, свой смысл. Работа – главное средство существования, возможность выжить, остаться живым. Спасти от голода родных. Работа – как способ доказать свое равенство с окружающими людьми, не знавшими, как он, унижений и страха, не попавшими под каток репрессий.

Чего он больше всего боялся? Боялся он больше всего смерти близких и своей смерти. Он был старшим из братьев и сестер и не мог представить себе, что с ними будет, если он умрет.

Хотелось мне также обсудить с ним духовные вопросы. Как выяснилось, он не верит в Бога. Я, верующий, много думал об этом. Почему? С ранней молодости Георгий Макарович увлекался астрономией. Так что представления об основах мироздания у него строятся на материальных началах. Но это еще неполное объяснение. Не знаю, как бы я жил, во что бы верил, если бы пережил такую судьбу, как его. Никому не пожелаешь.

Каждый из нас сам делает выводы из пережитого. Каждый имеет право на свои убеждения.

Главное ведь в другом: сохранил ли человек живую душу, способность делать добро? Можете мне поверить: да, Георгий Макарович, прошедший сквозь тяжкие испытания, не озлобился на людей, остался человеком, не очерствел душой. До преклонных годов сохранил в целостности заветы своих предков. И теперь передает их нам.

И. Савин 201
Дополнительно
Полное наименование
В. Д. Д. Д.

Паспортный М...
технику на...
транспорта
От...
Малом...
Оку...
г. 15

СУДЬБЫ ЧЕКИСТОВ

Прошу зачислить меня
в верение Вам технику
Работая сейчас на...
транспорте, я...
образование и...
работу...
студентом Советского училища
прилагаю:

ва о рождении)
с военной учета.
здоровья.
паспорт № 3684
каждый год

Авторский коллектив Книги памяти считает, что, рассказывая о жертвах политических репрессий, мы восстанавливаем справедливость, возвращаем правду о том, что происходило в стране в годы сталинского террора. Но все-таки приходится признать: эта правда будет неполной, если мы умолчим о палачах, о тех, кто творил произвол. Кто они были, что за люди? Чем руководствовались, чем оправдывали свою жестокость?

Анна Ахматова пророчески сказала, что в XX веке ее родина разделилась на две России: которая сидела – и которая охраняла. В этом разделе мы рассказываем о тех, кто служил режиму, кто охранял, убивал, расстреливал, приводил приговоры в исполнение.

Подчеркнем: среди них были разные люди, были «отличники», форменные палачи. И были немногие те, кто мучался угрызениями совести, кто старался помочь своим жертвам и в итоге или сам уходил из системы или его «уходили». Но результат от этого не менялся. Упоение всевластием, насилие и кровь – все это давало о себе знать рано или поздно. А чаще всего рано – психика палача ломалась, личность менялась до неузнаваемости.

Пролитая кровь мстила за себя. И – ранняя смерть, безвременная кончина на посту, как сообщалось в официальных новостях. Но то, о чем мы читаем в некрологах за подписями «группы товарищей», далеко не всегда соответствовало истине. Из архивных документов или воспоминаний редких свидетелей мы узнаем: тот покончил собой выстрелом в висок из именного оружия, этот сошел с ума, у того – «истерииэпилепсия с патологической неуравновешенностью психики» и т. п.

Говоря словами поэта – «уж сколько их упало в эту бездну!». В народной памяти о таких служаках чаще всего оставалось только одно: «Все они кончали плохо». Даже несмотря на всевозможные привилегии, возможность нажиться на «освободившихся» квартирах и имуществе и беззастенчивые, наглые (при массовом недоедании «простых смертных») партпайки и льготы.

УЖ СКОЛЬКО ИХ УПАЛО В ЭТУ БЕЗДНУ...

Начнем с истории, может быть, заурядной, но характерной для тех времен. Документ, обнаружен в одном из пермских архивов.

Из «Автобиографии» ветерана партии Ильи Иосифовича Сигова:

«...В 1918 году был красногвардейцем, руководил боевой единицей штаба пермских партдружин (300 чел.). В мае на партсобрании дружины по докладу тов. Смилги было решено перейти на казарменное положение.

...Восстание быв. пермского архиепископа Андроника было ликвидировано в несколько часов. Расчеты епископа колокольным звоном собрать православных и совершить переворот не оправдались.

...Арестованное офицерство и вся долговолосая братия были перевезены в бывшую пересыльную тюрьму, ныне домзак № 2. Сам же Андроник – в Мотовилуху. (Андроник, ныне православный святой, был заживо закопан неподалеку от Сибирского тракта – ред.).

Далее ликвидировали восстания на Белогорском подворье, в с. Ильинском, Сретенском, В-Муллах, Рождественском, Заводе Воткинском.

Далее – охрана г. Перми и банковских ценностей, вывезенных из Сибири.

(...) В 1924 г. меня направили в психиатрическую лечебницу... Из истории болезни: «истериипилепсия с патологической неуравновешенностью психики, нуждается в постоянном уходе и надзоре, 1-я категория инвалидности (...)»

Одну из самых приметных на Урале чекистских судеб описал доктор исторических наук О.Л. Лейбович в статье «Кулацкая операция на территории прикамья В 1937 – 1938 гг.» (см. «Годы террора», г. Пермь, т. 1, часть 6, стр. 121). Речь идет о бывшем начальнике Свердловского УНКВД Д.М. Дмитриеве. Он был из породы «отличников», старавшихся во что бы то ни стало перевыполнить задание начальства, лимиты на аресты и расстрелы.

Особые надежды на расположение и благодарность «хозяина» Дмитриев возлагал на придуманный им сценарий по разоблачению право-троцкистской контрреволюционной повстанческой организации, якобы существовавшей в городах и районах области (будущая Молотовская–Пермская область еще входила в состав Свердловской). По его замыслам организация создана по принципу формирования воинских частей, делится на корпуса, роты, взводы со штабом контрреволюционных повстанческих организаций в Свердловске. Повстанческая армия располагает вооружением, которое до поры до времени хранится на складах Осоавиахима.

Операция началась с ареста в апреле 1937 г. начальника Камского речного пароходства Григория Ивановича Кандалинцева. Сотрудники Пермского городского отдела НКВД определили Григория Ивановича в вожаки несуществующей подпольной организации. Через месяц изнурительных допросов Кандалинцев согласился дать показания, точнее говоря, подписать протокол, продиктованный следователю Шарикову самим Д.М. Дмитриевым. В протокол внесли признание подследственного о существовании областного повстанческого центра. Были перечислены пять округов: в Перми, Надеждинске, Березниках, Краснокамске и Свердловске. Кроме того, в протоколе указывалось, что Кандалинцеву известно о существовании крупной контрреволюционной повстанческой организации в Коми-Пермяцком округе. В протоколе также говорилось, что эта повстанческая организация разбита на взводы и роты.

Сотни людей были арестованы и расстреляны по сфальсифицированному делу о «повстанцах». За ходом операции следил лично Сталин. Он считал, что Дмитриев действует недостаточно активно, мало делает для разоблачения «врагов народа».

В конце концов, Дмитриева арестовали. Он прошел через конвейер страшных пыток и подписал все протоколы, заранее подготовленные следователями. С ним действовали ровно так, как до того действовал он сам. Его признания стали причиной расстрелов десятков высших и низших чинов НКВД, партийных работников.

Ему обещали жизнь за предательство. Но, как всегда, никто и не думал выполнять эти обещания. В 1938 году Дмитриев был расстрелян.

Слишком много знали...

После печально знаменитых московских процессов началась чистка в НКВД. То, что она неминуемо начнется, можно было заранее предугадать. Нет, дело тут отнюдь не в наказании за преступления, которые совершили «отличники», среди которых было немало отъявленных, не знавших ни стыда, ни сострадания к своим жертвам палачей. Слишком много знали! Вот в чем ответ. Знали о том, какими способами добывали признание вины у совершенно невинных людей. А главное – знали (или могли знать) о том, кто был реальным организатором сфальсифицированных московских процессов и вообще массовых репрессий, принявших в 1937–1938 годах беспримерный размах. И это знание было их несчастьем, оно означало одно – жди расправу. Многие из них предчувствовали конец, но не могли остановиться, продолжали «верой и правдой» служить режиму.

Генрих Ягода. Под его руководством учреждён ГУЛАГ, началось строительство Беломоро-Балтийского канала силами заключённых.

К прославлению этой стройки Ягода привлек видных писателей во главе с Максимом Горьким. Активно участвовал в организации судебных процессов над «убийцами» С.М. Кирова, «Кремлёвского дела», первого Московского процесса против Каменева и Зиновьева. В сентябре 1936 года снят с поста наркома внутренних дел и назначен наркомом связи. С того времени жил в ожидании ареста. В апреле 1937 года снят с поста наркома связи, исключён из ВКП(б) и арестован «ввиду обнаружения антигосударственных и уголовных преступлений».

В феврале 1938 года Ягода предстал на Третьем Московском процессе, теперь уже как один из главных обвиняемых. Расстрелян 15 марта в Лубянской тюрьме НКВД.

На смену ему пришел Николай Ежов. В течение какого-то периода он считался вторым после Сталина человеком в стране. При этом Ежов был личностью довольно-таки посредственной, не имел даже неполного среднего образования. Впрочем, все с лихвой компенсировалось беззаветной любовью, верой и преданностью вождю. По его указанию ответственные работники НКВД «готовили» арестованных к очным ставкам, применяя физическое воздействие. «Систематически избивали арестованных резиновыми жгутами, палками, ножками от стола, ставили коленями на ребро линейки, обливали в зимнее время холодной водой и выводили раздетыми на мороз, держали на допросах стоя целыми сутками», – сообщалось в докладной записке Прокуратуры СССР на имя Молотова.

Между тем советская пропаганда прославляла Ежова, его называли «железным наркомом», в это же время получила распространение фраза о «ежовых рукавицах», в которые НКВД зажмет противников советской власти. Вот что писал о нем казахский поэт Джамбул Джабаев:

Нарком Ежов

Ползут по оврагам, несут изуверы
Наганы и бомбы, бациллы холеры...
Но ты их встречаешь, силен и суров,
Испытанный в пламени битвы Ежов.
Враги нашей жизни, враги миллионов, –
Ползли к нам троцкистские банды шпионов,
Бухаринцы, хитрые змеи болот,
Националистов озлобленный сброд.
Они ликовали, неся нам оковы,
Но звери попались в капканы Ежова.
Великого Сталина преданный друг,
Ежов разорвал их предательский круг!
Раскрыта змеиная вражья порода
Глазами Ежова – глазами народа.

Всех змей ядовитых Ежов подстерег
И выкурил гадов из нор и берлог.
Разгромлена вся скорпионья порода
Руками Ежова – руками народа.
И Ленина орден, горящий огнем,
Был дан тебе, сталинский верный нарком.
Ты – меч, обнаженный спокойно и грозно,
Огонь, опаливший змеиные гнезда,
Ты – пуля для всех скорпионов и змей,
Ты – око страны, что алмаза ясней.

*(Комсомольская правда, ноябрь 1937 г.)
С казахского перевел К. АЛТАЙСКИЙ.*

9 декабря 1938 года в газетах «Правда» и «Известия» появилось следующее сообщение: «Тов. Ежов Н.И. освобождён, согласно его просьбе, от обязанностей наркома внутренних дел с оставлением его народным комиссаром водного транспорта». Пять месяцев он ждал ареста. 10 апреля 1939 года за ним пришли. Бывшего наркома препроводили в созданную им же сухановскую тюрьму. Ежова расстреляли 4 февраля 1940 года – на следующий день после вынесения смертного приговора.

Но были в чекистской гвардии исключения. Почувствовав угрозу, они предпочли действовать.

Леонид Черток. ...Вот что пишет о нем писатель Анатолий Рыбаков: «Черток, самый страшный следователь в аппарате НКВД, садист и палач, держал арестованного на «конвейере» по сорок восемь часов без сна и пищи, избивал нещадно, подписывал в его присутствии ордер на арест жены и детей...»

За Чертоком вскоре пришли. Он увидел своих коллег-чекистов, ринулся к двери на балкон, рванул ее и выбросился на улицу с восьмого этажа. Народный художник СССР Борис Ефимов, знавший жену Чертока, рассказывает:

«...А через несколько минут примчался один из высших чинов НКВД комкор Фриновский.

– В чем дело? – допытывался он у Сони. – Почему он это сделал? Ему было что-то известно?

Между прочим, сам Фриновский через несколько дней был арестован. И, как рассказывали, покончил самоубийством в своей камере, с разбегу раздробив себе голову о батарею центрального отопления».

Полпред НКВД по Дальнему Востоку Г.С. Люшков каким-то образом узнал о предстоящем аресте. 13 июня 1938 года он бежал в Японию, бросив на произвол судьбы жену и дочь. Вскоре в интервью японской

газете «Иомиури» Люшков заявил: «Я до последнего времени совершал большие преступления перед народом, так как я активно сотрудничал со Сталиным в проведении его политики обмана и терроризма. Я действительно предатель. Но я предатель только по отношению к Сталину...» Признание своей вины недавний чекист подкрепил тем, что передал японцам секретные данные о состоянии обороны советского Дальнего Востока.

Летом 1937 года нескольким десяткам сотрудников Иностранного управления НКВД, действовавшим в странах Европы, приказали вернуться в Москву. В течение одного-двух месяцев все они были расстреляны. Только пятеро агентов, зная, что происходит в стране, отказались вернуться. Они не знали за собой никаких прегрешений перед партией и ее передовым отрядом – НКВД. Но, в то же время, прекрасно понимали, что это не имеет никакого значения. Некоторые из бежавших сотрудников публично заявили о том, что порывают с преступным режимом Сталина. В отместку Сталин приказал создать специальные подвижные группы, которым поставили задачу найти и уничтожить «предателей». Вскоре при таинственных обстоятельствах были убиты Игнатий Рейсс, Николай Смирнов, Вальтер Кривицкий. Когда приказ по зачистке зарубежной агентуры был выполнен, пришла очередь и самого начальника Иностранного управления Слуцкого. Его отравили сильнодействующим ядом в одном из кабинетов центрального аппарата НКВД.

Тяга к культуре

Многие чекисты считали необходимым «подчищать» свою мрачную репутацию тесным знакомством со знаменитыми писателями и художниками. Известна многолетняя дружба Генриха Ягоды с Максимом Горьким. Сергей Есенин «дружил» с чекистом Яковом Блюмкиным.

Но, надо признать, и люди искусства тоже испытывали немалый взаимный иску – в чекистах кто-то из них чувствовал романтику революции, а кто-то – очарование зла, притягательность и развращающую силу власти. Был такой советский писатель Осип Брик, друг и соратник Маяковского и муж подруги поэта, Лили Брик. Так вот, эта семья поддерживала дружеские отношения с чекистами. Лишнее подтверждение тому находим в воспоминаниях критика Бенедикта Сарнова, который был знаком с Лилей Юрьевной. История из 60-х годов: вместе с близкими друзьями на квартире Брик читали самиздатовский рассказ Солженицына «Правая кисть» (о том, как чекистский исполнитель смертных приговоров, палач, «перетрудил» свою правую кисть, поэтому она у него болела). И Лиля Брик сказала поразительную фразу: «Боже мой, а ведь для нас тогда чекисты были святые люди!»

Другой пример, более близкий к Уралу. Попала нам в руки переписка видного советского чекиста, выходца с Урала, С.А. Болотова

(1882–1947) с писателем, Нобелевским лауреатом Михаилом Шолоховым. Чекистом Степан Болотов стал еще в родном Оханском уезде. Устанавливал здесь советскую власть, был одним из руководителей местной «чрезвычайки» – чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем. В Перми заведовал «Активной частью Особого Отдела», его удостоверение подписал председатель ГубЧК П.И. Малков. Участвуя в «красном терроре», Болотов, по его собственному выражению, *«расстрелял сотни белых офицеров III армии за провокацию, шпионаж и проч. государственные преступления» (из служебной анкеты).*

Болотов занимал ключевые посты в самых горячих точках братоубийственной бойни. После Урала вершил судьбы людские в Крыму, на Дону, в Сибири, на Дальнем Востоке, в ГУЛАГе... Можно сказать, типичный представитель жестокого времени и чекистского племени.

И была в его судьбе странная дружба с писателем Михаилом Шолоховым, о чем свидетельствуют письма и чудом сохранившиеся фотографии, на которых они вместе. Чекист с гордостью рассказывал пермским знакомым, что Шолохов воспользовался в некоторых сценах романа «Тихий Дон» его, Болотова, рассказами и фактами. Начальник, оказывается, был не чужд культурных устремлений. Не получив полноценного образования, он тянулся к образованным людям, кроме того, и сам пытался заниматься «литературным творчеством».

На одной из фотокарточек Шолохов вместе с Болотовым. Белозубая ослепительная улыбка писателя говорит о хорошем расположении духа. Автограф писателя – на лицевой стороне фото, а на обратной, уже другой рукой, написано: «Северо-Кавказский край г. Миллерово Шолохову 27 лет, писал «Тихий Дон» 1-ю книгу. Фотографировались во дворе ОГПУ г. Миллерово».

На второй фотографии четыре человека, подпись: «Михаил Шолохов среди чекистов». Рядом с Болотовым на каменных ступеньках старинного дома сидит молодой человек, внешность которого сразу обращает на себя внимание. Коротко подстрижен, светлые глаза, косячок, сапоги... Молодой писатель чувствует себя с чекистами, судя по всему, в своей тарелке.

Между тем, чекист всегда на службе. Болотов составил тогда подробнейшую аналитическую записку о морально-политическом облике Шолохова (вот тебе и друзья!). Адресован этот прелюбопытный документ тов. Евдокимову, полномочному представителю ОГПУ в Северо-кавказском крае и ДССР.

Что такое хороший чекист?

До сих пор многие люди старшего поколения живут с убеждением, что «среди чекистов были и хорошие люди». Наверное, были. Но че-

ловеку, сохранившему какие-то понятия о порядочности, приходилось играть по правилам сталинского НКВД. Любые попытки вести себя иначе, быть «другим» безжалостно пресекались. Что было делать таким людям?

Неординарным человеком проявил себя начальник Горьковского управления НКВД Погребинский. Он был одним из создателей коммун для бывших уголовников и трудовых школ для бездомных детей. Об этом рассказано в знаменитом в те годы кинофильме «Путевка в жизнь». В то же время в период подготовки Первого Московского процесса (жертвами которого стали 16 членов так называемого «троцкистско-зиновьевского террористического центра» во главе с Зиновьевым и Каменевым. Им инкриминировалось убийство Кирова и заговор с целью убийства Сталина) Погребинский лично арестовал нескольких преподавателей Горьковской школы марксизма-ленинизма и заставил их признаться в том, что они собирались убить Сталина.

Вскоре он понял, что возврата нет, его руки в крови невинных людей. Просто так уйти из НКВД невозможно. В апреле 1937 года Погребинский покончил с собой. В последнем письме, адресованном Сталину, он писал: «Одной рукой я превращал уголовников в честнейших людей, а другой был вынужден, подчиняясь партийной дисциплине, навешивать ярлык ярых уголовников на благороднейших революционных деятелей нашей страны».

Раз уж мы рассказали о начальнике Горьковского НКВД, почему бы не вспомнить о тех, кто руководил политическими расправами в Прикамье? Тем более, что в нашем распоряжении имеется изданная Международным обществом «Мемориал» фундаментальная работа известных историков Никиты Петрова и Константина Скоркина «Кто руководил НКВД. 1934–1941».

Пермское управление НКВД создано 10 октября 1938 года, в самом разгаре «Большого террора». До 1941 года сменилось 5 начальников управления. Что это были за люди, как сложились их судьбы?

Первым был Ковалев Валентин Николаевич. В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД с 1922 года. В Перми прослужил всего два месяца. Образование – высшие стрелковые курсы «Выстрел», которые окончил в конце 40-х годов. Во время войны занимал разные должности в СМЕРШе. Дослужился до полковника. В 1981 году, как говорят в народе, умер своей смертью.

Вайнштейн Петр Эдуардович пробыл у руля УНКВД не больше месяца. Образование – 6 классов гимназии. В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД с 1919 года. Прославился жестокими расправами над классовыми врагами в гор. Николаеве. 1 января 1939 года арестован, приговорен к 15 годам лишения свободы и ссылке. Вернулся в 1956 году. Не реабилитирован.

Шахов Дмитрий Александрович прослужил начальником Пермского УНКВД восемь месяцев. В органах ОГПУ-НКВД с 1929 года. Организовывал политические репрессии на Урале, в Свердловской области. Был начальником Кизеловского городского отдела НКВД. Уволен с должности начальника Пермского УНКВД в ноябре 1939 года. Арестован в марте 1940 года. Расстрелян. Не реабилитирован.

Сазыкин Николай Степанович (с августа 1939 по август 1940) сделал самую крупную карьеру в НКВД из всех, кто руководил Пермским областным управлением до войны. Он единственный сумел получить высшее образование, стал доктором технических наук. Вершиной пройденной им служебной лестницы стала должность помощника Л.П. Берии. В органах НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ с 1936 по 1954 год. Завершил карьеру в звании генерал-лейтенанта. В 1954 году уволен из КГБ по фактам, «дискредитирующим высокое звание начальствующего состава». В том же году лишен звания генерал-лейтенанта «как дискредитировавший себя за время работы в органах...».

Поташник Матвей Моисеевич (в Перми с августа 1940 по февраль 1941) тоже сделал заметную карьеру в органах ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД. После окончания войны ему присвоено воинское звание генерал-майор. Уволен в запас в 1950 году. В 1955 году исключен из партии за «нарушения соцзаконности» при расследовании в 1941 году дел ответственных работников треста «Кизелуголь». Уволен из МГБ в связи с наличием на него компрометирующих материалов: использовал служебное положение в личных целях (получил 4-комнатную квартиру и построил в 1942 году особняк).

Трудно комментировать сверхкороткие справочные данные. Дела этих людей лежат в специальных хранилищах, они закрыты для исследователей. Но и так понятно: если не были арестованы, если им даровали жизнь, они все также преданно и исправно выполняли свою чекистскую работу. В отличие от рядовых советских граждан знали о терроре, о преследованиях невинных людей, но продолжали служить. И при этом не забывали, конечно, при каждой возможности удовлетворять свои «скромные» материальные запросы.

Будущее начинается вчера

Одна замечательная, интеллигентная женщина, член «Мемориала», рассказала нам, что в ее большой семье и молодые и старые почитают деда, расстрелянного в 1938 году. О его жизни детям и внукам рассказывают с малых лет. Везде бы так, во всех бы семьях! Но...

Дело в том, что дед был начальником управления НКВД одной из автономных республик. А в ЧК служил еще с 20-х годов. Он прошел по так называемым сталинским расстрельным спискам, то есть, расстрелян по личному указанию Сталина и его «соратников». О приговоре

и говорить нечего, уничтожили человека без суда и следствия. Как и тысячи других, не ведавших, за что их посылают на смертную муку.

Однако, заметим, дедушка не был человеком из тысяч других. Он из стальной когорты людей, которым дали право практически бесконтрольно распоряжаться судьбами людей. Как они себя вели, насколько активно пользовались этим «правом»? Повторяем, сведения о повседневной чекистской деятельности и самого деда, и многих его коллег засекречены, закрыты для исследователей.

Значит, чисты перед людьми и богом, не несут их души тяжелый грех? Но кто же поверит в то, что человек мог остаться безгрешным в волчьей стае? Да и был-то он не рядовым в этой стае, возглавлял управление НКВД.

Да, говорит женщина, дедушка мог где-то и преступить закон. Но он жил в другом времени, по другим правилам. Он просто выполнял приказ. Иначе было нельзя. И судить его надо по законам того времени. И сколько ж лет мы еще будем их судить, не хватит ли? Разве мало того, что родной человек погиб, расстрелян?

А мы ведь не судим. Мы думаем. Пусть члены семьи нашей собеседницы продолжают почитать память деда, это их дело. Но что, если рано или поздно, архивы всё-таки откроют, найдутся свидетели, заговорят документы, дети и внуки арестованных и погибших? Очень может быть, что правда будет безжалостно горькой, тяжелой. Как воспримет семья весть из давнего, но, оказывается, еще не ушедшего времени? Как будет жить дальше?

Мы все несем в себе тяжелое наследие прошлого. Одна семья хранит имена своих невинных жертв. Другая помнит родственника, верой и правдой служившего террору. А еще есть немало семей, где в судьбе одного предка сошлись оба, вроде бы взаимоисключающих, понятия – он и палач, и жертва одновременно. Вспоминается судьба маршала Тухачевского. В 1921 году он прославился особой безжалостностью, с которой расправился с мятежными матросами Кронштадта, а потом уничтожал восставших крестьян в Тамбовской губернии. А в 1937-м он, прославленный полководец, маршал Советского Союза, арестован и расстрелян по так называемому «делу военных».

В числе других в составе судебной коллегии, приговорившей Тухачевского к смерти, был не менее знаменитый маршал Блюхер. Через несколько месяцев арестовали самого Блюхера. Он не выдержал пыток, умер через несколько недель после ареста.

Что нам делать со своим прошлым? Вытравить? Забыть? Невозможно. Прошлое глубоко проникло в поры нашего организма, живет в сегодняшнем дне, напоминает о себе новыми рецидивами государственного произвола, неуважением к достоинству и правам рядового человека.

Папа Римский Иоанн Павел второй оставил нам такой афоризм: будущее начинается не завтра, а сегодня. Мы бы дополнили эту мудрую мысль: будущее начинается не завтра, а вчера.

Никто не даст нам полновесного ответа, спасительного рецепта лечения от старых болезней. Кроме нас самих. Давно уже пора сказать всю правду о прошлом, в том числе и своих предков. Провести свой личный, нравственный Нюрнберг, дать юридическую оценку преступлениям сталинизма, открыть архивы. Будем надеяться, тогда очистится общественная атмосфера, развеются созданные пропагандистской машиной мифы. Народ об этом совершенно точно говорит – правда лечит, а ложь калечит.

**Владимир Гладышев,
Александр Калих**

Ягода Г.Г.

Ежов Н.И.

Берия Л.П.

Фриновский М.П.

Люшков Г.С.

А.М. Горький и М.С. Погребинский

Начальники Пермского УНКВД 1938-1941 гг.

Ковалев В.Н.

Вайнштейн П.Э.

Шахов Д.А.

Сазыкин Н.С.

Поташник М.М.

«ЧТОБЫ ТРУПЫ НЕ ПОПАЛИ В НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ РУКИ...»

Здравствуйте, уважаемый Владимир Федорович.

Прочитали на днях Вашу статью в пермской Книге памяти – большое спасибо, рады, чтогодились наши материалы.

Получается, что остров мертвых (см. том 2, часть 6 Книги памяти, стр. 312) – тоже место расстрелов ГПУ-НКВД? Но под Пермью, вроде же, есть еще «официальные» полигоны, где происходили расстрелы? Не могли бы Вы немного написать об этом, если знаете. У нас есть 12-й км под Екатеринбургом: там сейчас устроен мемориальный комплекс, на стелах выбиты имена ок.18 тыс. захороненных жертв (расстрелы, однако, производились не на самом полигоне, а в подвалах нашего НКВД на Вайнера, 4), поставлен памятник. А вот про Пермь мы в этом отношении практически ничего не знаем – любые сведения будут ценны. Ведь многие священники нашей епархии служили и в храмах Перми, кто-то, возможно, был там же арестован и расстрелян...

*С уважением,
Монахиня Евстафия, Екатеринбург.*

Когда речь заходит о красном и белом терроре, нередко возникает вопрос: чем был вызван разгул массовых убийств? Одна из сторон, участвующих в непрекращающейся исторической дискуссии, говорит о том, что красный террор был объявлен в ответ на белый террор, и сделано было это с тем, чтобы подавить контрреволюционные выступления. Приводится и известный тезис: какая же это революция, если она не может защищаться?

Действительно, примеров жестокости в период гражданской братоубийственной войны известно немало – и с той, и с другой стороны. Большевики, удержавшись у власти, выпустили немало пропагандистской литературы, изданий, обосновывающих необходимость жестокого подавления противника. В 1920 году была даже выпущена «Красная книга ВЧК», в которой публиковались доказательства контрреволюционной борьбы, материалы, показания, протоколы допросов, обвинительные заключения и приговоры ревтрибуналов. Интересно, что книга «Красная книга ВЧК» была переиздана спустя почти 70 лет, в двух томах (М., ИПЛ, 1989). Но издание страдает неполнотой материала: нет в ней документов, которые стали известны в последние годы (и давно опубликованы в эмиграции).

Нет и откровенных признаний организаторов красного террора, признаний и указаний, которые говорят о многом... Нужно сравнивать и делать выводы, нужно искать истину.

Официально красный террор был объявлен 5 сентября 1918 года, в ответ на убийства большевистских вождей Володарского и Урицкого, а также как месть за покушение на Ленина. Но на самом деле массовый террор был развязан уже задолго до этого. Один из вождей коммунистов Г. Зиновьев (Радомысльский), соратник Ленина, доступно и откровенно формулировал подчиненным одну маленькую разницу: «буржуазия уничтожает отдельные личности, а мы уничтожаем целыми классами». Еще более циничные высказывания на эту тему встречаются у других вождей, самого Ленина, Троцкого, а также из уст руководителей ВЧК Дзержинского, Лациса и товарищей на местах.

В «Еженедельнике Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией» 22 сентября 1918 г. опубликован приказ наркома внутренних дел Г.И. Петровского, в котором говорилось:

«Все известные местным советам правые эсеры должны быть немедленно арестованы. Из буржуазии и офицерства должно быть взято значительное количество заложников. При малейшей попытке сопротивления или малейшем движении в белой среде должен применяться безоговорочно массовый расстрел. Местные губкомы должны проявить в этом отношении особую инициативу» («Красная книга ВЧК»).

И проявляли. В июне того же 1918 года в Перми группа боевиков под руководством первых руководителей местных органов советской власти, в том числе члена ВЦИК Гавриила Мясникова, организовали похищение и убийство ссыльного гражданина Михаила Романова с его секретарем, епископа Андроника и многих других. Отличие в действиях инициаторов только в том, что весной большевики вынуждены были еще проявлять осторожность, а к осени они уже не скрывали своих кровавых устремлений и намерений. Всем стало ясно: их цель оправдывает самые несправедливые средства. За расхожим высказыванием «история нас рассудит» скрывалась железная надежда на то, что правы могут быть только они, а не буржуи и их приспешники.

Для них, членов многочисленных «эскадронов смерти», никакого значения не имело то, что в «приспешниках» оказались и тысячи таких же тружеников, ни в чем не виновных.

В документах, обнаруженных в ГАРФе и недавно обнародованных, всплывает и кровавая фигура комиссара Бела Куна. Речь идет о расстреле целой группы пермских железнодорожников. Свидетели показывают, как все происходило в тот день – 30 декабря 1918 года (ГАРФ ф. 9440, оп. 1, д. 1, л. 50).

Начальник отдела милиции красных рассказал, что в тот день он находился на станции Кузино Западно-Уральской ж/д.

Составил настоящий протокол о нижеследующем: собирал сведения об убитых и расстрелянных агентах железной дороги большевиками. При этом опрошенные по сему делу лица объяснили следующее: счето-

вод 1-го участка Службы пути Александр Леонтьевич Данилов, гражданин города Самарканда, заявил, что слышал о расстреле большевиками дорожного мастера станции Кормовище Залит. Кроме того, он слышал и о расстреле большевиками его сына, телеграфиста Залит. За что они были расстреляны, он не знает. Также он располагает данными о расстреле большевиками начальника станции Лысьва Казубенко.

Жена дорожного мастера в Заколке Залит, Мария Петровна Залит, сообщила: «Чехи и словаки со станции Кормовище отступили ночью 13 августа. Вечером на следующий день пришли красные. Комendant станции Бобышев и помощник начальника станции Филистеев приказали оставшимся служащим выйти на работу. На следующий день, то есть 15 августа 1918 г., мой муж, поработав немного на станции, пошел в казарму 39-й версты, откуда обратно не возвращался. Я узнала об аресте моего мужа от одного рабочего на станции. После моего возвращения со станции сын мой, телеграфист Иван Николаевич Залит, пошел на станцию, откуда тоже обратно не вернулся.

Нужно сказать, что до ареста моего мужа и сына, первого возили на 42-ю версту, где стоял штаб красных, откуда **мужа привезли обратно на станцию. По поводу дальнейшей судьбы моих мужа и сына знаю то, что в час дня, как говорят, приехал какой-то политический комиссар Бела Кун** и тотчас расстрелял их».

Жена Казубенко, Варвара Алексеевна, показала:

«Когда 11 августа 1918 г. чехи и словаки отступили со станции, то в тот же день моего мужа арестовали и отправили в город Пермь. Когда моя дочь Мария явилась в Пермскую городскую чрезвычайную следственную комиссию, то комиссар Екинин сказал ей, что отец твой расстрелян, и на ее вопросы, когда и за что расстрелян и где похоронен, отвечать отказался и велел обратиться к комиссару Малкову, который и передал ей, что отец расстрелян за передачу телеграфных аппаратов в руки белых из Народной армии. Малков добавил, что это ему было передано лицом, внушающим доверие, словесно. На просьбу с ее стороны о выдаче тела Малков ответил, что не знает, где оно, и дал ей записку, чтобы комиссар Екинин показал обвинительный акт...».

В Перми до сих пор существует улица, названная в честь видного чекиста П. Малкова. Увековечен и краткий миг пребывания товарища Бела Куна в Перми (в июне 1922 года участвовал в заседании местных губкома партии и губисполкома). Черная чугунная доска в его честь украшает здание Пермской городской администрации.

Для улучшения специфической «работы» чекисты во главе с работниками ЦК ВКП (б) выработали практические указания, инструкции, например:

«...Предоставить районам право самостоятельно расстреливать. Взять заложников из фабрикантов, буржуазии и их союзников.

Объявить, что никакие ходатайства за арестованных не принимаются... Устроить в районах мелкие концентрационные лагеря... Принять меры, чтобы трупы не попали в нежелательные руки».

Елена Николаевна Пашкина, жена бывшего офицера, помощника начальника тюрьмы, служившего при большевиках конторским чиновником, ищет труп мужа. Пашкин в числе 25 человек был выведен за город по Сибирскому тракту и там расстрелян. Жене его один из руководителей Пермской ЧК Воробцов написал записку (документ хранится в ГАРФ. Ф. 9440. Оп. 1. Д. 1. Л. 95) следующего содержания:

«Пашкин расстрелян, труп его можно выдать жене. Воробцов, 13 июля 1918 г.».

Уже давно нет в живых свидетелей тех страшных времен. Но свидетельств – рукописи не горят! – сохранилось в архивах немало. Нельзя предавать их забвению.

Владимир Гладышев

ЧЕЛОВЕК В КОЖАНОМ ФАРТУКЕ

*Палач-орденоносец
В. Блохин. Был у него
и орден Трудового
Красного Знамени.*

Имя бессменного палача сталинской эпохи Василия Михайловича Блохина сегодня на слуху. Его подписью скреплено огромное множество хранящихся в архиве Лубянки актов о приведении расстрельных приговоров в исполнение. Главный палач Лубянки лично расстрелял более десяти тысяч человек. Людям, не посвященным в тонкости палаческого ремесла Блохина, приходилось испытывать шок и трепет, когда им доводилось видеть его в деле.

Одно из редких свидетельств оставил начальник УНКВД по Калининской области Дмитрий Токарев. Он рассказал о прибытии весной 1940-го в Калинин группы высокопоставленных работников НКВД во главе с Блохиным для расстрела поляков, содержащихся в Осташковском лагере. Когда все было готово к началу первого расстрела, Блохин, как рассказал Токарев, зашел за ним: «Ну, пойдём...» Мы пошли, и тут я увидел весь этот ужас...

Блохин натянул свою специальную одежду: коричневую кожаную кепку, длинный кожаный коричневый фартук, кожаные коричневые перчатки с крагами выше локтей. На меня это произвело ог-

ромное впечатление – я увидел палача!» В первую же ночь команда под руководством Блохина расстреляла 343 человека. В последующие дни Блохин распорядился доставлять ему для расстрела партии не более 250 человек. Весной 1940-го под руководством и при непосредственном участии Блохина в Калининне было расстреляно 6 311 военнопленных поляков. Можно предположить, что подобной «ударной» акцией он удвоил свой предыдущий личный счет расстрелянных.

По отношению к непосредственно не участвовавшему в расстрелах Токареву Блохин проявил снисходительное «благородство» профессионального палача, сознающего, что не все способны на то, на что способен он. Составляя для премирования список участников расстрелов, он включил в него и начальника УНКВД Токарева...

Кем же был этот человек, чьей рукой вершился сталинский произвол?

Скупые строчки его автобиографии повествуют о том, что он родился в 1895-м в селе Гавриловское Суздальского района Ивановской области в семье крестьянина-бедняка. С 1905-го одновременно с учебой работал пастухом, затем каменщиком, работал и в хозяйстве отца. 5 июня 1915-го зачислен рядовым в 82-й пехотный полк во Владимире, дослужился до младшего унтер-офицера. Со 2 июня 1917-го – старший унтер-офицер 218-го Горбатовского пехотного полка на германском фронте, был ранен, лечился в госпитале в Полоцке до 29 декабря 1917-го. Затем до октября 1918-го, оставаясь в стороне от политических бурь, он крестьянствовал в хозяйстве отца, а 25 октября 1918-го добровольцем поступил на службу в Яновский волостной военкомат Суздальского района. Вскоре Блохин сделал и свой политический выбор — в апреле 1921-го вступил в коммунистическую партию и тут же, 25 мая 1921-го, был назначен в 62-й батальон войск ВЧК в Ставрополе.

Теперь развивается его чекистская карьера. С 24 ноября 1921-го он помкомвзвода в отряде особого назначения при Коллегии ВЧК, с 5 мая 1922-го комвзвода там же, с 16 июля 1924-го помощник командира 61-й дивизии особого назначения при Коллегии ОГПУ. 22 августа 1924-го Блохин выдвигается на должность комиссара особых поручений Спецотделения при Коллегии ОГПУ. Теперь, помимо прочего, в его обязанности входит и приведение расстрельных приговоров в исполнение. И действительно, с весны 1925-го подпись Блохина регулярно встречается под расстрельными актами. Может быть, он и дальше был бы всего лишь одним из рядовых расстрельщиков, но внезапно открылась высокая вакансия. 3 марта 1926-го Блохин был назначен временно исполняющим должность коменданта ОГПУ (вместо отсутствующего К.И. Вейса). А уже 1 июня 1926-го Блохина утвердили в этой должности.

Судьба его предшественника Карла Вейса оказалась незавидной. В подписанном Ягодой приказе ОГПУ № 131/47 от 5 июля 1926-го говорилось о причинах его снятия с должности и осуждения: «31 мая 1926 г. постановлением Коллегии ОГПУ Комендант ВЧК/ОГПУ Вейс Карл Иванович приговорен к лишению свободы на 10 лет со строгой изоляцией по обвинению его в сношениях с сотрудниками иностранных миссий, явными шпионами. Имеющимися в деле установленными данными Вейс характеризуется как совершенно разложившийся, утративший всякое понимание лежавшей на нем, как чекисте и коммунаре, ответственности и не остановившимся перед фактом крайней дискредитации Объединенного Государственного Политического Управления, сотрудником которого он состоял».

В отличие от Вейса Блохин вел себя правильно и на посту коменданта бессленно проработал долгие годы вплоть до выхода на пенсию.

Будучи на работе в ОГПУ, Блохин экстерном сдал зачеты во втуз в 1932-м, окончил 3 курса строительного факультета в Институте повышения квалификации инженерно-технических работников. Но на этом его образование и закончилось.

Действовавшая под руководством Блохина расстрельная команда, или «спецгруппа», как ее называли в документах, формировалась из сотрудников разных подразделений. В конце 1920-х — начале 1930-х здесь были сотрудники специального отделения при Коллегии ОГПУ, которое занималось охраной советских вождей и персонально Сталина. То есть совмещали дело охраны вождей с участием в регулярных расстрелах «врагов народа». В штате центрального аппарата ОГПУ они значились как «комиссары для особых поручений»: А.П. Рогов, И.Ф. Юсис, Ф.И. Сотников, Р.М. Габалин, А.К. Чернов, П.П. Пакалн, Я.Ф. Родованский. Другая часть исполнителей служила в комендатуре ОГПУ. Это сам Блохин, а также П.И. Маго и В.И. Шигалев. Позднее в «спецгруппу» вошли И.И. Шигалев (брат В.И. Шигалева), П.А. Яковлев (начальник правительственного гаража, затем начальник автоотдела ОГПУ), И.И. Антонов, А.Д. Дмитриев, А.М. Емельянов, Э.А. Мач, И.И. Фельдман, Д.Э. Семенихин.

Нелегка была судьба палачей. В семьях их видели довольно редко, а когда те приходили после ночной «работы», то чаще всего были пьяны. Да и как не пить при таком злодейском занятии. Неудивительно, что умирали исполнители рано, до срока, или сходили с ума. Умерли своей смертью: Григорий Хрусталев – в октябре 1930-го; Иван Юсис – в 1931-м; Петр Маго – в 1941-м; Василий Шигалев – в 1942-м, а его брат Иван Шигалев – в 1945-м. Многие уволились на пенсию, получив инвалидность по причине шизофрении, как Александр Емельянов, или нервно-психической болезни, как Эрнст Мач.

Но репрессии не обошли и самих расстрельщиков. Часть из них попала в руки Блохину – были доставлены в расстрельное помещение

уже в качестве жертвы. Так в 1937 г. были расстреляны Григорий Голов, Петр Пакалн, Фердинанд Сотников. Интересно, что чувствовали Блохин и Маго, когда расстреливали своих бывших товарищей?

Особо нервировали палачей отдельные приговоренные, которые в момент расстрела славили Сталина. Возглавлявший группу расстрельщиков, приводивших в исполнение решения «тройки» УНКВД Московской области в 1937—1938 годах, Исай Берг, будучи арестованным, показал, что он получил от начальства строгое указание «не допускать таких явлений в дальнейшем» и среди работников спецгруппы НКВД «поднимать настроение, стараться доказать им, что люди, которых они стреляют, — враги». Хотя тут же Берг признал: «Много мы стреляли и невиновных».

Берг прославился тем, что при его непосредственном участии в московском НКВД была создана машина-«душегубка», в которой приговоренные умерщвлялись выхлопным газом. Отчасти это берегло нервы московским палачам. Загрузили в Таганской или Бутырской тюрьмах живых — в Бутове выгрузили мертвых, и вся работа. И никаких славословий Сталину. Сам Берг пояснил следствию, что без такого усовершенствования «невозможно было исполнить столь большое количество расстрелов».

И в центральной группе расстрельщиков под руководством Блохина предписали «проводить воспитательную работу среди приговоренных к расстрелу, чтобы они в столь неподходящий момент не марали имя вождя».

В 1937—1938 годах Блохин участвовал в самых громких расстрелах. Он командовал расстрелом маршала Тухачевского и высокопоставленных военных, приговоренных вместе с ним. При расстреле присутствовали прокурор СССР Вышинский, председатель Военной коллегии Верховного суда Ульрих. Иногда баловал своим присутствием и сам «железный нарком» Ежов. При нем расстрельное действие обретало черты художественной постановки. Осенью 1937-го: «Перед расстрелом своего приятеля в прошлом Яковлева Ежов поставил его рядом с собой — наблюдать за приведением приговора в исполнение». Яковлев, встав рядом с Ежовым, обратился к нему со следующими словами: «Николай Иванович! Вижу по твоим глазам, что ты меня жалеешь». Ежов ничего не ответил, но заметно смутился и тотчас же велел расстрелять Яковлева.

Не менее запоминающаяся сцена разыгралась, когда в марте 1938-го приводили в исполнение приговор по делу Бухарина, Рыкова, Ягоды и других осужденных на показательном «Процессе правотроцкистского блока». Ягоду расстреливали последним, а до этого его и Бухарина посадили на стулья и заставили смотреть, как приводится в исполнение приговор в отношении других осужденных. Ежов присутствовал и, вероятнее всего, был автором подобной изощренной затеи.

Причем перед расстрелом Ежов велел начальнику кремлевской охраны Дагину избить бывшего наркома внутренних дел Ягду: «А ну-ка дай ему за всех нас». В то же время расстрел собутыльника Буланова расстроил Ежова, и он даже приказал сначала дать ему коньяку.

Удивительно, скольких своих бывших коллег, да и начальников, которым он раньше глядел в рот, расстрелял Блохин. Близость к разоблаченному руководству НКВД могла стоить и ему самому жизни. Но Сталин ценил надежных «исполнителей», и его почему-то не пугало, что они, привыкшие стрелять в затылок, постоянно маячат у него за спиной в качестве охраны.

В начале 1939-го, когда Берия вовсю чистил НКВД от ежовских кадров, поступил материал о том, что комендант Блохин был слишком близок к бывшему секретарю НКВД Буланову, да и к самому расстрелянному наркому Ягоде. Тогда это рассматривалось как доказательство участия в их «заговорщических планах». Берия, подготовив постановление на арест Блохина, отправился к Сталину за санкцией. Однако, к своему удивлению, получил отказ. В 1953-м Берия показал на следствии: «Со мной И.В. Сталин не согласился, заявив, что таких людей сажать не надо, они выполняют черную работу. Тут же он вызвал начальника охраны Н.С. Власика и спросил его, участвует ли Блохин в исполнении приговоров и нужно ли его арестовать? Власик ответил, что участвует и с ним вместе участвует его помощник А.М. Раков, и положительно отзывался о Блохине».

Берия, вернувшись в свой кабинет, вызвал к себе Блохина и работников «спецгруппы» для разговора. Результаты «воспитательной» беседы нарком отразил на отправленном в архив, так и неисполненном постановлении: «Сов. секретно. Вызван был мною Блохин и руководящие сотрудники комендатуры, которым мною было сообщено кое-что из показаний на них. Обещались крепко поработать и впредь быть преданными партии и Советской власти. 20 февраля 1939 г. Л. Берия». Больше к вопросу о Блохине Сталин не возвращался.

Обычно приговоренных привозили к месту расстрела в Варсонофьевский переулок, где их дождался Блохин с командой. Но иногда Блохину самому приходилось ехать за жертвой. Так было в 1940 г., когда потребовалось доставить из Сухановской тюрьмы на расстрел приговоренного к ВМН бывшего кандидата в члены политбюро Роберта Эйхе. Непосредственно перед отправкой на расстрел его жестоко били в кабинете Берии в Сухановской тюрьме: «У Эйхе при избиении был выбит и вытек глаз. После избиения, когда Берия убедился, что никакого признания в шпионаже он от Эйхе не может добиться, он приказал увести его на расстрел». А 6 февраля 1940-го Блохину выпала честь расстрелять и самого наркома Ежова.

Руководство ценило Блохина. Он быстро рос в званиях: в 1935-м – капитан ГБ, в 1940-м – майор ГБ, в 1943-м – полковник

ГБ, в 1944-м – комиссар ГБ, а в июле 1945-го получает звание генерал-майора. Был также щедро осыпан государственными наградами: орденом Ленина (1945), тремя орденами Красного Знамени (1940, 1944, 1949), орденами Отечественной войны I степени (1945), Трудового Красного Знамени (1943), Красной Звезды (1936), «Знак Почета» (1937), а также двумя значками «Почетного чекиста» и золотыми часами. Был награжден и почетным оружием – маузером, хотя расстреливать предпочитал из немецкого «вальтера» (не так сильно нагревался).

Когда исполнилось 20 лет пребывания Блохина в должности коменданта, он был премирован легковым автомобилем «М-20» («Победа»). Обращает на себя внимание то, что Блохин и его подручные из «спецгруппы» обычно щедро награждались не после, а до проведения серьезных расстрельных кампаний. По различным оценкам, общее количество расстрелянных лично Блохиным за все годы его службы на Лубянке составляет не менее 10–15 тысяч человек.

Сразу же после смерти Сталина и вторичного прихода Берии к руководству «органами» Блохин был отправлен на пенсию. Бывший комендант Блохин приказом МВД СССР № 107 от 2 апреля 1953-го был уволен по болезни с объявлением благодарности за 34-летнюю «безупречную службу» в органах ОГПУ–НКВД–МГБ–МВД СССР. Как пояснил Берия, Блохина освободили от должности как «засидевшегося» – был такой бюрократический термин, обозначавший долгое пребывание работника в одной и той же должности и утрату им должной активности и эффективности работы. Хотя, как мы знаем, работа у Блохина была как раз вовсе не сидячая, и здоровье на ней он изрядно подрастерял.

Итак, в 1953-м Блохина торжественно проводили на заслуженный отдых. После смерти диктатора нужда в его услугах отпала. Нет, конечно, пришедший ему на смену новый комендант, полковник Д.В. Бровкин, вовсе не рисковал остаться без «ночной работы», просто ее масштаб сразу стал не тот. Хотя на смену прежним жертвам подоспели те, которые раньше сами чинили суд и расправу: при новом посталалинском руководстве стали казнить бывших подручных Берии и Абакумова. Их дела активно расследовались, и оказалось, на пенсии Блохину тоже нет покоя. Он зачастил на допросы в Генеральную прокуратуру. В ходе расследования дела Берии и его ближайших подручных понадобились поистине бесценные знания бывшего коменданта. Ведь он был исполнителем всех самых важных казней. И все же Блохин не был приобщен в качестве обвиняемого, хотя он и был исполнителем преступных акций. Наверное, решили: ведь это просто палач, выполнял приказ. Работа у него такая, и ничего личного.

После увольнения Блохину за 36 лет выслуги в органах была назначена пенсия в размере 3 150 рублей. Однако после лишения

генеральского звания 23 ноября 1954 г. выплата пенсии от КГБ была прекращена. Не ясно, успел ли он оформить себе обычную пенсию по старости. Согласно медицинскому заключению Блохин страдал гипертонической болезнью 3-й степени и умер 3 февраля 1955 от инфаркта миокарда.

По иронии судьбы, Блохина похоронили там же, где покоится прах большинства его жертв, – на Донском кладбище. Хотя тела расстрелянных сжигались здесь же в крематории и прах сыпался в безымянные общие ямы, а вот на могиле Блохина недавно появилось новое красивое надгробие с портретом. Не забывают!

***Никита Петров,
историк, доктор философии,
сотрудник общества «Мемориал»***

Примечание редколлегии. Многие источники указывают на другую версию смерти «главного палача Советского Союза»: после того, как его лишили генеральского звания «как дискредитировавшего себя за время работы в органах», в феврале 1955 года Блохин застрелился.

И еще одно замечание. Блохин не был простым исполнителем приказов. Он «работал» творчески и очень гордился тем, что 30 лет руководил расстрелами в НКВД-МГБ-МВД, лично расстреливал самых известных людей страны, в том числе военачальников Якира, Тухачевского, Уборевича, своего бывшего наркома Ежова, его заместителя Фриновского, Чубаря, Косарева, Косиора, писателя Бабеля, журналиста Кольцова, режиссера Мейерхольда.

«Изнемогает наша Родина в тяжких муках и нет врача, исцеляющего ее. Грех помрачил наш народный разум, вызвал сатану из бездны, воздвигающего открытое гонение на Церковь. Русский народ, неужели ты не возродишься духовно!»

*Послание св. патриарха Тихона
от 8 августа 1918 г.*

«Все религии есть органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманиванию рабочего класса. Марксизм есть материализм, в качестве такового он беспощадно враждебен религии. Мы должны бороться с религией»

В.И. Ленин

НОВОМУЧЕНИКИ

ВЕНЕЦ ТЕРНОВЫЙ

По документам, хранящимся в ГАРФе, мы можем представить, какими были последние дни новомучеников и исповедников православной церкви. В конце 1918 года десятки белогорских монахов были подвергнуты аресту и затем преданы мученической смерти.

Вместе с ними в Пермском арестном доме оказался и епископ Соликамский Феофан. Случилось это так. После ареста архиепископа Андроника, в конце июня 1918 года епископ Феофан прибыл для управления епархией. Гонения на церковь не прекращались. Конфискации церковного имущества и обыски в архиерейском доме были обычным явлением. В сентябре 1918 года к епископу Феофану пришел председатель Соликамской Земской Управы Дмитрий Николаевич Антипин, скрывавшийся от большевиков, и ради спасения своей жизни попросил назначить его куда-либо псаломщиком, на что владыка со-гласился. Антипину был выдан определительный указ за подписью прото-иерея Шестакова и секретаря Желателева. Он поступил на службу, но, к несчастью, был кем-то опознан. У него были отобраны выданные епископом Феофаном документы, протоиерей Шестаков и секретарь Желателев были арестованы Чрезвычайным Комитетом. Опасаясь репрессий против Шестакова и Желателева, епископ Феофан 17 октября 1918 года по собственному почину отправился для объяснения в Чрезвычайную Комиссию, откуда ему уже не суждено было вернуться. Он тогда же был арестован и содержался под стражей в Пермском арестном доме, сначала в одиночной камере, а затем в общей, с монахами Белогорского монастыря. Архиерейские покои после ареста епископа Феофана были разграблены.

22 декабря 1918 года священник Пермской Крестовой церкви получил от епископа Феофана письмо, в котором тот сообщил о состоявшемся разбирательстве его дела в следственной комиссии. А накануне взятия Перми белыми (24 декабря) из тюрьмы принесли принадлежавшие епископу Феофану одеяло, подушку, драповую рясу и дарохранильницу и со слов привратника сообщили, что ночью епископ Феофан вместе с другими монахами был куда-то увезен. Как свидетельствовал начальник Пермского арестного дома Смирнов, около 4 часов утра 23 декабря 1918 года в арестный дом явился конвой красноармейцев и два палача, в числе которых был член Президиума Чрезвычайной Комиссии Воробцов. Последний предъявил приказ, подписанный председателем ЧК «по разгрузке мест заключения в городе Перми» Харитоновым, ее членами Малковым, самим Воробцовым и секретарем Демсисом. В приказе говорилось о выдаче 10 арестантов товарищу Варанкину. На обороте приказа был написан список лиц, подлежащих выдаче, причем под номером 1 был записан епископ Феофан и под номером 4 – монах Савва. Пришедшие проси-

ли дать им веревки, но таковых не нашлось, после чего епископ Феофан с надетыми на руках стальными поручнями был уведен вместе с другими.

Засвидетельствовал следы преступления, убийства епископа и его товарищей по несчастью архимандрит Хрисанф (в миру Христофор Гаврилович Клементьев). Когда в Пермь пришли колчаковские войска, Хрисанф с помощниками осмотрели указанные им две проруби на Каме, на краю одной из них нашли: «...примерзшие ко льду две священные книги, из которых одна принадлежала епископу Феофану... скуфья, принадлежавшая монаху Савве (Холмогорову)... тут же оказались примерзшие ко льдине почти целый человеческий мозг и осколки костей... кругом многочисленные следы крови. У проруби лежали колья и сломанная оглобля, испачканные кровью».

..Велик и страшен был год 1918-й, как писал о том времени Михаил Булгаков. Весной 1918 года, незадолго до ареста, епископа Феофана спросили, как быть, если земли монастырей будут захватывать и отбирать богоборцы. И он ответил: «А на злобу и вражду к нам тех, кто оказался орудием Божиего наказания на нас, не будем отвечать тем же: будем молиться и за врагов, да простит им Господь, не ведают что творят. Будем молиться и да укротит Господь ярость их на нас и силою молитвы и примером доброй христианской жизни нашей да преложит (расположит – ред.) непримиримые сердца их к примирению и братолюбию».

В те дни укротить ярость слепых орудий убийства не удалось, а вот пример доброй христианской жизни был явлен миру, и многократно. С запозданием, с отложенным действием, как писал Александр Солженицын, пример этот отозвался через десятки лет.

«МОЛИТЬСЯ КРОТКО ЗА ВРАГОВ...»

**Владимир Гладышев, председатель общества
«Пермский краевед», член Союза писателей России**

20 июля 1918 г. из Екатеринбургa в Пермь под сильным конвоем был отправлен вагон «с какими-то важными преступниками». По данным следственной комиссии Н. Соколова в вагоне вывезли содержащихся в тюрьме графиню Гендрикову, гоффлектрису Шнейдер, камердинера Волкова, кн. Елену Петровну Сербскую и состоявших при ней членов Сербской миссии.

Эту группу «важных лиц» пермские обыватели приняли за царицу со свитой; позднее слухи послужили основой для пресловутого «пермского следа» в поисках убитой семьи Николая Романова.

Графиня Анастасия Васильевна Гендрикова (1888-1918) – фрейлина двора последней российской императрицы Александры Федоровны

*Портрет графини Гендриковой
и гофлектрисы Шнейдер.
Автор неизвестен.*

Романовой. Екатерина Адольфовна Шнейдер (1852-1918) – гофлектриса двора Ея Императорского Величества Государыни Александры Федоровны Романовой.

В ссылку вместе с царской семьей обе женщины отправились добровольно, исключительно из чувства преданности царице и детям Романовых. В дневнике А.В. Гендриковой за 1917 год есть такая запись: «Слава Богу, я успела приехать вовремя, чтобы быть с ними».

Для государыни она была Настинькой, очень близким человеком, как дочь или сестра. Фрейлина была одаренным человеком, она писала стихи. Известно, что и в трудные дни, будучи в Тобольске, Гендрикова написала сатиру в стихах на приезд «заговорщицы» Маргариты Хитрово.

Как теперь неопровержимо подтверждают документы, план большевиков был поэтапный: сначала отделить членов царской семьи от слуг с последующим их уничтожением. Из Тобольска бывших фрейлин вместе с Романовыми перевезли в Екатеринбург, а уже оттуда «рассредоточили» по разным местам. При чем доставка группы арестованных придворных лиц в Пермь служила одновременно отвлекающим и запутывающим маневром.

Некоторые основания для возникновения путаницы были, поскольку фрейлина считалась высокопоставленной особой. Как говорится, свита должна играть царицу, но и состав свиты не был случайным. Об этом говорит не только образованность фрейлины, но и умение поставить себя. Согласно данным следователя Н.А. Соколова, в ссылку в Тобольск вместе с графиней Гендриковой поехали ее воспитательница Виктория Владимировна Николаева и прислуга Паулина Межанц. Вместе с Е.А. Шнейдер – прислуга Екатерина Живая и Мария (фамилию последней следователю узнать не удалось).

Прибыли они в Пермь 23 июля. Женщин поместили в одну тюремную камеру, в женском отделении. Администрация тюрьмы относилась к арестанткам довольно внимательно: они имели возможность получать молоко, читать газеты. Но белье выдавали только мужское, личных вещей с ними почти не осталось.

В тюрьме они находились больше месяца. Все это время их не покидала надежда на спасение, и княгине Елене Сербской действи-

тельно удалось вырваться из заключения (помогло вмешательство из зарубежья). А затем наступила кровавая развязка. Гендрикова и Шнейдер были зверски уничтожены большевиками вместе с группой других заложников на рассвете 4 сентября (по новому стилю) 1918 года. Чудом удалось бежать только Волкову.

При Колчаке тела женщин были эксгумированы, подвергнуты судебно-медицинскому обследованию. Было установлено, что на теле Шнейдер под левой лопаткой было пулевое ранение, черепные кости треснули от удара прикладом. На теле Гендриковой пулевых ранений не обнаружено, смерть последовала от страшного удара прикладом в левую часть головы сзади, она вся была снесена. После экспертизы тела обеих женщин переложили в гробы, а 16 мая 1919 года они были погребены в общем деревянном склепе на Новом Всехсвятском православном кладбище (Егошихинском). Могилы А.В. Гендриковой и Е.А. Шнейдер, по свидетельству генерал-лейтенанта Дитерихса (в его книге кладбище ошибочно названо Ново-Смоленским – В.Г.), по случайному совпадению оказались как раз напротив окна камеры Пермской губернской тюрьмы, в которой они провели последние дни своей земной жизни.

Недавно сотрудникам одного из центральных архивов, расположенных в Москве (РГАСПИ), удалось обнаружить документы, проливающие свет на последние дни пермских затворниц. Речь идет об альбоме с фотографиями и записями капитана П.П. Булыгина, ближайшего помощника следователя Николая Соколова. Статьи Булыгина, посвященные убийству царской семьи, публиковались уже в 1920-х годах в рижских и берлинских газетах, а в 1935 году вышли отдельным изданием. В 2000 году книга Булыгина «Убийство царской семьи» (в переводе его внучатой племянницы Т.Е. Максимовой) вышла в Москве в издательстве «Academia».

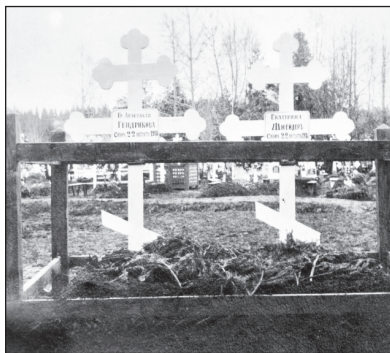
На снимках, сделанных весной 1919 года, запечатлены пермские места массовых казней, расстрелов, совершенных большевиками. Фотограф снимал все, что относилось к Гендриковой и Шнейдер. Из подписей следует, что это:

– *тюрьма, где содержались княгиня Елена Петровна, графиня Гендрикова и Е.А. Шнейдер (окно палаты, где содержались узницы, отмечено звездочкой);*

– *поля орошения на 5-й версте по Сибирскому тракту, у краев которых большевики производили расстрелы;*

– *канава у полей орошения, звездочкой отмечено место, где зарыты трупы гр. Гендриковой и Е.А. Шнейдер и еще четырех женщин;*

– *могилы гр. Гендриковой и г-лэктрисы Шнейдер, расстрелянных большевиками под г. Пермью и брошенных в свалочном месте. Погребены они следователем Соколовым и генералом Дитерихсом. (Все надписи сделаны в дореволюционной орфографии).*

*Могилы графини Гендриковой
и гофлектрисы Шнейдер,
расстрелянных большевиками
под Пермью. Снимок сделан
весной 1919 года.*

Из рапорта генерал-лейтенанта Михаила Дитерихса адмиралу Колчаку всплывают другие детали того, как убивали заложников и пытались скрыть следы преступления палачи, называвшие себя «идейными борцами» (Хранится рапорт в ГАРФе, ф. 341, оп. 1, д. 52, л. 34-36, цит. по изданию «Красный террор на востоке России»).

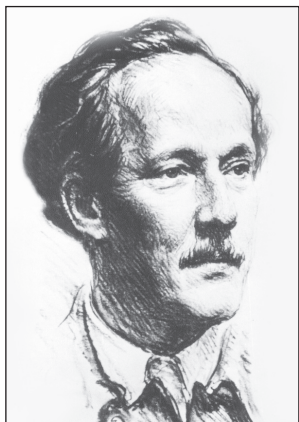
С приходом большевиков белые кресты исчезли, могилы были срыты, так что теперь место захоронения указывается предположительно.

В 1981 году А.В. Гендрикова и Е.А. Шнейдер были причислены

к лику святых новомучеников Российских Собором архиереев Русской Православной церкви за рубежом. Перед кончиной они молились, конечно, а еще Анастасия Васильевна повторяла строки стихотворения, которое так и называлось – «Молитва», его написал поэт Сергей Бехтеев, и оно всегда было с Анастасией Гендриковой. Эти строки переписывала собственноручно и она сама, и Ольга Романова, дочь бывшего императора. С этими словами они ушли в мир иной...

Пошли нам, Господи, терпенья
В годину буйных мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать.
И крест тяжелый и кровавый
С твоею кротостью встречать.
И в дни мятежного волненья,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленья,
Христос Спаситель, помоги!
Владыка мира, Бог всесильный,
Благослови молитвой нас.
И дай покой душе смиренной
В невыносимо страшный час.
И у преддверия могилы
Вдохни в уста твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.

СВИДЕТЕЛЬ ИСТОРИИ

*Портрет
Михаила Осоргина.
Художник А. Билис,
1939 г., Париж.*

Один из героев Михаила Осоргина священник Иаков Шестаков стал православным святым новомучеником.

«Невеселым рисуется мне будущее, да и не для нас оно; смотрю на него со стороны, не как живущая единица, а только как «свидетель истории».

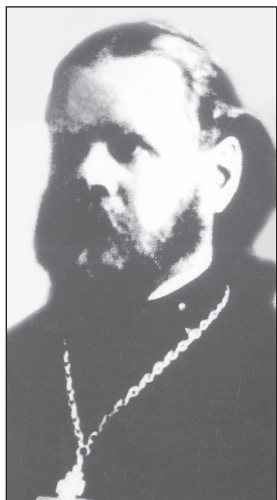
Такими печальными мыслями делится Михаил Осоргин в одном из «Писем к старому другу» (из эпистолярного наследия М.А. Осоргина, часть писем соотечественникам вошла в его книгу публицистики, вышедшую в 1952 г. в изд-ве им. Чехова в Нью-Йорке). Письмо отправлено в 1941 году, времена тогда наступили тяжелые: шла война, писателю пришлось бежать от фашистов; здоровье пошатнулось, жить Михаилу Андреевичу

оставалось всего около года. И совсем не случайно в этот период ему вспоминается «свидетель истории» – знакомый священник из родной пермской сторонки отец Яков Шестаков. Михаил Андреевич и себя уподобляет «свидетелю». Каким был отец Яков Шестаков, он же Яков Кампинский (в жизни у священника были созвучные псевдонимы: Камасинский, Яков Летописцев и др.)?

Значение столь колоритной фигуры для писателя трудно переоценить. Это один из любимых героев и персонажей Осоргина (роман «Свидетель истории», эссе «Отец Яков», «Лубочки» и др). Поп Яков служит своеобразным мостиком, связующей нитью между светской и духовной культурой; он примиряет с православием самого Осоргина, выступавшего одно время с резкой критикой религии. (Вспомним негативные впечатления от общения с церковнослужителями гимназиста Миши Осоргина). В определенном плане священник-летописец оказывал сдерживающее, умиротворяющее влияние и на мировосприятие молодого журналиста, увлекавшегося революционными идеями и даже помогавшего, был грех, в период первой русской революции боевикам-эсерам.

В эссе 1923 года, посвященном этой оригинальнейшей личности, Осоргин признается, что в самые тяжелые минуты воспоминания о смиренном «свидетеле истории» помогали ему отогнать мысль о самоубийстве, удержаться от крайней меры.

«Способствовать благу людей»

Священник Иаков Шестаков – православный святой новомученик.

Парадокс в том, что священник Шестаков вошел в историю нашего края не только как один из самых энергичных и плодотворных летописцев, но и как организатор народного просвещения. То есть, отец Яков на самом деле – и свидетель, и делатель истории. Он – добрый пастырь, прошедший непростой путь.

Поговаривали о нем, однако, разное...

Краткие биографические сведения о священнике Иакове Васильевиче Шестакове (1858-1918) позволяют нам прийти к выводу, что определенная почва для слухов существовала. (Подробнее см.: М.Г. Нечаев, тезисы на научно-практической конференции «Интеллигент в провинции», Екатеринбург, 1997). Начало биографии – вполне типичное для сельского батюшки. Родился в селе Камасинское в семье священнослужителя. После окончания Пермской духовной семинарии (1879) работал законоучителем в Редикоре, служил в разных местах обширной Пермской губернии: в Чердыни, Кудымкаре и других приходах. В 1905 году основал свое книгоиздательство «Кама», в котором выпустил более ста книг и брошюр духовного, краеведческого содержания; он стал и одним из основателей Пермского церковно-археологического общества.

Характерны эпитафии, которые отец Иаков предпослал к проекту данного объединения (созданного по образцу Архангельского церковно-археологического комитета, где также довелось служить Шестакову): «Воспоминание прошлого обыкновенно ведет к пониманию настоящего... Знание родной старины составляет основу истинного просвещения и помогает понять будущее». Этой философии отец Иаков придерживался всю жизнь. За каждое новое дело он приступал, помолясь:

«Сделай, Господи, чтобы все мои произведения клонились к твоей славе и способствовали благу людей».

Он пишет о достопримечательностях и о новых явлениях жизни. Так, священник стал автором первого очерка о молодой православной святыне – Белогорском монастыре. В том очерке еще встречаются неточности, на то он и первый; не все достоверно в случае с установкой первого креста на Белой горе. Неточность, допущенная летописцем, касалась обстоятельств возникновения монастыря, что вызвало поз-

же полемику с мировым судьей Игнатьевым. Poleмика выплеснулась на страницы газет (1901 г.). В итоге в книгах, напечатанных об этой святине в начале XX века, публиковались уже уточненные данные. (См. В.Ф. Гладышев, А.П. Кудрина «Свет Белой горы», П., 2003).

Отличительная черта Шестакова как книгоиздателя и автора – системность и широта кругозора. Так, к 100-летию родной семинарии он выпускает целую серию брошюр и справочников. К истории подходит всесторонне, устанавливая и выделяя и благодетелей, и людей науки. В «Справочную книгу всех окончивших курс Пермской Духовной Семинарии (1800-1900)» отец Иаков включает данные не только о духовном служении. Протоиерей Оглоблин Александр Евсигнеевич, непреходящий член Пермского губернского статистического комитета, законоучитель Алексеевского реального училища и настоятель Александровской церкви при Александровской больнице интересен еще и тем, что за статью «О рукоделиях Невьянской горной округи» императорское Вольное экономическое общество присудило ему золотую медаль.

Любознательностью и беспримерной добротой Михаил Осоргин наделил и своего «давнего знакомого» отца Якова.

В Чердынском краеведческом музее есть в экспозиции редкое издание («шестаковское!») – говорят музейщики) – «Сказка о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина. Первое издание на коми-пермяцком, переведенное Иаковом Шестаковым. Это был настоящий, беззаветный миссионер, подготовивший ряд изданий на пермяцком языке, открывший столовую для голодающего крестьянства и женский монастырь в Пешнигорте.

Просветителем движет гуманистическая идея. Вполне актуально звучат сегодня некоторые размышления Я.В. Шестакова:

«...Под серым зипуном инородца кроются характеры глубокие и сильные, а потому мы вполне верим в расцвет духовных сил верхнекамских инородцев, если только будет обращено внимание на образование и воспитание женского населения... Пора положить начало великому процессу соединения с культурным миром огромной замкаской стороны, населенной инородцами, в большинстве своем даровитыми, но спящими в глубоком сне, за отсутствием живой экономической и духовной связи с остальными частями государства...» (1912 г.)

Мы – газетчики

В своем исследовании «Верхнекамские инородцы» (Архангельск, 1912) священник Шестаков предпринял «опыт обозрения мероприятий земств Соликамского, Чердынского и Глазовского в целях культурного подъема камских инородцев». Критический настрой автора чувствуется с первых же страниц. Автор поясняет, во избежание недоумений, что «критика – одно из необходимых условий развития»:

«Печать – не палач. Она по мере сил и разума с фотографической точностью передает события... служит делу правды, справедливости, безграничной любви к людям... Никакая борьба не проходит без результата».

Идеалы, которыми руководствовался Шестаков-публицист, достойны подражания. Очень близко понимание миссии газетчика и у самого Михаила Осоргина.

Осоргин-мемуарист вспоминает, что познакомились они в редакции провинциальной газеты. Это не случайно: бесприходный поп часто оставался и без средств к прожитку, посему отец Яков подрабатывал своим пером, сотрудничая с газетами. Он так и заявляет в романе: «Мы – газетчики». «Пермские губернские ведомости» как для недавнего студента, так и для священника стали родной газетой.

«Газета была большая, сотрудников мало; летом приезжали студенты и строчили фельетоны, хронику, передовицы; приходили актеры (чтобы «упомнуться» в заметке), думские гласные (анонимно кольнуть самих себя, «отцов города»)... маленькие литераторы, сельские учителя («сейте разумное, доброе, вечное») и много всякого народа. Приходил и отец Яков и принесил хронику, некрологи, этнографические заметочки» («Отец Яков»).

По-прежнему актуальными, увы, остаются и споры героев романа о свободе слова. В годы революции в редакции разгорались жаркие дискуссии о том, как относиться к террору, и эсеровскому, и правительственному. Как написать об этом, да так, чтобы и душой не покривить и чтобы «газету не прихлопнули»? Отец Яков в данной ситуации выступает в роли не только статиста, но и третейского судьи. Он пытается встать над схваткой, что, впрочем, ему не совсем удается. Но втянуть его в «жареные дела», сделать доносчиком – невыполнимая задача. Поп-расстрига из Перми, встречавшийся и с «коллегой» Гапоном, провокаторства на дух не приемлет. И осуждает любой террор. Такая осторожность для писателя очень симптоматична. Его мировосприятие не оставалось неизменным. Осоргин, как и вся русская интеллигенция, активно уточнял пределы допустимого применения насилия во имя добра, искал для себя в ту пору золотую середину. И не найдя, сбежал в Италию.

Писатель подчас не жалеет для попа иронических красок, но, впрочем, с полным к нему уважением. И внешний облик отца Якова совсем не героический (нос красный, хотя спиртного не употребляет), и внутренний облик не вполне понятный. «Хитрый был поп, отец Яков, и его моральных качеств я так и не раскусил за долгое знакомство» («Отец Яков»).

Осоргин поделился с читателями своими подозрениями по поводу того, почему его герой остался без прихода, то есть попал в немилость у своего духовного начальства. По его мнению, на то могли быть причины духовного, общественного и финансового характера. Но все это – только слухи, документальных подтверждений растрат обще-

ственных денег нет. Видимо, не столь и серьезны были прегрешения энергичного батюшки, если епископ не лишил его сана, не наложил на него епитимью. Но с той поры он стал «бесприходным попом». Скорее всего, новый статус как нельзя лучше соответствовал неусидчивой, неугомонной натуре батюшки. Придя к такому выводу, писатель вовсе не вычеркивает отца Якова из своей жизни. Напротив: он сверяет свой путь с этим оригинальным человеком.

Отец Яков был по природе своей паломник, каких по Руси бродило немало. Недаром Осоргин называет своего героя «землепроходом, руссейшим сердцем».

Священник был знаком со многими известными людьми России. Среди них – и замечательный русский художник Виктор Васнецов. На память от живописца отец Яков получил репродукцию васнецовского образа «Спас» (1906 год, 64x91 мм). На фотографии сохранился автограф художника, мелким быстрым почерком:

«Образ написан В.М. Васнецовым. Достоуважаемому о. Иакову Шестакову».

Встретить попа – к удаче

...Во время съемок фильма «Возвращение Осоргина. Послесловие к жизни» (режиссер и сценарист В. Наймушин) народ проявлял живейший интерес ко всему происходящему. Ну, как же! Снимается

Во время съемок фильма «Возвращение Осоргина. Послесловие к жизни» (режиссер и сценарист В. Наймушин). Исполнители главных ролей – Николай Хромов (Осоргин), Владимир Гладышев (отец Яков).

кино – магические и давно забытые слова. Поскольку автор этих строк «изображал» отца Якова, любопытствующие подходили и к нему. Причем некоторые принимали меня за настоящего священника, все принимая за чистую монету. Подходили с вопросами и стар, и млад; две девушки в черных одеяниях, похожие на сатанисток, пытали о смысле жизни и черного цвета. Голландец лет 30-ти на ломаном немецком поведал о том, как ему интересны русские, выяснилось, что в Европе у него немало русских друзей. На вокзале, где мой герой ожидал поезд, ко мне вдруг подошел дорожный рабочий в спецовке: «Батюшка, чем-то помочь?»

Этот случай живо напомнил мне присказку отца Якова из романа «Свидетель истории», помните? «И чтоб знали: встречный поп – не враг, а истинный друг». Примета народная была, в доатеистические времена: «встретил попа – будет удача».

Одна из самых сильных сцен, как мне кажется (изнутри, с точки зрения участника, а не только зрителя) – как красные гонят на расстрел пленных офицеров и заложников. Цепочка разутых людей с конвоирами шла прямо по центру улицы Сибирской, слева, справа – безостановочное движение машин. Звучит пронзительно-печальная мелодия. Альтист (Ан. Жохов) играет для своего друга, из тех, кого ведут на заклание.

Отец Яков следует за процессией, он еще – свидетель, он не может пропустить события, хотя это уже и рискованно для него самого. Это приближение к пропасти. Священник Иаков Шестаков был убит в 1918 году возле села Хохловка – того самого села, где он когда-то в молодости служил... Обстоятельства гибели бродяги-попа до конца так и не выяснены. В том роковом году для представителей темных сил, стоявших у власти, убить попа считалось высшим проявлением «революционной доблести». Спустя много лет, в 2000 году Иаков Шестаков будет причислен к лику православных святых-новомучеников XX века.

К нему относились как к «странненькому», «блаженному». Действительно, чудак – но такие чудачки украшают жизнь, делают ее более осмысленной.

Этот странный священник умел ценить дружбу. Свидетельством тому может послужить надгробная эпитафия на могиле священника Алексея Бирюкова, похороненного в ограде Николаевской церкви села Кудымкар бывшего Соликамского уезда (ныне это город, столица Коми-Пермяцкого округа). Надпись на памятнике гласила: «Непрестанно о мне молитесь Христу-Богу. Последний подарок незабвенному другу от отца Иакова Шестакова». (Из материалов к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича).

Вопрос, которым задается Михаил Осоргин через своего любимого героя, в полной мере относится и к нам, ныне живущим: «...Или живем все по-прежнему: добро не приемля, злу не противясь?»

Неужели он и поныне прав в своем заключении насчет того, что «в провинциальном болотце не любят людей сколько-нибудь выдающихся»? Отец Яков был из таких, известных по качеству личностей.

Такие люди, как он – «пытливые глаза наши, жизненности нашей залог, жажды нашей носители» («Отец Яков»). Образ – как «второе я», alter ego писателя. Как палочка-выручалочка.

СВЯТОЙ ЧЕЛОВЕК

Подготовлено по воспоминаниям Л. А. Тетюевой,
дочери о. Александра Тетюева

Тетюевы – фамилия в Прикамье редкая. По преданию деда, Павла Стефановича Тетюева, своей фамилией семья обязана городу Тетюши, что стоит на Волге. Несколько поколений Тетюевых служили в православных храмах священниками, псаломщиками, диаконами, жили в городах и селах в верховьях рек Колвы и Камы.

В 1909 году Павел Стефанович составил родословную семьи. Ее писали под его диктовку, так как сам он ослеп в сорокалетнем возрасте. В родословной сохранились данные о Иакиме, Савве, Стефане, Павле. Иаким был священником и сыном священника. Савва Иакимович тоже служил священником в с. Вильгорт. Он был женат на Пелагее Антоновне. Стефан Саввич (1825 г. р.) служил диаконом в г. Соликамске. Женат был на Татьяне Васильевне (1828 г. р.), дочери дьячка из Ныроба. Павел Стефанович – священник, родился в 1853 году в Соликамске. Женат на Любви Федоровне Иваницкой (1852 г. р.), дочери Половодовского псаломщика. Служил с 1881 года диаконом в г. Дедюхино, в 1888 году рукоположен священником и переведен в с. Кушмангорт. Павел Стефанович учился в Соликамской

*Новомученики православной церкви.
Протоиерей Александр Тетюев (на снимке первый справа).*

бурсе, был знаком с монахами Соликамского Вознесенского мужского монастыря.

Сохранилось такое предание об одном из предков семьи. Он не умел писать. Когда требовалось расписаться, писал слово «ПОП», т. е. рисовал две палки и перекладину, колесо, еще две палки и перекладину. У Ф.М. Решетникова есть рассказ «Никола Знаменский», где описан подобный случай. Возможно, один из наших предков относился к числу таких священников.

В семье Павла Стефановича и Любови Федоровны Тетюевых было 11 детей: семь сыновей и четыре дочери. Пятеро мальчиков умерло в младенчестве.

Старшим в семье был Александр (10 марта 1879 г. р.). Сначала Саша учился в начальной школе, а затем – в городском училище г. Чердыни. Местное население Чердыни брало учеников городского училища на квартиру. На квартире жило несколько мальчиков. Квартиры сдавались «со столом». Воспитанием детей хозяйки не занимались, это были простые женщины.

Однажды вечером мальчики отправились гулять и созорничали: они поменяли местами вывески на торговых лавках «Торговля мясом» и «Торговля обувью». Утром озорство обнаружилось.

Когда Саша заканчивал четвертый класс городского училища, отец Павел, будучи отцом строгим, чтобы сын не избаловался, увез его в Соликамск. Настоятель здешнего мужского Вознесенского монастыря согласился оставить Александра в монастыре. Жил он в келье монаха Хрисанфа. В монастыре Саша помогал убирать храм и келью, учился петь в хоре. Монахи научили его счетоводному делу, монастырь занимался торговлей. Вечером монах Хрисанф обучал Сашу арифметике, истории, православной религии, словесности. В возрасте 18 лет Александр сдал экстерном экзамен за учительскую семинарию, получил документ на право преподавания в начальной церковной школе. К экзамену Саше помогал подготовиться ссыльный студент.

Весь 1901 год Александр Павлович проработал в начальной школе с. Верхнее Мошево, что в 25 километрах от Соликамска. Следующий год учительствовал в с. Ныроби. В это время занимался на певческих курсах А.Д. Городцова.

Семейное религиозное воспитание, монастырская жизнь, влияние архимандрита Хрисанфа побудили Александра Павловича оставить учительство. Архимандрит Хрисанф благословил Александра стать священником. Таким же было желание отца – Павла Стефановича: сын должен стать священником.

Пришло время жениться. Две семьи – Тетюевы и Клочихины – жили в соседних селах: Кушмангорте и Анисимове. Семьи ездили друг к другу в гости. Дети хорошо знали друг друга. Клава Клочихина в 1899 г. окончила в Перми прогимназию с отличием. В тот год отме-

чалось 100-летие со дня рождения А.С. Пушкина. За успехи в учебе она получила награды: томик «Избранные произведения» А.С. Пушкина, грамоту за отличные успехи с рисунками из произведений поэта. Ей предлагали бесплатное обучение в гимназии. Но по состоянию здоровья учебу пришлось оставить. С 14-ти лет она начала учительствовать в начальной школе с. Кольчуг. Сначала работала помощницей учителя, а с 16-ти лет – учительницей с зарплатой 25 рублей.

Отцы двух семейств – Тетюев Павел Стефанович и Клочихин Александр Яковлевич – не возражали против женитьбы. Саша и Клава любили друг друга.

Свадьба состоялась в Кушмангорте. Александр Павлович и Клавдия Александровна представляли собой красивую пару. Александр – высокий, голубоглазый, с волнистыми волосами, имел хороший голос.

В 1902 году Александра рукоположили в диаконы в селе Кольчуг, в 1903 г. – в священники для служения в селе Лекмортово. Село Лекмортово – старообрядческое, богатое. Население его занималось хлебопашеством и строительством барж. Церкви в селе не было, ее начали строить только при отце Александре. Службы сначала проходили в обычном деревянном доме. Когда молодой священник приехал в Лекмортово, к нему старообрядцы не обращались, т. к. у них был свой начетчик-священник.

А в то время священник существовал только на доходы, пожертвования, поступавшие от прихожан. Обычно в Петров пост священник собирал в своем селе и в соседних селах с прихожан «Петровское»: яйца, масло, сметану, зерно. Отец Александр и его жена отказались от этого унижительного занятия. Отец Александр служил в селе только по воскресеньям, а в другие дни он работал в чердынской конторе канцеляристом. Жена его служила в Лекмортово учительницей. В 1908 году отец Александр был на курсах миссионеров на Белой горе.

Так прошло девять лет. За это время в семье родилось четверо детей. Вера и Коля умерли от дизентерии, Лена и Витя росли здоровенькими.

В Лекмортово хорошо относились к семье Тетюевых. Особенно близка к ним была семья Кузнецовых, которая занималась строительством барж. Григорий Егорович был ровесником отца Александра. Армию он отслужил в Петербурге. За свой рост и внешний вид был направлен в часть, охранявшую Зимний дворец. По возвращении из армии женился на вдове – Анне Михайловне, имевшей собственную мельницу. Дружба между отцом Александром и Григорием Егоровичем длилась всю жизнь.

В 1909 году отца Александра перевели в г. Чердынь. Отец Александр и Клавдия Александровна были рады переезду: они когда-то учились в Чердыни (отец Александр – в городском училище, жена – в женском двухклассном училище и пансионе, где преподавали ссыльные из Петербурга).

Древний город именуется в грамотах «Пермь Великая Чердынь». Свое название он получил от соединения двух слов: «чер» – приток, «дынь» – устье. Поселение возникло в устье реки, впадающей в Колву. Город расположен на семи холмах, один из них носит название «Троицкая гора». Внизу течет река Колва, склоны холма круты и неприступны. Здесь в древности стоял Кремль. Заколвинские леса видны до самого горизонта, за лесом вздыбился камень Полюд. В хорошую погоду он окрашен в синий цвет, в плохую – закрыт облаками.

На соседнем холме – колокольня Воскресенского собора. Начиная с XVIII века на холмах Чердыни построено еще пять каменных церквей. Первая каменная церковь появилась в 1704-1718 годах. (На месте деревянного храма Иоанна Богослова.) Сначала здесь располагался мужской монастырь, затем – женский.

В центре города стояли двухэтажные каменные здания, украшенные балконами с чугунными решетками. Народ приветливый, доброжелательный. Природа девственно чиста: сосновые боры, кедровые рощи богаты грибами, ягодами, дичью; вода в Колве чистая и прозрачная.

В Чердыни ранее, чем в Перми, появилось электричество, был проведен водопровод. На углах улиц построены водопроводные будки, из которых жителям за деньги отпускали воду.

Отца Александра назначили служить в Воскресенском соборе третьим священником. Первый священник обслуживал богатых прихожан, таких, как купцы Алины. Доход, получаемый храмом, распределяли следующим образом: половину дохода получал первый священник, оставшуюся половину делили поровну между вторым и третьим священниками, т. е. на долю о. Александра приходилась четвертая часть дохода. Отец Александр обслуживал население, живущее в Логах, т. е. самый бедный район Чердыни. У прихожан, особенно у одиноких стариков, часто не было денег заплатить за исповедь, соборование. И батюшка совершал эти таинства бесплатно и отпевал тоже. Поэтому встал вопрос: как материально обеспечить семью?

Купцы Чердыни торговали с Севером России. Реки Печора, Двина, Мезень и другие были богаты рыбой, в них на нерест шли нельма, семга, сиг, моксун, рыба семейства лососевых. В лесах, лесотундре севера много пушного зверя, боровой дичи. Население охотилось за куницей, соболем, лисой, белкой, песцом, енотом, россомахой.

Весной в Чердынь по «большой воде» привозили ржаную муку, бытовые железные и чугунные изделия, ружья, патроны, дробь, порох, соль, сахар, чай, вино, различную мануфактуру.

Зимой, в январе-феврале, сотни крестьян чердынского уезда, мужчины и женщины, занимались со своими лошадьми перевозить

товар купцов к далекой печорской пристани Якша, путь до которой – 250 верст. Якша – селение на берегу Печоры, где, как и в Чердыни, на берегу стояли амбары, куда складывали привезенный товар. Весной его сплавляли в низовье Печоры, где он продавался или обменивался. Зимой из Якши в Чердынь отправляли соленую и мороженую рыбу, икру, дичь, меха. Только зимой, когда замерзали болота, можно было проехать через тайгу. Для отдыха возчиков в лесу строились избы, в которых круглый год жили сторожа. К приезду обоза они топили печи. Возчики брали с собой еду в этот длинный путь, и обязательно мороженые мясные пельмени.

Из Чердыни деликатесную рыбу и икру, дичь продавали в лучшие рестораны Москвы, Петербурга, Нижнего Новгорода, а меха – за границу, например, в Китай.

Для обеспечения такой торговли нужны опытные приказчики, кладовщики, а также люди, умеющие шить тулупы, сбрую для лошадей, делать сани, телеги, бочки, катать валенки, шить шапки и многое другое.

Отец Александр взял на себя преподавание закона Божия в ремесленном училище и заведование свечным складом. Весной по «большой воде» завозили товары, в том числе для свечного склада: ладан, свечи, елей, вино для причастия и другое. Зимой за товаром приезжали священники, живущие в дальних селах, расписывались в амбарной книге за взятые предметы, а деньги платили в конторе. Иногда, когда отец Александр служил обедню или исполнял требы, товар отпускала матушка. Семья редко садилась обедать без гостей. Приезжавшие из сел священники ставили лошадь во дворце отца Александра, ночевали и только утром уезжали в свои дальние села.

Отец Александр был также духовником пожарной команды. В случае пожара в его обязанность входило качать воду. Он имел специальную одежду для выполнения этой работы.

Клавдия Александровна взяла на квартиру девочек-гимназисток, так называемых «нахлебниц», родители которых жили в дальних от Чердыни селах. Они оставляли девочек на квартирах «со столом», т. е. платили за питание и за занятия с ними. Клавдия Александровна помогала девочкам учить уроки. Она знала несколько приемов для запоминания рек, островов. Например, реки в Сибири можно заучивать как стихотворение: «Обь, Енисей, Лена, Индигирка, Колыма, Анадырь», – а острова: «Ява, Суматра, Борнео, Целебес». Решали вместе арифметические задачи. Из гимназии приходила классная дама – проверять, как живут гимназистки.

Постепенно семья Тетюевых вписалась в жизнь города.

В Чердыни был магазин, созданный интеллигенцией. Он назывался «Общество потребителей». Участие в создании магазина принимал и отец Клавдии Александровны. На первом, полуподвальном, этаже

этого здания продавали продукты, на втором – готовое платье, на третьем – мануфактуру и другие товары. Умно продуманная торговля приносила доход. В конце года подводили итог, дивиденды делили на всех членов-пайщиков общества потребителей. На проценты можно было купить товары, но только в этом же магазине. Жителям Чердыни нравилась такая форма торговли. И чердынские покупатели отдавали предпочтение этому магазину, а не лавкам купцов.

Родственники отца Александра и Клавдии Александровны жили в Чердыни, Покче, и селах, близких к Чердыни. Это тоже украшало жизнь семьи в Чердыни.

Отец Александра – Павел Стефанович – жил на пенсии в Покче. Три сестры отца Александра – Клавдия, Серафима, Юлия – окончили епархиальное училище, брат Николай – духовную семинарию в г. Перми.

Жители Чердыни любили отмечать именины. В День именин заходили знакомые с визитом. Выпивали чашку чая или рюмку водки, задерживались не более пяти минут. Хозяйка дома ждала визитеров, как правило, сидела возле самовара. Если визитер не заставал хозяйку, он оставлял визитную карточку. Вечером в доме собирались друзья и родственники. Стряпали пироги. В постные дни исключались мясные блюда. При приготовлении горячих блюд в качестве жира использовали горчичное масло и оливковое. Подсолнечное, льняное, конопляное масла добавляли к холодным закускам. Рыбу в город привозили с Печоры, а также ловили в местных реках. Рыба была самая изысканная: семга, моксун, сиги, стерлядь, судак, подавали и икру.

Именины отца Александра были 13 марта, в пост. Каждому гостю полагался кусок именинного пирога, при этом обязательно горячего. Испеченный в русской печи пирог переносили на большую деревянную доску, закрывали льняной салфеткой и ставили на печь. Таким образом, он долго оставался горячим. Накрывали большой стол с различной стряпней, на второй стол ставили графинчики с настойками, наливками, закусками. Сначала пили чай, затем мужчины по желанию подходили ко второму столу. Дамам вин не предлагали.

Детей, как правило, в гости не брали. Но если они появлялись со взрослыми на именинах, их собирали в отдельной комнате и занимали играми. Дети не слышали разговоров взрослых.

Наступил 1914 год. Возникли проблемы с сахаром, готовой одеждой. Несколько друзей отца Александра объединились, создали за городом пчельник. Огородили участок земли, купили пчел, ульи, учились ухаживать за пчелами. Был среди них специалист-пчеловод. Александр Павлович мечтал со временем купить домик и заниматься пчеловодством.

Во время первой мировой войны образовался дефицит обуви. Дамы организовали кружок, учились шить обувь. Преподавателем был сапожник. В основном обувь шили детям. Позднее это ремесло

очень пригодилось Клавдии Александровне. Он шила из старых суконных вещей «бурки», их носили в резиновых галошах. Как у настоящего сапожника, у нее были разнообразные колодки, шила. Умела делать драпву, соединять ее со щетиной.

Клавдия Александровна вязала носки и варежки детям, сама шила им одежду.

В семье дети никогда не слышали ссор между родителями, они хранили взаимное уважение. Спорные вопросы разрешали вдвоем: уходили гулять и там наедине приходили к общему решению.

Жизнь шла по заведенному порядку. Купцы занимались торговлей, в храмах шли богослужения. Отмечались все религиозные праздники, соблюдались посты. Летом, на престольный праздник – Прокопьев день – организовывался Крестный ход от часовни убиенных до центра города. Купцы на своих подворьях устраивали праздничное угощение. Ставились столы, на них выставляли пироги, пиво, брагу. Жители Чердыни и близлежащих сел ходили от одного купца к другому, угощались и сравнивали: кто лучше угощает.

Первая мировая война подорвала экономику страны. Начались волнения в России. Николай II отрекся от престола, было создано Временное правительство, а в ноябре 1917 г. провозглашена Советская власть.

Декретом Советского правительства церковь отделена от государства.

С началом Гражданской войны начались гонения на священнослужителей. В 1918 году в Чердынь пришли первые «красные», начались аресты. Отец Александр после обедни уходил в Лога к своим прихожанам. К нему хорошо относилась его паства. Дома не появлялся. Ночевал у прихожан, чаще всего у кузнеца Трушникава, потому что дома оставаться было страшно.

Красноармейцы перевезли через Колву библиотеку из Воскресенского собора, которой заведовала Клавдия Александровна, и сожгли. Две книги – произведения Некрасова и Гоголя – она успела принести домой для своих старших детей. Позже жалела, что не взяла больше книг.

К Чердыни приближались «белые». При отступлении «красные» взяли с собой заложников. Они вывели на окраину села протоиерея о. Николая Конюхова, инженера Николая Бакина, городского главу Селиванова, заставили их раздеться и облили при температуре -40 водой. Пуль на них пожалели.

В ноябре 1918 года в Чердынь пришли «белые», пробыли до июля 1919 года. Привезли в город трупы несчастных замороженных. Началась расправа над теми, кто был на стороне «красных», этим «белые» подорвали свой авторитет. Тогда же восстановили преподавание «Закона Божия» в школах, сформировали штаты духовенства в армии и на флоте. Началась мобилизация всех мужчин. Отказавшихся от службы

в армии расстреливали. Когда началось отступление «белых», отца Александра, как духовника воинской команды, они повезли с собой. В Чердыни осталась семья: жена, трое детей, ожидалось появление четвертого малыша. Отца Александра ничто не гнало из Чердыни. Но – долг и судьба!

Священнослужители боялись прихода к власти «красных». Был памятен еще 1918 год, когда зверски замучили архимандрита Андроника, епископа Феофана, архимандрита Варлаама, наставника Белогорского монастыря, монахов этого монастыря, большое количество священнослужителей Пермской епархии.

Из Чердыни с отцом Александром уезжало несколько священников. В Соликамске они сошли с парохода, жили некоторое время у Ольги Петровны Ключихиной, тещи отца Александра. Позднее многие вернулись домой. Отца Александра с парохода не выпустили.

Началась эпопея отступления «белых» в Сибирь. В Иркутске «белая» армия распалась, Колчак был расстрелян.

Первое время в Томске уральцы жили землячеством. Беженцев было много. Отец Александр, отец Дмитрий (Оболенский) – священник из Перми – с дочерьми поселились в здании гимназии. Вместе хлопотали о еде, о возвращении домой. Отца Александра, молодого и энергичного, выбрали старшим в этих хлопотах.

Отец Александр уехал на Алтай в г. Змеиногорск. Устроился работать счетоводом в местной школе. Ему понравился этот край, он хотел даже перевезти семью, но Клавдия Александровна категорически отказалась. Пришлось вернуться на Урал.

Население в большинстве своем лишилось работы. Прихожане не имели денег. Отец Александр отпевал, крестил бесплатно. Хозяин квартиры, где жила семья, поднял цену, пришлось переехать в полуподвальное помещение, за которое не нужно было платить. В этом подвале в 1923 году родилась дочь Люба. Дети – Владимир и Нина заболели дифтерией. Плохие квартирные условия ослабили здоровье детей. В трехлетнем возрасте Нина умерла, а Любу забрали дальние родственники, чтобы изолировать от больных детей. Лена и Виктор жили у хозяев квартиры, на втором этаже, учились в педтехникуме. В 1924 году их обоих, как детей священнослужителя, исключили из техникума. Помог ребятам директор педтехникума Белавин. Он пригласил к себе Лену и продиктовал ей письмо в адрес Надежды Константиновны Крупской, с просьбой восстановить в техникуме ее и других исключенных ребят. Письмо Белавин отправил из Свердловска сам, когда поехал в командировку. Из Чердыни такое письмо бы не пропустили. Ответ пришел очень скоро. Н.К. Крупская написала: «Восстановите». И дети продолжили учебу.

Чтобы зарабатывать деньги и содержать семью, отец Александр стал заниматься переплетом книг из библиотеки. Виктор помогал отцу.

Отец Александр был заботливым отцом. Пища была простая и здоровая. Маленькие дети получали молоко, молочные продукты. Взрослые члены семьи соблюдали посты. Держали корову. Отец Александр сам косил траву, метал сено в зарод, колол дрова, выращивал огурцы.

Когда с прилавков магазинов исчезли мука, крупы, сахар, выручали друзья из Лекмортова. Они привозили ржаную и гороховую муку, картошку. Начала давать молоко корова Буска. Пасти ее в церковную ограду водил Виктор, а Буска ходила за ним, как привязанная. Ели только ржаной хлеб, белый был очень дорог.

Когда семья Тетюевых переехала из подвала в лучшую квартиру, новоселье отметили булкой белого хлеба. Младшая Люба запомнила запах этого хлеба на всю жизнь, хотя ей тогда было всего два с половиной года.

Кроме материальных затруднений, тогда возникли и другие проблемы, более тяжелые. Отца Александра по ночам вызывали в ЧК на «откровенные разговоры». От него требовали доносить на прихожан. Он отказывался от такого «сотрудничества». Всякий раз в таких случаях жена шла с мужем, она оставалась на улице и ждала его с мыслью: «Выпустят или нет?», а ждать приходилось порой до утра. Закончилось это тем, что постановлением ЧК от 9 апреля 1921 г. отца Александра посадили на год в тюрьму. Сидел он в Перми, около Егошихи, в «первом номере». Выпустили его с документом: «Сидел за отказ работать в интересах ЧК». Вернувшись в Чердынь, продолжил служить в Воскресенском соборе. Впоследствии отец Александр, имея богатый опыт общения с ЧК, был очень осторожен в разговорах, из-за боязни принести неприятности людям.

К отцу Александру ОГПУ приставило осведомителя. Он подошел к нему познакомиться в храме, а потом стал приходиться домой. В семье знали о его истинных намерениях. Отец Александр, когда этот человек приходил к нему домой, нервничал, беседа не получалась. Клавдия Александровна в это время уходила на кухню. Он подсаживался беседовать к старшей дочери Лене, и тотчас же рядом оказывалась бабушка. Она объясняла внучке, что «неприлично молодой девушке одной беседовать с мужчиной». Наконец, этот человек перестал приходить.

В 1922 году в стране начался церковный раскол, появилось новое течение в религии – «обновление». «Обновленцы» предлагали патриарху Тихону отречься от патриаршества. ОГПУ поддерживало «обновленцев».

Отец Александр был «тихоновцем». Власти предлагали ему перейти в «обновленчество», на что он ответил отказом.

Воскресенский собор в Чердыни, как и многие соборы тех лет в других городах, предоставили «обновленцам». Отцу Александру запретили служить в нем. Батюшка перешел служить в храм Успения,

оставшийся в то время православным. За ним перешли все прихожане. «Обновленцы» остались без паствы.

В 1927 году в Чердынь приехал митрополит «обновленцев» М.И. Трубин. На прихожан он произвел неблагоприятное впечатление: вертлявый молодой человек. Он был одет в штатскую одежду, все время крутил в руках тросточку.

А отец Александр в проповедях доказывал прихожанам нецелесообразность обновления. Такая позиция священника стала вызовом властям. Отца Александра обвинили в том, что своими действиями он внес раскол в среду верующих, его арестовали и решением Особого совещания при коллегии ОГПУ 7 сентября 1928 года приговорили к лишению свободы сроком на один год.

Позднее стало известно, что здесь не обошлось без осведомителей. Среди них были и прихожане, например, староста собора – Николай Андреев.

Батюшка отбывал заключение в Дедюхино (сейчас это территория г. Березники). Тюрьма находилась в бывшем церковном доме. Удивительно, но... семья Павла Стефановича Тетюева когда-то жила в этом доме. Так что заключение отец Александр провел там, где прошло его детство, даже в комнате, где спал, будучи еще мальчиком. Здесь родились сестры Мария и Серафима и брат Николай.

Сидел он вместе с ворами, хулиганами, но они относились к священнику с уважением, называли его «батей». Заключенных посылали копать картошку, а на поле разрешали ее испечь. Частенько печеную картошку они складывали за рубашку, а охранники делали вид, что не замечают того, что они уходили на работу «тощие», а возвращались – «толстые». Пока отец Александр отбывал заключение, семья жила в Чердыни. Младший сын Владимир заканчивал четвертый класс, старшие дети учительствовали в селах около Перми. Все это время семье помогала церковь.

В 1929 году в город привезли раскулаченных с Кубани. Местных жителей попросили освободить часть комнат в своих домах. «Раскулаченных везли до Соликамска поездом, – рассказывали старожилы, – а дальше на подводах до Чердыни». Стояли январские морозы. Передвигались ночью, чтобы меньше привлекать внимание. Переселенцев привезли под вечер. Людей развезли по квартирам. Около 12 часов ночи Клавдия Александровна вышла за ворота и увидела на улице семью, никуда не устроенную. А в нашей квартире оставалась свободной кухня. Там и поселилась эта семья. Она состояла из старика, его жены, невестки и двух детей. Детям кулаков зимой нечего было надеть на ноги. Матушка принесла им детскую обувь, оставшуюся от нас. Старик починил ее. Переселенцев-мужчин сразу отправили на работы. Они заготавливали лес для лесосплава и строительства барраков. Не обходилось без трагедий. Кубанцы не умели валить лес, они

не понимали, куда упадет подпиленное дерево. Кричали: «Тикай!», а сами при этом попадали под падающее дерево.

Горожане доброжелательно встретили людей юга. Помогали с питанием, с одеждой. В 1929 году священник Александр Тетюев вернулся домой. В ОГПУ его предупредили: если останется в Чердыни, то будет вновь арестован. За помощью он обратился к пермскому архиерею. Епископ Хрисанф назначил отца Александра служить в Чермозе, в часовне Александра Невского.

В 1930-х годах гонения на православную церковь все больше усиливались. Преследовали не только священников, но и их жен и детей. Детям, например, разрешалось получать только начальное образование. Отец Александр, посоветовавшись с женой, решил жить отдельно. Семья разъехалась. Клавдия Александровна с детьми Виктором, Владимиром и Любой собрались в Соликамск, где в своем доме проживала бабушка – Ольга Петровна Клочихина. Ехали на пароходе, в четвертом классе. Сложили вещи на скамьи. Взяли с собой кур, корову Буску. Много хлопот доставила корова: не хотела заходить на пароход. Ее тащили, толкали три матроса, а она – ни туда, ни сюда. Наконец, за обродку взялся Виктор, и за ним Буска послушно зашла на пароход.

В Соликамске, в доме бабушки Ольги верхний этаж занимали квартиранты, они с квартиры съезжать не желали. Пришлось устраиваться на первом этаже, где была одна комната и кухня. Здесь семья прожила три года. В это же время к бабушке приехали жить и учиться в средней школе еще три внука из Покчи и два – из села Верхнее Мошево (в селах были только начальные школы). Собралось у бабушки семь внуков-подростков и внучка. Все разместились в одной комнате. Вечером все вместе, за одним столом, учили уроки, спали на кошмах на полу.

Встала проблема с питанием. Семья состояла из иждивенцев, на каждого выдавали только по 200 г муки. Хлеб бабушка пекла сама, добавляла в квашонку, кроме муки, вареный картофель. Иногда присылали продукты родные из Мошево. Летом все ходили за грибами, ягодами, выращивали овощи на огороде. Мальчики законопатили лодку, на ней ездили за родниковой водой.

Виктор преподавал физику в школе ФЗО (фабрично-заводского обучения). Владимир учился в школе. Несколько раз его исключали из школы за то, что сын священника. Но Виктор шел в горно и выручал брата, говорил, что младший брат – его иждивенец, а он – преподаватель. Мальчик продолжал учебу.

В 1925 году в Соликамск приезжал известный художник, реставратор, видный деятель культуры И.Э. Грабарь. Он дал высокую оценку памятникам архитектуры XVII века, сохранившимся в городе, в том числе церквям. Благодаря И.Э. Грабарю, здания церквей в Соликамске

не разрушили, церковные книги свезли в местный музей. Книги нужно было каталогизировать, требовался специалист.

Клавдия Александровна знала старославянский язык, она стала заниматься каталогом в краеведческом музее. В Соликамск на практику тогда приезжали студенты Московского архивного института. Клавдия Александровна помогала студентам разбирать славянские тексты. Она очень гордилась, что может консультировать студентов. Но через год директор музея по приказу горкома партии уволил ее с работы, как жену священника. Клавдия Александровна устроилась работать на курсы по ликвидации неграмотности. Преподавателям ликбеза денег не платили, но давали хлебную карточку, по которой на день полагалось 400 граммов хлеба, неработающие иждивенцы получали половину.

В Соликамске построили барачный поселок Карналлитовый. В нем жили спецпереселенцы, они работали на калийном комбинате. Желających устроиться на работу было много. Шло строительство жилья, в основном, бараков. Жилья не хватало. Около железнодорожной станции стихийно возник «жилой район», названный «Шанхай-городок». Крошечные сооружения-клетушки из горбыля, опила, дерна и других материалов служили временным пристанищем. Участились случаи воровства.

Вечерами в красных уголках бараков проходили занятия с неграмотными. Их было много, большинство – женщины. Пока родители учились читать, писать, дети бегали в коридоре. За Клавдией Александровной всегда приходил сын Владимир. Ликбезом были охвачены и заключенные. Клавдия Александровна ходила заниматься в тюрьму. Взрослые мужики занимались арифметикой, им очень нравилось при решении задач использовать дроби. Проходило несколько занятий, и состав заключенных менялся.

А отец Александр уехал в Чермоз, снял комнату «со столом» у старушки Анны Николаевны Теплоуховой. В комнате имелись кровать, стол и шкаф для книг; квартира находилась в квартале от храма. Отец Александр занял место арестованного священника отца Дмитрия Соловьева. Он был арестован и осужден на пять лет. Имущество его конфисковали. Во время отсутствия о. Дмитрия семья Соловьевых получала часть дохода от церкви. Семья была большая. Старшая девочка росла у родственников, а с женой, Евдокией Ивановной, осталось пятеро малышей. Младшая девочка – всего несколько месяцев, а самому старшему ребенку восемь лет. Жили они в бане. Пока мать работала, а работала она чернорабочей, дети оставались дома одни.

Отец Александр в Соликамск не приезжал, писем не писал. Связь с отцом священником могла плохо отразиться на судьбе сыновей. Виктора, преподавателя ФЗО, могли уволить с работы. Раз в году он посылал поздравительную открытку с Днем Ангела младшей дочери

Любе, ученице начальной школы. Из осторожности старался послать открытку не из Чермоза, а из другого города, подписывался одной буквой «П». Позднее стал приезжать раз в год к семье. Приезжал осенью, последними пароходами. Ждал вечера, домой шел огородами, чтобы никто его не видел. Клавдия Александровна с Любой летом ездили к отцу в Чермоз. Он очень скучал по семье.

Наконец, сыновья поступили в высшие учебные заведения. Виктор поступил только с третьего раза. Сначала он поступил в Пермский университет. Но проучился только два месяца, и его исключили, опять же как сына священника. Та же история повторилась в Новосибирске. Наконец, его приняли в Саратовский университет, который он и закончил.

Владимир очень серьезно относился к вступительным экзаменам. При подготовке к ним он прорешал все задачи по математике в задачаниках 8-10-х классов. Сдавал экзамены в 1936 году сразу в два института: индустриальный и горный. Поступил Владимир в Свердловский индустриальный институт.

Сыновья подрабатывали: Виктор занимался репетиторством, Владимир работал на вокзале грузчиком. Отец Александр как мог помогал семье. В Соликамск передавал деньги через старшую дочь, Елену Александровну. Она жила в Перми. После окончания вечернего пединститута преподавала биологию и химию в школе. Будучи в Перми, отец Александр останавливался у своего чердынского друга С.И. Головина. Здесь встречался с дочерью и оставлял ей деньги. Она отправляла их в Соликамск небольшими суммами, будто бы выделяя из своей зарплаты.

После возвращения отца Дмитрия из заключения, его отправили служить в Соликамск. Две семьи – Соловьевых и Тетюевых – жили на одной улице, дети учились в одной школе. Евдокия Ивановна, жена о. Дмитрия, говорила: «Что бы я делала с ребятами, если бы отец Александр материально не поддерживал нас, не выделял от церкви денег?» Из заключения отец Дмитрий вернулся с большими ногами. Он рассказывал, что работал на лесоповале, частенько приходилось стоять в болоте по колени в воде. За невыполнение нормы охранники наказывали заключенных. Провинившегося заключенного, полураздетого, с сырыми ногами, привязывали к дереву и оставляли на всю ночь в лесу на съедение комарам. Позднее отец Дмитрий совсем обезножел и в храм его возили на тележке.

Тетюевы продолжали жить у бабушки. Трудились все. На огороде выращивали овощи: хорошие сорта капусты, лука, моркови. Капустную рассаду продавали соседям. За луком-ботуном приезжали даже из Березников. Внуки беспрекословно слушались бабушку. Помогали в огороде, носили воду, кололи дрова, огребали снег. Питались все вместе.

Забегая вперед скажу: почти все дети получили высшее образование. Погибли на фронте Иван Носов, Владимир Чечулин, Василий Чечулин. Виктор Тетюев после войны работал в Пермском университете на кафедре физики, защитил диссертацию, заведовал кафедрой физики в сельхозинституте. Владимир Тетюев работал главным металлургом на заводе имени Ленина. Оба на войне получили награды. Константин Чечулин был на фронте, воевал, а затем стал священником, служил в храме в Свердловске. Александр Носов всю жизнь служил в армии. Кронид Чечулин умер от опухоли мозга.

В Соликамске заботу о семье отца Александра взял на себя Григорий Егорович Кузнецов. Всем, кто держал коров, давали покосы. На зиму для коровы нужно было запасти сено. Григорий Егорович со своими друзьями косил траву, ставил зарод. И зимой хлопотал о вывозе сена с покоса. Он приходил к Клавдии Александровне и сообщал, что пора вывозить с лугов сено. Покос находился от города в 10 километрах, и Клавдия Александровна заказывала на конном дворе лошадей. Григорий Егорович по первому санному пути сам ездил за сеном. Он огребал крышу, чинил заборы.

В июне 1937 года отца Александра в Чермозе навестила младшая дочь, 14-летняя Люба. В день Святой Троицы они ходили на кладбище. Отец Александр служил панихиды на могилах. Стоял летний, теплый день, березки на улицах Чермоза были украшены цветными ленточками. Внучки хозяйки, Анны Николаевны, ровесницы Любы, играли на улице в городки. К ним присоединилась Люба. Но Александр Павлович позвал ее домой, не объясняя, почему не разрешает играть. Показал славянский шрифт и дал читать Евангелие. Это была их последняя встреча.

Позднее, 4 августа, к отцу приехали сыновья – Виктор и Владимир. Они привезли ему штатскую одежду, уговаривали оставить службу. Рассказали, что в Перми арестовали Савву Николаевича Беклимышева, священника Никольской церкви. Но отец Александр оставить службу в церкви отказался. «Я верю, – говорил он, – что, несмотря на все гонения, православие, которое исповедует русский народ, не будет уничтожено».

Отец Александр радовался приезду сыновей. Они пробыли у него весь день. Вечером, по просьбе отца, ушли на пристань и уехали. Видимо Александр Павлович предчувствовал беду. Ночью 5 августа его арестовали.

Как бы сложилась судьба сыновей, если бы их застали у отца во время ареста? Шел страшный 1937-й год. В середине августа в Соликамск приехала жена отца Владимира (Кожевникова). Она сообщила семье Тетюевых, что их батюшка арестован.

Позднее отец Владимир служил в Богоявленской церкви в Соликамске. Он был интеллигентным, образованным человеком. В Чер-

дыни, в 1928 году, когда был арестован отец Александр, он выделял часть дохода от церкви его семье. В 1933 году сам был арестован за неуплату налога. После ареста служил в с. Орел, а 8 ноября 1937 года его снова арестовали. 14 ноября 1937 года по решению тройки Свердловской области отец Владимир был расстрелян.

Узнав, что муж арестован, Клавдия Александровна и Ольга Петровна спешно стали шить теплые вещи. Клавдия Александровна поехала в Чермоз, чтобы передать их в тюрьму. Но мужа не оказалось ни в тюрьме Чермоза, ни в Перми, ни в Березниках. Ни писем, ни записок, ни передач словесных от него не приходило.

Много лет спустя, в 1945 году, в почтовый ящик Прокуратуры СССР в Москве дочь Люба опустила письмо с просьбой сообщить родным о судьбе Александра Павловича Тетюева. Ответ пришел через 10 дней. В письме сообщалось, что он умер в 1942 году. Это был лживый ответ. Заочно отца Александра отпел отец Димитрий Соловьев в г. Соликамске.

Сегодня известно, что 27 сентября 1937 года тройка приговорила Александра Павловича Тетюева к высшей мере наказания – расстрелу. Настоящая дата его мученической гибели – 3 октября 1937 года. Приговор был исполнен в г. Свердловске.

В 90-е годы Тетюеву Александру Павловичу было возвращено честное имя, он реабилитирован.

Сталинская машина террора погубила честного, доброго, не способного на подлости, любящего Россию, православную церковь и свою семью человека.

Дети, несмотря на всяческие ограничения и затруднения, стали уважаемыми людьми, получили высшее образование. Елена, Виктор, Любовь защитили диссертации, получили доцентуру. Елена – кандидат биологических наук, Виктор – физико-математических наук, Любовь – химических наук.

Владимир имеет 60 авторских свидетельств на изобретения. Внуки – Александр и Тамара – окончили физико-математический факультет Пермского университета. Тамара – кандидат технических наук. Правнук Андрей защитил кандидатскую диссертацию. Правнук Игорь в настоящее время учится на физико-математическом факультете государственного университета.

Светлую память об Александре Павловиче Тетюеве хранят дети его, внуки и все люди, которым он сделал добро.

В 2000 году протоиерей Александр Тетюев причислен к лику православных святых.

ПОСЛЕСЛОВИЕ. В 2008 году на могилке возле храма Всех Святых Егошихинского Парка памяти был открыт новый надгробный памятник на могилке двух братьев, двух православ-

ных священников Тетюевых. Один из них – новомученик отец Александр.

Его дочь съездила на 12-й км под Екатеринбургом, на братское захоронение репрессированных, где среди тысяч других находятся останки ее самого родного человека. Привезла оттуда щепотку праха («ибо сказано: все мы вышли из праха и в прах обратимся») и подхоронила в могилу брата, отца Николая. Настоятель храма протоиерей Алексей Марченко освятил могилку.

– Для нас, родных и близких, это одно из самых дорогих мест на земле, здесь словно воссоединилась семья Тетюевых, – сказала Любовь Александровна.

О, если б все замученные встали
И рассказали правду обо всем!

Поэт Виктор Боков,
бывший политзаключенный

ВЕХИ ПАМЯТИ. ПУТЕВОДИТЕЛЬ

В этом томе Книги памяти писатель, краевед Владимир Гладышев продолжает начатый в предыдущей Книге рассказ о знакомых с детства местах Перми. Знакомых и в то же время незнакомых. Мы знаем о них очень мало или вообще ничего не знаем. С помощью путеводителя, создаваемого Владимиром Гладышевым, мы как бы заново открываем ту часть истории страны, которую тщательно скрывали от нас на протяжении десятков лет. Мы знакомимся с замечательными людьми ушедшей эпохи. Они могли бы совершить в своей жизни много прекрасных и благородных дел. Если бы у них не отобрали не только честное имя, но и саму жизнь...

Мы еще раз обращаемся к нашим коллегам, создателям районных и городских Книг памяти. Пусть каждый город и каждый район возродит реальную историю своей малой родины. Наверное, в ней найдется место успехам и победам, но не менее объемно и честно будет рассказано о мрачном средневековье 30-х годов, о периоде раскулачивания и массовом голоде, о «большом терроре» и жертвах ГУЛАГа.

ЕГО ИМЯ – ЦЕЛАЯ ЭПОХА В ИСТОРИИ ПГТУ

Бартоломей Адольф Александрович – доктор технических наук, заслуженный деятель науки и техники Российской Федерации; награжден орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, 15-ю медалями, знаками «Шахтерская слава» трех степеней; член-корреспондент Российской Академии наук (1991).

Родился 4 июня 1934 года в городе Марксе Саратовской области. На Урале оказался не по своей воле: семья была выслана в начале Великой Отечественной войны, тысячи честных немцев тогда стали «трудармейцами». Трудовую деятельность начал в 1951 году электрослесарем на шахте Углеуральска Пермской области. В 1960 году с отличием окончил строительный факультет Пермского политехнического института.

Вся дальнейшая трудовая деятельность А.А. Бартоломея связана с работой в этом вузе. Он создал и возглавлял кафедру оснований, фундаментов и мостов и известную в стране и за рубежом научную школу по механике грунтов и фундаментостроению. С 1982 по 1999 год был ректором этого вуза.

Пришедший ему на смену новый ректор ПГТУ Василий Петров так оценивает роль А.А. Бартоломея в истории вуза:

– Имя Адольфа Александровича Бартоломея для нашего университета – это целая эпоха. Это был выдающийся ученый, который создал и успешно развивал научную школу по механике грунтов и фундаментов. При Бартоломее было очень много сделано не только в плане развития научной базы. В непростые для страны годы, в начале 90-х, на комплексе ППИ за Камой были построены учебные корпуса, жилые дома, детский комбинат, лицей начальных классов и другие объекты социального значения. Это дало возможность сохранить научные кадры, привлечь молодых ученых. При нем вуз стал одним из ведущих в стране. Он был человеком неиссякаемого трудолюбия, многогранной творческой личностью, простым, открытым, доброжелательным, что снискало огромное уважение и признательность коллег.

За 40 лет работы в институте-университете А.А. Бартоломей принял участие в подготовке более восьми тысяч инженеров-строителей различных специальностей, подготовил 15 докторов и 43 кандидата

наук. Им опубликовано свыше 400 работ, в том числе 43 монографии, учебники и учебные пособия.

Адолф Александрович был депутатом Пермского городского Совета народных депутатов, членом Президиума Пермского научного центра Уральского отделения Российской академии наук.

Имя замечательного ученого и ректора увековечено в названии одной из улиц студенческого комплекса.

МИКРОБИОЛОГ ВЛАДИМИР ЗДРАВΟΣМЫСЛОВ

21 января 1931 года Владимир Михайлович Здравосмыслов был арестован как «вредитель» и «антисоветчик». В деле, заведенном на профессора, читаем: род. в 1869 г., директор Пермского санитарно-биологического института, беспартийный. Вместе с девятью своими коллегами проходил по делу «Микробиологи», решением коллегии ОГПУ от 5 января 1932 года был осужден по ст. 58 п. 7 к трем годам ссылки.

После освобождения ученый нормально работать на Родине уже не мог. В годы Великой Отечественной войны он жил в Ростове-на-Дону. Воспользовавшись предложением зарубежных коллег, выехал из страны. Произошло это в 1943 году, а в 1944 году он умер. Его вдова Милица Григорьевна Здравосмыслова (дочь пермского городского головы Юрьевского) после жила в Париже, скончалась в 1984 году, похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

В конце 2010 года было возвращено родное имя улице Большевицской – теперь она снова Екатерининская. Пришла пора вспомнить добрым словом, вернуть доброе имя и одному из замечательных пермяков, который жил и работал на этой улице. Восемьдесят лет назад из истории советской науки было навсегда вычеркнуто имя профессора основателя первой в Перми бактериологической лаборатории Владимира Здравосмыслова. Время показало: ученого «выбросили» из медицины советской, но не мировой, и не навсегда, как казалось тогдашним правителям страны. Время все расставило по своим местам...

Studio et labori

В справочных книгах «Вся Пермь», выпущенных до 1917 года, фамилия Владимира Михайловича Здравосмыслова упоминается не-

сколько раз, что указывает на его видное положение в обществе. Он возглавлял губернскую бактериологическую лабораторию, созданную 15 мая 1898 года. Одно время Владимир Михайлович и жил в том же здании лаборатории, расположенном на углу улиц Екатерининская и Кунгурской (ныне Комсомольский пр.). Кроме того, он входил в общество вспомоществования учащимся мужской гимназии, а это верный признак солидного положения и материального благосостояния.

Здравосмыслов по праву считался одним из самых талантливых русских ученых, последователей французского врача Луи Пастера, основателя современной микробиологии и иммунологии. Первый директор Пермской баклаборатории стажировался в Пастеровском институте в Париже, было это уже после смерти Пастера, Почетного члена Петербургской Академии наук (он скончался в 1895 году). Собственно, свое научное учреждение Здравосмыслов и создавал для выпуска так называемой пастеровской вакцины, осваивал этот способ уничтожения микробов Владимир Михайлович в тандеме с лаборанткой М.В. Фирюковой (в советское время она была удостоена за эти работы Государственной премии).

Уже в 1900 году в лаборатории была изготовлена – впервые на Урале – противодифтерийная сыворотка (авторы В.М. Здравосмыслов и Л.М. Мартынов), а через два года начато производство противодифтерийной и противоскарлатинозной сыворотки. Эти успехи трудно было не заметить, и с 1912 года лаборатория уже называется Бактериологическим институтом. Молодой пермский коллектив был удостоен Почетного отзыва гигиенической выставки в Дрездене и Почетного диплома подобной выставки в России – «за научные достижения в разработке важнейших бактериальных и вирусных препаратов».

Сам Владимир Михайлович на один из своих юбилеев (который этот ученый без подсказки других никогда бы не заметил) получил красивый адрес «От сослуживцев». Нарисовано поздравление лучшим пермским художником выпускником Академии художеств Алексеем Зелениным. На адресе помещены портреты Луи Пастера и его сподвижников, а также все три здания в Перми, в которых размещался институт, и... все подопытные животные, которые помогали ученым вырабатывать вакцины: обезьянка, собака, кролики, мыши и крысы. Над гербом Пермской губернии – гордый девиз по-латыни, понятный без перевода: «*Studio et labori*».

Можно представить, как был растроган такими знаками внимания чудаковатый ученый, привыкший сутками сидеть за опытами в своей башне из слоновой кости.

Профессор, я вас люблю!

А представить, каким же был на самом деле этот человек, нам помогут воспоминания ветерана Бакинститута Ларисы Николаевны Шишкиной, с которой мне удалось побеседовать.

– Я с Владимиром Михайловичем работала в далекой юности несколько лет, – рассказывала Лариса Николаевна. – Помню, как сейчас, этого высокого худощавого человека со странностями, как о таких говорят. Он выделялся, конечно. Летом ходил в калошах, обутых на ботинки, всегда шарф на шее... Здравосмыслов был не только глубокий ученый-исследователь, но и очень хороший педагог. Его ученики-последователи позже стали ведущими специалистами, внесли заметный вклад в науку, прежде всего это Елена Ивановна Карнаухова, Константин Иванович Костромин.

Как раз от Карнауховой я знаю историю женитьбы нашего директора. Владимир Михайлович был холост, и вдруг в профессора влюбляется студентка! Тогда он жил в доме на усадьбе нынешней психиатрической больницы. Однажды сидит наш Владимир Михайлович у окна – и вдруг перед ним возникает фигура юной девы с букетом белой сирени, со словами: «Профессор, я вас люблю!». Ну, как тут ему устоять?!

Потом они перевелись в Свердловск, но там не задержались и на полгода... Последний раз я видела профессора на научной конференции микробиологов в Москве. Посидели в вестибюле, повспоминали пермскую жизнь. Он был одет в хорошо выглаженную белую сорочку (женский уход чувствовался), на голове – шапочка академика.

А потом до нас доходили только слухи, один страшнее другого. Сказали, что он изменил Родине, что его арестовали... Говорить на эту тему мы уже боялись. После ухода Здравосмыслова его научным направлением заведовала Анна Михайловна Глебова, а после директором Института эпидемиологии и микробиологии Наркомздрава РСФСР – такой статус обрел бакинститут – стал Герман Павлович Розенгольц, впоследствии также репрессированный.

(О Г.П. Розенгольце см. в предыдущем томе Книги памяти «Годы террора»).

Приступ бешенства

Если вернуться к началу славных дел будущего академика, то «боевым крещением» губернской лаборатории стало проведение первых прививок против бешенства. В том, что для Перми это была актуальная проблема, подтверждают газеты предреволюционных лет. То и дело появлялись заметки об укусах и даже смертях от бешеных бродячих собак. Читаем, к примеру, такое предупреждение Бакинститута и городской управы:

«...В городе за последнее время наблюдается усиленное заболевание собак бешенством. Во избежание распространения этой болезни до размеров эпизоотии и возможного укуса бешеными собаками жителей Перми ввиду серьезного положения городская управа решила прибегнуть к ловле и уничтожению бродячих собак».

Городская управа также настоятельно рекомендовала гражданам держать собак, особенно цепных, в намордниках. Публиковались и письма жителей, ставших жертвами нападений собак. Одна гражданка просит хозяйку собаки откликнуться, «дабы справиться о здоровье собаки». Но, конечно, такие меры и наставления были «мертвому припарка», если укус действительно был от бешеной собаки. И тут могла помочь только квалифицированная помощь коллектива института имени В.М. Здрaвосмыслова. Этой чести – присвоения имени институту – профессор был удостоен в начале 1920-х.

Но наступил черный день... В 1931 году Большой президиум Пермского горсовета рассмотрел вопрос «О снятии имени Здрaвосмыслова с бактериологического института». Докладчик сделал акцент на том, что Здрaвосмыслов «является контрреволюционером и вредителем»... После этого началась бешеная атака на все, что было связано с добрым именем профессора.

«Невозвращенца» и «отщепенца» приговорили к глухому забытию. На пути естественного научного процесса, взаимообмена знаниями в открытом мире надолго были поставлены высокие идеологические барьеры, отгородившие советских ученых, затормозившие их работу.

Детище Здрaвосмыслова – бакинститут, ныне НПО «Биомед», – продолжает успешно работать, двигая вперед науку буквально через тернии к звездам. Одним из самых заметных, то есть полезных открытий стала разработка оригинальной технологии приготовления сыпнотифозной вакцины, авторы Алексей Пшеничнов и Борис Райхер за это были удостоены Госпремии. Массовое производство вакцины организовала наша знакомая Лариса Шишкина, которая отдала институту почти полвека. Причем провели эту работу ученые в годы Великой Отечественной войны! Самоотверженный научный поиск – традиция, заложенная основателем Владимиром Здрaвосмысловым, жива и по сей день.

ЗАЛОЖНИЦА МУЖА ИЛИ ДВА ПРОКЛЯТИЯ

В октябре 2010 года в Перми появился семейный мемориал двух известных родов. Под оружейный салют были открыты памятники, на которых начертаны фамилии Стрoльман и Каппель. «Бывшие, бывшие...» – это о таких, как они, сейчас рассказывают на конференциях, о таких поет Александр Малинин. Пусть и в символической форме, но воссоединение семьи, разбитой в период гражданской войны, состоялось. Историческая справедливость восторжествовала?

Тайное венчание

Один из памятников открыт на могиле горного начальника Пермских пушечных заводов действительного статского советника Сергея Стрельмана. Он ушел из жизни в 1937 году, а в 1960 году рядом с отцом была похоронена его дочь Ольга Сергеевна. Со временем могилки их были забыты, теперь же времени беспамятства положен конец. О чем говорит и то, что впервые на памятнике Ольги Стрельман появилась фамилия, которую боялись произносить: «Жена генерала В.О. Каппеля»...

...Их роман вспыхнул, как солома, и развивался бурно, стремительно, страстно-преступно. Как будто вернулись гусарские времена из романтического 19-го века. Молодой поручик уланского полка, расквартированного в Перми, увидел на балу в Благородном собрании юную красавицу, выпускницу Мариинской гимназии. Слово за словом, танец за танцем – и они влюбились друг в друга без памяти. Владимира Каппеля не назовешь

*Генерал-лейтенант
В.О. Каппель.*

писаным красавцем, но было в нем нечто неотразимое, влекущее. Блестящий улан, галантный, остроумный – что еще надо для юной девы? Оленька, большеглазая, круглолицая, свежая, как бутон розы, признавалась потом, что она оказалась под обаянием серо-голубых глаз своего партнера по вальсам и полькам. Ей вспомнились стихи Ахматовой о «сероглазом короле»... Да, так получилось, в тот вечер, что танец за танцем она отдавала Владимиру, своему «сероглазому королю». Шел 1908 год...

*Ольга, его муза: после учебы в гимназии –
и после лагерей.*

Вскоре после губернского бала Владимир Каппель пришел знакомиться с родителями Оленьки и... попросил руки их дочери. С места в карьер! И наткнулся на неожиданный отказ. Отец Ольги, действительный статский советник, опасался этого внезапного союза, ему было еще совсем

непонятно, выйдет ли толк из 25-летнего офицера, надежный ли он человек. Но отказ только распалил желание незадачливого жениха. Характер Каппеля проявился уже в те годы. Он решил похитить свою возлюбленную и тайно обвенчаться. Ольга согласилась на бегство. Похищение удалось при помощи сослуживца Владимира, а обвенчались беглецы в сельском храме недалеко от губернской столицы.

Много месяцев влюбленная парочка жила в тревожном и счастливом состоянии: они вместе, сбылось их желание, но... что-то будет?! У оленькиного отца-генерала такие связи, он может разлучить их! Однако Сергей Алексеевич Стрельман не стал вмешиваться в их жизнь. Оскорбленный до глубины души непослушанием родного чада, он проклял ее, словно закаменел, забыл о дочери. Обе стороны горевали порознь. В феврале 1909 года 17-й Новомиргородский уланский полк был переведен из Перми.

Родительское прощение и благословение молодые получили только тогда, когда Владимир Каппель поступил в Академию генерального штаба. Только тогда, в 1909 году, он получил столь желанное звание зятя. Но еще за год до поступления в его аттестации появятся такие характеристики:

«...В служебном отношении обер-офицер очень хорошо подготовлен. Нравственности очень хорошей, отличный семьянин. Любим товарищами, пользуется среди них авторитетом. Развит и очень способен. Имеет большую способность вселять в людей дух энергии и охоту к службе. Обладает вполне хорошим здоровьем, все трудности походной жизни переносить может...» .

И еще одно качество, для карьеры немаловажное: отмечалось, что этот обер-офицер азартным играм и употреблению спиртных напитков не подвержен. В общем, характер нордический, стойкий.

Настоящей школой мужества стала для Каппеля первая мировая война. Ряд боевых наград, блестящий послужной список говорят о том, что испытание это будущий полководец выдержал с честью. Его семья все эти годы жила в Петрограде, Ольга несколько раз приезжала к мужу в действующую армию. А после февральской революции 1917 года уехала с родителями в родную Пермь. Она ждала ребенка...

На распутье

Отречение Романовых, сначала Николая – в пользу брата Михаила, а затем и Михаила – до созыва Учредительного собрания – Владимир Оскарович пережил тяжело, ему было непросто отказаться от своих монархических убеждений. После того, как фронт окончательно развалился, подполковник Каппель приехал в Пермь, к семье. Он находился в полнейшей растерянности. Новой власти позарез нужны были военспецы. Большевики объявили, что всем офицерам нужно

зарегистрироваться, пришлось и Каппелю встать на учет в Управлении по комсоставу Генерального штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В анкете он указал, что желал бы служить в одном из трех округов, Приволжском, Приуральском или Ярославском. Ему предложили должность в штабе Приволжского округа в Самаре, было это в начале мая 1918-го... Каппель выехал в Самару, но, встретившись там со своими бывшими сослуживцами, проанализировав ситуацию, от назначения отказался – по идейным убеждениям.

Пройдет еще несколько месяцев – и Владимир Оскарович «созреет», дойдет до точки кипения. Когда возникнет необходимость возглавить формирующиеся части Народной армии Комуч (Комитета за созыв Учредительного собрания, разогнанного большевиками), этот молчаливый, еще никому не известный офицер, одетый, как и все со товарищи, в шинель с темными пятнами от срезанных погон, вызовется командовать сам. И начнет воевать так, что вскоре за его голову, после взятия Симбирска, назначат награду в 50 000 рублей. А после захвата Казани, с золотым запасом бывшей империи, Каппель станет одной из главных мишеней для вождей Красной Армии. И – «врагом народа» на все советские времена.

Проклятие нависнет дамочным мечом и над всеми его родственниками.

«Связи с загробным миром не имею...»

Первый раз Ольгу Каппель, устроившуюся работать машинисткой, арестуют в 1919 году в Москве, в Бутырке. Ей прямо сказали, что репрессирована она из-за мужа, что ее жизнь зависит от того, сдастся ли в плен ее муж. Иначе – расстрел. Потомки Стрельманов предполагают, что участь заложницы была решена только после вмешательства высокого чекистского начальства, чуть ли самого Менжинского, заместителя Дзержинского, который предложил работу в Наркомфине. На самом деле Ольге Каппель помог... сам Владимир Каппель, своей смертью, которая последовала в январе 1920 года во время знаменитого «ледяного похода». Но чтобы выйти на свободу, от нее потребовали оформить заочно развод и взять фамилию отца. Она пошла на это, при этом думала она не о себе – о детях. Работала в Москве машинисткой, и только после окончания гражданской войны ей разрешили вернуться в Пермь.

Родство приходилось скрывать, да и только ли им?! Из сложной и очень типичной для тех времен ситуации сын генерала Кирилл, оставшийся на фамилии деда, выпутался так, как напуганная его мать. Он будет рассказывать, что мать вскоре после его рождения развелась с мужем. Но на развод мать согласилась уже в Москве, в чекистских застенках.

Второй раз она была арестована 29 декабря 1937 года в Перми, и обвинение ей предъявили уже как... японской шпионке. Это была уже месть огромной страны – маленькой женщине, матери двух детей. Бывшей жене ненавистного Каппеля, которая никогда, ни на минуту не станет для режима простой машинисткой. Как «несомненно социально-опасный элемент» (СОЭ) Каппель-Строльман О.С. получит пять лет исправительно-трудовых лагерей. Придет час долгожданной реабилитации, и в 1954 году Ольга Сергеевна расскажет в заявлении на имя прокурора Молотовской области, как из нее чекисты выбили-выжали признание ее «виновности»...

Первый допрос ей устроили в день ареста, в 12 ночи. Следователь называл фамилии незнакомых ей людей, настойчиво предлагая ей признать свое сотрудничество с ними. Но Ольга Сергеевна все отрицала, и тогда только ей предъявили ордер на арест. Увели в тюремный коридор, где сидело много арестованных, мужчин и женщин. В этом коридоре она провела восемь суток без сна, причем охранники бдительно следили за тем, чтобы арестанты не закрывала глаза. Таково было распоряжение начальника НКВД. Почти каждую ночь ее вызывали на допросы.

Следователь предложил ей подписать заранее напечатанный протокол, согласно которому она передавала секретные материалы резиденту японской разведки Прозину. Однако даты элементарно не сходились: на самом деле машинистка Ольга Строльман уволилась с завода в сентябре 1933 года по собственному желанию, и контактировать на работе с «резидентом» просто не могла.

Когда арестованная указала следователю на это несоответствие, тот заявил: «Это неважно, вам за это ничего не будет, а протокол вы должны подписать, так как это поможет нам раскрыть крупный заговор, иначе мы будем вас считать антисоветским человеком».

На эту удочку она не клюнула, и тогда на следующих допросах в ход пошли уже угрозы и шантаж. Следователь сказал Ольге, что арестует ее детей и престарелую мать. «От бессонных ночей, ночных допросов, угроз и страха за семью, детей я подписала протокол, будучи уже в каком-то неменяемом состоянии», – написала Ольга Сергеевна.

После этого ее отправили в тюрьму № 1 (в Разгуляе), где провела она два года три месяца. В эту «отсидку» ее также вызывали на допрос, но протоколы писали уже от руки и со слов заключенной. Обвинения в сотрудничестве с японской разведкой уже не выдвигались. Значит, оставался один «грех» – родство с белогвардейцем. Только за это она получила новый срок и была отправлена отбывать его в Усольлаг. Причем чекист, вручивший ей приговор, сказал ей, что от того, подпишет она бумагу или нет, результат будет один и тот же, то есть приговор все равно будет приведен в исполнение.

Продлили срок так. «...В конце марта 1940 года ночью мне был объявлен приговор о том, что по постановлению особого совещания я

приговорена к 5 годам заключения как СОЭ – за связь с моим бывшим мужем Каппель, с которым я разошлась и носила фамилию Стрельман. Бывший мой муж Каппель умер в 1920 г., как мне было официально сообщено ВЧК в Москве. Прочитав такой приговор, я сказала, что связи с загробным миром не имею»...

В марте 1942 года Ольге Стрельман был объявлен новый приговор: она была оставлена в заключении до окончания войны. Освобождается в 1944 году. Дочь горного начальника осталась жива, несмотря ни на что. А вот брат ее Константин Сергеевич, инженер путей сообщения, был расстрелян в 1937 году как «враг народа».

Отца своего дети Каппеля не видели с тех пор, как началась гражданская война. Дочь генерала, Татьяна Владимировна Стрельман, ушедшая из жизни в 2000 году, оставила воспоминания (записаны историком Е.Д. Харитоновой, успевшей встретиться с нею):

– В 17-м, когда мать должна была рожать, она поехала к родным, в Петроград. Дверь открыла бабушка: «Оленька, а у нас ведь революция!» В Петрограде оставаться было небезопасно. Как раз в это время дядя Костя, служивший на станции Пермь II начальником службы движения, приглашает нас на свадьбу. Он женится на дочери присяжного поверенного и страшно счастлив. Сдав в аренду квартиру на Кировой, мы решили покинуть Петроград. Бабушка заказала пять сундуков, куда влезли все наши пожитки: белье, одежда, машина «Зингер» и пр. Деньги за сданное серебро помогли нам добраться до Перми, где было еще тихо и спокойно в сравнении с Петроградом. Дядя жил с родственниками жены в одноэтажном доме с резными наличниками на углу нынешних улиц Кирова и Комсомольского проспекта, где и отвели нам большую комнату. Позже мы сняли квартиру в доме Алферова на Торговой (Советской), а затем переехали к знакомой бабушки – Обуховой.

– Бедная моя мамочка! Сколько ей пришлось пережить... – вспоминает дочь. – Упокой, Господи, душу...

Под оружейный салют

Прах генерала Владимира Каппеля был перезахоронен в 2007 году на Донском кладбище в Москве, рядом с другими «бывшими» – философом Ильиным и генералом Деникиным. Нашими соотечественниками, русскими гражданами. Пусть и с большим запозданием, пусть и в символической форме, но воссоединение семьи, насильственно разлученной при жизни, все-таки состоялось и на пермской земле...

Воинские почести, почетный караул и оружейный салют в честь знатных земляков были вполне заслуженные. Сын Каппеля, Кирилл, был участником Великой Отечественной войны. «Военная косточка», что называется, неисповедимыми путями проступала в биографиях и командовала поступками и жизненными правилами нескольких поколений славного рода.

ПОЧЕРК С НАКЛОНОМ ВЛЕВО

А ведь еще совсем недавно о репрессированном секретаре пермского комсомола Александре Кобелеве почти ничего невозможно было найти — ни в архивах, ни у бывших товарищей по комсомолу. Образца почерка Кобелева не оказалось даже у родных (в Перми жил его сын, в Свердловске — сын и дочь, которые практически не знали своего отца, расстрелянного в январе 38-го). Первый раз я увидел строчки, написанные рукой Кобелева, в архивном деле КГБ...

У него был необычный почерк, убористый, четкий, с резким наклоном влево, а не вправо, как у большинства людей. Такой почерк, говорят графологи, свидетельствует о своеобразии натуры, об упрямстве и упорном характере. Этим упрямым почерком были написаны... показания на самого себя.

Обвинялся Кобелев Александр Николаевич, бывший секретарь Пермского горкома ВЛКСМ, в том, что был знаком с «врагами народа» и «шпионами иностранных разведок» из Коммунистического Интернационала молодежи; признавался, что был вовлечен бывшим секретарем Свердловского обкома ВЛКСМ К. Ковалевым в «контрреволюционную террористическую организацию».

Не сразу, спустя полтора месяца после допросов с пристрастием, он «признался», что и сам участвовал в этой организации, вел разговоры о смещении товарища Сталина, пропагандировал взгляды «правых отщепенцев» Бухарина, Рыкова. Имел и общее задание — «ослаблять пермский комсомол». Известно, как «выбивались» такие показания. Шито белыми нитками и все «комсомольское дело» о «косаревской банде» и т. д.

Нам важно понять, насколько сильны были сомнения комсомольского вожака в правильности сталинского курса, какой выход имели эти колебания и подозрения, переходившие порой в прозрения. Ведь и сам Александр Кобелев писал о «счастье жить в сталинскую эпоху» и ему приходилось ставить перед комсомолией Перми задачи по борьбе с «врагами народа».

О нем можно сказать: продукт своего времени. Понять суть клубка противоречивой жизни комсомольского организатора тех лет нам помогут новые данные о его судьбе. Ведь как только появились о Кобелеве первые публикации — пошли письма. И встречи самые поразительные, немыслимые ранее.

Таким был Александр Кобелев в дни комсомольской юности (фото из семейного архива В. А. Кобелева).

Например, удалось найти племянницу А. Кобелева. Лидия Михайловна Попкова жила одно время по соседству со старшим сыном Кобелева – Валерием Александровичем. Жили рядом – и не подо-зревали об этом, ведь последний раз они виделись более полувека назад, когда Валерию было лет пять-шесть. А потом их жизнь разбросала по разным местам.

– Мне было 15 лет, когда арестовали дядю, – рассказывала Лидия Михайловна при встрече. – Я жила в их семье еще за неделю до ареста. Как я в семье их оказалась? Голодно было жить в деревне. Я и написала в Пермь: плохо, мол, живем. Дядя Шура тогда и сказал: «Пусть Лида приезжает к нам».

Она многое помнит, племянница секретаря. Помнит, как бабушка говорила сначала, что ее сын будто бы осужден за шпионаж, за то, что работал с немцами. Потом им сообщили, что умер Кобелев в заключении, в Новосибирске (существовал перечень болезней, всего 47, от которых якобы умирали узники и ссыльные)... Сына своего Лидия Михайловна назвала Александром.

«С великой радостью и с болью великой прочитала я о Саше Кобелеве, – написала Мария Николаевна Бабинцева.– Мы с ним работали в горкоме комсомола. Это был честный и очень целеустремленный человек... Теперь надо восстановить справедливость и в отношении тех, кто оклеветал Александра Кобелева. Я знаю, что донос на него писала С-на, тогда тоже работавшая в комсомоле. Фотография этой «соратницы», отличницы учебы висит на стенде музея... Нельзя это так оставить, несправедливо...».

...Еще письмо, на этот раз из Свердловска, города, где 13 января 1938 года оборвалась жизнь Александра Кобелева. Младший его сын Э.А. Кобелев сообщает, что места захоронения отца по-прежнему не удается найти, но фамилия А.Н. Кобелева занесена в мемориальный памятник, созданный в Свердловске-Екатеринбурге на 12-м километре Московского шоссе.

В начале девяностых встретились все его пермские родственники, чтобы посетить последнее место в Перми, где содержался Александр Кобелев. После ареста в июле 37-го его поместили во внутреннюю тюрьму НКВД, размещавшуюся тогда на ул. Кирова (ныне – здание администрации Ленинского района). Мрачное зрелище предстало перед нашими глазами. В те страшные годы подвал был набит арестованными, как бочка сельдью. Дышать было нечем. Об этом рассказывала мать Александра, добившаяся единственного свидания с сыном.

В тусклом свете лампочки пытаюсь разглядеть, может, остались на стенах какие-то надписи. Какое там – все закрашено, зацарапано. Обратили внимание на особое отделение, зарешеченное, находится в котором можно было только сидя. Для зверя, собаки? Или для наиболее беспокойного арестанта?

Выбрались после «экскурсии» на свет божий. Стоим, молчим, приходим в себя. Валерий Александрович идти не может – сердце... Вскоре после этого Кобелев-младший скончался.

Всех нас тогда покорило намерение чиновников-хозяев помещения приспособить подвалы под столовую. И в самом деле, столовая действовала в этом подвале много лет. Неизвестно, что чувствовали те, кто приходил сюда обедать...

Валерий Александрович вспоминал, что в последней их квартире, в Доме чекистов, в кабинете отца он видел длиннополую шинель, островерхий шлем, буденовку, бинокль и кобуру. Конечно, был у него и значок «Ворошиловский стрелок». Спрашивается, зачем Саше было хранить шинель, буденовку – ему, не воевавшему в гражданскую (год рождения 1908)?

Секретарь был романтиком и идеалистом. И кобура, найденная у него в платяном шкафу, была пуста...

ПОСЛЕДНИЙ ДОЛГ

Родственники Петра Константиновича Премудрова, погибшего в 1938 году, поклонились праху отца и деда

В 1937–1938 годах были арестованы почти все директора, технические специалисты промышленных предприятий Прикамья: И.И. Преображенский (завод им. Сталина), И.И. Петрашко (завод им. Дзержинского), П.К. Премудров (завод им. Молотова), И.И. Побережский (директор Пермского моторостроительного завода).

Казалось бы, биография Петра Константиновича Премудрова по тем временам просто безукоризненна: из рабочих, член партии с 1912 года, в 1920-е годы – директор нижегородского завода «Красная Этна» (где его помнят до сих пор – ред.), закончил Промышленную академию, с 1930 года – директор завода № 172 им. Молотова.

Премудров поставил вопрос о реконструкции старого завода. Работы развернулись в 1931–1935 годы. Возводятся новые цеха, создается техническая база. Он умел видеть суть проблем, умел нацеливать людей на решение любой, даже самой сложной задачи. На одном из оперативных совещаний Пётр Константинович говорил: «Тридцать первый год стал переломным. Мы заложили фундамент в технологии и планировании, нащупали путь к укреплению экономики, снижению себестоимости продукции. Сумели перестроить и организационную структуру...».

*1920-е годы.
Петр Константинович –
рабочий директор завода
«Красная Этна»
в Нижнем Новгороде.*

Одновременно Премудров был начальником «Молотовстройа», что позволило ему успешно решать социальные, жилищные и культурные вопросы жителей Мотовилихи. За годы его работы на заводе открыта первая на Урале детская техническая станция, построены здания лечебницы, поликлиники, гостиницы, появились кинотеатры, клубы, музыкальный техникум.

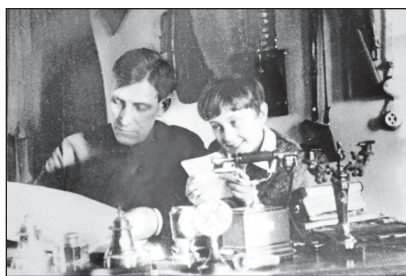
Но недостаток финансирования, перебои в снабжении основными материалами не давали возможность развернуться в полную мощь. В 1937 году в местной печати стали появляться материалы о подрывной деятельности Премудрова. По тем временам это означало одно – арест.

В январе в связи с делом «параллельного антисоветского троцкистского центра» на заводе прошло партсобрание. Кроме требования расстрелять вредителей, было выражено недоверие директору. В процессе обсуждения предложили исключить Премудрова из ВКП(б). Для него, всю жизнь отдавшего партии, это было большим ударом. Тогда же за проведение «шпионской и подрывной работы на заводе» были исключены из партии и сняты с должностей: зам. директора А.И. Залекман, зам. главного инженера П.Н. Аликин, начальник отдела снабжения А.И. Крюков, начальник отдела капитального строительства П.А. Фетисов, главный металлург Н.Н. Николаев.

Директора обвинили в том, что он «проводил явно преступную политику, не имеющую ничего общего с заданиями партии и правительства...». В августе он был арестован. Ему, в частности, вменили то, что «план военных заказов систематически не выполнялся на 40-60%, носило выполнение плана товаров широкого потребления», он также «задерживал реконструкцию завода, замораживал строительство жилья для рабочих и допускал простой оборудования».

Военная коллегия Верховного Суда СССР («тройка») 13 января 1938 года приговорила П.К. Премудрова к высшей мере наказания – расстрелу.

После смерти Сталина, в 1956 году, Пётр Константинович был реабилитирован. В память о директоре Премудрове у заводской проходной установлена мемориальная доска.

1933, 1935 годы. Директор Премудров сфотографировался вместе с любимой дочерью Майей в своем служебном кабинете.

Два года назад в Пермь приехала дочь Петра Константиновича Майя Петровна Загудаева и его внучки Светлана Александровна Каменская и Наталия Александровна Янилкина. Они встретились с членами общества «Мемориал», посетили места, где работал и жил их отец и дед. Постояли у мемориальной доски, совершили экскурсию по заводскому музею, где есть стенд, посвящённый репрессированным заводчанам.

– Мы знали, что в 1956 году отец был реабилитирован, – рассказывает Майя Петровна. – Часто ездили в Нижний Новгород к мемориальной доске у завода «Этна», где отец был первым рабочим директором. В Нижнем Новгороде есть улица, названная в его честь. Позже появилось желание пойти дальше по следам отца. О Перми мы узнали из беседы с бывшим пермяком –

Анатолием Серафимовичем Баглаем. Он и рассказал нам о Мотовилихинских заводах, где работал директором отец, о мемориальной доске у заводской проходной. Далее возник вопрос: «Где похоронен Пётр Константинович?». Написали письмо в «Мемориал», в Пермскую прокуратуру, и нам дали ответ. И вот мы приехали – сначала в Пермь, а конечная цель нашей поездки – Свердловская область, 12-й километр от Екатеринбурга. Там построен Мемориальный комплекс в память о более 18 тысячах уральцев, расстрелянных здесь в 1937-1938 годах. Более 7 тысяч из них – пермяки.

Майя Петровна и ее дочери побывали на 12-м километре. Они отдали последний долг отцу, чьи останки покоятся на мемориальном кладбище, поклонились всем невинно погибшим в годы сталинского террора.

Октябрь 2008 года. Дочь Петра Константиновича Майя Петровна Загудаева и его внучки Светлана Александровна Каменская и Наталия Александровна Янилкина у мемориальной доски, установленной в память об их отце и дед.

Я – ИЗ ОРДЕНА ДЕРЗО-ПОЭТОВ...

Пермский писатель и журналист Владимир Михайлюк разработал проект изданий наших земляков, творения которых практически неизвестны читателям. В этом ряду названо и имя забытого и обойденного молчанием поэта Василия Павловича Федорова. Его небольшая книжечка называется «Мумии», издавалась она еще в 1921 году.

Судьба автора «Мумий» трагична. Василий Федоров (не путать с его тезкой, известным советским поэтом) родился в Перми 25 августа 1883 года. Оборвалась жизнь поэта 15 декабря 1942 года в Унжинском исправительно-трудовом лагере НКВД.

Выходец из дворян, Василий Павлович окончил Казанский университет. Зная несколько языков, с увлечением читал зарубежных поэтов на английском, немецком, французском и рано начал переводить. Его любимым автором был бельгийский поэт Эмиль Верхарн. В 1922 году в Госиздате в переводе Василия Федорова выходят две книги: Э. Верхарн «Черные факелы» и Э. Верхарн «Стихи». Через год в печати появляется еще одна книга: Эдгар По «Поэмы и стихотворения» в переводах Федорова. В периодической печати появляются его переводы из Гете.

Как поэт формировался в годы роковых потрясений 1917-1918 гг. В начале 1920-х годов у Василия Федорова и поэта Фёдора Кашинцева возникла идея учредить Орден Дерзо-Поэтов со статусом организации, находящейся в непосредственном ведении Народного Комиссариата по просвещению РСФСР, ответственного за культурное строительство. Конечно, позднее, в 1930-е годы, столь «подозрительная» организация вызвала самое пристальное внимание следователей НКВД. К материалам следственного дела Фёдорова был приобщён следующий документ:

«ВОЗВЕСТИЕ ГЛАВЫ ОРДЕНА ДЕРЗО-ПОЭТОВ

Я, Феодор Кашинецв, Дерзо-Поэт и Глава Ордена Дерзо-Поэтов, осуществляя веление статьи 32 учреждения Ордена, возвещаю:

Первым Логиарием Верховного Гностиата Ордена, по преудказанию водительствующей мысли моей, мною избран поэт Василий Павлович Фёдоров, гениальный творец «Инферно» и множества других высоких произведений.

Возлагая на него диадему Первоизбранного и вверяя ему водительство Верховным Гностиатом и возведя к служению в Первоверховном Совете, я творческое достижение его в служении славе и утверждению Дерзо-Державы Ордена вручаю высшему озарению и водительству Гения Великой Идеи.

Печать Ордена Подпись 14 сентября 1920 года Москва». (Цитируется по предисловию к сборнику «Мумии», подготовленном В.А. Дроздовым).

В 1940 году Федоров был репрессирован. В разгоревшемся споре за столиком в пивном баре о поэзии Есенина и Маяковского на аргумент своего оппонента, приведшего известное высказывание Сталина: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом...», Федоров возразил: «А что Сталин понимает в литературе?»

И вскоре был заключен в Бутырскую тюрьму, а в 1941 году обвинен по статье 58, п. 10 и приговорен к заключению сроком на 6 лет. Двадцать месяцев спустя жизнь 58-летнего поэта оборвалась. Архив его погиб. Различные рукописи в 9 свертках как «не представляющие ценности и необходимости к приобщению к делу» были уничтожены. Известно о следующих его рукописных книгах стихов: «Октябрьская

плаха», «Перекресток», «Дымчатая планета», книга советов «Атараксия», произведения в прозе. По всему вероятно эти рукописи и были в уничтоженных свертках.

В настоящее время есть сведения о сохранившихся двух сборниках Василия Федорова: машинописный экземпляр на 57 листах с авторскими пометками хранится в одном из московских архивов, а другой рукописный сборник находится в собрании известного библиофила и знатока книги Л.М. Турчинского.

Стихи В.П. Федорова пронизаны тревожными предчувствиями:

*Мы живем, словно в темном вертеле,
Забываем созвучия слов...
В наших душах один только пепел
Никому не приснившихся снов.*

УЧЕНИК БАУХАУЗА

В 1994 году благодаря активному посредничеству Г. Д. Канторовича Пермский областной краеведческий музей приобрел часть личного архива архитектора Филиппа Тольцинера (1906–1996), человека удивительной судьбы. Выходец из семьи мюнхенского мастера по плетению мебели, Тольцинер окончил Баухауз — высшую школу строительства и художественного конструирования, названную современниками «детисцем Веймарской республики».

Как вспоминал он впоследствии, большинство его сокурсников «пережили Первую мировую войну, от восторженных приветствий до Ноябрьской революции», были свидетелями «образования Баварской советской республики и ее подавления, а также первой волны национал-социализма». И потому лозунги «Служить народу!», «Удовлетворять народные потребности, а не роскошь!», «Все, что мы делаем, должно быть высококачественно и недорого!», предложенные возглавившим школу архитектором Г. Майером, близким по взглядам к компартии, были восприняты восторженно и как руководство к действию.

Рост коммунистических настроений среди учащихся Баухауза, проявившихся, в частности, в изучении марксистской литературы, подтолкнули Тольцинера к проектированию домов для детей и взрослых, объединенных названием «Жилье при социализме». Он примкнул к тем, кто хотел стать «активным участником создания новой современной архитектуры». Однако трудности, вызванные усилением экономического кризиса в Германии на рубеже 1920-1930-х годов, а также сложившаяся в стране политическая ситуация привели Майера и его учеников, как известно, к пониманию того, что в рамках капиталистической системы их устремления окажутся бессмысленными,

и потому они «предоставили себя в распоряжение Советского Союза для социалистического строительства».

В феврале 1931 г. в составе бригады «Рот фронт», возглавляемой Майером, Филипп Тольцинер прибыл в СССР и с энтузиазмом занялся самыми разнообразными архитектурными проектами. Семь лет спустя выпускник строительного отделения знаменитого на весь цивилизованный мир Баухауза был арестован как «немецкий шпион», осужден на 10 лет и отправлен в Усольлаг. По иронии судьбы, к тому времени его альма матер уже заклеямили как оплот культурбольшевизма и закрыли.

Находясь в заключении, Тольцинер проектировал шкафы, столы, стулья, детские коляски и другие предметы ширпотреба, изготовлявшиеся в лагерных мастерских. А началось все с того, что стоматологу, приехавшему лечить заключенных, потребовалось зубоучебное кресло. Молодой архитектор предложил сделать кресло из дерева (а потом всю жизнь хранил в личном архиве эскиз этого сооружения). По справедливому замечанию Г.Д. Канторовича, здесь сказались и наследственное мастерство ремесленника, и практика в Баухаузе. «Призванный» с лесоповала в проектную мастерскую, Тольцинер стал автором проектов жилых домов для вольнонаемного состава лагеря, интерьеров и оборудования клуба имени Дзержинского.

Пришлось ему «создавать» и проект монументальной доски социалистического соревнования для коллективов Усольлага и Ныроблага. Этот проект интересен тем, что под некоторыми чертежами рядом с подписью архитектора стоит автограф известного художника, мастера карикатуры Константина Ротова, который пополнил контингент ИТЛ в 1940 году, а вышел на свободу лишь в 1948.

Филипп Тольцинер, освободившись «с применением зачета рабочих дней за хорошие производственные показатели» в декабре 1947 года, работал начальником проектной мастерской главного архитектора г. Соликамска, затем главным архитектором Пермской специальной научно-реставрационной мастерской. Он с большим увлечением занимался проектированием ремонтно-реставрационных работ по восстановлению памятников русской архитектуры.

В 1956 году Тольцинер был реабилитирован, а в 1961-м переехал в Москву, где несколько лет трудился в Центральном научно-исследовательском и проектном институте по градостроительству. Выйдя на пенсию, он продолжал работать самостоятельно над проектными предложениями по охране исторической части города Соликамска, а в 1980 годы и до конца жизни занимался систематизацией своего архива, который содержит уникальные документы. Это проектные чертежи, относящиеся ко времени пребывания в заключении и вынесенные Тольцинером на волю, что, кстати, было категорически запрещено, а также значительное количество фотографий, иллюстрирующих этапы реставрационных работ.

История полит репрессий в СССР "ОНИ" ...являются носителями безродного космополитизма..."

"ПРАВДА", 28 января 1949г.

ЧЕРЕНЫ
Аня, Мария, Елена

Причина репрессий

Похороны С.М. Михалюка. Председатель Еврейского антифашистского комитета, Председатель Еврейского государственного еврейского театра Союзом Массов. Был убит в Мемеле 13 января 1948 г. по указанию Сталина. С этого акта политического террора началась массовая антисемитская кампания.

Подполье шпионов и убийц под маской профессор-врачей

Исследователи утверждают, что в годы войны в СССР существовало подполье, которое было связано с деятельностью еврейских организаций. В частности, упоминается о деятельности еврейского подполья в Варшаве, которое было связано с деятельностью еврейских организаций.

Мы показываем на примере еврейского подполья в Варшаве, что в годы войны в СССР существовало подполье, которое было связано с деятельностью еврейских организаций. В частности, упоминается о деятельности еврейского подполья в Варшаве, которое было связано с деятельностью еврейских организаций.

ЦЕЛЮ ВРАЧЕЙ

ЖЕНА ДОКТОРА

Доктора Левин, Тимонин, член в 1948 г. "интернациональной" и "партийной группы" "партийных врачей", в январе 1953 г. и январе "дело врачей".

Николай Д.Ф. Тимонин, член в 1948 г. "интернациональной" и "партийной группы" "партийных врачей", в январе 1953 г. и январе "дело врачей".

ЖЕНА ДОКТОРА

ЖЕНА ДОКТОРА

Из сообщения МВД от 2 января 1953 г.:
В результате проверки установлено, что, состоявшие в браке: Власов В.С., Виноградова В.В., Ковалев В.В., Егоров П.И., Поповичевский С.С., Рогова Н.А., Зарова В.В., Ширинкина Н.А., Малинов Г.И. и другие принадлежат к одной группе лиц, характеризующихся антисемитскими и антисоветскими тенденциями.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.КАЛИНИН
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН
Москва, Кремль, 17 января 1953 г.

ПРОШЛОЕ ЖДЕТ СВОЕГО ЧАСА?

Старшее поколение, надеюсь, помнит «дело врачей» – последнюю судорогу сталинского режима накануне смерти диктатора. До сих пор исследователи (а вместе с ними и мы с вами) пытаются ответить на вопрос: зачем нужна была Сталину кампания против «безродных космополитов»? Дали старт – негласно, разумеется – массовым преследованиям ученых, врачей, хозяйственных руководителей, вся вина которых заключалась в «неправильной» национальности. Объявили заговорщиками и арестовали группу известнейших врачей, среди которых были евреи, но были и русские. В государственных масштабах пропагандировали низменные инстинкты, антисемитизм, страх перед неведомым врагом.

Так зачем? Анна Кимерлинг, автор исторического исследования «Дело врачей» на Урале», которое мы публикуем в этом томе Книги памяти, обращает наше внимание на то, что речь идет не просто об очередной волне репрессий. Эта волна, как и прежние, сопровождается политической кампанией, охватывающей практически все стороны жизни рядового человека. В центре кампании – образ врага, который хочет уничтожить великие завоевания революции. Страшный образ наемника зарубежной разведки, террориста, шпиона, предателя. Враг везде: дома и на работе, в вузе и на предприятии, в армии, в театре, литературе. Чтобы очиститься от скверны, нужно в любой жизненной ситуации проявлять бдительность, сигнализировать в органы, не жалеть ради идеи ни отца, ни брата.

И все это – атмосфера страха, всеобщей подозрительности – ради одного: дать импульс к новой мобилизации народа, к тому, чтобы советский человек, не задумываясь, выполнял любые решения вождя, партии, больших и маленьких начальников.

Хочу подчеркнуть: борьба с космополитами – это лишь продолжение предыдущих кампаний преследования людей по национальному признаку. В 30-40-е годы прошлого столетия политическим репрессиям подверглись около 20 малых народов, населявших нашу страну. Вспомним массовые депортации, аресты и расстрелы корейцев, немцев Поволжья, поляков, чеченцев и ингушей, крымских татар, поляков, финнов, греков, представителей других национальных меньшинств. Целые народы становились неблагонадежными, их объявляли «пятой колонной», огульно обвиняли в предательстве.

И каждая такая кампания сопровождалась одним и тем же – кликушескими призывами объединиться вокруг вождя, вокруг партии перед лицом очередного, еще более опасного врага.

Лично для меня самым интересным в исследовательской работе Анны Кимерлинг, было поведение так называемых простых людей в атмосфере политического психоза.

Что уж скрывать: умел сталинский режим использовать грязные инстинкты, которые до поры до времени хранились (и хранятся) во многих человеческих душах...

Тут бы самый раз подумать о сегодняшнем дне. О новых «объединителях» и о мобилизующих стратегиях, которые они применяют. О некоторых, так называемых простых людях, которые по-прежнему готовы верить мифам о страшных врагах, населяющих и окружающих нашу страну.

Прошлое, как заноза, сидит в нас. Видимо, ждет своего часа. Даст Бог, не дождется.

Редактор

Примечание. К публикуемой (с некоторыми сокращениями) статье Анны Кимерлинг мы приложили в качестве иллюстраций фотографии отдельных стендов созданной Пермским «Мемориалом» передвижной выставки «Пятая графа. Причина репрессий – национальность».

История политических репрессий в СССР

ЧЕЧЕНЦЫ
Аул Шарой 1926 г.

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ
Улица деревни
Кучуцкая
Чабан со своим стадом
Крым 1933 г.

5 графа

Причина репрессий - национальность

НЕМЦЫ ПОВОЛЖЬЯ
Молодежь колхоза "Рот Фронт"
на прогулке

ДЕПОРТИРОВАННЫЕ НАРОДЫ в 1937-1944 гг.

КОРЕЙЦЫ
Рыбаки у мыса Тайфун
(Дальневосточный край, 1930 г.)

Корейка сушит
нарезанную лентами тыкву

Колхозник-кореец
(Уссурийский край, 1933 г.)

КАЛМЫКИ на привале

КАЛМЫЧКА
в праздничном наряде

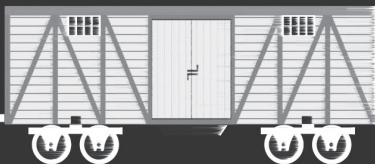
Девушка с национальным
музыкальным инструментом
(Калмыцкая АССР, 1928 г.)

ФИННЫ	89.000 чел.
НЕМЦЫ	438.700 чел.
КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ	338.000 чел.
КАЛМЫКИ	93.919 чел.
КАРАЧАЕВЦЫ	68.938 чел.
БАЛКАРЦЫ	37.713 чел.
ЧЕЧЕНЦЫ ИНГУШИ	423.500 чел.
ТУРКИ- МЕСХЕТИНЦЫ, КУРДЫ, ХЕМШИЛЫ	94.955 чел.
КОРЕЙЦЫ	172.481 чел.

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:
О ликвидации Калмыцкой АССР...

1. Всех калмыков, проживавших на
территории Калмыцкой АССР,
переселить в другие районы СССР,
а Калмыцкую АССР ликвидировать.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН
Москва, Кремль, 27 декабря 1943 г.

ОНИ "...являются носителями безродного космополитизма..."

"ПРАВДА", 28 января 1949 г.

Похороны С.М.Михаласа. Председатель Еврейского антифашистского комитета, художественный руководитель Московского государственного еврейского театра Соломон Михалас был убит в Минске 13 января 1948 г. по указанию Сталина. С этого акта политического террора началась массированная антисемитская кампания.

Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей

Совсем недавно газета ТАС сообщила, что в Нью-Йорке, в здании бывшего консульства СССР, в течение нескольких дней проходили заседания комиссии по расследованию деятельности еврейских агентов в США. В ходе расследования были выявлены имена многих агентов, в том числе и тех, кто участвовал в организации убийства С.М. Михаласа. Газета сообщила, что в ходе расследования были выявлены имена многих агентов, в том числе и тех, кто участвовал в организации убийства С.М. Михаласа.

Как показал на следствии арестованный Вовси, он получил директиву об истреблении руководящих кадров СССР из США. Эту директиву ему передали от имени швейцарско-террористической организации «Джонни» врач Шимельсон и известный еврейский буржуазно-националист Микозис.

Как показал на следствии арестованный Вовси, он получил директиву об истреблении руководящих кадров СССР из США. Эту директиву ему передали от имени швейцарско-террористической организации «Джонни» врач Шимельсон и известный еврейский буржуазно-националист Микозис.

Другие участники террористической группы (Виноградов, М.Коган, Егоров) являются, как сейчас установлено, старыми агентами английской разведки, служат ей с давних пор, выполняя ее самые преступные и грязные задания.

Другие участники террористической группы (Виноградов, М.Коган, Егоров) являются, как сейчас установлено, старыми агентами английской разведки, служат ей с давних пор, выполняя ее самые преступные и грязные задания.

Награждение Л.Ф.Тимашук орденом Ленина. Москва, Кремль, январь 1953 г.

Доносы Лидии Тимашук, в 1948 г. «сигнализировавшей» о «неправильном лечении» патристических еретиков, в январе 1953 г. извлечли из-под сунка, чтобы начать очередную антисемитскую кампанию - "Дело врачей".

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.
УИГ по МОЛДОВСКОЙ ОБЛАСТИ.
И.В.Е.С.Г.А.
Специальное дело № 3278.
Участником в карьерной группе является:
ЗПИТЕРИ Исид Исаклович, 1884 года рождения еврей, уроженец Минска в 1938 году Вовси Соломон по поручению СССР в секретно-политическом учреждении на 3 лет ИТЛ. Наказание отменено, освобожден в 1948 году по указанию Верховного Совета СССР. Проживает в г. Славянске. Военнослужебное удостоверение № 12 выдан 1948 года, действителен в тюрьме, №11 - Москва.

Зам. начальника Управления УИГ м.о. половинки ЛУГГОВАНОВ ИСАИЯ ИСАИЯВИЧ
начальник следственного отдела УИГ половинки ЛЕДЗВИС

Общая Совемина при Министре Государственной Безопасности Союза ССР

Д.И.А.
17. Дана № 3278 УИГ. Исполнение: ИСАИЯВИЧ Исид Исаклович, 1884 г.р. А. СССР. СССР. Москва.
Сделка № 1084 с 1.08.49 г. №11 УИГ РСФСР.
РЕАБИЛИТИРОВАН
1992 г.
И.С.Шелест

Из сообщения МВД 5 апреля 1953 г.:
В результате проверки установлено, что... арестованные Вовси М.С., Виноградов В.Н., Коган Б.Б., Егоров П.И., Фельдман А.И., Васильев В.К., Гринштейн А.М., Зильберман В.Ф., Преображенский Б.С., Попова Н.А., Закусов В.В., Шерешевский Н.А., Майоров Г.И. и другие привлеченные по этому делу полностью реабилитированы в предвзятых на обвиняемых во враждебной, террористической и шпионской деятельности...

«ДЕЛО ВРАЧЕЙ» НА УРАЛЕ

Последняя сталинская политическая кампания, вошедшая в историю под именем «дело врачей», во многом остается загадочной. Что это было? Очередная политическая кампания, подобная всем предшествующим, или начало большого поворота социализма? Попытки дать ответ на этот вопрос, опираясь исключительно на материалы центральных инстанций представляются недостаточными. Найти документы, в которых со всей ясностью были бы определены стратегические цели кампании, вряд ли когда-нибудь удастся. И дело даже не в том, что некоторых приказов, по верному замечанию М. Н. Покровского, «...ни в каких архивах найти нельзя»¹. Сами инициаторы кампании могли не отдавать себе отчет в ее промежуточных, побочных и конечных результатах.

Политическую кампанию «дело врачей» обрамляют две газетные публикации: статья «Подлые шпионы и убийцы под маской профессор-врачей» («Правда», 13.01.1953.) и сообщение МВД СССР о прекращении следствия по делу врачей («Правда», 4.04.1953.). Именно этот период, в течение которого по всей стране была организована, а затем прекращена политическая кампания, и охватывает исследование.

В действительности, кампания явилась продолжением ранее сложившейся политической линии, ее кульминацией. Она лишь корректировала предшествующую политику (процесс над Еврейским антифашистским комитетом и борьба с космополитизмом).

На территории Свердловской и Молотовской областей «дело врачей» началось в установленные для всей страны сроки, но окончательно завершилась с некоторым опозданием – летом 1953 года.

Исследование «дела врачей» в отечественной исторической науке стало возможным лишь на исходе перестройки. В конце 80-х годов появляются отдельные газетные и журнальные публикации², записки, очерки, размышления непосредственных участников политической кампании, прежде всего, жертв. Они опираются на личные воспоминания, содержат общую канву событий, эмоционально насыщены. В них достаточно адекватно передается атмосфера эпохи, рожденные

¹ Покровский М.Н. Империалистическая война. Сборник статей. [Текст] / М.Н. Покровский. – М., 1928. – С.9.

² Гай Д. Конец «дела врачей» [Текст] / Д. Гай // Московские новости. 7.02.1988. «Дело врачей» 1953 года. [Текст] // Слово: В мире книг. 1989. № 9. – С. 15-19. Сафронова Н. 50-е: «Дело врачей». [Текст] / Н. Сафронова // Медицинская газета. 20.06.1988. Гозман Л., Эткинд А. Разговор с антисемитом. [Текст] / Л. Гозман, А. Эткинд // Родина. № 2. 1990.

в ней слухи, надежды, фобии, предположения. Работы первого этапа, как правило, не опираются на архивные документы.

В воспоминаниях современников представлены две версии: проводников и жертв политической кампании. К первой относятся дневники, мемуары и записи бесед Н.С. Хрущева, В.М. Молотова и К.М. Симонова. Они пытаются приоткрыть политические резоны кампании, увидеть ее с точки зрения верховной власти. С этой позиции «дело врачей» рассматривается как «грубейшая политическая ошибка»¹ (Симонов К.М.), «заговор против партийных кадров»² (Хрущев Н.С.) или как «закономерный акт политической борьбы»³ (Молотов В.М.).

Иное видение картины дают люди, обреченные на статус жертв: Этингер Я., Борщаговский А., Рапопорт Я., Коган С.⁴ В их воспоминаниях кампания 1953 года предстает как концентрированное выражение антисемитской политики, осуществляемой Сталиным, вплоть до полного выселения всех евреев. Смысл «дела врачей» заключается в том, чтобы идейно подготовить население к третьей мировой войне (Б. Иоффе⁵).

В 90-е гг. начинают проводиться глубокие исторические исследования по истории поздней сталинской эпохи. Исследователи открывают и анализируют все больше архивных источников. Многие материалы центральных архивов полностью публикуются: стенограмма процесса над сотрудниками еврейского антифашистского комитета (ЕАК)⁶, сборники документов: «Государственный антисемитизм в СССР. 1938–1953»⁷,

¹ Симонов К. Глазами человека моего поколения. [Текст] / К. Симонов. – М., 1988.

² Хрущев Н.С. Воспоминания. [Текст] / Н.С. Хрущев. – М., 1997.

³ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. [Текст] / Ф. Чуев. – М., 1991.

⁴ Борщаговский А.М. Записки баловня судьбы. [Текст] / А.М. Борщаговский. – М.: Советский писатель, 1991. – 400 с.

Борщаговский А.М. Обвиняется кровь [Текст] / А.М. Борщаговский – М.: Прогресс-Культура, 1994. – 318 с.

Рапопорт Я.Л. Воспоминания о «деле врачей» [Текст] / Я.Л. Рапопорт // Спутник. 1988. № 2. – С. 128-136.

Рапопорт Я.Л. На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года [Текст] / Я.Л. Рапопорт. – М.: Книга, 1989. – 327 с.

Этингер Я. «Дело врачей» и судьба одной семьи. [Текст] / Я. Этингер // Наука и жизнь. 1990. № 1. – С. 126-129.

Этингер Я. Дело врачей. Сорок лет спустя [Текст] / Я. Этингер // Новое время. 1993. № 2-3. – С. 47-49.

Коган Л.Н. «Неповторимая романтика социологии» [Текст] / Л.Н. Коган // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах. – С.-П., 1999. – С. 280-300.

⁵ Иоффе Б. Особо секретное задание [Текст] / Б. Иоффе // Новый мир. – № 5. 1999. – С. 144-156.

⁶ Неправедный суд. Последний сталинский расстрел (стенограмма судебного процесса над членами ЕАК). – М., 1994.

⁷ Государственный антисемитизм в СССР. 1938–1953. Документы / Составитель Г.В. Костырченко. – М.: МФД: Материк, 2005. – 592 с.

«Сталин и космополитизм 1945–1953»¹. Ряд документов опубликован в книге «Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы»².

Что касается самого «дела врачей», то здесь можно выделить монографии четырех исследователей: Г. Костырченко, Д. Брент и В. Наумов, Ж. Медведев. Пожалуй, наиболее признанным специалистом по этой проблеме является Г. Костырченко. В двух его монографиях – «В плену у красного фараона»³ и «Тайная политика Сталина» – «дело врачей» рассматривается в контексте сталинской послевоенной национальной политики, а истоки проблемы антисемитизма в России прослеживаются до конца XVIII века. Широкие обобщения методологического характера опираются на обширный фактический материал, почерпнутый из архивных источников. По мнению Г. Костырченко, теория заговора, лежащая в основе «дела врачей», представлялась самому диктатору вполне реальной⁴.

Остальные авторы полемизируют или соглашаются с выводами Г. Костырченко. Вслед за Г. Костырченко они видят связь «дела врачей» и репрессивных акций против сотрудников МГБ, говорят о намерении Сталина сместить многих членов Политбюро и о подготовке к войне с США.

Ж. Медведев соглашается с Г. Костырченко в том, что Сталин накануне своей смерти собирался отказаться от публичного процесса над врачами-убийцами, а, следовательно, и от депортации евреев, однако, выдвигает гипотезу о готовности вождя к полному закрытию «дела врачей» или «спуску его на тормозах»⁵.

Д. Брент и В. Наумов большое внимание уделяют процессам, происходившим в МГБ, доказывают версию об отравлении Сталина, дабы помешать ему расправиться с Политбюро. По их мнению, Сталин не собирался останавливаться в «деле врачей», ему просто не хватило времени⁶.

Казус Л. Тимашук тщательно исследован в статье В. Малкина⁷. О ситуации с письмом известных советских евреев в редакцию «Правды»

¹ Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы. / Составители Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. – М.: МФД: Материк, 2005. – 768 с.

² Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. – М.: МФ «Демократия», 1999.

³ Костырченко Г. В плену у красного фараона. [Текст] / Г. Костырченко. – М.: «Международные отношения», 1994. – 400 с.

⁴ Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм [Текст] / Г.В. Костырченко – М.: Международные отношения, 2001. – С. 654-655.

⁵ Медведев Ж. Сталин и еврейская проблема: Новый анализ [Текст] / Ж. Медведев – М.: АСТ, 2005. – С. 187-190.

⁶ Брент Д., Наумов В. Последнее дело Сталина [Текст] / Д. Брент, В. Наумов – М.: Изд-во Проспект, 2004. – С. 271.

⁷ Малкин В. Семь писем Лидии Тимашук // Новое время. № 28. 1993.

и о роли И. Эренбурга писали Б. Сарнов, Б. Фрезинский, С. Липкин, В. Ершов¹.

Отдельные аспекты «дела врачей» в контексте политической истории страны освещены в работах А. Фурсенко и О. Лейбовича². Первый анализирует арест врачей как часть «грандиозной перетряски политической системы сверху донизу»³. Второй в серии исторических очерков реконструирует отдельные моменты политической кампании в Молотовской области, акцентирует внимание на реакции университетской среды.

...Рассматривая «дело врачей» как политическую кампанию, мы можем выделить в ней разноуровневые компоненты. Первым является деятельность властей. Вторым – реакция масс. Оба компонента имеют не только общую границу, но и находятся во взаимодействии и взаимопроникновении. Для их изучения требуется особый тип источников.

Деятельность властей может быть восстановлена по архивным материалам и газетным публикациям, в которых представлены позиции тех или иных властных инстанций и в том виде, в каком они формулируют ее для себя, и в том, в каком они представляют ее населению.

Круг архивных источников, привлеченных к работе, включает в себя директивные указания областных, городских и районных парторганизаций (письма, резолюции, протоколы пленумов и бюро), хранящиеся в фондах обкомов, горкомов и райкомов, документы государственных учреждений и следственных органов. Отчеты, справки, информации, посылаемые местными партийными органами в центр в ходе кампании, дают возможность восстановить практически полную картину развития и угасания политической кампании «дело врачей» в провинции.

В исследовании использованы материалы пяти государственных архивохранилищ Перми и Екатеринбурга: Государственного архива Свердловской области (ГАСО), Государственного архива Пермского

¹ Сарнов Б. Эти две-три недели решили все. //www.lechaim.ru/ ARHIV/ 136/sarnov.htm

Липкин С. Квадрига. – М., 1997.

Фрезинский Б.Я. Власть и деятели советской культуры – проблема адекватного анализа. // Исторические записки. № 5. 2002. – С. 298-323.

Ерашов В.П. Коридоры смерти. Историко-фантастическая хроника. – М.: ПИК. 1990.

² Лейбович О.Л. «Дело врачей» в Молотовской области (январь-март 1953 г.). // Национальный вопрос в прошлом, настоящем и будущем России. Тезисы докладов межрегиональной научно-практической конференции. – Пермь: ПГУ, 1995. Лейбович О.Л. Реформа и модернизация в 1953-1964 гг. – Пермь: ПГУ – ЗУУНЦ, 1993. – 182 с.

Лейбович О.Л. Университетские истории. – Пермь: ЗУУНЦ, 1997. – 102 с. Лейбович О., Кимерлинг А. Письмо товарищу Сталину. Политический мир М.Т. Данилкина. – Пермь: ЗУУНЦ, 1998. – 177 с.

³ Фурсенко А.А. Конец эры Сталина. // Звезда. 1999. № 12. – С. 173-188.

края (ГАПК), Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), Пермского Государственного архива новейшей истории (ПермГАНИ).

Идеологический элемент кампании нашел отражение в прессе. В процессе исследования с применением элементов контент-анализа были обработаны материалы 71 центральной, областной, городской, районной и ведомственной газеты, с помощью которых удалось проследить ход пропагандистской кампании на Урале, определить средства и методы идейно-политического воздействия партийных организаций на массы, а также замерить степень участия районных, городских и многотиражных газет в политической кампании.

Что касается второго уровня кампании, реакции масс, то здесь чаще всего мы имеем дело с косвенными источниками. К ним относятся: сводки о настроениях и высказываниях трудящихся, составляемые на местах, отчеты о проведенных митингах и собраниях, списки вопросов, задаваемых партийным руководителям. Прямыми источниками являются протоколы собраний профсоюзов, комсомола, первичных парторганизаций, отчеты хозяйственных и ведомственных структур, письма и обращения трудящихся в различные инстанции, личные дела коммунистов.

Политические кампании были важнейшим инструментом власти в тоталитарном государстве. Они давали возможность направить активность масс в соответствии с текущими политическими задачами. Обычная политическая кампания сталинской эпохи развивалась по стандартному сценарию: 1) арест первой группы врагов; 2) передовая статья в центральной прессе; 3) повсеместные митинги и собрания в поддержку властей; 4) дальнейшая пропагандистская кампания в столичной и местной печати; 5) инициатива масс в виде писем и жалоб; 6) поиск врагов на собственной территории; 7) партийные, профсоюзные и комсомольские собрания; 8) массовые исключения из партии, увольнения, аресты. «Дело врачей» успело дойти до шестого пункта программы.

Сталинской тоталитарной системе свойственна атомизированная и бесструктурная модель общества, когда люди, обитая в атмосфере страха, всеобщего недоверия и неизвестности, теряют межличностные связи и доверяют исключительно вышестоящим инстанциям. Сложившаяся система мифов обуславливала восприятие советским человеком окружающей действительности, она рисовала непротиворечивую картину мира, весьма отдаленно напоминающую реальность, помогала ориентироваться и предоставляла примеры для подражания. В такой ситуации воздействие средств массовой информации на сознание граждан практически не ограничено. Вождь имеет возможность по собственной воле менять систему ценностей и модели поведения.

Связь власти с массами наиболее активно проявлялась во время политических кампаний. Власть воздействовала через систему пропаганды, народ отвечал ростом числа писем с «жалобами и предложениями». При помощи них люди пытались добиться справедливости, переместиться по служебной лестнице, отомстить или просто выплеснуть эмоции.

В основе активности масс во время политических кампаний находился миф о враге. Мир в представлении советского человека состоял из двух частей: «мы» – Страна Советов, и «они» – буржуазные государства, мечтающие только о том, чтобы уничтожить СССР. Именно последнему лагерю принадлежит «враг». Враг еще с архаичных времен представлялся ужасным чудовищем, обладающим сверхъестественной силой и способностью мимикрировать, его единственной задачей было нанести вред и переманить на свою сторону наиболее нестойких членов общества. Врага надо было уничтожать, кем бы он не оказался, даже если это близкий родственник. В тоталитарном обществе коллективные связи выше родственных.

В Советском Союзе за период власти Сталина было много категорий врагов, чаще всего они не имели особых примет. Для поддержания террористической диктатуры необходимо, чтобы врагом мог оказаться каждый, и нельзя было предугадать, кто окажется следующей жертвой.

В конце 40-х – начале 50-х модернизация привела к тому, что дальнейшее ее развитие угрожало тоталитарной системе. Начали восстанавливаться горизонтальные связи, появился частный интерес и взаимная выгода. Америка во время войны была союзником, и ненависть к ней несколько притупилась, а «великая цель» развития коммунизма в светлом будущем и превосходства над Западными державами, лежащая в центре социалистического мифа, находилась под угрозой.

Поэтому Сталин для проведения еще одной грандиозной чистки организовал новую политическую кампанию. Кроме того, необходимо было напомнить о внешнем враге – капитализме. Последняя сталинская кампания отличалась от довоенных. В качестве врага были названы евреи.

По обозначившимся масштабам «Дело врачей» можно сравнить с кампаниями конца 30-х гг., однако, ситуация в обществе изменилась и обычный сценарий был несколько нарушен: за три месяца кампании на местах не было арестов. Остальные компоненты остались неизменными.

Национальная, политическая и социокультурная ситуация на Урале в начале 50-х годов

В 1953 году наиболее крупные области Уральского региона – Свердловская и Молотовская – имели совокупную территорию около 355

тысяч квадратных километров. Перепись 1959 года установила, что в них проживало свыше 7 млн. человек¹. Еврейское меньшинство в Свердловской области составляло 26 016 человек, а в Молотовской – 9 599 человек², то есть, около 0,6% и 0,3% соответственно.

Свердловская и Молотовская области имели индустриальную направленность. Только в Молотовской области в середине десятилетия на учете состояло 832 действующих заводов и фабрик³. Среди них были реконструированные дореволюционные предприятия, новостройки сталинских пятилеток и эвакуированные оборонные заводы.

Многие предприятия работали в состоянии постоянной аварийной, или предаварийной ситуации. В официальном акте, характеризующем состояние дел на одном из химических предприятий Молотовской области, говорилось:

«В настоящее время подобное оборудование в массовом количестве на предприятиях страны не производится... Однако сказать, что оборудование эксплуатируется на износ в полной мере нельзя, так как завод имеет в своем составе крупный ремонтно-механический цех»⁴.

Часто планы выполнялись менее чем на 50%, даже самая значимая государственная директива – «сталинское задание», не исполнялась вовремя: «В Березниках еще не было случая, чтобы приказы за подписью товарища Сталина исполнялись в срок»⁵, – писал корреспондент газеты «Звезда» секретарю Молотовского обкома о *долгострое* магниевого завода. Не удивительно в такой ситуации, что множество жалоб на *слабое техническое руководство* хозяйственными предприятиями могло послужить причиной наказания руководящих работников.

Тяжелыми были условия труда на уральских предприятиях. Для обеспечения выполнения планов директора заводов использовали Указ от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», приписывающий на неопределенный срок работников к фабрикам⁶. В адаптированном виде осуществлялась старая идея трудовых армий. Ремесленные

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. – М., 1963. – С. 326, 352.

² Распространение населения по наиболее многочисленным национальностям на 7 июля 1959 г. // ГАПК. Ф. Р-493. Оп. 4. Д. 1487. – С. 124.

³ См.: Стенограмма 5 пленума [Молотовского] обкома КПСС. 11.04. 1957. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 24. Д. 5. – С.67.

⁴ Справка о результатах проверки обвинений о непартийном поведении ряда партийных, хозяйственных и других руководителей города Березники, высказанных собкором газеты «Звезда» тов. Данилкиным в письмах на Ваше имя. 1950 г.// ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д.176. – С. 52.

⁵ Данилкин М.Т. – Прассу Ф.М. 12.05.1950. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 176. – С. 5.

⁶ Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 20.

училища проводили мобилизацию подростков, наскоро их обучали и отправляли по предприятиям. Люди, самовольно оставившие производство, официально именовались *дезертирами*, подлежащими уголовной ответственности. Районные суды в промышленных городах и поселках по Указу от 26 июня привлекали к уголовной ответственности, примерно по 200 человек в год¹.

Беглецов с предприятий было так много, что милиция не успевала их отлавливать. В 1952 г. тресту «Кизелшахтстрой» *было по путевкам передано* 599 молодых рабочих, а самовольно ушло 413 человек².

Положение рабочих еще более ухудшалось, когда руководство предприятий нарушало Указ, увеличивая рабочий день по своему усмотрению. В письме на имя Г.М. Маленкова конструктор ОКБ-19 Министерства авиационной промышленности Я.И. Черных сообщал о 16-17 часовой продолжительности рабочего дня ведущих специалистов:

«...Что недопустимо для профессии конструктора, а также приносит вред делу в части качества работы и создает благоприятные условия для развития профессиональной травмы, как-то: заболевания печени, головные боли и другие заболевания, природа которых, очевидно, происходит от переутомления»³.

Патриархальные отношения на производстве между администрацией и рабочими также служили причиной для жалоб. Хозяйственные руководители при случае использовали своих подчиненных на домашних работах. Так начальник шахты им. Сталина постоянно «...заставлял рабочих коммунального отдела шахты работать на его личном хозяйстве». Они косили сено, сажали, окучивали и копали картофель, делали другие работы по хозяйству. Начальник шахты в течение трех лет «...использовал кучера в виде своеобразного батрака...». Тот «... следил за чистотой во дворе и конюшне (подметал, вычищал навоз, носил и стлал свежую подстилку), в зимнее время очищал двор от снега, колол и пилил дрова, весной пахал огород и участок в поле, сажал картофель, летом окучивал... Жена (начальника шахты. – А.К.) посылала в выходной день продавать на базаре сало... по 30 рублей за килограмм, зимой – картофель... по 10 рублей за ведро». Цитированная *Справка по проверке фактов*, подготовленная для бюро обкома, заканчивается следующим выводом: «Содержание своего хозяйства (начальник шахты им. Сталина. – А.К.) полностью перевел на счет государства»⁴.

¹ Найданов – Прассу Ф.М. (без даты)// ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 176. – С. 62.

² См.: ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 4. Д. 323. – С. 109.

³ Справка по письму в ЦК КПСС и заявлению в Молотовский обком партии от конструктора ОКБ-19 Министерства авиационной промышленности СССР тов. Черных Я.И. 20 10. 1952 // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 18. Д. 206.– С. 161.

⁴ Справка по проверке фактов, компрометирующих члена КПСС тов. Камчедалова Н.И. Сентябрь 1956 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 6. Д. 133. – С. 7.

Отношения между начальником и подчиненным определялись увеличением социальной дистанции. Существовала громадная дифференциация в заработной плате. Месячный оклад секретаря Березниковского горкома составлял в 1953 году 2 800 рублей, тогда как бухгалтер в том же горкоме получал 500 рублей, а уборщица 260 рублей¹. Фиксированные оклады руководителей дополнялись большими премиями в десятки тысяч рублей. При таких доходах им становились доступными мясные и рыбные деликатесы, продающиеся в центральных гастрономах Свердловска и Молотова.

В потреблении семей рабочих преобладали хлеб, крупы, бобовые и макаронные изделия, картофель. Частые перебои происходили именно в продаже этих продуктов. В «Информации Молотовского обкома от 3.04.1953 о проведении массово-политической работы... в связи с новым понижением государственных розничных цен» сообщается, например, что «в Ордынском районе имели место перебои в торговле хлебом. В городе Губахе, Кизеле, Углеуральске нет овощей, картофеля, хотя спрос на них очень большой»².

Многие промышленные рабочие недоедали и потому очень болезненно реагировали на недостаток в начальственных семьях. Тем более, для начальства многие дефицитные продукты, например, мука и крупы доставлялись по домам, оставлялись в магазинах, либо распределялись по спискам в столовых. Бывший завмаг продснаба одного из березниковских заводов писал в жалобе на своего начальника Бокмана «о грубом извращении Открытой Советской Торговли»:

«...Бокман приказывает мне..., подавая список на 10 человек, развезти муку 85% по квартирам по 30 кг... Режут свиноматку..., Бокман дает приказание эту свинью везти не в магазин, а в засолочный пункт, ... он говорит, в магазине все увидят, а мы же должны продавать по списку и не рабочим»³.

Жилищное строительство не поспевало за ростом населения, рабочие жили в бараках. Порой, в качестве жилой площади приспособляли подвалы, ваннные комнаты, производственные помещения, ветхие каркасно-засыпные бараки, построенные в 1932–1935 гг. В Молотовской области на Краснокамской бумажной фабрике «Гознак» подобное жильё составляло 45% всего фонда⁴.

¹ Ведомость зарплаты за январь 1953 г. ответственным работникам Березниковского горкома. // ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 35. Д. 46. – С. 194.

² Информация Молотовского обкома от 3.04.1953 о проведении массово-политической работы... в связи с новым понижением государственных розничных цен. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 8. Д. 119. – С. 80.

³ Заявление бывшего завмага 1 Продснаба при ВМЗ г. Березники Сапева И.А. от 15.08.1948.// ПермГАНИ. Ф.105. Оп. 14. Д. 510. – С. 17.

⁴ Письмо Министру финансов СССР т. Звереву А.Г. 27.01.1953.// ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 127. – С. 18.

«Справка о бытовом устройстве и культурном обслуживании рабочих завода им. Молотова», подготовленная летом 1953 г., нашла их «... в неудовлетворительном состоянии».

Средняя плотность жилого фонда по заводу составляла 4,3 кв. м на человека, причем «...по барачному фонду приходится 3,2 кв. м на человека, а в отдельных общежитиях ...до 2–2,5 кв. м. и даже меньше». Около четверти всего жилого фонда были «...бараки каркасно-засыпного типа, половина которых построена в 1930–1932 гг.». В них проживало около 4 000 рабочих. Составители справки – партийные функционеры – находят условия проживания в этих бараках *невыносимыми*: «Крыши протекают, стены осели и промерзают, в комнатах зимой холодно и сыро..., нет никаких удобств».

Неблагополучная ситуация заставляла рабочих «дезертировать» и писать жалобы в вышестоящие инстанции. Весьма показательным кажется письмо молодой девушки, мобилизованной на работу в Кочевский леспромхоз:

«Место работы болотистое... Много заболеваемости, медпункта нет..., в больном состоянии мастер посылает на работу... Холодный дом..., не имеется колодцы и родники (сохранен стиль документа. – А.К.), воды пьем из болотины, а вода нехорошая имеет желтый вид... Нет ничего кушать все девчата плачут...» Невыносимые условия жизни довели ее до того, что она спрашивала: «Неужели имеется в Советском Союзе такой закон, чтобы люди направить в леса тайги и гибнут там?»¹

Сомнения в государственной справедливости нередко можно было наблюдать в послевоенные годы. В Пермском архиве новейшей истории сохранился любопытный документ: «Докладная записка» начальника горотдела МГБ на имя секретаря Березниковского горкома от 5 февраля 1947 г., помеченная грифом «Совершенно секретно». В ней майор Беланов информирует партийное руководство города о настроениях населения в период избирательной кампании в Верховный Совет РСФСР. Сообщив, что большинство трудящихся активно одобряют и поддерживают это мероприятие, офицер ГБ перешел к освещению *неправильных мнений меньшинства*, подслушанных его агентами:

«Бывший кулак «Д» среди рабочих говорил: «... До того догосовали, что кушать нечего. Раньше не голосовали, а всего было довольно. Если будут все время колхозы, то ничего не будет. Когда дадут свободно жить людям, тогда все будет, а если дальше это будет продолжаться, то совсем с голоду сдохнем. Провалились эта вся жизнь». Слесарь Мендерский во всеуслышание заявил: «А кто же будет голосовать за Белый дом? Конечно, мы!» «... Смешно, будем голосовать, а

¹ Письмо Насыбуллиной. 18.12.1952. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 368. – С. 7.

кандидат по избирательному округу один. На самом деле было бы их 4–5, другое бы дело. Вообще все это чепуха!»¹.

Считать такие настроения преобладающими и постоянными было бы неверно. Слова критики в адрес режима чаще всего провоцировались ситуацией. Ощущение своего бесправия, незащитности перед лицом всяческого начальства, глухое недовольство своим положением – все это вместе взятое создавало социальную атмосферу безысходности, особенно невыносимую на фоне патетической пропаганды успехов. Отсюда и невыполнение планов, и массовый характер прогулов. На предприятиях угольной промышленности, например, только за один квартал 1953 г. «...невыход на работу составил 26% от общего количества рабочих»².

Главной сложностью кадровой политики... был дефицит квалифицированных работников. После войны эвакуированные из западных областей Союза инженеры и рабочие получили возможность вернуться домой. Молодых специалистов, окончивших вузы в Свердловске, распределяли по всей стране. В этой ситуации директора заводов оказывались перед дилеммой, кого взять на *ответственную* работу – человека без образования или «политически неблагонадежное лицо» с высокой квалификацией. Директор Березниковского азотно-тукового завода А.Т. Семченко в ответ на обвинение в *политической близорукости* (принял на должность главного архитектора инженера с судимостью по 58 статье) не без раздражения объяснял, что он это делал, делает и будет делать впредь, поскольку других работников в его распоряжении нет:

«Должен информировать, что положение с кадрами на заводе остается по-прежнему тяжелым, так как значительная часть ИТР, рабочих и служащих не может быть допущена к секретной переписке»³.

Чиновники МГБ отправили инженера в ссылку, однако, на его место А.Т. Семченко назначил другого репрессированного. Аналогичных работников можно обнаружить почти на всех предприятиях. Директор Верещагинской трикотажной фабрики Петренко, выслушав обвинение в неправильном подборе кадров, оправдывался: «Дело в том, что в вопросе подбора кадров ни главное управление, ни Министерство легкой промышленности... помощи не оказывают... Я обращался и в райком партии, где мне обещали, но пока не помогли... В настоящее время у нас работает один инженер, и тот судим по 58 статье»⁴.

¹ Докладная записка о настроениях населения в связи с подготовкой к выборам в Верховный Совет РСФСР. 5.02.1947. // ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 2. Д. 232. – С. 6–9.

² ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 21. Д. 10. – С. 43-44.

³ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 176. – С. 154.

⁴ Протокол партактива Верещагинского района от 17.03.1953.// ПермГАНИ. Ф. 582. Оп. 11. Д. 84. – С. 4.

Надо сказать, что отраслевые министерства на такую практику смотрели сквозь пальцы. Их кадровые службы при необходимости поступали также, назначая на руководящие должности, вплоть до заместителя главного инженера треста, людей, отбывших «...срок по 58 статье, по 10–12 лет за контрреволюцию и вредительство». Начальник треста, напуганный такими назначениями, публично сетовал, что «наш главок, министерство смотрели на эти стройки как на ссыльный пункт»¹.

Такая практика была весьма распространенной. На Урале находилось много лагерей, также он служил местом ссылки. К началу 50-х гг. в системе ГУЛАГа МВД было 103 официальных объединения республиканского и областного значения. В Молотовской области их было четыре: Молотовское ОИТК УНКВД, Кизеллаг, Усоллаг, Ныроблаг².

Всего на апрель 1953 г., согласно справке МВД, в Молотовской области содержалось 112 238 заключенных³. Следует отметить, что большинство заключенных молотовских лагерей составляли не уголовные преступники. Выборочный анализ состава заключенных отдельных лагерей, проведенный сотрудниками научно-исследовательского центра «Урал-ГУЛАГ», показывает, что в 1948 году из 3 тысяч заключенных исправительно-трудового лагеря строительства № 881 в г. Соликамске воров-рецидивистов было 212 человек, осужденных за бандитизм и вооруженные ограбления – 108, за «прочие уголовные преступления» – 354 человека⁴.

Договор о поставке заключенных на предприятие заключался вполне официально. Областное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛК), например, в 1947 г. заключило договоры с 30 предприятиями на поставку рабочей силы, в том числе и непосредственно на промышленном производстве в цехах завода имени Молотова⁵.

В сложном положении находился секретарь Молотовского обкома Ф.М. Прасс, недавно присланный из Москвы. В конце 1949 г. в соответствии с постановлением Политбюро по работе Молотовского обкома секретаря обкома К.В. Хмелевского за *допущенные ошибки* сняли с работы. Был полностью обновлен состав обкома КПСС, однако хо-

¹ Стенограмма 5 пленума [Молотовского] обкома КПСС. 11.04. 1957. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 24. Д. 5. – С. 108–109.

² См.: Киселев В.Г. Влияние на личность условий труда и режима в Пермских ИТЛ в 40-50-х гг. // Тоталитаризм и личность. – Пермь, 1994. – С. 112.

³ См.: Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермской области // Годы террора. – Пермь, 1998. – С. 176.

⁴ См.: Суслов А.Б., Киселев В.Г. Страницы истории пермских «островов» ГУЛАГа // Страницы истории Урала. Вып. 2. – Пермь, 1995. – С. 97.

⁵ См.: Суслов А. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953) // Годы террора. – Пермь, 1998. – С. 176, 183.

зяйственные и районные партийные кадры принадлежали прежнему секретарю. В такой ситуации Ф.М. Прасс был чужим. Его предшественник, инженер-химик по образованию, понимал проблемы производства, а также руководил областью во время войны, поэтому имел весомый авторитет среди хозяйственников. К началу политической кампании 1953 г. новому секретарю обкома еще не удалось поставить на ключевые посты преданных людей¹.

По этой причине Ф. М. Прассу приходилось быть предельно осмотрительным. Любая ошибка или поспешно принятое решение могли вызвать негативные последствия лично для него. Особую осторожность следовало проявлять во время политической кампании, когда чистка в партии становилась обычным делом.

В качестве нового врага во время последней политической кампании сталинской эпохи были названы врачи – «убийцы в белых халатах» и, одновременно, евреи – «безродные космополиты». Такой выбор вождя вполне соответствует настроениям многих жителей Свердловской и Молотовской областей. Большинство евреев на Урале не были коренным населением. Одни были высланы сюда в 20-30-е гг., другие остались на поселении после осуждения по 58 статье, третьи приехали вместе с заводами во время войны. Они не успели стать своими. Кроме того, обычно евреи имели хорошее образование и больше шансов занять ответственный пост. Согласно переписи населения 1959 года, по количеству образованных на 1 000 человек евреи находятся на первом месте. Имеют высшее, среднее и неоконченное среднее образование среди евреев – 690, а среди русских – 284, украинцев – 369 и белорусов – 378².

В медицине евреев было довольно много. По Свердловской области, например, на 1 января 1953 года в составе врачебных кадров они занимали второе после русских место по численности: русских – 1 864 человека, а евреев – 286.

Медицинское обслуживание находилось на низком уровне. Эта ситуация была отнюдь не новой. Так было всегда при советской власти. Регулярно в обкомовских отчетах встречаются информационные сводки. Например, 26 сентября 1946 г. Антонов писал Белецкому о проблемах медицины Молотовской области: «Лечебно-профилактические учреждения гор. Молотова и области находятся в крайне тяжелом состоянии... В Половинке, Краснокамске, Губахе, Коспаше – имеется по 5 коек на 1 000 человек населения при нормативе в 10 коек. Здания больниц в городах: Лысьва, Чусовой, Губаха, Кизел, Половинка находятся в аварийном состоянии и требуют неотложного капитально-восстановительного ре-

¹ См.: Лейбович О.Л., Кимерлинг А.С. Письмо товарищу Сталину. – Пермь, 1998. – С. 48.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. – М., 1963. – С. 304.

монта. Многие из них поражены грибком, некоторые пришли в негодность за долгие годы эксплуатации... 18 из 27 станций скорой помощи в г. Молотове и области не имеют автомашин... На 1 560 врачебных должностей в области имеется всего лишь 550 врачей; 569 врачебных приемов ведут медицинские работники со средним образованием¹. Причин «встряхнуть» медиков было более чем достаточно. До 1953 года о проблемах в области медицины говорить открыто не полагалось. Пресса писала исключительно о достижениях советской медицины:

«Врачам государство предоставило самые благоприятные условия для успешной работы... заболеваемость в нашей стране систематически и неуклонно снижается...²»

«Дело врачей» вызвало поток критических замечаний в прессе, на недостатки в медобслуживании обратили пристальное внимание. В архиве можно обнаружить множество справок и информации партийных инстанций, а также протоколов партсобраний, на которых обсуждалась эта тематика.

Критика во время кампании была направлена главным образом на недостойное поведение медработников. Действительно, грубое и невнимательное обращение с больными вошло в обычай. О грубости глазного врача Краснокамской городской поликлиники в газету «Краснокамская звезда» написали несколько человек: «(У врача. – А.К.) вошло в привычку кричать на больных и отвечать грубостью на законные просьбы и требования. Бесцеремонно нарушая установленную очередность приема больных, она грубо выпроваживает из кабинета тех, кто ей почему-то «не понравился»... Больная ушла домой, не дождавшись приема³.

Порой из-за черствости персонала невозможно было вызвать скорую помощь. Работники буферной подстанции левого берега Камы рассказали: «Случился острый приступ аппендицита у дежурной... Мы несколько раз звонили в скорую помощь при поликлинике нефтяников треста Краснокамскнефть, но дежурная т. Каземирова решительно отказалась послать машину, заявив при этом, что это не ее участок. Больная страдала всю ночь и только в 11 утра ей была оказана помощь, хотя требовалась срочная операция... Дежурный врач т. Катаев... цинично заявил: «Мы из-за таких пустяков не выезжаем. Вот если человеку голову оторвет, тогда другое дело»⁴.

¹ Антонов – Белецкому. 26. 09. 1946. Об оказании помощи лечебным учреждениям Молотовской области. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 12. Д. 134. – С. 13–14.

² Улучшить работу медицинских учреждений города // Путь к коммунизму. 30.01.1953.

³ О черствых, бездушных людях.// Краснокамская звезда. 25.02.1953.

⁴ Там же.

Случаи халатного отношения к своим обязанностям могли привести к трагическим последствиям. В справке за 1953 г. заведующего Свердловским горздравотделом приведены случаи смерти четырех детей от неправильного применения медикаментов и гибели больной в родильном доме Уралмаша, которой «по поручению медсестры санитарка ввела в клизму формалина вместо хлорал гидрата»¹.

Пример халатного и равнодушного отношения к больному рассматривался на заседании бюро железнодорожной больницы станции Пермь II 31 марта 1953 года. Врач Оберг приехала по вызову к больному с ножевым ранением и, вместо того, чтобы отвезти его в клинику, несколько часов ездила с ним по другим вызовам, а потом ушла по личным делам, отправив раненого одного в больницу. В результате он умер на операции. Врача исключили из партии, однако, весьма примечателен был ответ доктора, когда ее спросили, поняла ли она свою вину: «Когда я была у прокурора Фомичева, он сказал мне, если я не согласна, то я могу обжаловать свое наказание»².

Образование многих врачей также оставляло желать лучшего. Часто доктора ошибались в постановке диагноза. Вместо аппендицита хирург Молотовской областной клинической больницы поставила обострение хронического холецистита, больная умерла от перитонита³. Врач поликлиники Сталинского района г. Молотова определила у больной тиф и немедленно направила в инфекционную больницу, ошибка выяснилась через четыре дня⁴. В Фокинской районной больнице вместо скарлатины ребенку поставили пневмонию⁵.

Ошибки случались часто, но до 1953 года о них предпочитали молчать. Наказания применялись в редких случаях. Когда от неправильного применения лекарства умерли дети, больница ограничилась рассмотрением этого вопроса на общем собрании, однако, когда роженице ввели формалин, медсестру осудили по уголовной статье.

Однако, многие недостатки медицинского обслуживания не зависели от медперсонала. Во-первых, сами медицинские учреждения не были приспособлены для приема необходимого количества больных. В Свердловске «развернуто 5 050 коек, что составляет 72% потребности в коечной сети... В 1952 году было отказано в госпитализации 35% больных..., в том числе больных с крупозным воспалением лег-

¹ Справка за 1953 г. заведующего Свердловским горздравотделом Мидютина. // ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 22. Д. 524. – С. 4.

² Протокол заседания партбюро железнодорожной больницы ст. Пермь II от 31.03.1953. // ПермГАНИ. Ф. 5860. Оп. 1. Д. 12. – С. 15-16.

³ Приказ по Министерству здравоохранения РСФСР № 192. от 16.03.1953. // ГАПК. Ф. Р-981. Оп. 2. Д. 26. – С. 13.

⁴ Стенограмма V пленума Молотовского ГК КПСС. 28.02.1953. // ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 628. – С. 102.

⁵ Протокол заседания бюро Фокинского РК КПСС от 3.04.1953. // ПермГАНИ. Ф. 695. Оп. 18. Д. 147. – С. 122.

ких, дизентерией и другими заболеваниями, госпитализация которых обязательна». Пришлось даже открыть летом в 3-х школах дополнительные госпитали для больных дизентерией, в городской больнице № 1 на 400 коек разместились 800 больных, «коридорные койки и койки в вестибюлях стали в больницах города постоянными»¹.

Аналогичная ситуация сложилась и в Молотове. В послевоенные годы в городе не выстроено ни одного лечебного учреждения, за исключением городской станции скорой помощи и родильного дома на 30 коек. «Согласно приказа Министра здравоохранения СССР № 810, для нормального обслуживания населения городу необходимо иметь 5 200 коек. Город же располагает только 4 355 койками... В Ленинском и Сталинском районах города нет совершенно районных больниц... За 1952 год было отказано в больничном лечении 5 718 больным, за 1-е полугодие 1953 г. 3 000 больным... За 1952 год 11,4% инфекционных больных не были госпитализированы»².

Таким образом, при сильно выросшей численности городского населения количества уже имеющихся медицинских учреждений было явно недостаточно.

Кроме того, старые здания не соответствовали современному стандарту. В Молотове некоторые больницы располагались в ветхих деревянных бараках без водопровода и канализации. Больница в Орджоникидзевском районе, на поселке Крохалева и 12-е отделение городской инфекционной больницы размещены в аварийных зданиях, не подлежащих капитальному ремонту³.

Районные больницы находились в еще более сложном положении. Там не было, порой, самого необходимого. Больница на шахте № 6 в городе Кизел Молотовской области «не имеет ледника,... морга»⁴. Районная Красногвардейская больница Зайковского района Свердловской области «не имеет рентгеновской и физиотерапевтической установки.... Отсутствует автотранспорт...»⁵ В Кизеловской горбольнице в лаборатории недостает кислот⁶. Среди проблем здравоохра-

¹ Докладная Свердловского обкома КПСС. 9.02.1953. // ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 52. Д. 126. – С. 153.

² Докладная записка председателю комиссии ЦК КПСС по проверке Молотовской области по вопросам культурно-бытового обслуживания трудящихся. 1953 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 221. – С. 1-2.

³ Там же.

⁴ Справка о дополнительном строительстве больницы на шахте № 6 «Капитальная» г. Кизел. 20.01.1953. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 165. – С. 10-11.

⁵ Докладная записка об оказании помощи Зайковскому району в укомплектовании медицинскими кадрами, строительстве районной больницы и оборудовании. 4.04.1953.// ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 52. Д. 126. – С. 156.

⁶ Протокол собрания парторганизации Кизеловской городской больницы от 27.03.1953.// ПермГАНИ. Ф. 2559. Оп. 1. Д. 1. – С. 20.

ния в городе Березники на первом месте в *Справке* горкома находится нехватка некоторого оборудования: манометров, желудочных зондов, в тубдиспансере старый рентгеновский аппарат, нет кислородных подушек¹.

Обеспечение городов Урала врачевными и средними медицинскими кадрами, согласно информации в обком, было *неудовлетворительным*. В Молотове в 1953 году на 1 600 врачевных должностей работает 991 врач. На 37 775 должностей средних медработников работает 2 633 человека².

На селе эта проблема еще явственнее. Отсутствуют врачи-специалисты. В отдельных районах Коми-Пермяцкого округа вообще нет хирургов и ряда других врачей³. Районы Молотовской области жалуются, что облздравотдел «берет из города врачей и никого взамен их не дает»⁴.

Криком отчаяния можно назвать письмо главного врача Нырбской районной больницы Молотовской области: «В настоящее время в больнице крайне тяжелое положение с акушерками. Из... двух одна уходит в отпуск по беременности, вторая... не соответствует занимаемой должности. Убедительно прошу акушерку тов. Юркину освободить от занимаемой должности (в аппарате райкома комсомола. – А.К.) и направить в больницу для использования ее по специальности»⁵. В просьбе было отказано.

Таким образом, к началу 50-х годов система медицинского обслуживания находилась в тяжелом положении, особенно на селе. Не хватало квалифицированных врачей, *неудовлетворительно* было налажено снабжение медикаментами и оборудованием. Больницы располагались в непригодных помещениях, старые здания находились на грани разрушения. Количество коек не соответствовало количеству больных, нуждающихся в госпитализации.

Медицинские работники часто не имели достаточного образования. Грубость, равнодушие и халатное отношение к работе можно было наблюдать повсеместно. Все это способствовало росту недовольства. Советские люди и так не слишком жаловали медработников,

¹ Справка о культурно-бытовом обслуживании трудящихся города Березники. Июль 1953. // ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 35. Д. 44. – С. 200.

² Докладная записка председателю комиссии ЦК КПСС по проверке Молотовской области по вопросам культурно-бытового обслуживания трудящихся. 1953 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 221. – С. 4.

³ Докладная секретаря Коми-Пермяцкого окружкома КПСС И. Тотьмянина о состоянии сети лечебно-профилактических учреждений от 21.05.1953. // ПермГАНИ. Ф. 200. Оп. 42. Д. 45. – С. 9.

⁴ Критические замечания в адрес административного отдела Молотовского обкома КПСС. 1953 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 187. – С. 62.

⁵ Письмо секретарю Нырбского РК КПСС от 11.02.1953. // ПермГАНИ. Ф. 696. Оп. 32. Д. 9. – С. 33.

а политическая кампания «дело врачей» дала официальное разрешение критиковать врачей.

Кроме медиков недовольство масс заслуживали начальники. На предприятиях сохранился военизированный режим. Администрация была вольна увеличивать рабочий день, лишать выходных, переводить специалистов на неквалифицированные и низкооплачиваемые работы, уменьшать заработную плату, оскорбить словом или действием, отдать под суд, наконец. Не существовало эффективной системы противовесов. Профсоюзы лишились каких-либо защитных функций. Поэтому оставалось одно средство сопротивления начальственному произволу – жалобы в партийные инстанции, письма в газеты, анонимные заявления в органы.

Неудовлетворительный уровень жизни послужил причиной того, что рабочие индустриальных центров Урала в начале 50-х манифестировали свое единство с высшей властью, верили Сталину и были готовы участвовать в любых политических кампаниях, направленных против местной и заводской администрации. «Дело врачей» в провинции в любой момент готово было перерасти в «дело начальства».

Однако, партийные руководители проявляли осторожность перед лицом непосредственной опасности. Во-первых, боялись очередной чистки в руководстве, во-вторых, нежелательными были открытые неконтролируемые беспорядки в массах. Поэтому, они не спешили начинать кампанию, а позднее старались смягчить наказания.

Мероприятия местных партийных организаций в период кампании. Кадровая политика

Любая общегосударственная политическая кампания опирается на местные партийные органы. Именно они должны направлять ее ход в нужное властям русло. Поэтому в первую очередь происходит активизация партии.

Парторганизации дают указания, какие статьи следует печатать, на какую тему надо проводить беседы. «После получения газеты «Правда» от 13 января 1953 года во все парторганизации была дана телефограмма о разъяснении этого материала среди населения. Был дан инструктаж партактиву, уезжающему в колхозы...»¹ – сообщал секретарь Щучье-Озерского РК КПСС в докладной записке секретарю Молотовского обкома.

Публичные лекции о «деле врачей» и политической бдительности должны были охватить всю территорию Уральского региона. Для этого специально готовили группы агитаторов. В *Информации* одного

¹ Докладная записка секретаря Щучье-Озерского РК КПСС Пушкарева Ф. 5.02.1953.// ПермГАНИ. Ф. 596. Оп. 1. Д. 224. – С. 5.

только Пермско-Сергинского райкома сообщалось, что «с 15 по 10 февраля 1953 года было проведено 12 кустовых семинаров с агитаторами, на которых... работники райкома партии обращали внимание агитаторов на усиление политического воспитания трудящихся и на повышение политической бдительности в связи с раскрытием врачей-вредителей»¹. Семинарами было охвачено 365 агитаторов, а они, в свою очередь, занимались дальнейшей пропагандой.

Реально *революционной бдительности* посвятили не так много занятий. Например, Гремячинским горкомом за январь 1953 года было прочитано 13 лекций и охвачено 1 950 человек² при численности населения 38 227³, в других районах еще меньше – в среднем около 300 человек на 40 тысяч населения⁴. Проводились также лекции по поводу разрыва дипломатических отношений с Израилем, о семейственности и подхалимаже, о ротозействе, о международной реакции, о критике и самокритике, о медицинском обслуживании⁵.

Для включения большего числа участников, тематика кампании «дело врачей» была наложена на предвыборную политическую кампанию. 22 февраля 1953 года должны были состояться выборы депутатов в местные Советы. Агитационно-массовую работу в городе Молотове проводили 1 032 агитколлектива (18 250 человек). Группами докладчиков райкома и горкома партии были организованы политические доклады, от 200 до 400 в месяц⁶. Среди бесед часто фигурировала тема бдительности и врачей-вредителей либо враждебного капиталистического окружения.

В начале 1953 года местные партийные организации, по-видимому, не получили четких инструкций о характере кампании. Во всяком случае, в архивах не удалось обнаружить соответствующих документов. В пользу данной версии свидетельствует то, насколько осторожно местные парторганизации поддерживали политическую кампанию. Исправно перепечатав передовицы центральных газет и организовав

¹ Информация Пермско-Сергинского РК КПСС о проведенных мероприятиях в связи с сообщением ТАСС о врачах-вредителях. 7.02.1953.// ПермГАНИ. Ф. 88. Оп. 18. Д. 6. – С. 22.

² Сведения о работе групп докладчиков в Гремячинском ГК КПСС за январь 1953 г.// ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 275. – С. 65.

³ Указания ЦСУ РСФСР, переписка по вопросам переписи населения на 1 января 1953 г. // ГАПК. Ф. Р-493. Оп. 4. Д. 1487. – С. 124-128.

⁴ Там же.

⁵ См.: Тематика проведенных бесед по цеху № 36...// ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 200. – С. 126.; Отчет о лекционной работе за 1051–1952 уч. год лекторской группы Краснокамского ГК ВКП (б).// ПермГАНИ. Ф. 1290. Оп. 76. Д. 1. – С. 1-2.

⁶ Справка о состоянии пропаганды материалов и решений XIX съезда партии и об организации массово-политической работы в связи с подготовкой к выборам в местные Советы в городской парторганизации. 19.01.1953.// ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 202. – С. 6.

митинги и разъяснительные беседы в связи с сообщением ТАСС о врачах-убийцах, до конца января местные власти на Урале не проявляли особой активности. И если в Молотове все-таки развернули собственное «дело врачей», то в Свердловске задержка была столь велика, что готовить разгром медиков начали только в начале марта.

Антиеврейский характер кампании был подчеркнут прессой. Центральные газеты, а за ними областная и районная печать публикуют статьи о *международной еврейской буржуазно-националистической организации «Джойнт»*, о сионизме, о разрыве дипломатических отношений с еврейским государством Израиль. Однако, этноним «евреи» не употреблялся. В официальных документах его заменяли иными обозначениями: «семейка», «компания», «космополиты». Уральские власти намеки центра поняли. Они были к нему политически и психологически готовы. Этнические чистки проводились в течение последних 10 лет под прикрытием иных политических форм¹. Поэтому евреев увольняли с руководящей работы и исключали из партии осторожно и без шума.

Когда причиной наказания была национальность, на словах декларировалось совсем другое. В конце января 1953 года на заседании бюро Свердловского Юридического института разбирали персональное дело коммуниста Л.Я. Драпкина. Ему объявили строгий выговор с занесением в учетную карточку «за скрытие своей национальности при поступлении в Свердловский Юридический институт и за неискреннее поведение на партийном бюро»². Секретарь парт-организации с осуждением говорил: «При поступлении тов. Драпкин свою национальность скрыл, видимо считая, что прием евреев ограничен, хотя на протяжении четырех лет мог убедиться, что этого нет. Нужно быть патриотом своей национальности...»³

Во время кампании партия должна была, во-первых, активизировать массы, во-вторых, обнаружить врагов. Как уже было указано ранее, главной формой активности масс являлись жалобы в различные инстанции и *критические замечания* на собраниях. Именно этой теме был посвящен пленум Свердловского обкома КПСС, состоявшийся 9-10 февраля 1953 года. Секретарь горкома Муравьев прочитал длинный доклад о *выполнении Свердловским горкомом КПСС предложений, высказанных в критических выступлениях на отчетно-выборных партсобраниях, конференциях и собраниях актива*. Факты, приведенные в нем, указывали на недостаточно внимательное отношение к жалобам и критическим замечаниям граждан,

¹ См.: Костырченко Г. В плену у красного фараона. – М., 1994.

² Заседание бюро Свердловского Юридического института от 21.01.1953.// ЦДООСО. Ф. 2122. Оп. 2. Д. 8. – С. 19.

³ Заседание бюро Свердловского Юридического института от 21.01.1953.// ЦДООСО. Ф. 2122. Оп. 2. Д. 8. – С. 19.

и призывали исправить это положение, а также бороться с зажимщиками критики.

Факты, соответствующие характеру кампании, после пленума обкома имели продолжение. На пленуме Свердловского обкома 9-10 февраля один из выступавших упомянул в качестве *зажимщика критики* и создателя *семейки* директора научно-исследовательского института «Уралмеханобр» И. Я. Брук¹. На пленуме Ленинского райкома г. Свердловска 25 февраля эту информацию повторил секретарь райкома И. Н. Пермяков². А 31 марта 1953 г. состоялось заседание Свердловского обкома, на котором «за неудовлетворительное руководство институтом, допущение серьезных недостатков и ошибок в научной работе и нарушение партийного принципа подбора, расстановки и воспитания кадров» директору института Брук И. Я. объявили выговор и просили Министерство металлургической промышленности отстранить его от занимаемой должности³.

Обычно отношение начальников к жалобам и жалобщикам было негативным. *Письма граждан* поступали к заинтересованным лицам, которые предпочитали игнорировать их, даже не записывая в положенный для этого журнал регистрации. В одной из жалоб мы читаем: «Иногда жалобы и письма передаются тому лицу, на кого жалуются...»⁴

Корпоративные интересы заставляли чиновников научиться защищать своих товарищей. В разгар «Ленинградского дела» журналист Молотовской газеты «Звезда» опубликовал фельетон «Дугадко процветает», в котором критиковал влиятельного начальника ОРСа Березниковского азотно-тукового завода. Последняя фраза фельетона: «...(Он) слишком не в ладах не только с основами коммунистической нравственности, но и с основами советской законности»⁵, – должна была стать сигналом для возбуждения уголовного дела *по факту публикации*. Однако, у М.З. Дугадко нашлись заступники. Тогда журналист написал в ЦК КПСС, а копию направил в Молотовский обком. Была создана комиссия, а «Звезда» опубликовала редакционный материал «Медлительный прокурор и бойкий Дугадко». В новом фельетоне критиковали иные фигуры: *медлительных работников областной и городской прокуратуры, покровителей* (называлась фамилия директора завода А. Т. Семченко и заместителя начальника главка минис-

¹ См.: Там же. – С. 79.

² Протоколы VI пленума Ленинского РК КПСС г. Свердловск. 25.02.1953. // ЦДООСО. Ф.10. Оп. 7. Д. 369. – С. 141.

³ Постановление Свердловского обкома КПСС от 31.03.1953. // ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 66. Д. 438. – С. 10.

⁴ Протокол бюро Коми-Пермяцкого окружкома КПСС от 16.02.1953. // ПермГАНИ. Ф. 200. Оп. 42. Д. 3. – С. 56.

⁵ Тихонов М. Дугадко процветает //Звезда 4. 04. 1948.

терства Турчинова) и руководство Березниковского горкома партии. Там писали:

«Рабочие и служащие Березников, которым достаточно намозолил глаза «процветавший Дугадко», справедливо возмущены тем, что он до сих пор не сидит на скамье подсудимых. Не пора ли высказаться по этому поводу и Березниковскому горкому ВКП(б), которому давно следовало бы разобраться не только в делах самого Дугадко, но и в делах тех, кто ему покровительствует»¹.

Под таким давлением прокуратура выписала ордер на арест М. З. Дугадко, был суд, его приговорили к 10 годам лишения свободы за хищения. Комиссия обкома закончила свою работу составлением соответствующей *справки*, в которой признавались *недостатки в работе прокуратуры, в кадровой политике горкома и в руководстве азотно-туковым заводом*. В то же время комиссия заинтересовалась общественным лицом заявителя и обнаружила:

– Собкор «Звезды» однобоко, только в черном цвете видит жизнь Березников и освещает ее в печати.

– Собкор «Звезды» с недоверием относится к любому ответственному работнику, который не бывал на фронте.

– Собкор «Звезды» поставил себя так, что с ним уже боятся говорить ответственные работники.

– Собкор «Звезды» охотно ловит каждый слушок и берет его на веру².

Вывод из этой *справки* следовал однозначный: политического доверия журналист Данилкин не заслуживает. Такой способ защиты партийных органов от излишне ретивых борцов за социальную справедливость вполне понятен. Собкор «Звезды» привлек внимание Москвы к местным безобразиям, а это давало повод примерно наказать схваченных за руку провинциалов для того, чтобы всем прочим неповадно было. Повод ничтожный, но «Ленинградское дело» начиналось с меньшей погрешности: протокольных нарушений.

Секретарь Молотовского обкома Хмелевский понимал, что дискредитировать заявителя уже поздно, а принимать к нему меры несвоевременно – и потому нельзя. ЦК мог квалифицировать их *как расправу за критику*, а это серьезное политическое обвинение. Согласиться с заявителем означало принять на себя ответственность за *провалы в кадровой политике*, что могло повлечь за собой не менее серьезное политическое обвинение. Переложить ответственность на нижестоящих (заводское и городское начальство) – операция деликатная и тонкая: если грехи большие, то и спрос общий, если грехи малые, значит и наказание должно быть соответствующим. В таком случае есть по-

¹ Медлительный прокурор и бойкий Дугадко. // Звезда 9.07. 1948.

² ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 176. – С. 178–179.

вод указать на *гнилой либерализм*. Ужесточить наказание – потерять умелого директора и опытного партийного работника. Тем не менее, отвечать ЦК нужно. В конце концов, бюро обкома сумело справиться с задачей. Из постановления следует, что журналист Данилкин правильно вскрыл хищения социалистической собственности в одном из ОРСов. Местное руководство проявило отсутствие бдительности, на что им и было указано. Руководителю предприятия как наиболее виноватому был объявлен выговор¹. Дело представлено как совершенно заурядное, а М. Данилкин наказан переводом на другую работу. Однако во время политических кампаний не всегда удавалось проигнорировать жалобу или придать ей иное значение.

Тема жалоб и неправильного отношения к критике занимала важное место также на пленумах и заседаниях бюро городских, районных и первичных партийных организаций Молотовской области. В первой трети 1953 года в партийных инстанциях развертывается кампания по налаживанию работы с жалобами и заявлениями трудящихся. Примерно 46% райкомов Молотовской области на пленумах обсуждали вопрос *о реагировании на критические выступления и сигналы печати, жалобы и предложения трудящихся либо заслушивали информацию о мерах, принятых по критическим замечаниям коммунистов*.

В результате обсуждения проблемы жалоб и зажима критики находили *провинившегося* начальника и выносили ему какое-либо наказание. Если ограничивались обвинением в *формально-бюрократическом отношении к письмам*, то обычно делали *указание* или *предупреждение*. Когда *непартийный подход к проверке сигналов снизу* расценивался как *зажим критики и потворство нарушителям партийной и государственной дисциплины*, это приводило к более строгому наказанию, в лучшем случае записывали выговор без занесения в учетную карточку².

Еще одной формой активизации масс была критика и самокритика на различных собраниях. Партия должна была организовать условия для ее поощрения.

Вопрос критики в начале 1953 года обсуждался на всех пленумах в контексте любого вопроса. 39% горкомов и райкомов Молотовской области на повестку дня выносили вопрос «О состоянии развития критики и самокритики в районной парторганизации», «О выполнении критических замечаний» или «О реагировании на критические замечания, предложения трудящихся и сигналы печати», либо секретарь райкома отчитывался «о принятых мерах по критическим замечаниям».

¹ Протокол № 33 заседания бюро молотовского обкома ВКП(б) от 19, 22 октября 1948 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 14. Д. 71. – С. 73–75.

² См.: Протокол заседания бюро Усольского РК КПСС от 7-9.02.1953. // ПермГАНИ. Ф. 398. Оп. 1. Д. 152. – С. 41.

Важное место занимала кампания по активизации местной прессы. От редакторов районных, городских и многотиражных газет партийная организация требовала энергично проводить критику снизу, внимательно относиться к письмам трудящихся, поощрять деятельность сельхозов и рабкоров, работать с населением. В 17% районных парторганизаций Молотовской области рассмотрели в январе – марте 1953 г. на заседаниях вопрос *о работе редакции районной газеты с письмами трудящихся*. В Александровском ГК КПСС эту проблему разобрали на VII пленуме горкома 26 февраля 1953 года. Но наказания не следовало, бюро ограничивалось указанием на неудовлетворительную работу и требованием ее улучшить.

Серьезное значение во время политической кампании приобрел кадровый вопрос. Именно его решали на пленуме Молотовского обкома КПСС 9-10 февраля 1953 года. Формулировка вполне традиционная: «О подборе, расстановке и воспитании кадров в областной партийной организации».

Большой интерес представляет справка о заводах машиностроительной отрасли, составленная непосредственно перед пленумом – 3 февраля. Она имеет характерную для политической кампании 1953 года направленность. В ней речь идет о четырех заводах, директоров которых обвиняют в «беспечности при назначении работников, сохранении на ответственных постах людей, не внушающих политического доверия с сомнительными деловыми качествами и в создании семейственности». Большая часть справки посвящена заводу имени Сталина и его директору. Тов. Солдатов, – утверждается в справке, – *проявил политическую неразборчивость и покровительствует политически неблагонадежным лицам с еврейскими фамилиями*. В справке фигурируют 10 таких фамилий и только 2 русские, но и их приписали к «семейке». По мнению заведующего отделом машиностроения обкома КПСС Е. Галкина, *в значительной мере именно эти люди повинны в том, что «завод им. Сталина в 1952 году не справился с выполнением правительственного задания, имеет низкие технико-экономические показатели, ... вместо прибыли завод дал сверхплановых убытков св. 66 млн. руб.»*¹.

На пленуме первый секретарь Молотовского обкома Ф. М. Прасс назвал фамилии неблагонадежных лиц с завода им. Сталина, но фамилию директора не назвал. Солдатов занимал слишком весомые позиции в индустриальной элите, чтобы его можно было *сдать* в самом начале кампании.

Смысл кампании не всегда был понятен в низовых партийных структурах. Подготовительные материалы к пленуму обкома, состав-

¹ Справка к III пленуму обкома КПСС по вопросу «О подборе, расстановке и воспитании кадров» по заводам машиностроения. 3.02.1953. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 147. – С. 65.

ленные в райкомах и горкомах, отличались расплывчатостью. Но были исключения. Коспашский ГК КПСС направил в обком справку, где сообщается, что из 447 номенклатурных руководящих работников треста «Коспашуголь» 64 человека не внушают политического доверия, а управляющий трестом тов. Типикин расхищает государственное имущество и покровительствует евреям (этноним, естественно, не употребляется, но названные фамилии вполне красноречивы). Ф.М. Прасс в докладе использовал материалы справки.

Доклад Ф.М. Прасса содержит немало конкретной критики, с именами и должностями: из 79 фамилий, прозвучавших в негативном контексте, 44% принадлежат евреям, их покровителям, или упоминаются в связи с их делами. Однако, следует заметить, что все названные на пленуме лица уже были *строго наказаны*.

В докладе намечены пути, по которым должна направляться политическая кампания на местах. Отмечены недостатки в подборе, расстановке и воспитании кадров, с которыми следует бороться:

1. *отсутствие глубокого, взвешенного подхода к изучению и подбору кадров;*

2. *подбор кадров по приятельским и земляческим соображениям, а также семейственность;*

3. *покровительство не внушающим политического доверия лицам;*

4. *перевод провинившихся работников на аналогичные должности;*

5. *зажим критики, гонения за критику и покровительство зажимщикам;*

6. *наличие руководителей, которые упиваются успехами прошлого, проявляют настроения самодовольства; беспечность и ротозейство;*

7. *потеря бдительности и благодушие, в результате чего допускаются разных масштабов растраты и нарушения Устава сельхозартели¹.*

Все свои тезисы секретарь обкома подтверждал примерами, которые представляли собой скорее пояснение, чем обычную иллюстрацию. Доклад несет на себе печать «дела врачей». И дело не только в том, что автор призывает быть бдительными и бороться с ротозейством. Сам текст выверен в соответствии с кампанией. Уже первый персонифицированный пример Прасса касается именно

¹ См.: Доклад секретаря обкома Ф.М. Прасса. Стенограмма III пленума Молотовского обкома КПСС. 10-11 февраля 1953 г.// ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 2. – С. 4-37.

медиков. Подтверждая факт отсутствия глубокого, вдумчивого подхода к изучению и подбору кадров, он говорил о заведующем облздравотделом:

«Милосердов оказался недостаточно политически зрелым и партийно-воспитанным работником для того, чтобы обеспечить руководство на этом участке.... Обком партии вынужден был исправить допущенную ошибку и освободить тов. Милосердова от работы»¹.

Казалось бы, здесь нет ничего национального. Но члены бюро решали вопрос зав. облздравотделом лишь несколько дней назад – 5 февраля. Всем было известно, что его сняли с должности за «беспринципное отношение к недостаткам в работе областной клинической больницы» вместе с Л.В. Кацем, главным врачом этой больницы².

На февральском пленуме Молотовского обкома по вопросу подбора, расстановки и воспитания кадров очень много говорилось о критике, поскольку ее считали *«лучшим средством коммунистического воспитания кадров»*. Поэтому каждый выступающий считал своим долгом развернуть критику, а также отчитаться, как этот процесс проходит на подотчетном ему участке работы. Причем перечислялись именно примеры *«неудовлетворительного развертывания критики»*. В первую очередь повторялись и уточнялись примеры, приведенные Ф. М. Прассом. Самобичевание было неотъемлемой чертой каждого доклада. Для секретарей райкомов и горкомов характерны высказывания следующего содержания:

«РК КПСС...не показал примера в смелом развертывании критики и самокритики. Бюро РК КПСС не отличалось особой принципиальностью, не предъявляло должной требовательности к аппарату, слабо работало над его укреплением»³.

Но в докладах также явно проступали попытки оправдаться. Об ошибках говорилось обычно в прошедшем времени. Перечисленные недостатки уже вскрыты, а недостойные кадры наказаны. Наличие многих проблем на местах объяснялось недосмотром вышестоящих инстанций.

Большинство участников пленума плохо понимали суть политической кампании. Антиеврейская сущность кампании проявилась только в докладе Прасса и выступлениях секретарей РК КПСС, находящихся на территории города Молотова, а также в выступлении начальника областного управления МГБ Кремлева.

¹ Доклад Прасса. Стенограмма III пленума Молотовского обкома КПСС. 10-11 февраля 1953 г.// ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 2. – С. 6.

² Протокол заседания бюро Молотовского обкома КПСС. 5.02.1953 г.// ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 31. – С. 43.

³ Стенограмма III пленума Молотовского обкома КПСС. 10-11 февраля 1953 г. Доклад секретаря Ленинского РК КПСС тов. Рязанова. // ПермОПД ПО. Ф.105. Оп. 20. Д. 2. – С. 42.

Ф.М. Прасс использовал в докладе на пленуме метод амальгамы. Обрушиваясь на недобросовестных и не заслуживающих доверия работников с верно подобранными фамилиями, он ознакомил членов обкома с делом Данилкина.

Тексты журналиста газеты «Звезда» по городу Березники М. Т. Данилкина, как уже было указано, имели яркий и неприкрытый антисемитский характер, соответствующий духу политической кампании 50-х гг. Но попытки связать сталинскую политику с духом еврейства были осуждены как антисоветская пропаганда. Поэтому некоторое созвучие взглядов провинциального журналиста с официальной линией политической кампании 1953 г. не помогло избежать сурового наказания. На следствии М. Т. Данилкину даже пришлось оправдываться и говорить, что отношение к евреям у него вовсе не негативное.

Пленум партии дал установки на изменения в кадровой политике, в соответствии с требованиями кампании. Ожидались, во-первых, освобождение с руководящих должностей *неблагонадежных провалившихся людей*, во-вторых, *более смелое выдвижение молодых кадров*.

Поскольку из центра не поступило точных директив, какие категории начальников надо «почистить», местным руководителям приходилось догадываться о замыслах вождя. Понятно было одно, что в первую очередь надо *«трясти медиков»*.

По-видимому, собственное «дело врачей» должны были развернуть в каждом крупном городе. Свердловский обком планировал подобное действие на начало марта и не успел. На заседании секретариата Свердловского обкома КПСС 4 февраля 1953 г. было принято решение создать комиссию по проверке поступившего в обком заявления о беспорядках на кафедрах госпитальной хирургии и нервных болезней Свердловского мединститута. Когда умер Сталин, а кампания закончилась, об этом просто предпочли забыть.

В Молотове собственное «дело врачей» было готово в конце января. Главными жертвами были избраны врачи Молотовской областной клинической больницы. Именно здесь кампания проявилась во всей полноте. Большинство медработников, подвергшихся разбирательству, имели еврейские фамилии. Использована обычная для данной кампании терминология, с заменителем этнонима «евреи» – словосочетанием «семейка подхалимов».

Заведующей административным отделом Молотовского обкома КПСС З. Семеновой было поручено составить *справку о крупных недостатках в работе областной клинической больницы*. В ней отмечалось, что были выявлены *многочисленные факты грубых врачебных ошибок, в результате чего имеются смертельные исходы*: в гинекологическом отделении во время операции оставили в брюшной полости салфетку и больная умерла; перечислены случаи постановки

неправильного диагноза в гинекологическом и терапевтическом отделениях; приведены примеры равнодушного отношения к больным. Также указано, что истории болезни ведутся небрежно, в больнице не хватает более 70 медсестер, 61% врачей работают по совместительству, с многочисленными переработками в ущерб больным¹.

Главным виновником всех недостатков был объявлен главный врач областной клинической больницы Кац Л.В.: «Главный врач больницы т. Кац ...создал атмосферу мнимого благополучия, в силу чего врачебные ошибки ... не вскрывались и не подвергались критике. Больше того, сколотив вокруг себя семейку подхалимов и угодников, ... Кац с их помощью глушит инициативу работников и критику его собственных недостатков»². Затем перечисляются еврейские, за редким исключением, фамилии этой *семейки*.

Дело областной больницы обсуждалось на заседании бюро обкома КПСС 5 февраля 1953 г., а несколько позднее – на партсобраниях в первичных парторганизациях областной больницы, облздравотдела и медицинского института. Обком партии вынес постановление, которое было разослано по всем райкомам и горкомам области:

«За недобросовестное отношение к порученному делу, стремление скрыть истинное положение в больнице и создать обстановку ложного благополучия, за неправильный подбор кадров... Кац Леонида Викторовича... с работы снять и исключить из членов КПСС»³.

В ходе заседания бюро обкома критике подверглись и другие врачи областной больницы, одновременно преподающие в мединституте, и директор мединститута Мамоико, и заведующий облздравотделом Милосердов. Последних освободили от своих обязанностей, как *не обеспечивших этот участок работы*.

Молотовский мединститут поддержал политическую кампанию с еще большим опозданием. Заседание бюро обкома КПСС по поводу областной клинической больницы состоялось 5 февраля 1953 г., и только 25 марта первичная партийная организация собралась для разбора персональных дел заведующего клиникой акушерства и гинекологии доцента Лебедева Н. П., профессора заведующего клиникой госпитальной хирургии Минкина С. Ю. и доцента кафедры акушерства и гинекологии Накорякова Н. К., чьи имена упоминались в справке «О крупных недостатках в работе областной клинической больницы». Их заставили признать допущенные ошибки, и вынесли строгие партийные взыскания:

¹ См.: Справка о крупных недостатках в работе областной клинической больницы. З. Семенова. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 86. – С. 77-84.

² Справка о крупных недостатках в работе областной клинической больницы. З. Семенова. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 86. – С. 80.

³ Протокол заседания Молотовского обкома КПСС от 5. 02.1953.// ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 31. – С.43.

«За безответственное отношение к организации работы в операционной акушерско-гинекологического отделения, повлекшее за собой врачебные ошибки со смертельным исходом, за самоустранение от активного вмешательства по спасению тяжело больных, недооценки роли критики и самокритики... тов. Лебедеву Н. П.... объявить строгий выговор с занесением в учетную карточку»¹.

Профессору Минкину С. Ю. предъявили аналогичное обвинение и записали выговор с занесением в учетную карточку.

Доцент Накоряков находился в подчинении у Лебедева. «За недостаточно проявленную личную активность в удалении салфетки из брюшной полости у больной Рогозиной...»² он получил менее строгое наказание – *выговор без занесения в учетную карточку*, поскольку его, в отличие от заведующего отделением, сочли раскаявшимся. Хотя именно его *врачебная ошибка* привела к обвинению Лебедева.

К началу февраля 1953 года повсеместно медицинские учреждения Урала поддержали политическую кампанию. На свет вышли все проблемы советской медицины и неблагоприятные поступки самих медиков, от нечистоплотности в быту до неправомерной выдачи больничного листа и некачественного оказания медицинской помощи с последствиями разной степени тяжести. Исследуются биографии медицинских кадров. Обсуждаются политически неблагонадежные. На собрании партактива г. Губахи главный врач больницы № 2 Нагибин жаловался, что «в городе более 20% медицинских работников не внушают политического доверия..., только потому работают, что у нас недостаток в медработниках»³.

В основе медицинской тематики партсобраний разного уровня находились жалобы. Солидарность с властью во время кампании проявлялась в том, что люди предпочитали жаловаться в самые авторитетные инстанции. Согласно медицинскому отчету Свердловской областной клинической больницы № 1 за 1953 год, особенностью этого года было увеличение более чем втрое, по сравнению с 1952 годом, числа жалоб, поступивших через вышестоящие советские и партийные инстанции: «В 1952 г. жалоб в Минздрав СССР и РСФСР – 25, 1953 – 88»⁴.

У советских людей, как уже было отмечено, имелись причины жаловаться на медицинское обслуживание, и национальная принадлежность,

¹ Протокол заседания бюро первичной парторганизации Молотовского Медицинского института от 25.03.1953. // ПермГАНИ. Ф. 6179. Оп. 1. Д. 11. – С. 185.

² Протокол заседания бюро первичной парторганизации Молотовского Медицинского института от 25.03.1953. // ПермГАНИ. Ф. 6179. Оп. 1. Д. 11. – С. 185.

³ Протокол собраний партийного актива г. Губаха. 11.03.1953. // ПермГАНИ. Ф. 2081. Оп. 14. Д. 6. – С. 27.

⁴ Медицинский отчет Свердловской областной клинической больницы № 1 за 1953 год // ГАСО. Ф. Р-2597. Оп. 1. Д. 20. – С. 351.

обычно, не играла роли. Лишь некоторые члены партии для своих выступлений отбирали примеры в соответствии с характером кампании. Прокурор города Коспаш Молотовской области Завьялов на собрании партактива в выступлении о неудовлетворительной работе врачей привел единственный пример:

«На днях нарсууд рассмотрел дело врача Моргинштерн за халатное отношение к больной, из-за чего больная погибла..., врача за халатность осудили»¹.

В научных кругах Молотовской области чувствуется стремление избежать крайних мер, не допустить увольнений, а тем более арестов. Хотя некоторые случаи жесткого наказания имели место. Так, например, декана лечебного факультета профессора Эдельштейна А.О. освободили от занимаемой должности, как *необеспечившего руководство*².

Следует отметить некоторую специфику Свердловской области. Здесь сопротивление руководства увольнениям по национальному признаку обнаружить не удалось. Наоборот, находили множество поводов, чтобы избавиться от евреев. В отчете Свердловского медицинского института о работе с научными кадрами за 1952–1953 год сообщается, что по деловым и политическим качествам были не аттестованы и уволены восемь преподавателей, шесть из них имеют нерусские фамилии³. Весьма красноречив список замен руководителей кафедр:

«1) Завед. кафедрой детских инфекций доц. Зетель-Коган Р.И. заменена доцентом Дубовой В.С.

2) Завед. кафедрой детских болезней проф. Кливанская-Кроль Е.С. заменена доцентом Бончковской Т.Н.

3) Завед. кафедрой факультетской хирургией проф. Ратнер Л.М. заменен проф. Зайцевым М.Г.

4) Завед. кафедрой пропедевтики детских болезней доцент Вигдергауз Р.Н. заменен доцентом Вогулкиной Т.Е. ...и другие»⁴.

Многие врачи-евреи в Свердловске потеряли в 1953 году работу. Авирон М.Н. была в 1953 году уволена с поста главного врача Центральной поликлиники г. Свердловска. Шейнберг Д.Е. 10 марта 1953 г. *освобождена* от должности главного педиатра Свердловской области и от заведования кафедрой госпитальной педиатрии, как *несоответствующая занимае-*

¹ Протокол собраний партийного актива г. Коспаш. 4.03.1953. // ПермГАНИ. Ф. 4844. Оп. 10. Д. 7. – С. 25.

² Протокол VII пленума Ленинского РК КПСС г. Молотов. От 27.02.1953. // ПермГАНИ. Ф. 78. Оп. 14. Д. 34. – С. 60-61.

³ Отчет Свердловского государственного медицинского института о работе с научными кадрами за 1952–1953 год. // ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 52. Д. 211. – С. 119.

⁴ Протокол заседания бюро первичной парторганизации Молотовского Медицинского института от 25.03.1953. // ПермГАНИ. Ф. 6179. Оп. 1. Д. 11. – С. 110.

мой должности¹. Нагорная Р.А. уволена из Свердловского мединститута, как не соответствующая требованиям высшей школы². Иливицкий И.Е. был уволен с кафедры микробиологии в связи с семейственностью, т. к. на кафедре работала его свояченица в должности аспиранта³.

Одной из районных парторганизаций города Свердловска 16 февраля 1953 года составлена «Справка о состоянии идейно-воспитательной работы среди учащихся и преподавателей в фельдшерско-акушерской и зубоврачебной школах», в которой директора критикуют за *поверхностный подход* к приему на работу. Затем следует список работников с фамилиями: Черницкая, Мендельсон, Лихтман. Несколько курьезными кажутся статистические данные о партийной и национальной принадлежности работников. В справке через запятую перечислено: «В зубоврачебной школе... совместителей 23 человека: членов КПСС – 5, русских – 15, евреев – 7»⁴.

Идеологическую кампанию сопровождали аналогичные нацистским учетно-регистрационные акции, направленные на диссимилиацию еврейского населения. В Германии по закону от 5 января 1938 года всем евреям вменялось в обязанность принять традиционные имена из реестра, утвержденного Министерством внутренних дел, либо добавить к христианскому имени второе, «Израэль» для мужчин и «Сарра» для женщин⁵. А в СССР в паспортах восстанавливали этнические имена, например, русское «Петр» меняли на «Пинхус»⁶.

Если еврея-коммуниста уличали в том, что он поменял имя или отчество, либо записал в анкету другую национальность, то его обвиняли в неискренности перед партией и могли объявить выговор или исключить из ее рядов. Румберг М.Е., которая работала в 1953 г. в Свердловском мединституте, «за проявление халатности к партийному документу и потерю бдительности» объявили выговор с занесением в учетную карточку. На самом деле, она при обмене паспортов в 1948 г. заменила имя «Мерра» на «Мери», а в партбилете осталось прежнее имя⁷.

¹ См.: Сорокин Ю.Э. Известные врачи-евреи Екатеринбурга. – Екатеринбург, 1997. – С. 11, 116-117.

² Персональное дело Нагорной Ривы Абрамовны // ЦДООСО. Ф. 2112. Оп. 2. Д. 13. – С. 88-92.

³ См.: Вайсберг Б. Очерки об известных евреях Екатеринбурга. Екатеринбург, 1997. – С. 97-98.

⁴ Справка о состоянии идейно-воспитательной работы среди учащихся и преподавателей в фельдшерско-акушерской и зубоврачебной школах. Хромцова З.А. 16.02.1953. // ЦДООСО. Ф. 1269. Оп. 12. Д. 153. – С. 11-12.

⁵ См.: Juden untern Hakenkreuz. [Ost] Berlin, 1973. S. 157-158.

⁶ Протокол заседаний партийного бюро Молотовского государственного университета. 10.02.1953 г. // ПермГАНИ. Ф. 717. Оп. 1. Д. 106. – С. 35.

⁷ Протокол заседания партбюро педиатрического факультета Свердловского мединститута. 18.03.1953. // ЦДООСО. Ф. 2112. Оп. 2. Д. 10. – С. 98.

Заместителя председателя Александровского горисполкома А.Я. Наринского освободили от должности как не справившегося с обязанностями 12 марта 1953 г. Но за две недели до этого, 27 февраля, он получил партийное взыскание за то, что, вступая в партию в 1945 г., «*скрыл свою национальность*». Он назвался украинцем, будучи на самом деле евреем. Парторганизация горисполкома ему просто «*поставила на вид*», бюро горкома объявило выговор, а позднее освободило от должности¹.

Селективность приема в ряды партии во время кампании повысилась. Евреи неофициально были причислены к группе политически неблагонадежных. Бюро Нытвенского райкома 23 января 1953 года исключило школьного преподавателя физкультуры Шангайт И.Г. из кандидатов в КПСС, т. к. он «показал себя неустойчивым и нечестным коммунистом... при вступлении в кандидаты в члены партии присвоил себе новое отчество (Григорьевич вместо Гершкович. – А.К.)..., скрыв также точное имя отца и братьев»².

В послевоенные годы вступление в партию было облегчено. Многие кандидаты не очень хорошо знали Устав КПСС и труды основоположников и вождей. Поэтому, порой, достаточно было задать несколько вопросов по содержанию выступлений на съезде партии или по произведению Сталина, чтобы отказать в приеме в КПСС. Так случилось 20 февраля 1953 г. на заседании Березниковского горкома, где рассматривали вопрос о кандидате с 1951 года П.П. Сандлер. Его попросили рассказать об условиях перехода от социализма к коммунизму по сталинской работе «Экономические проблемы социализма в СССР». Он не сумел достойно ответить, и его не перевели в члены партии, «как неподготовленного для вступления»³. На этом же заседании приняли в партию еще трех человек другой национальности без проволочек и лишних вопросов.

Причину для исключения из партии можно было найти, внимательно изучив биографию человека. Л.М. Гипштейн исключили из партии за то, что она не написала в автобиографии о принадлежности отца к кадетской партии и о родственниках в Польше и Палестине⁴.

Показательной для начала 50-х гг. была история с синагогой. Еврейская религиозная община в г. Молотове состояла из 500 верующих. В мае 1952 г. в общине умер раввин. Нового искали по всему

¹ См.: Протокол заседаний бюро Александровского ГК КПСС от 27.02.1953 г. и 12.03 1953 г.// ПермГАНИ. Ф. 1594. Оп. 19. Д. 22. – С. 72, 96.

² Протокол заседания бюро Нытвенского РК КПСС от 23.01.1953.// ПермГАНИ. Ф. 91. Оп. 16. Д. 13. – С. 52.

³ Протокол заседания бюро Березниковского ГК КПСС от 20.02.1953.// ПермГАНИ. Ф. 59. Оп. 35. Д. 39. – С. 142-143.

⁴ Сообщение об архивных данных на коммунистов: Колосова, Гипштейн. 10.02.1953.// ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 121. – С. 179.

Советскому Союзу и в конце концов в ноябре пригласили молодого раввина из Одесской области. 12 декабря он получил справку о регистрации служителя культа. Однако, с 1 января 1953 года владелица помещения, сдаваемого под синагогу, отказала общине в аренде и по этой причине новый раввин был снят с регистрации. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Молотовском облисполкоме т. Мурзлов указал в отчете за первый квартал 1953 года, что «приглашенный общиной раввин Баренбайм... в тактичной форме предупрежден, что в случае подыскания общиной помещения, он все же не будет зарегистрирован раввином (руководствовался рекомендацией Совета, изложенной в письме от 5 февраля 1953 года № 1-21с)»¹. Таким образом, Мурзлов вынудил молодого раввина уехать, ссылаясь на конкретное письмо из Совета по делам религиозных культов.

Кроме того, уполномоченный запретил евреям собирать пожертвования на строительство новой синагоги. В отчете он объяснил, что это противоречит пункту «б» параграфа 6 раздела IV Инструкции для уполномоченных о недопустимости оживления религиозной деятельности населения². Все попытки евреев найти помещение под синагогу также встретили возражения властей. Когда верующие предложили использовать жилой дом по улице 1-й Гражданской № 7, им отказали, сославшись на заключение Госпожарнадзора УПО МВД от 10.02.1953 и справку Госсанинспекции от 11.02.1953. Официальные причины были такие: во-первых, вокруг дома на расстоянии 2-7 м «расположены легкосгораемые строения, т. е. дровяники», а «отопительная кирпичная печь не имеет надежного фундамента», следовательно, дом «не соответствует противопожарным нормам помещений общественного значения»³, во-вторых, требует дорогостоящего капитального ремонта, а «по проекту планировки и застройки г. Молотов... реконструкция... вызовет снос дома № 7 в том числе»⁴.

Евреи жаловались во все инстанции, но ни раввина, ни синагоги так и не получили. Хотя после окончания «дела врачей» председатель Совета по делам религиозных культов потребовал из Молотова отчет и заявил в новом письме: «Совет считает необходимым разъяснить

¹ Информационный отчет Уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Молотовском облисполкоме за 1 квартал 1953 года. 11.04.1953. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 129. – С. 165.

² См.: Информационный отчет Уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Молотовском облисполкоме за IV квартал 1953 года. 10.01.1953. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 128. – С. 93.

³ Справка о доме по улице 1-й Гражданской № 7 замначальника УПР УМВД по Молотовской области Пузанова. 10.02.1953. // ГАПК. Ф.р-1204. Оп. 1. Д. 4. – С. 84.

⁴ Справка о возможности использования жилого дома по улице 1-й Гражданской № 7 под молитвенный дом еврейской религиозной общины. 10.02.1953. // ГАПК. Ф.Р-1204. Оп. 1. Д. 4. – С. 83.

Вам, что чинить искусственные (подчеркнуто в документе. – А.К.) препятствия к деятельности ... общества не следует». Столь явное акцентирование, скорее всего, должно было сообщить о смене политического курса, но реальная ситуация в Молотове осталась прежней.

В целом, кампания была направлена не только против евреев. Круг подозрительных был весьма широк. Многие могли попасть в категорию неблагонадежных и провинившихся работников. Местным партийным органам необходимо было решить, кого считать таковыми. На протяжении всей сталинской эпохи существовал заслон на продвижение по номенклатурной лестнице определенных категорий населения. Нельзя было занимать руководящие должности, если человек проявил *неискренность перед партией*, выразившуюся в сокрытии компрометирующих фактов из биографии; если принимал участие в оппозициях, имел *связь с врагами народа* или имел судимость, особенно по 58 статье. В таком же положении находились спецпереселенцы и лица, имеющие родственников за границей.

После войны к этому списку добавился еще пункт: *находился на оккупированной территории или в плену врага*. Даже иметь родственника с таким пятном на биографии начальнику было нельзя, особенно во время политической кампании. Свердловский обком 3 марта 1953 г. снял с должности парторга треста Бокситстрой Миронова С.Ф., потому что его сестры проживали на оккупированной территории, а жена во время войны находилась в плену у немцев¹.

Кроме того, затрудняли доступ к руководящим постам национальность, возрастные характеристики, неудачные результаты работы на предыдущей должности, наличие проблем в личной жизни и т. д.² Эти же люди вошли в категорию политически неблагонадежных.

Нередко заслоны нарушались, особенно когда речь шла о небольших начальственных постах, но нарушались неофициально. До 1953 г. партийные инстанции просто старались не замечать подобных фактов. «Дело врачей» изменило ситуацию. Пленум обкома подчеркнул необходимость *«быть бдительными»* и *«выявлять политически неблагонадежных лиц»*.

В первую очередь постарались уволить с руководящих должностей евреев, хотя, как уже отмечалось ранее, это не признавалось официально. Секретарь обкома Ф.М. Прасс говорит в докладе о фактах семейственности и подбора кадров по приятельским и земляческим

¹ Протокол заседания бюро Свердловского обкома КПСС от 3.03.1953. // ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 52. Д. 30. – С. 4.

² См.: Мохов В.П. Эволюция региональной политической элиты России (1950-1990 гг.). – Пермь, 1998. – С. 126.

соображениям. Этот тезис напрямую заменяет этноним «евреи». По поводу землячества и семейственности приведено несколько весьма красноречивых примеров: «Завод имени Сталина и бывший начальник цеха некий Волчек, также создавший «семейку» расхитителей; трест «Губахтяжстрой», где «в техотделе работает жена заместителя главного инженера треста тов. Пеккер, в отделе кадров жена начальника спецотдела тов. Цисарь...» и пр¹.

Не всегда получалось уволить сразу. Профессора Молотовского фармацевтического института С.М. Арановского предложили отстранить от работы. Директор института согласился его уволить только в конце учебного года. В фонде обкома сохранилась копия письма, направленного директору фарминститута по этому поводу. В нем сообщается о фактах нарушений, допущенных профессором на предыдущей работе, а также подозрение в сокрытии от руководства родственников-эмигрантов:

«В министерство здравоохранения РСФСР поступило сообщение директора Казанского медицинского института, в котором приведены данные недобросовестного отношения проф. Арановского к обязанностям заведующего кафедрой и нарушения им установленных правил в период работы в Казанском медицинском институте,... плохая подготовка кадров, отсутствие критики и самокритики на кафедре... Также проверить, сообщает ли проф. Арановский в личном деле... о том, что его два брата эмигрировали в США в 1902 и 1914 гг.»²

По-видимому, на Арановского был донос, иначе трудно объяснить, почему начали проверять его биографию. На документе есть резолюция заведующего отделом науки и культуры обкома КПСС Г. Мадоннова, которая датирована 4 апреля: «С директором фарминститута Калугиным мы договорились, что по окончании учебного года Арановский из института будет освобожден». Почти месяц прошел с тех пор, как министерством здравоохранения было предложено «*подумать о дальнейшей работе профессора Арановского в институте*». Скорее всего, Калугин пытался защитить своего преподавателя. Но от него добились согласия на отложенное увольнение. Возможно, глава фарминститута надеялся, что к концу года что-то изменится, и увольнять не придется. Так и случилось.

Аналогичная ситуация сложилась и в Молотовском сельхозинституте. Его директор Масалкин не хотел увольнять «*нечестных людей и проходимцев*». В архиве сохранились недатированные «Заметки к выступлению» инструктора обкома Стариковой: «Тов. Масалкину было

¹ Доклад Прасса... // Там же. – С. 8-9.

² Письмо директору Молотовского фармацевтического института тов. Н.Н. Калугину из министерства здравоохранения РСФСР. 7.03.1953.// ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 129. – С. 118.

сказано, чтобы он освободил институт от этих нечестных людей. Сразу этого было сделать нельзя (не было замены), и мы согласились с тем, чтобы они пока работали в институте, но при условии замены их в ближайшее время. Это обязывало т. Масалкина вести себя с ними так, чтобы можно было использовать любой случай для того, чтобы освободить этих людей. Тов. Масалкин такой линии не вел. ... Тов. Масалкин хвалит Рабиновича на каждом шагу как лучшего лектора по вопросам организации сельхозпредприятий и линии на подготовку его освобождения из института не видно»¹.

На евреев, работавших в сельхозинституте были нападки и до 1953 года. В архиве был обнаружен донос, датированный 23 декабря 1952 г.: «В 1951 г. с 1 сентября Масалкин был переведен из обкома КПСС в сельхозинститут на должность директора. Все вздохнули свободно, казалось, сейчас уберут из института группу шкурников, и институт приступит к своим прямым обязанностям «воспитанию и образованию молодых специалистов сельского хозяйства». Но группа осталась существовать и при Масалкине, мало того, он сам примкнул к ней, к удивлению всех работников института. Возглавляют группу Рабинович М.П. – умный и хитрый еврей (выделено автором), и Юдкин – декан и зав. кафедрой овощеводства. Члены – Решин(?), Шапиро, Сахавчук, Масалкин»². Доцент М.П. Рабинович был заместителем директора сельхозинститута, он руководил работой Масалкина над кандидатской диссертацией, так что не удивительно, что тот пытался защитить его от нападков даже тогда, когда началось «дело врачей».

В Уральском государственном университете также имела место удачная попытка защитить талантливого работника от незаслуженного увольнения за национальность. Кампания против заведующего кафедрой политэкономии доцента Готлобера В.М. началась за несколько дней до выхода в печать сообщения ТАСС о врачах-убийцах. Была организована 11 января 1953 г. статья в областной Свердловской газете «Уральский рабочий» под названием «Против извращений марксистско-ленинской теории». Парторганизация отреагировала весьма оперативно, 13 января бюро университета обсудило состояние научно-исследовательской работы на кафедре политэкономии, и Готлобер В.М. вынужден был написать в газету письмо с признанием своих ошибок. Однако сам зав. кафедрой не был ни наказан, ни снят с должности. Поэтому 14 января в комсомольской газете «На смену!» перепечатали публикацию из

¹ Заметки к выступлению инструктора обкома Стариковой. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 12. – С. 758.

² Заявление на директора Молотовского сельскохозяйственного института Масалкина Николая Константиновича. 23. 12. 1952. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 178. Л. 98 – 99(об).

«Уральского рабочего» и дополнили ее критикой статьи Готлобера «Характеристика экономических законов при социализме», напечатанной данной газетой 28 ноября 1952 года. Но на это университет не отреагировал.

Кто-то явно мешал уволить Готлобера. Позже работники отдела науки Свердловского обкома рассказывали профессору Л.Н. Когану, что этим защитником был М.Т. Иовчук, зав. кафедрой философии Уральского университета, в прошлом работавший секретарем ЦК КП Белоруссии по пропаганде. Коган Л.Н. писал: «В 1952 году... «директивные органы» категорически требовали от ректората университета изгнать меня и доцента В.М. Готлобера – последних двух евреев, оставшихся на кафедрах общественных наук. Опальный, ссыльный Иовчук имел мужество заявить, что в этом случае он немедленно слагает с себя руководство кафедрой»¹.

Кампания «дело врачей», хотя и со значительным опозданием, начала разворачиваться в Свердловске. В обкоме КПСС была организована подготовка к вопросу о работе кафедры политэкономии Уральского госуниверситета. Заместитель заведующего отделом науки и высших учебных заведений Свердловского обкома КПСС Кузовлев П. составил «Справку о работе кафедры политэкономии УрГУ». Речь в ней шла, в основном, о недостатках в научной и организационной работе самого В.М. Готлобера: «Почти полное отсутствие контроля с его стороны за работой преподавателей и слабая помощь молодым преподавателям..., наличие на кафедре атмосферы благодушия, самоуспокоенности и некоторого зазнайства отдельных преподавателей»². Тут же автор справки вспомнил об ошибках зав. кафедрой, упомянутых в статье «Уральского рабочего» и о том, что Готлобер не был за них наказан. Кроме того, Готлобера обвинили в пристрастии к *антимарксистским взглядам*: «Тов. Готлобер в своих произведениях особенно ревностно цитировал известную антимарксистскую книжку Вознесенского. Например, в своей статье «К проблеме расширенного воспроизводства кадров в СССР» он привел 20 цитат только из этой книжки Вознесенского. Больше того, в некоторых своих работах он дословно приводил целые абзацы из книжки Вознесенского без указания источника»³.

¹ Коган Л.Н. «Неповторимая романтика социологии». // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. – С.-П., 1999. – С. 283.

² Справка о работе кафедры политэкономии УрГУ. Заместитель заведующего отделом науки и высших учебных заведений Свердловского обкома КПСС Кузовлев П. // ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 52. Д. 209. – С. 97.

³ Справка о работе кафедры политэкономии УрГУ. Заместитель заведующего отделом науки и высших учебных заведений Свердловского обкома КПСС Кузовлев П. // ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 52. Д. 209. – С. 87.

Вновь имя заведующего кафедрой политэкономии возникло на заседании бюро УрГУ 17 марта 1953 г. при рассмотрении вопроса о *работе курсов преподавателей общественных наук*. На этот раз возымел действие сигнал о том, что В.М. Готлобер *посещал ресторан вместе с некоторыми курсантами политэкономии*. Решено было проверить факты и вызвать Готлобера по этому вопросу¹.

Однако кампания закончилась, и делу Готлобера не успели дать ход. Заседание бюро Свердловского обкома «О работе кафедры политэкономии УрГУ» состоялось 19 мая 1953 г., но на нем Готлобера критиковали довольно мягко и не наказали, а лишь потребовали устранить недостатки². На заседании бюро УрГУ 23 июня зав. кафедрой политэкономии и вовсе оправдали. В заключительном слове секретарь Панюкова М.А. согласилась с мнением т. Иовчука, что «нужно было остановиться на анализе недостатков в работе кафедры, а не говорить об отдельных недостатках у работников»³. В личном деле Готлобера не сохранилось никаких следов критики 1953 года.

Следующая категория начальников, подвергшаяся разного рода гонениям в 1953 году – это те, кто *проявлял ротозейство и покровительствовал недостойным и политически неблагонадежным лицам*. Чаще всего таких руководителей критиковали, иногда выносили партийные взыскания, но очень редко снимали с должности.

Таким редким исключением был директор завода «Механолит» Ф.Л. Суслов. Конечно, здесь сложилась особая ситуация. Директор «Механолита» из соображений трудовой дисциплины уволил секретаря парторганизации, председателя заводского комитета и его заместителя, но, в то же время, защищал евреев, находящихся на руководящих постах. Фамилии главного инженера Розенберга, начальника технического отдела Ройхмана и начальника цеха Зелликмана фигурировали в газетном фельетоне годичной давности. Именно в покровительстве этим «неблагонадежным» работникам обвинили Ф.Л. Суслова. В 1952 г. директору завода простили этот грех.

Однако в 1953 г. в связи с развертыванием политической кампании антиеврейского характера не реагировать становится невозможно. Начинается серьезное разбирательство. С «пострадавшими» от рук Суслова ведутся беседы, сам директор пишет объяснительные, составляются справки и характеристики. И 23 января 1953 г. бюро

¹ Протокол заседания партбюро УрГУ г. Свердловска от 19.05.1953. // ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 134. – С. 83.

² Протокол заседания бюро Свердловского обкома КПСС от 19.05.1953. // ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 52. Д. 45. – С. 15.

³ Протокол заседания общего партсобрания УрГУ от 23.06.1953. // ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 153. – С. 71.

Молотовского обкома выносит постановление: «За злоупотребление правами единоначальника, нарушение государственной дисциплины, ротозейство, за отрыв от масс, игнорирование партийной организации и неправильное отношение к критике т. Сулова Ф.Л. с работы директора завода «Механолит» снять и объявить ему строгий выговор с занесением в учетную карточку»¹.

На Урале не удалось обнаружить следов подготовки парторганизаций к депортации евреев. Политическая кампания «дело врачей» осталась незавершенной. До арестов дело не дошло. Некоторым доносам не дали хода. Увольнение евреев-профессоров из медицинского и фармацевтического институтов отложили на конец учебного года, а затем и вовсе отменили. Л.В. Кац в июле 1953 г. решением комитета партийного контроля ЦК КПСС был восстановлен в партии. Он остался и в должности главврача областной клинической больницы. Чтобы сохранить лицо, партийный чиновник Голубев так объяснял отмену прежнего постановления:

«После рассмотрения вопроса на бюро обкома КПСС тов. Кац улучшил руководство больницей и лечебным процессом. Хорошо и в срок отремонтировал больницу»².

Таким образом, парторганизации на Урале включились в политическую кампанию 1953 года с заметным опозданием. Местные чиновники старались предотвратить новую чистку, и тянули с активными действиями столько, сколько возможно. Конечно, передовицы центральных газет перепечатывались незамедлительно, митинги и беседы по их разъяснению начались с первого дня кампании. Однако в полной мере Молотовская область поддержала действия центральных властей в начале февраля, а Свердловская область была готова только к концу этого месяца. Во всяком случае, февральские пленумы обкомов крупнейших регионов Урала соответствовали кампании лишь отчасти: Свердловский обком посвятил пленум теме критики и жалоб трудящихся, а Молотовский – кадровой политике области. При этом на Свердловском пленуме практически не прослеживается ни медицинская, ни антиеврейская направленность кампании. Молотовский пленум более соответствует духу кампании, некоторые выступающие высказывались по поводу неудовлетворительного состояния медицинского обслуживания, секретари обкома и городских райкомов, а также представитель МГБ приводили примеры проблемных ситуаций, главными героями которых были евреи или их *покровители*. Но эти выступления были весьма осторожны-

¹ Протокол заседания бюро Молотовского обкома КПСС. 23 января 1953 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 29. – С. 73.

² Справка о выполнении постановления бюро обкома КПСС от 5 февраля 1953 г. «О крупных недостатках в работе областной клинической больницы» 8. 12. 1953 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 136. – С. 31.

ми, национальности не назывались, русские и еврейские фамилии упоминались вперемешку.

Свердловская область отличалась большим количеством увольнений по национальному признаку. Молотовские руководители партийных и хозяйственных структур придерживались более осторожной линии: ограничивали прием евреев в партию, критиковали «теплые семейки», выносили партийные взыскания, но увольнения пока оставались на крайний случай.

Отдельные руководители крупных предприятий и учреждений заняли выжидательную позицию и ничего не предпринимали даже в ответ на требование уволить какого-нибудь «неблагонадежного» работника, только обещая разобраться. Кампания осталась незавершенной, но недоверие к медикам и страх перед проработками и разоблачениями сохранился надолго.

Кампания в местной прессе как способ идеологического воздействия на массы

Пропагандистская кампания в средствах массовой информации была основным способом организации масс. Через печать осуществлялся процесс макетирования общественного сознания¹. Газета была печатным эквивалентом формируемого властью массового сознания. Ленин В.И. писал: «Роль газеты не ограничивается... одним распространением идей, одним политическим воспитанием... Газета – коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также коллективный организатор»². В итоге, печать превращалась в свод инструкций.

Местную прессу можно классифицировать по территориальному признаку, выделив областные, городские, районные и многотиражные газеты. В Молотовской области, например, за 1953 год удалось обнаружить 59 газет, две из них, «Звезда» и «Молодая гвардия», областные, 39 районных, 14 городских и 4 многотиражных.

Политическая кампания направлялась директивными статьями. Всего примерно 12 статей из центральной печати выборочно присутствуют в местной прессе начала 1953 г. Следует отметить пять из них, которые перепечатывались чаще других, и являлись основой кампании: «Хроника ТАСС» и статья «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей» от 13 января; «Всемерно повышать бдительность на каждом участке работы!»; «Против благодушия и беспечности»; и, наконец, «Сообщение о прекращении дела врачей».

¹ Добренко Е. Грамматика боя – язык батарей. // Волга. № 10. 1993. – С. 131.

² Ленин В.И. С чего начать? // ПСС. Т. 5. – С. 11.

Молотовские и Свердловские областные газеты перепечатывали передовые статьи центральных газет вовремя, на следующий день после их выхода в тираж. Соответствующие характеру кампании местные материалы начали публиковаться в «Звезде» с 16 января, когда вышел на страницах газеты фельетон Г. Меньшикова «Комбинатор из Козловки». Речь в нем шла о Моисее Соломоновиче Шейнмане, которого летом 1952 года перевели с должности директора деревообделочного завода Козловки в город Молотов и, как было сказано в фельетоне, он «начал сколачивать кадры Молотовского домостроительного комбината... Распорядился выдать подъемные и проездные деньги прибывшему «подкреплению»¹. Автор требовал разобраться с безобразиями. Следует отметить, партбюро реагировало весьма оперативно. Уже 5 февраля в рубрике «По следам наших выступлений» сообщается, что факты подтвердились, а Шейнману был объявлен строгий выговор с предупреждением.

Орган Свердловского областного и городского комитетов КПСС «Уральский рабочий» поддержал характерную данной кампании тему критики только 23 января. Публикация И. Морозова «Глушитель критики» призывала бороться с такими людьми, как директор завода им. Воровского тов. Одинцов, который уволил одного из мастеров за критику². И лишь 29 января появился полностью соответствующий тематике кампании фельетон «Главный и его угодники» о главном враче уралмашевской больницы по фамилии Изох. Он, согласно заявлению авторов фельетона, мстил за критику, допускал семейственность и подхалимство, что послужило причиной того, что «в поликлинике появились грязь, клопы, тараканы. Участились жалобы рабочих Уралмашза-вода на качество лечения, возникли несчастные случаи с больными»³. Подобный материал не мог остаться во время кампании без ответа. Но и здесь можно наблюдать довольно лояльное отношение к обвиняемому. Ему объявили выговор без занесения в учетную карточку⁴.

Печатные органы обкомов и горкомов ВЛКСМ, свердловская «На смену!» и молотовская «Молодая гвардия» тоже достаточно быстро начали помещать местные материалы о критике и бдительности. Однако в передовых статьях не много фамилий, а заметка с еврейскими фамилиями первый раз появилась в «Молодой гвардии» 24 февраля⁵, а в газете «На смену!» 25 марта⁶.

¹ Меньшиков Г. Комбинатор из Козловки. // Звезда. 16.01.1953.

² Морозов И. Глушитель критики. // Уральский рабочий. 23.01.1953.

³ Иванов Л., Горин Г. Главный и его угодники. // Уральский рабочий. 29.01.1953.

⁴ Протокол заседания бюро Орджоникидзевского РК КПСС г. Свердловска от 10.02.1953. // ЦДООСО. Ф. 153. Оп. 15. Д. 23. – С. 78.

⁵ Богданов В., Фукалова И. Халтурщики. // Молодая гвардия. 24.02.1953.

⁶ Исакова Г. Беспринципное решение принципиального вопроса. // На смену! 25.03.1953.

Статьи о семейственности, зажиме критики, притупившейся бдительности, подборе кадров и попустительстве руководителей разных уровней начали появляться в областных газетах с конца января практически в каждом номере.

Таким образом, областная пресса достаточно оперативно публиковала соответствующие характеру кампании материалы, но они не содержали резких выпадов против влиятельных руководителей и не выделяли евреев.

Пресса работала в тесной связи с парторганизацией. Как отмечал журналист газеты «Звезда» А. Жуков в статье «Райком и его газета»: «Успешно справиться со своей задачей районная газета может лишь в том случае, если райком парии будет ею руководить, проявлять о ней повседневную заботу, помогать газете расширять круг авторского актива, улучшать массовую работу с рабселькорами и своими читателями»¹.

Тематика статей контролировалась во время кампании, особое место занимала тема критики. Бюро Пермского РК КПСС Молотовской области 17 февраля 1953 г. критиковало районную газету «К коммунизму» за то, что она «робко и несмело ... развертывает критику недостатков в работе колхозов, предприятий..., руководителей»². Аналогичные требования предъявлялись Мотовилихинским РК КПСС г. Молотова редакции многотиражной газеты «Молотовский рабочий»: «За последнее время в ней не появилось ни одной серьезной критической статьи в адрес руководителей завода, партийной и профсоюзной организации, начальников цехов и отделов, раскрывающих причины невыполнения плана»³.

Газета не должна была быть бесстрастным информатором. В обзоре печати газета «Звезда» от 17 февраля 1953 г. «Бюрократическое отношение к письмам трудящихся» разъясняла, какую форму должна иметь критическая статья:

«В любой корреспонденции, а в критической особенно, газета обязана не только описывать... факты, но и высказывать свое суждение по поводу их, делать выводы.... Газета должна раскрывать сущность фактов, их внутренний смысл, показывать общественно-политическое значение того или иного явления, раскрывать причины, порождающие это явление»⁴.

¹ Жуков А. Райком и его газета. // Звезда. 5.02.1953.

² Протокол заседания бюро Пермского РК КПСС от 17.02.1953. // ПермГАНИ. Ф. 1131. Оп. 25. Д. 41. – С. 67.

³ Протокол заседания Мотовилихинского РК КПСС г. Молотова от 20.01.1953. // ПермГАНИ. Ф. 620. Оп. 38. Д. 44. – С. 35-36.

⁴ Бюрократическое отношение к письмам трудящихся. // Звезда. 17.02.1953.

Структура печатных изданий была строго унифицирована. Как отмечал Е. Добренко, в газетах реализуются функции «репрессивного контроля с тотальной «просматриваемостью» и «простреливаемостью» пространства, которое специально клишируется таким образом, чтобы скрыть внеличную машинерию власти — вплоть до указания репертуара рубрик, количества телеграмм и строк петиции, отводящихся под информацию»¹.

В каждой газете на первой странице была передовая статья размером примерно 50—60 строк. Она должна была поддерживать и направлять общественное мнение в духе кампании. Районная газета строилась на местных материалах. Копировались только самые значительные передовые статьи центральной прессы. Важным во время кампании было вовремя перепечатать передовицу, а потом использовать собственные факты, соответствующие характеру кампании. Поскольку он был не до конца ясен, во всяком случае, указаний от парторганизаций не поступило, подбор материала оставался на усмотрение редактора. Поэтому разница между районами весьма значительна.

«Шахтер», орган Коспашского ГК КПСС, 29 января опубликовал статью под названием «Будем бдительными», в которой избиратели 30-го избирательного округа, всего 25 человек, выражали благодарность Лидии Тимашук, желали «верной дочери своего народа зорко следить за происками врагов, впредь разоблачать извергов-душегубов» и обещали «быть такими же бдительными, как всеми уважаемая врач тов. Тимашук»². Многие районные газеты напечатали сообщение о награждении Тимашук орденом Ленина, некоторые перепечатали статью О.И. Чечеткиной «Почта Лидии Тимашук» из «Правды» от 20.02.1953., но только в коспашской газете опубликовали «народную благодарность» Л. Тимашук.

Также немного районных газет сообщило о ходе собраний по поводу сообщения ТАСС о врачах-вредителях. Митинги сочли необходимым упомянуть только три районных печатных органа. Гайнская газета «Коллективист» даже сделала это дважды: 25 и 29 января. Информации о митингах были краткими и имели аналогичное содержание и лексику: «Гневом и ненавистью к подлым убийцам были наполнены слова выступающих...»³ Подобные сообщения должны были служить примером, но данная инициатива не являлась повсеместной.

¹ Добренко Е. Грамматика боя – язык батарей. // Волга. № 10. 1993. – С. 131.

² Будем бдительными. // Шахтер (Коспаш). 29.01.1953.

³ Кочергин И. Сурово карать наймитов-убийц. // За коммунизм (Юсва). 22.01.1953.

Реакция медиков на *разоблачение врачей-вредителей* была предметом публикации лишь в одной газете Молотовской области. Орган Александровского ГК КПСС «Боевой путь» 18 января на первой странице поместил заметку «Медицинские работники клеймят позором шпионов и убийц», в которой врачи городской больницы обещают, что «повысят требования к себе, усилят бдительность, пересмотрят всю работу в целях ее улучшения», будут «смелее внедрять новые методы лечения, критичней относиться к работникам аптеки, не останавливаться на достигнутом», заведующая родильным отделением дает слово «еще лучше оберегать материнство и младенчество»¹.

Отдельные районные и многотиражные газеты не включались в кампанию. Например, многотиражная газета молотовского завода им. Орджоникидзе «Ударник» поместила сообщение ТАСС об аресте группы врачей и об их реабилитации. Между сообщениями были выпущены 13 номеров, каждый по 4 страницы, со статьями о проблемах и успехах завода и о подготовке выборов в местные Советы. Тема критики, кадров, бдительности, медработников и евреев полностью отсутствовала.

Нами был проведен анализ 57 местных печатных изданий Молотовской области. В качестве основания для классификации использовались своевременность появления статьи в местной прессе и наличие собственной инициативы издателей. В результате удалось выделить три группы газет:

1. Директивные статьи перепечатали вовремя с добавлением местного материала.
2. Директивные статьи перепечатали вовремя, но ничего не добавили от себя.
3. Директивные статьи перепечатали с опозданием и с изъятиями.

Участие местной Молотовской прессы в политической кампании 1953 г.

	Количество районных изданий	Количество городских изданий	Количество многотиражных изданий	Итого в %% к общему числу газет
Перепечатали вовремя с добавлением местного материала	8	12	2	39
Перепечатали вовремя, ничего не добавили	10	3	1	24
Перепечатали с опозданием и с изъятиями	20	-	1	37

¹ Медицинские работники клеймят позором шпионов и убийц.// Боевой путь. 18.01.1953.

Данная таблица позволяет сделать вывод, что кампания носила спонтанный характер и не имела четкого управления. Заметны различия в активности печатных органов и интенсивности проведения кампании в них. Если говорить в целом, то городская пресса, включая и многотиражные газеты, была значительно активнее районной. Учитывая, что областные газеты полностью относились к первой группе, можно говорить о тенденции ослабления активности кампании в зависимости от удаленности района.

В массиве наиболее активных в 1953 г. городских газет можно выделить орган Березниковского ГК КПСС «Березниковский рабочий». Он следовал тематике кампании, перепечатывал директивные статьи из центральной и областной прессы. Статья «Ловкая Матвиенко и добродушные ротозои» Т. Вахрина о бухгалтере швейной фабрики № 2 и ее покровителе заместителе председателя горисполкома Лидермане была опубликована 28 января. Целый газетный разворот 27 января посвящен рубрике «От выборов до выборов», где представлен большой раздел с критикой здравоохранения. В «Письмах в редакцию» 31 января напечатано письмо А. Викторова «Нарушители трудовой дисциплины», в котором авторы сообщают о *недостойном* поведении газосварщиков Уралэнергомонтажа Шульца и Цертика, которые «свои личные интересы ставят превыше всего»¹. О зажимщиках критики рассказывали статьи П. Львова «О Сушкове и других» от 6.02.1953. и Л. Кукушкина «Неправильный стиль руководства т. Терехина» от 25.03.1953., фельетон Чегусова И., Бобырова И. «В вотчине Лыхина» от 7.02.1953. Несколько публикаций сообщают о недостатках медобслуживания, строительства медучреждений и обучения в медучилищах. Трудно сказать, почему данная газета была столь активна. Возможно, играет роль личностный фактор редакторского состава.

Следует отметить, что антиеврейский смысл кампании в районной печати был размыт. Русские фамилии явно преобладали. Наличие на страницах газеты примеров, негативно характеризующих евреев, в большей степени свойственно городской и многотиражной прессе Урала. Только в 14 из 57 печатных изданий Молотовской области о евреях была опубликована хотя бы одна статья, 9 из них принадлежат горкомам и заводоуправлениям. Следовательно, из 39 районных газет всего 5 в некоторой степени поддержали антиеврейский характер политической кампании 1953 года. Однако остается неизвестным, насколько велика в этой ситуации вероятность случайного совпадения.

¹ Викторов А. Нарушители трудовой дисциплины.// Березниковский рабочий. 31.01.1953.

Единственная газета, которая бесспорно сознательно публиковала критические материалы о евреях, это орган Кизеловского горкома КПСС «Уральская кочегарка». В статьях о беспечности, благодущии и неправильном подборе кадров приводятся, чаще всего, нерусские фамилии. Конечно, этноним «евреи» не произносился, но с конца января до середины марта 1953 года было названо около 16 имен неблагонадежных евреев.

В Свердловской областной газете «Уральский рабочий» за первые три месяца 1953 года можно выделить всего три статьи о евреях-начальниках. После фельетона о враче Изох Д.В. от 29.01. местные материалы с нерусскими фамилиями появились через 20 дней: 17 февраля письмо со Свердловского подшипникового завода *о зажимщиках критики* Рождественском и Гренадере и *пройдохах, присвоивших рационализаторское предложение*, технологе Бланкмане, начальнике абразивного отдела Брайнере и начальнике технического отдела Кособокове¹; 28 февраля статья о литературном критике по фамилии Хазанович, который «заявил, что рецензия пишется в первую очередь для писателя, а не для читателя», а это, по мнению редакции, «непонимание задач литературной критики»².

Молотовская областная газета «Звезда» более активна. За период кампании в ней публикации о евреях имели место около 10 раз. Причем их число увеличивалось с середины февраля до середины марта. Лица с нерусскими фамилиями, возможно, не всегда евреи, в прессе показаны как политически неблагонадежные, морально неустойчивые и склонные к нарушению советской законности. В разделе «Партийная жизнь» опубликовано письмо коммуниста З. Кулягина «В партии не может быть двух дисциплин», в котором автор заявляет, что «все или почти все нарушения трудовой дисциплины (на шахте «Рудничная». – А.К.) связаны с непартийным поведением начальника шахты... Лавниковского.... (Он) живет и действует, как его «левая нога захочет».... Пьяницы и дезорганизаторы производству идут к нему, как к своему покровителю и защитнику»³. В статье корреспондента «Звезды» Завьялова С. «Больше принципиальности в работе» о руководящих работниках Соликамского бумкомбината среди «сомнительных людей» большинство имеют нерусские фамилии⁴.

Областные молодежные газеты Свердловска и Молотова практически не публиковали статей, в которых звучали еврейские фамилии.

¹ Иванов М. Зажимщики критики пользуются покровительством. // Уральский рабочий. 17.02.1953.

² Критика и самокритика – друг и спутник таланта. // Уральский рабочий. 28.02.1953.

³ Кулягин З. В партии не может быть двух дисциплин. // Звезда. 17.02.1953.

⁴ Завьялов С. Больше принципиальности в работе. // Звезда. 5.03.1953.

В «Молодой гвардии», например, таких материалов во время кампании «дело врачей» было всего два.

Большое значение во время политической кампании имела рубрика «Письма в редакцию». Здесь газета должна была продемонстрировать активность масс. Конечно, отбор писем производился в соответствии с характером политической кампании. Судя по содержанию данной рубрики в свердловских и молотовских газетах, «дело врачей» не было четко спланировано. Не все редакции понимают, что нужно печатать. Некоторые, например, считали нужным похвалить врачей. В органе Коми-Пермяцкого окружкома и Кудымкарского ГК «По ленинскому пути» 28 февраля опубликовали письмо жителя Белолевского района В. Голева «Чуткий медработник», в котором автор хвалит фельдшера В.П. Казаринову за *хорошую, самоотверженную работу*¹.

С тем чтобы стимулировать население на дополнительную активность в газетах появляются публикации о политической бдительности, основанные на местном материале. В 1953 году статьи, в которых слова «бдительность» и «ротозейство» вынесены в заголовок, имели место в 47% молотовских газет.

Для пропаганды бдительности использовался любой повод. Газета «Колхозный клич» Пермско-Сергинского РК КПСС опубликовала 19 февраля передовую статью под названием «Выше бдительность!». В основе ее находился, произошедший за три дня до этого, случай трагической гибели *на боевом посту* начальника районного отдела МГБ Я.А. Усанова. Первые абзацы были заимствованы из публикаций центральных изданий о врачах-вредителях и капиталистическом окружении, а затем следовал такой текст:

«Об этом с новой силой говорит нам гибель от преступной руки классового врага начальника райотдела МГБ Я.А. Усанова... Есть еще вокруг нас мерзавцы из недобитых остатков враждебных элементов.... Из этого тяжелого урока должны сделать суровые выводы... все трудящиеся нашего района»².

Дети тоже должны участвовать в кампании, поэтому в Молотовской областной молодежной газете 12 февраля появилась передовая статья «Юнкор». Две трети ее занимает перечисление случаев, когда письма молодежи в редакцию принесли пользу государству. Заканчивается она традиционным напоминанием о капиталистическом окружении и призывом: «Наш юный корреспондент..., мало видеть недостатки, с ними нужно вести непримиримую борьбу. Будь же страстным борцом со всевозможным злом. Беспощадно разоблачай фальшивых

¹ Голев В. Чуткий медработник. // По ленинскому пути. 28.02.1953.

² Выше бдительность! // Колхозный клич (Орган Пермско-Сергинского РК КПСС). 19.02.1953.

людей, ротозеев и болтунов – злейших врагов нашего государства. Смелее критикуй все отсталое, что тянет нас назад.... Ждем твоих писем!»¹.

Уральские газеты не выделяли медиков или евреев, неблагонадежные люди могли находиться где угодно среди руководящих работников, поэтому еще одна тема, которую разрабатывала местная пресса во время «дела врачей», касалась кадрового вопроса. Материалы о кадрах близки по содержанию материалам о бдительности. В Молотовской области цикл статей на эту тему был открыт передовицей газеты «Звезда» «Работу с кадрами – в центр внимания», в которой сформулирована главная задача *в деле подбора кадров*:

«Всемерное улучшение качественного состава работников, укрепление партийных, государственных и хозяйственных организаций людьми, преданными интересам партии и государства, хорошо знающими дело и способными двигать его вперед.... Следует повысить бдительность, не допускать проникновения на руководящую работу людей, недостаточно проверенных в политическом отношении и не заслуживающих доверия»².

В данном случае газета была рупором пленума обкома, который состоялся 10-11 февраля. Согласно установкам, данным партией, в прессе должна была начаться кампания по разоблачению руководителей, позволивших развиться *семейственности, подхалимажу и покровительству политически неблагонадежным лицам*.

Статьи о кадрах публиковались повсеместно под похожими заголовками: «Порочная практика работы с кадрами» в «Гремячинском рабочем», «Улучшить работу с кадрами» в «Уральском шахтере», «Серьезные недостатки в подборе кадров» в «Сталинской путевке» или «Строго соблюдать ленинско-сталинские принципы подбора кадров» в Свердловской газете «Уральский рабочий». О партийных кадрах материал под названием «Блюсти чистоту партийных рядов».

Партийные и государственные инстанции должны были как-то реагировать на любую публикацию в газете. Даже неопубликованную корреспонденцию передавали для разбирательства и требовали отчета. Чтобы показать, что газета действительно борется за действенность своих выступлений, а письма в редакцию не напрасны, существовала рубрика «По следам наших выступлений». В начале 1953 г. организации реагировали быстро, особенно на характерные для кампании темы. Статья А. Дымова «Не вынося сор из избы» *о зажиме критики* в артели «Красный Урал» Усольского района Молотовской области,

¹ Юнкор.// Молодая гвардия. 12.02.1953.

² Работу с кадрами – в центр внимания.// Звезда. 14.02.1953.

покровительстве зажимщикам в газете «Ворошиловец» и в райкоме КПСС была опубликована в «Звезде» 28 января, 7 февраля результат проверки фактов, изложенных в данной корреспонденции, рассмотрели на заседании бюро Усольского РК КПСС. Главные действующие лица из райкома и газеты получили выговор, а директор артели строгий выговор. Рубрика «По следам наших выступлений» в газете «Звезда» напечатала об этом 25 февраля.

Взросшая во время кампании строгость редакций по отношению к реагированию организаций на сигналы печати вызвала вполне резонное требование не публиковать непроверенных фактов. Орган Еловского РК КПСС Молотовской области «Колхозный труд» 26 февраля 1953 г. опубликовал обзор печати под заголовком «Поступающие письма в редколлегию нужно проверять», в котором подчеркивалось, что неподтвержденную информацию лучше совсем не печатать¹.

Свойственная «делу врачей» медицинская тематика была освоена не всеми районными газетами. В Молотовской области, например, в начале 1953 года она присутствовала только в 53% местных газет, причем 1/3 из них опубликовала письма с благодарностью врачам. Аналогичную картину можно наблюдать в Свердловской области. Орган парткома, завкома и дирекции Нижнетагильского завода № 63 «Рабочий» уже 15 января поместил среди писем в редакцию благодарность работников пожарной и сторожевой охраны врачу Т.А. Федоровой. В заключение они пишут: «Как хорошо и радостно, что мы живем в Советской стране, где забота о простом труженике стоит на первом плане.... От всей души благодарим Коммунистическую партию... за неустанную заботу»².

В Молотовской области из 57 городских, районных и многотиражных газет 17 поместили в первом квартале 1953 г. статью под названием «Улучшить медицинское обслуживание населения». В различных изданиях название имело незначительные вариации: «Повысить культуру и качество медицинского обслуживания населения» или «Лучше обслуживать людей на дому».

Наиболее активными были редакции городских газет, однако и здесь включение в кампанию произошло с некоторой задержкой. В Молотовской области самый ранний материал критического характера о медиках опубликован в «Соликамском рабочем» 21 января 1953 года. Это было письмо К. Николаева под названием «За грубые

¹ См.: Поступающие письма в редколлегию нужно проверять. Обзор печати.// Колхозный труд (Орган Еловского РК КПСС). 26.02.1953.

² Пермяков С.С., Кисилев. Благодарность.// Рабочий (Орган парткома, завкома и дирекции Нижнетагильского завода № 63). 15.01.1953.

нарушения – к ответу», в котором автор писал о злоупотреблениях служебным положением главного врача Соликамской горбольницы Скробко и его бухгалтера Мальгина, и призывал «спросить с них по-настоящему... за их противозаконные действия, за бесхозяйственность, за нечестность перед государством, за обогащение за счет государства»¹.

Осуществление связи медицинской и антиеврейской тематики оставлено на усмотрение редакции. Материалы отбираются таким образом, чтобы среди множества русских фамилий встречалось несколько нерусских. В газете Боровского горкома Молотовской области «Путь к коммунизму» в редакционной статье «Улучшить работу медицинских учреждений города» от 30 января 1953 года сообщалось о недостатках во многих медучреждениях города и упоминались две фамилии – врача амбулатории Камводздравотдела Немешаевой и зубного врача городской поликлиники Люфт². Газета «Чусовской рабочий» от 13.02. в публикации Н. Михайлова «Когда принижена требовательность» приводит три фамилии медиков, работающих неудовлетворительно, среди них одна еврейская³. Аналогичным образом отбирала письма для обзора редакция газеты «Шахтер» Коспашского ГК КПСС⁴. Таким образом, редакторы, не имея четких инструкций, ведут себя осторожно и не акцентируют внимание читателей на местных врачах-евреях, в то же время, не дают забыть о них.

Таким образом, гранки газеты несли в себе код власти, который должен был отпечататься в сознании читателя. Поэтому все статьи и заметки были написаны простым, доступным и понятным для читателей языком, обладали значительной эмоциональной насыщенностью, использовали яркие, образные эпитеты. «Человекообразными зверями, продавшими душу и тело иностранным разведкам» называют арестованных профессоров-врачей в статье «Применить самую высшую меру наказания» от 25.01.1953. о митингах в Гайнском леспромохозе и стройуправлении.

Следует отметить, что во время политической кампании 1953 года магической силе печатного слова уже не придавали прежнего значения. За политические опечатки по-прежнему наказывали, но уже не так строго, во всяком случае, обходились без арестов. В газете «За

¹ Николаев К. За грубые нарушения – к ответу.// Соликамский рабочий. 21.01.1953.

² См.: Улучшить работу медицинских учреждений города.// Путь к коммунизму. 30.01.1953.

³ См.: Михайлов Н. Когда принижена требовательность.// Чусовской рабочий. 13.02.1953.

⁴ См.: Улучшить медицинское обслуживание населения (обзор писем).// Шахтер (Коспаш). 1.02.1953.

коммунизм» Юсьвенского района Коми-Пермяцкого округа 12 февраля, в разгар кампании «дело врачей», была допущена «грубейшая политическая ошибка», в статье «Против благодушия и беспечности» в последнем *призывном абзаце*, где говорилось: «Будем бдительны! Как бы не изворачивался враг, как бы не изощрялся он в своих попытках продлить свое презренное бытие, – победа остается за нами, ибо дело наше правое», вместо слова «за нами», набрано «за ними», а редактор опечатки не заметил.

Бюро Юсьвенского РК 14 февраля вынесло постановление: «За допущение политической ошибки... редактору райгазеты... тов. Баяндину В.М. объявить строгий выговор, заместителю уполномоченного райлита тов. Пеньковой поставить на вид... Предложить зав. типографией освободить от работы наборщицу Сторожеву за недобросовестное отношение к делу»¹.

В марте Сталин умер, а 4 апреля в «Правде» появилось сообщение об освобождении врачей за недоказанностью их преступления. Большинство уральских газет перепечатали его, но явного резонанса оно не вызвало, ошибки еще нельзя было выставлять напоказ. Можно, однако, обнаружить скрытую реакцию некоторых печатных органов на это событие.

Некоторые районные газеты впервые за всю кампанию опубликовали хвалебный материал о местных медработниках. В осинской газете «Красное Приуралье» 12 апреля появился обзор писем под общим заголовком «Благодарим за заботу о здоровье трудящихся», в котором представлена выборка положительных отзывов о врачах и медперсонале. И хотя «приток благодарностей работникам здравоохранения, воспитанным партией в духе беззаветного служения своей матери-Родине»² объясняется *безмерной заботой партии и правительства о благе народа*, данная публикация имеет большое значение.

Таким образом, на Урале «дело врачей» имело вполне традиционное для политической кампании начало. Передовица «Правды» была перепечатана местными газетами, невнятные и от того еще более зловещие намеки печати на еще не раскрытые преступления погружали общество в атмосферу большого террора. Однако дальнейшее развитие пропагандистской кампании в прессе не поддерживалось четкими инструкциями властей.

Основные темы кампании, медицинская и антиеврейская, разворачивались в местных уральских газетах не регулярно. Областная пе-

¹ Протокол заседания бюро Юсьвенского РК КПСС от 14.02.1953.// ПермГАНИ. Ф. 2283. Оп. 16. Д. 5. – С. 64-65.

² Благодарим за заботу о здоровье трудящихся. Обзор писем.// Красное Приуралье (Орган Осинского РК КПСС). 12.04.1953.

чать была более активна, но и в ней характер кампании читателям не просто было выявить.

В прессе публиковались статьи о критике и самокритике, о бдительности и борьбе за чистоту кадров, но был упущен националистический оттенок кампании. «Дело врачей» послужило сигналом для критики начальства вообще.

«Дело врачей» и провинциальная общественность

Каждая сталинская политическая кампания должна была мобилизовать население всей страны на борьбу с новым врагом. В 1953 году врагами были названы медики-убийцы, якобы работающие на американскую разведку через международную еврейскую буржуазно-националистическую организацию.

«Врачи-убийцы» обладали всеми признаками мифического чудовища: «банда человекообразных зверей... прикрывались высоким и благородным званием врача,... имели злодейские планы... и добивались чудовищной цели»¹. Кроме того, врачи, хотя и жили среди «нас», но *являлись носителями чуждой буржуазной идеологии и шпионами иностранных разведок*. Кампания призывала людей быть бдительными, то есть разоблачать «чужих», которые по-прежнему обитают среди «своих». Показательны в этом смысле слова школьной учительницы тов. Абрамовой на митинге рабочих и служащих Пятигорского ЛПХ Молотовской области по поводу сообщения ТАСС, которые газета «Коллективист» сочла *лучшим выражением мыслей собравшихся*: «Рожденный ползать – летать не может» – такими словами А.М. Горького можно сказать о подлых наймигах англо-американской разведки. Этим гадинам из лагеря «ползающих» дает пищу ротозейство»².

Помимо мифа о «чужом», в «деле врачей» власти опирались на миф о еврее, который имеет в советском государстве глубокие корни. Множество людей были готовы видеть в еврее врага, другим он казался, по крайней мере, подозрительным. Таким образом, политическая кампания «дело врачей», выбрав в качестве врага врача-еврея легко нашла поддержку в массах.

Однако не только правильно выбранный объект ненависти позволяет кампании найти широкий отклик. Особенность тоталитарного режима, когда власти контролируют все сферы деятельности человека,

¹ Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей. // Правда. 13.01.1953.

² Подлым убийцам – самую суровую кару.// Коллективист (Орган Гайнского РК КПСС). 29.01.1953.

а горизонтальных связей не существует, заключается в том, что люди безоговорочно верят средствам массовой информации. «А почему, собственно, я должен был верить Вам, а не газете «Правда?»»¹ – вспоминает сельский врач Вера Горелик отповедь одного из пациентов, который отказался вести больного сына к ней на прием в начале 1953 года.

Для успеха кампании в первую очередь важна организация властями необходимой последовательности действий. Вслед за выходом передовой статьи в центральных газетах на местах были организованы митинги, собрания, совместные читки передовицы и сообщения ТАСС о врачах-убийцах. В результате все граждане не только имели информацию о новых врагах, но и совместно осудили шпионов-врачей и в дальнейшем должны были проявлять бдительность. Не составляли исключение даже удаленные сельские районы. Гайнский райком, например, принял на бюро от 19 января такое постановление:

«а) Необходимо партийным организациям с получением газет провести во всех коллективах рабочих, служащих и колхозников митинги, собрания, где заклеить позором презренных шпионов, убийц и призвать советских людей к повышению революционной бдительности во всех звеньях нашей работы; б) Необходимо провести партийные и комсомольские собрания, на которых обсудить передовую статью газеты «Правда» и призвать... к повышению революционной бдительности, памятуя о том, что в районе проживает немало носителей буржуазной идеологии и морали...»².

Таким образом, парторганизация требовала организовать участие в кампании жителей отдаленных местностей, до которых газеты доходили с опозданием почти на месяц, а, возможно, до сего момента и вовсе не доходили.

Как полагается вести себя во время кампании, советские люди хорошо понимали. Достаточно было послушать сообщения по радио и прочесть газеты. До статьи в «Правде» никто и не подозревал о врачах-отравителях, а в ней уже сообщают, что «советский народ с гневом и возмущением клеймит преступную банду убийц и их иностранных хозяев»³. Призыв к бдительности и борьбе с ротозейством, напоминание о злобном буржуазном окружении, готовом завербовать каждого политически неблагонадежного, все это заставляло искать врагов вокруг себя. Мастер Ново-Тагильского металлургического завода Свердловской области заявил на митинге: «Разоблаченная шайка

¹ Горелик В. «...Терпением изумляющий народ»// Знамя. № 3. 1997. – С. 187.

² Протокол Гайнского райкома КПСС от 19.01.1953. // ПермГИАНИ. Ф. 66. Оп. 18. Д. 10. – С. 30.

³ Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей. // Правда. 13.01.1953.

шпионов врачей имеет свои щупальца и на периферии. Предлагаю проверить работу не только Министерства здравоохранения, но и других Министерств, а особенно нашего завода»¹. В результате, сами трудящиеся предлагают перенести «дело врачей» на местную почву, да еще и расширить круг подозреваемых.

Темы для бесед, посвященных сообщению ТАСС о профессорах-убийцах также предопределены передовой статьей. Во-первых, говорили о преступлении кремлевских врачей и требовали для них жесточайшего приговора. Каждый придумывал наказание в соответствии со своей фантазией. «Предать смерти этих скверных и подлых убийц»² – это одно из самых умеренных предложений. Были и другие: «Требуем высшей меры наказания – смертной казни через повешение»³, «их нужно умертвить ими же придуманными средствами, т. е. путем губительного лечения, да так, чтоб они мучились как можно дольше»⁴, «необходимо уничтожить как бешеных собак»⁵. Некоторые утверждали, что согласились бы уничтожить врагов собственными руками: «Мне всего 19 лет, но так велико мое возмущение, что если б мне поручили убить этих зверей в человеческом платье, то я могла бы это сделать, и у меня не дрогнул бы ни один мускул»⁶.

Такая жестокость масс свойственна тоталитарным режимам. Ханна Арендт отмечала: «В привлекательности зла для толпы нет ничего нового.... Злодеяние... обладает болезненной притягательностью,... а большевистские заверения..., что они не признают обычных моральных норм, стали главной осью коммунистической пропаганды»⁷.

Еще одной темой, продиктованной передовой статьей «Правды», было выражение негодования по поводу происков капиталистического окружения. «...Мы никогда не отдадим никому своих завоеваний. И впредь мы должны удвоить, утроить свою бдительность, не забывая о капиталистическом окружении»⁸ – заявлял на беседе агитаторов ма-

¹ Информация о реагировании на сообщения газеты «Правда» о подлых убийцах под маской профессоров-врачей // ЦДООСО. Ф.4. Оп. 52. Д. 127. – С. 125.

² Информация о проведении бесед по передовой газеты «Правда» от 19.01.1953.// ПермГАНИ. Ф. 85. Оп. 42. Д. 13. – С. 26.

³ Информация о проведении бесед по передовой газеты «Правда» от 19.01.1953.// ПермГАНИ. Ф. 85. Оп. 42. Д. 13. – С. 25.

⁴ Там же.

⁵ Там же. – С. 26.

⁶ Информация о проведении бесед по передовой газеты «Правда» от 19.01.1953.// ПермГАНИ. Ф. 85. Оп. 42. Д. 13. – С. 26

⁷ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. – М., 1996. – С. 409.

⁸ Информация о проведении бесед по передовой газеты «Правда» от 19.01.1953.// ПермГАНИ. Ф. 85. Оп. 42. Д. 13. – С. 25.

шинист паровоза в железнодорожном цехе Лысьвенского металлургического завода.

Разговор об усилении бдительности на собственном предприятии и жалобы на нерадивых специалистов – следующая тема для обсуждения на любом митинге. Обычно говорили о наболевшем. Рабочие Чусовского металлургического завода, например, обсуждали проблему плохой борьбы с хулиганством, «расценивая деятельность хулиганов, как проявление вражеской деятельности»¹. Но в первую очередь вспоминали о недостатках в области медицинского обслуживания. Большинство проблем, по-видимому, действительно имели место: «Очень много случаев желудочно-кишечных заболеваний... В больнице № 1 8 детей при переливании крови были заражены малярией...»², факты грубости медработников и халатного отношения к больным. Так было всегда, однако, в 1953 году на собраниях по поводу ареста кремлевских врачей многие поддержали призыв бригадира одного из цехов молотовского завода им. Сталина: «врагов надо уничтожить, а медиков надо встряхнуть»³. Высказывали предположения типа: «Необходимо разобраться с ростом заболеваний раком, дизентерией в гор. Молотове, – нет ли связи этой шайки бандитов с нашим городом...»⁴. Таким образом, врачей-вредителей начали искать на местах.

Медицинские работники выступали в аналогичном ключе. В подобной ситуации от них ждали самобичевания. Сестра-хозяйка родильного отделения говорила о недостатке белья, полотенец, родовых чулок, о том, что в больнице холодно, больные жалуются на плохое питание⁵. Молодой врач из железнодорожной поликлиники Пермской железной дороги сообщал на собрании, что «необходимо резко улучшить подбор руководящих кадров в медицинских учреждениях. У нас нередко ответственные посты доверяют людям, не внушающим политического

¹ Информация о настроениях и высказываниях трудящихся Молотовской области в связи с передовой газеты «Правда» – «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей» и сообщением ТАСС об аресте группы врачей-вредителей // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 185. – С. 44.

² Информация о настроениях и высказываниях трудящихся Молотовской области в связи с передовой газеты «Правда»... 5.03.1953. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 185. – С. 47.

³ Информация о настроениях и высказываниях трудящихся Молотовской области в связи с передовой газеты «Правда»...// ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 185. – С. 12.

⁴ Информация в ЦК КПСС о высказываниях трудящихся Молотовской области в связи с передовой газеты «Правда» «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». 14.01.1953.// Лейбович О.Л. Россия, 1941–1991. – С. 70.

⁵ См.: Докладная председателя Обкома профсоюза медработников от 1.02.1953 // ПермГАНИ. Ф.105. Оп. 20. Д. 407. – С. 2.

доверия»¹. Доцент стоматологического института сожалел о недостаточной воспитательной работе со студентами².

Однако медики не слишком увлекались самокритикой и, конечно, не стремились получить наказание. Поэтому, чаще всего, ограничивались общепринятыми штампами. Врач Кунгурской городской больницы ...Необходимо по заслугам наказать... шпионов, а с другой стороны, нужно повысить требовательность к себе, критически оценивать работу друг друга, более внимательно относиться к больным»³.

Большинство арестованных по «делу врачей» имели еврейские фамилии и были «завербованы еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт»». В результате подозрения по поводу местных евреев – это еще одна тема для обсуждения на митингах и собраниях.

Следует отметить, что антиеврейская направленность кампании местными властями не была актуализирована. Четких инструкций, по-видимому, не было получено. По этой причине областные и районные парторганизации старались смягчить в отчетах в ЦК КПСС национальную окраску кампании. В черновике «Информации в ЦК КПСС о высказываниях трудящихся Молотовской области» от 14.01.1953 г. фраза «принимаются меры к разъяснению рабочим, что поведение отдельных представителей наций не означает, что в этом повинна вся нация» была вычеркнута. Да и высказывание работницы шлюза КамГЭСстроя: «Зачем только евреев держат в Советском Союзе, они еще во время войны зарекомендовали себя плохо»⁴, – показалась излишне вызывающей и также не попала в чистовик. Местные власти предпочитали не спешить, чтобы не допустить роковой ошибки.

Однако, антиеврейских высказываний на митингах, по-видимому, было слишком много, о них нельзя было умолчать. Практически в каждом отчете обкома они присутствуют. Некоторые выступающие пытались завуалировать свой антисемитизм:

«Я не питаю никакой вражды к еврейской нации. Много среди них хороших и честных работников. Но национальные, корыстные чувства среди евреев развиты очень сильно... и эти корыстные чувства буржу-

¹ Информация о настроениях и высказываниях трудящихся Молотовской области в связи с передовой газеты «Правда»...// ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 185. – С. 17.

² Там же. – С. 45.

³ Там же. – С. 15.

⁴ Информация в ЦК КПСС о высказываниях трудящихся Молотовской области в связи с передовой газеты «Правда» «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». 14.01.1953.//Лейбович О.Л. Россия, 1941–1991. – С. 70.

азного национализма у них впитались в кровь, они наиболее склонны, поэтому, на измену и предательство и к ним надо особо подходить и проверять их на деле, а не верить на словах»¹.

Здесь вербализированы все основные черты мифологического еврея, чужого, к которому следует относиться с подозрением.

Другие выступающие откровенно требовали, «чтобы органы безопасности занялись деятельностью еврейских общин», «поменьше евреям давать руководящей работы, а дать им в руки лопаты»² и «сселить евреев в одно место, вроде Биробиджана»³.

Аналогичные народные настроения проявились во время выборов в местные Советы. На бюллетенях можно встретить такие надписи: «...Я голосую за партию, за Сталина. Прошу Вас разобраться с еврейским засильем на машзаводе»⁴.

Разговорами дело не ограничилось. В больницах и поликлиниках больные требуют приема только у русских врачей. Так уже в первые дни кампании, в железнодорожной поликлинике станции Пермь II один из рабочих отказался пойти на прием к врачу-еврею, о чем было немедленно сообщено в ЦК⁵.

Распространяются слухи, что евреи-врачи ошибочно ставят диагнозы, неправильно лечат, евреи-фармацевты неправильно изготавливают лекарства. В результате, для «лиц еврейской национальности» складывается невыносимая обстановка. Неудивительно, что «в настроении еврейского населения продолжает наблюдаться повышенная нервозность и почти общая подавленность. Евреи в общении с русскими неактивны, стараются уклониться от разговоров по существу событий. В общих беседах на предприятиях, в учреждениях и организациях участия не принимают»⁶.

Следует отметить, что секретарь Свердловского обкома более откровенен в своей докладной в ЦК КПСС, чем молотовские партийные функционеры. Он рассказывал и о проблемах самих евреев. В Свердловской информации сообщается, что евреи бо-

¹ Информация о проведении бесед по передовой газеты «Правда» от 19.01.1953.// ПермГАНИ. Ф. 85. Оп. 42. Д. 13. – С. 26.

² Информация в ЦК КПСС о высказываниях трудящихся Молотовской...14.01.1953.// Лейбович О.Л. Россия, 1941-1991. – С. 70.

³ Информация в ЦК КПСС о реагировании трудящихся Свердловской области на сообщение газеты «Правда» о подлых убийцах...// ЦДООСО. Ф.4. Оп. 52. Д. 127. – С. 125.

⁴ Отрицательные надписи на бюллетенях. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 201. – С. 22.

⁵ Информация о настроениях и высказываниях трудящихся...// Лейбович О.Л. Россия, 1941–1991. – С. 70.

⁶ Информация в ЦК КПСС о реагировании трудящихся Свердловской области на сообщение газеты «Правда» о подлых убийцах...// ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 52. Д. 127. – С. 125.

ятся самосуда, поэтому опасаются ходить по оживленным улицам, в очередях и в магазинах их «готовы избить и говорят такое, что и стоять невозможно»¹. Были упомянуты даже факты физического оскорбления евреев, однако уже в черновике эта фраза старательно заштрихована.

Свердловские власти делают вывод о необходимости «усилить работу по разъяснению национальной политики Советского государства среди всех слоев населения», но в то же время «ужесточить контроль за работой лиц еврейской национальности, занимающих ответственные посты»². В этом резюме прослеживаются все особенности решения еврейского вопроса на периферии Советского Союза. Центральные власти только намекали, никто не говорил вслух, что евреев надо уволить и депортировать. Местным партийным инстанциям необходимо было, не называя прямо евреев врагами, тем не менее, начать антиеврейскую кампанию.

Евреев-начальников продолжали смещать с занимаемых должностей. Казус Хайнмана достаточно выразительно рисует новую ситуацию. В этом деле даже имеется косвенное свидетельство о том, что существовал приказ об увольнении евреев. Начальник Углеуральской шахты № 4 С. А. Хайнман был снят с должности и исключен из КПСС в январе 1953 года. Секретарь Углеуральского горкома Губанов М.Ф. через своего друга, главного врача больницы при шахте № 2, передал Хайнману, что его увольнение связано с «установкой Молотовского обкома под любым предлогом снять с руководящей работы всех евреев, т. к. партия питает политическое недоверие к еврейскому народу, мол, они все шпионы, а 1953 год... будет годом изгнания всех евреев с руководящей работы... такой поворот сейчас в национальной политике». Он посоветовал не беспокоиться, Хайнман «не останется безработным, какой-нибудь Ванька будет начальником, а он главным инженером»³. Жена Хайнмана написала об этом письмо прокурору Молотовской области. Началось расследование. Губанову пришлось писать объяснительную, где он опроверг показания жены Хайнмана и сообщал, что Хайнмана С.А. исключили из партии за *зажим критики, семейственность и разложение трудовой дисциплины на шахте*. Дело затянулось на несколько месяцев. В мае 1953 года исключение из партии заменили строгим выговором с занесением в учетную кар-

¹ Информация в ЦК КПСС о реагировании трудящихся Свердловской области на сообщение газеты «Правда» о подлых убийцах...// ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 52. Д. 127. – С. 126.

² Там же.

³ Письмо Хайнман В.С. прокурору Молотовской области т. Яковлеву М.В. от 15.02.1953. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 177.– С.135.

точку. Без выговора было не обойтись: С.А. Хайнман имел с 1948 года собственную корову и принимал на работу спецпереселенцев.

Еще одно подтверждение наличия приказа об увольнении евреев можно найти в письме Мельника – Сербину, написанное в феврале 1953 г.: «В настоящее время принимаются меры к укреплению технического руководства трестом [Молотовсельмашстрой], а также замены ряда неподходящих работников (Сойфер, Перцович)»¹.

К работе евреев теперь проявляют особенно пристальное внимание. Каждая ошибка может привести к увольнению. Впрочем, серьезный повод требовался не всегда. Однако, публично и документально признавать причиной снятия с должности национальную принадлежность было запрещено.

Запрет не был снят даже после окончания «дела врачей». На заседании партийного бюро Свердловского государственного медицинского института 23 июня 1953 года слушали персональное дело члена КПСС С.П. Соломина. Ему отказали в утверждении отмены партийного взыскания по причине того, что он «в последнее время дал неправильное толкование факту освобождения его из института (заявил, что он освобожден по национальному признаку, как еврей)...»².

Увеличилось количество жалоб на врачей и медобслуживание. При этом чаще всего национальная принадлежность не играла сколько-нибудь значительной роли. Свердловская областная клиническая больница № 1 в отчете выявила особенности 1953 года. Под номером один числится увеличение количества жалоб на врачей терапевтического отделения³. Кроме того, многие люди предпочли вовсе не обращаться к врачам. В этом же отчете указано, что за 1952 год в больницу обращалось 82 206 человек, а в 1953 году – 66 407 человек⁴.

Не только евреи и врачи стали мишенью политической кампании «дело врачей». Уже на первых организованных митингах и собраниях кампании общественность искала недостатки и политически неблагонадежных среди ближайшего окружения. Пропаганда всеобщей бдительности позволяла активизировать массы даже в самых отдаленных районах, и отовсюду в различные инстанции направлялись так

¹ Мельник – Сербину. Февраль 1953 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 177. – С. 154.

² Протокол заседания партийного бюро Свердловского государственного медицинского института от 23 июня 1953 г. // ЦДООСО. Ф. 2112. Оп. 2. Д. 13. – С. 86.

³ Медицинский отчет ОКБ №1 г. Свердловска за 1953 г. // ГАСО. Ф. Р-2597. Оп. 1. Д. 20. – С. 321.

⁴ Там же. – С. 9

называемые жалобы и предложения трудящихся. Это позволяло людям выплеснуть накопившееся недовольство. Пожаловаться на проблемы и несправедливость начальников.

Демократические способы борьбы за свои права невозможны в тоталитарном обществе. Нельзя подать в суд на грубость начальника или отменить несправедливое увольнение. Девушке восемнадцати лет из отдаленной татарской деревни остается только умереть на ледоповале, где пьют болотную воду, живут в холодных бараках, скудно кормят и невозможно купить теплую одежду, или написать жалобу на своих начальников¹. Что-то добиться, или попытаться добиться, можно только таким путем. Хотя, чаще всего, жалобы оборачивались против самих авторов. Во время политических кампаний вероятность добиться желаемого результата значительно возросла. Начальники всех рангов оказывались в опасности.

Люди писали о том, что им ближе. О проблемах на своих предприятиях, о своих непосредственных начальниках. Немало оставалось и бытовых жалоб. По справке Чермозского РК КПСС Молотовской области первые три места по содержанию всех заявлений, прошедших через райком в первой половине 1953 года, занимают жалобы на «пьянство, бытовое разложение и другие аморальные поступки», «бытовые условия рабочих» и «злоупотребление служебным положением»².

Однако, во время политической кампании, в начале 1953 г., критика начальников начинала преобладать. Интересны данные, приведенные в одном из отчетов Кунгурского горкома партии за 11 апреля 1953 г.:

«Количество жалоб... значительно увеличилось... За три месяца 1952 – 76 жалоб, за три месяца 1953 – 103. Изменился и характер жалоб... Если раньше больше было по квартирным вопросам, то теперь больше сигнализируют о не порядках на предприятиях и учреждениях»³.

Напряженная обстановка сопутствовала всем политическим кампаниям. Подозрительность, страх, недоверие, пропаганда бдительности и борьбы с ротозейством мешали нормальному общению. Нельзя было чувствовать себя в безопасности даже рядом с близкими друзьями. Особенно тяжело в 1953 году пришлось евреям – врачам. В постоянном страхе перед арестом дома уничтожали любые компрометирующие материалы. Не хотелось идти на работу, слишком напря-

¹ Письмо Насыбуллиной. 18.12.1952. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 368. – С. 7.

² Справка о результатах проверки состояния рассмотрения жалоб и заявлений в Чермозский РК КПСС за первую половину 1953 г. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 199. – С. 149-150.

³ Отчет о ведении секретного и простого делопроизводства в Кунгурском ГК КПСС. 11/IV-1953.// ПермГАНИ. Ф. 158. Оп. 21. Д. 13. – С. 16.

женная там атмосфера: коллеги смотрят с подозрением, начальство ловит на ошибках, больные не хотят идти на прием. И так до самого конца политической кампании.

Представляет интерес развитие «дела врачей» в научной среде. В уральских вузах работало немало евреев. На 1 января 1953 года в Молотовском государственном стоматологическом институте работало 53 врача, из них 11 были евреями по национальности¹. В Молотовском государственном университете по состоянию на 1 октября 1952 года среди заведующих кафедрами было три еврея, из 54 старших преподавателей – 5 евреев. «Дело врачей» создало благоприятную обстановку для увольнения *лиц еврейской национальности*. В Молотовском государственном университете, например, уволили Л.Е. Кертмана, и только спустя пять месяцев это решение было отменено Министерством².

В Свердловских вузах не менее активно разворачивалась кампания по разоблачению врагов на собственной территории. В Уральском политехническом институте был уволен зав. кафедрой экономики химической промышленности доцент Сандлер. Объяснили этот шаг, конечно, не национальной принадлежностью, а тем, что «во-первых,... давно работая на научной работе, не имел совершенно печатных работ, объясняя это спецификой химического производства в то время... Кроме того,... т. Сандлер... не был связан в достаточной мере в последнее время с промышленностью». Директор института Пруденский на партсобрании 19 мая 1953 года ссылаясь на партийные источники этого решения: «Не только по нашему мнению, но и по мнению руководящих партийных органов его место более целесообразно было определено на кафедре экономической географии Госуниверситета»³.

Руководство Свердловского юридического института старалось не поддерживать антисемитский характер политической кампании «дело врачей». 13 февраля 1953 года парторганизация своим постановлением сняла строгий выговор с занесением в учетную карточку с заместителя директора института по административно-хозяйственной части Израила Пейсаховича Клейнера. Хотя, надо отметить, райком утвердил это постановление только после смерти Сталина⁴.

¹ Список специалистов с высшим образованием в Молотовском государственном стоматологическом институте по состоянию на 1.01.1953.// ГАПК. Ф. Р-1275. Оп. 1. Д. 65. – С. 19-30.

² См.: Лейбович О.Л. Университетские истории. Пермь, 1997. – С. 22.

³ Стенограмма партсобрания УПИ 19.05.1953.// ЦДООСО. Ф. 1910. Оп. 5. Д. 4. – С. 169.

⁴ Протокол бюро Молотовского РК КПСС г. Свердловска. 13.03.1953.// ЦДООСО. Ф. 1269. Оп. 12. Д. 138. – С. 140.

Не слишком поспешно в Свердловском юридическом институте началась и подготовка к увольнению и.о. заведующего кафедрой гражданского права и процесса профессора Юдельсона. Критиковать его начали еще в 1952 году, но, по-видимому, руководство дорожило ценным работником. На общем партсобрании Юридического института Юдельсона обвиняли в *космополитизме и преклонении перед иностранщиной*¹. 31 марта партбюро института рассматривало вопрос о состоянии научной критики и самокритики на данной кафедре. В преамбуле к постановлению сообщалось, что «профессор Юдельсон не показывает примера научной самокритики, не дал до сих пор развернутой критики своих ошибок... Нет в работах проф. Юдельсона серьезного разоблачения реакционной буржуазной юриспруденции»².

Наиболее активно поддержал кампанию Свердловский медицинский институт. Здесь, как уже отмечалось, были уволены многие врачи-евреи. Именно в данном вузе свердловские партийные власти собирались организовать собственное «дело врачей» на кафедре госпитальной хирургии. Ее заведующего профессора Лидского А.Г. на заседании ученого совета заставили оправдываться по поводу наличия в списке рекомендованной ординаторам литературы труда Фельдмана А.И., «врача-убийцы». Оправдания были довольно неуклюжими: «Профессор Богданов Ф.Р. принципиально поставил вопрос о списке литературы.... Сейчас нужно быть... настороже... Он (Богданов) говорил о книге Фельдмана – Болезнь пищевода. Я его, этого человека, никогда не видел, мне и в голову не приходило, что автор этой книги не хирург, и когда Ф.Р. (Богданов) мне указал, то немедленно эта книга была вычеркнута из списка»³. По-видимому, хороших книг по болезням пищевода было очень мало и Лидскому А.Г. не хотелось вычеркивать важную работу из списка. Во время кампании такое поведение было недопустимо, и только смерть Сталина спасла зав. кафедрой госпитальной хирургии от наказания.

Слухи, будто евреи станут еще одним народом, подвергшимся депортации, ходили и на Урале. В феврале 1953 г. В.С. Хайнман писала прокурору области М.В. Яковлеву: «Когда был отпечатан материал о группировке врачей-убийц отравителей в Кремлевской больнице, то пришли мои знакомые с шахты «Сталина» рабочий с женой т. Нагор-

¹ Протокол общего партсобрания Свердловского юридического института. 18.03.1953. // ЦДООСО. Ф. 2122. Оп. 2. Д. 8. – С. 100.

² Протокол заседания бюро Свердловского юридического института. 31.03.1953. // ЦДООСО. Ф. 2122. Оп. 2. Д. 8. – С. 112.

³ Протокол заседания ученого совета Свердловского мединститута. 13.02.1953. // ГАСО.Ф. Р-2195. Оп. 1. Д. 84. – С. 67.

ные проведать меня, что он, мол, на шахте слышал, что всех евреев будут снимать и сажать в тюрьму»¹.

Берия был инициатором публикации в печати статьи о реабилитации врачей и лишении Л. Тимашук ордена Ленина. Советские люди не привыкли слышать об ошибках властей. Поэтому признание МВД, что врачи были арестованы неправильно, у некоторых людей вызвало сомнение. На общем партсобрании Облздравотдела города Свердловска 21 июля 1953 года спрашивали: «Почему так получилось с группой врачей?» и «Было ли согласовано опровержение, которое поместил Берия в газете от Министерства внутренних дел о невинности врачей, с ЦК КПСС?»² Молотовские активисты на собраниях во время осуждения действий Берия задавали аналогичные вопросы: «Не связано ли дело Берия с группой врачей?» или «Правильно ли освобождены врачи?»³ Местные руководители часто не знали что ответить.

Другие сразу включились в новую игру и попытались приписать фабрикации «дела врачей» коварному замыслу Берия. Они говорили: «Тимашук была агентом Берия для фабрикации документов о врачах»⁴. Директор Свердловского пединститута Петров Я.Д. на закрытом партсобрании, посвященном осуждению действий Берия, сообщал следующее:

«Наметив подорвать дружбу народов СССР, созданную на основе неуклонного проведения в жизнь ленинско-сталинской национальной политики, Берия стремился посеять национальную вражду между народами нашей страны. По его заданию было сфабриковано дело о группе врачей. Берия знал, что весь следственный материал был получен в результате применения категорически запрещенных методов допроса»⁵.

Можно предположить, однако, что в данном случае директор института сказал лишнее. Снова напоминать слова передовицы «Правды» «Советская социалистическая законность неприкосновенна» о

¹ Письмо В.С. Хайнман о неправильном поведении секретаря Углеуральского ГК КПСС т. Губанова. 15.02.1953. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 177. – С. 138.

² Протокол общего собрания парторганизации г. Свердловска от 21.06.1953. // ЦДООСО. Ф. 273. Оп. 2. Д. 39. – С. 22.

³ Информация о проведении закрытых партсобраний в первичных парторганизациях по обсуждению постановления Пленума ЦК КПСС «О преступных и антигосударственных действиях Берия». 12.08.1953.// ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 199. – С. 86.

⁴ Протокол закрытого партсобрании Свердловского государственного педагогического института. 17.06.1953.// ЦДООСО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 29. – С. 111.

⁵ Протокол закрытого партсобрании Свердловского государственного педагогического института. 17.06.1953.// ЦДООСО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 29. – С. 116.

неправильных методах допросов по существующей традиции не следовало.

В целом, кампания сошла на нет тихо, ее сразу постарались забыть. Некоторые партийные организации даже предпочли не сдавать в архив протоколы заседаний этого периода. А редактор альманаха «Прикамье» Александров резко раскритиковал и отказался печатать повесть начинающего молотовского писателя А. Сергейченко, один из персонажей которой, врач по профессии, разоблачался как шпион. Редактор мотивировал это следующим образом: «В связи с изменением оценки дела о «Джойнте» и врачах, неправильно обвиненных во вредительстве и государственной измене, и в свете других внутривнутриполитических событий в стране в последнее время, считаю, что готовить сейчас к печати повесть «У синего моря» нельзя. Возможно, позднее эта повесть будет иметь свое звучание...»¹

Таким образом, последняя сталинская политическая кампания нашла широкий отклик в массах. Появилось недоверие к врачам, особенно если они к тому же были евреями.

Антиеврейский характер кампании остался официально не выявленным, тем не менее, бытовой антисемитизм имел место, особенно ярко его можно было наблюдать в Свердловской области. Общественность Урала, и научная в том числе, активно проявляла бдительность и искала врагов на своей территории. Одни делали это по обязанности, другие, чтобы добиться личной выгоды, третьи – выплескивали накопившееся недовольство или реализовали антисемитские настроения.

Социальная напряженность достигла такого накала, что люди не могли ограничиваться критикой врачей и евреев. Возросшее количество жалоб способствовало расширению кампании, когда под ударом оказывались начальники всех уровней. «Дело врачей» имело большое будущее как массовая политическая кампания, и только смерть вождя остановила поток репрессий.

Заключение

На Урале к началу 50-х гг. сложилась сложная социокультурная ситуация. Хронические невыполнения планов на предприятиях, авралы в конце каждого месяца, произвольное увеличение рабочего времени, невыносимые условия труда на лесозаготовках, сложные жилищные условия, отсутствие элементарных бытовых удобств, продуктовый и товарный дефицит – все эти проблемы способствовали росту социальной напряженности. Для сохранения существующего

¹ Справка о состоянии творческой работы учреждений искусств Молотовской области. 30.04.1953. // ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 306. – С. 105.

режима необходимо было включить население в новую политическую кампанию.

Роль врага в новой кампании играли врачи-евреи. Это имело свои резоны. Конечно, главная ответственность за неудовлетворительное медицинское обслуживание лежала на самой власти. На местах не хватало не только элементарного медоборудования, но и самих врачей, а больницы пребывали в аварийном состоянии и их количество не могло покрыть имеющийся спрос. Однако и медики часто не имели достаточной квалификации или равнодушно и халатно относились к своей работе. Поэтому, когда во время кампании гнев народа был направлен на локальные ошибки врачей, партия нашла в массах огромную поддержку.

Кампания дала возможность разрядить обстановку и найти виноватого. И, поскольку местным властям не были даны четкие инструкции, население имело возможность жаловаться не только на врачей-евреев, но и на начальников всех рангов.

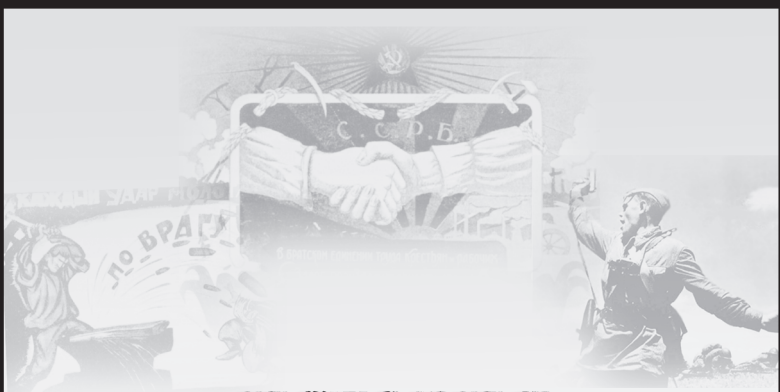
Региональные власти Свердловской и Молотовской области должны были всемерно развивать критику и требовать проявления бдительности с самого начала кампании, однако, кроме аккуратного перепечатывания передовых статей центральной печати и проведения обязательных митингов по поводу сообщения ТАСС, да и то, главным образом, в городах, местные парторганизации никакой активности не проявляли. Руководители понимали, что кампании имеют свойство разрастаться и могут утянуть любого. Найти причину для наказания не сложно. Урал был местом ссылки, поэтому на любом предприятии можно было обнаружить людей с запятнанной репутацией, так называемых *политически неблагонадежных*. Вышестоящий начальник или секретарь парторганизации при этом оказывался *покровителем*, что само по себе представляло значительное обвинение.

К концу января Молотовская область, а к середине февраля Свердловская область полностью включились в политическую кампанию. Февральские пленумы обкома, о проблеме критических выступлений и жалоб в Свердловске и о кадровой политике в Молотове, определили дальнейшую линию партии в кампании. Антиеврейский характер кампании остался в стороне, в докладе молотовского секретаря обкома Праща Ф.М. еврейские и русские фамилии чередовались.

В прессе появились местные материалы о критике, бдительности, ротозействе, проблемах кадровой политики и неудовлетворительном медицинском обслуживании. В Молотове успели развернуть собственное «дело врачей» в областной клинической больнице. На предприятиях и в организациях Урала выявляли неблагонадежных, некоторых евреев уволили, исключили из партии или сняли с руководящих должностей.

Массы активно приняли участие в кампании. Влияние прессы было безоговорочным. Увеличение количества жалоб сопровождалось активным разоблачением недостатков сослуживцев на партийных собраниях, так называемым ростом критики и самокритики трудящихся. Но увольнения не приняли повсеместный характер, чиновники были осторожны и старались ограничиться словами, наказания на местах были довольно мягкими. Причем чем более отдаленной была местность, тем меньше признаков кампании можно обнаружить. Отдельные руководители сумели отложить увольнения и сохранить ценных работников.

После смерти Сталина и реабилитации кремлевских врачей кампания на Урале была свернута. Некоторые сумели восстановиться на работе и в партии, партвзыскания были сняты под благовидным предлогом. Другие были вынуждены примириться. Несмотря на то, что центральная власть публично указала на неправильность ареста врачей, местные парторганизации не признали ошибок, что было вполне традиционно для непогрешимой коммунистической власти. Всесильная вера советского человека в печатное слово устранила сомнения, оставшиеся у населения. В дальнейшем о «деле врачей» предпочитали не вспоминать, даже в кругу семьи.

ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ...

РЕФЕРАТЫ ПЕРМСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Двенадцатый год пошел Всероссийскому конкурсу исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия - XX век». За это время около тысячи юных жителей Пермского края приняли участие в творческом состязании, многие стали победителями и призерами конкурса.

В этой главе мы публикуем лишь некоторые работы наших школьников. Надеемся, читатель оценит исследовательскую догадку, свежий взгляд и оригинальный стиль авторов, которым на момент написания реферата было не больше 16-17 лет.

Слово организаторам Всероссийского конкурса «Человек в истории. Россия - XX век»:

Арсений Рогинский,
председатель правления
Международного «Мемориала»

Никакое сколько-нибудь демократическое государство не построишь, если у его граждан отсутствует историческое и правовое сознание. Но как развить такое сознание у молодого человека? Главное, чтобы оно не приходило извне, чтобы молодой человек сам вступал в прямое соприкосновение с фактами, сам пытался их осмыслить и найти ответы на поставленные им самим вопросы. Конкурс дает молодым людям эту возможность.

Не так важно, какую тему выбрал школьник – биография ли это знаменитого земляка, судьба собственного деда или история завода, расположенного неподалеку от дома; важно, что в процессе своего исследования он сталкивается с десятками сюжетов и проблем, которые ему надлежит осмыслить. Тут-то и возникает ощущение себя в Истории – в истории своей семьи, своего города, своей страны. Ощущение, которое делает человека безразличным к истории.

Сигурд Шмидт,
председатель жюри конкурса

Конкурс «Человек в истории» — это очень значимое начинание, внушающее большой оптимизм людям разных поколений. В нем принимают участие молодые люди, которые сумели выбрать по зову души, по юной тяге к правде, важные и часто замалчиваемые моменты истории.

Я – ученый, и меня порадовало то, что учителя так подготовили своих учеников, что они научились находить значимое в обычных документах, что они научились так об этом писать, что эти работы издаются и у нас, и за рубежом и цитируются в исследовательских трудах.

Даже если победители конкурса изберут иную профессию и, может статься, далекую от сферы гуманитарных наук – они получили закалку в самостоятельной исследовательской работе, обрели определенный научно-методический опыт, расширили свой кругозор и, полагаю, углубили представления о нравственном долге человека.

Ирина Щербакова,
председатель Оргкомитета конкурса

Когда конкурс только еще задумывался, никто не ожидал, что он будет жить так долго и приобретет такие масштабы. Теперь-то ясно, что иначе и быть не могло — нашему народу за последнее столетие столько всего пришлось пережить и столько времени он был вынужден безмолвствовать, что потребность выговорится, часто неосознанная, в нем колоссальна. Не случайно в конкурсных проектах школьников, как правило, самое деятельное участие принимают родители, и мы это только приветствуем. Дать возможность реализовать себя одаренным детям из самых глухих уголков страны — прямая обязанность общества. То, что делает наш конкурс, наверное, лишь капля в море. И все же для сотен детей он стал окном в мир. А ведь ради и одного такого юного гражданина стоило бы потрудиться.

КАЗУС ИНЖЕНЕРА ДАЛИНГЕРА

Людмила Ладыгина,
ученица 11-го класса лицея № 1 г. Перми.
Научный руководитель **А. И. Казанков**¹

Скуби біса, поки линия
Украинская поговорка²

В детстве он был для меня вещью. Однажды кто-то из взрослых, работавших на ЗИДе³, обронил в разговоре: «Так это еще в пору Далингера было!» Догадавшись, что фраза должна была означать «давным-давно», я подумала, что далингер — какое-то старинное техническое приспособление. Наподобие арифмометра, который я видела однажды, когда сосед-пенсионер выгребал ненужный хлам из своего гаража. Воображение тут же услужливо втиснуло новое словечко куда-то между «дагерротипом» и «ремингтоном». До сих пор не знаю, что с ремингтоном делают.

Став постарше, я все-таки решила выяснить, что это за непонятный далингер. И с удивлением узнала, что это человек — раз; директор завода в годы войны — два; что его «посадили в тридцать седьмом, должны были расстрелять, но выпустили» — три. Поскольку слова «тридцать седьмой» и «посадили» не вызывали никаких ассоциаций, Далингер просто превратился для меня в «директора-котрого-не-расстреляли». Но запомнились многозначительные взгляды, которыми обменивались говорившие.

Странно, что я почему-то сразу вспомнила об этом давнем разговоре, когда мне, лицеистке социологического отделения, предложили выбрать предмет и тему для исследовательской работы: займись историей «директора-котрого-не-расстреляли». Я тогда еще не знала ни его имени, ни отчества, да и вообще, пожалуй, ничего не знала. Поэтому то, что говорили собравшиеся для обсуждения темы наши преподаватели истории, звучало тарабарщиной: «А, счастливчик Далингер!» — «Где дело хранится?» — «Надзорное?» — «Есть оба!» — и т. д. После чего меня честно предупредили, что работы будет много («пылью надышитесь»), снабдили отношением в архивы и библиотеки и назначили руководителем работы Александра Игоревича Казанкова.

¹ Работа ученицы 11-го класса лицея № 1 г. Перми. Получила вторую премию на конкурсе «Человек в истории. Россия — XX век». Печатается с сокращениями. — Примеч. ред.

² Сообщена мне в ходе работы научным руководителем А. И. Казанковым. (Букв. «Ощипывай черта, пока он линяет». — Примеч. ред.)

³ Завод № 10 имени Ф. Э. Дзержинского в г. Перми.

Насчет пыли не обманули. Я убедилась в этом удивительно жарким летом 2004 года, когда страдающее от палящего солнца население миллионного города спешно отъезжало на дачи или устремлялось на берега Камы. После слепящего света снаружи читальные залы архивов казались сперва полутемными и приятно-прохладными. Там-то я впервые окинула тоскливым взглядом три пухлых тома дела № 2242¹, хранящегося в Государственном общественно-политическом архиве Пермской области (ныне Государственный архив новейшей истории. – Ред.), и два не менее объемистых тома «Надзорного производства по обвинению Далингер В. Я. в контрреволюционной агитации»² в Государственном архиве Пермской области (ГАПО). Между двумя архивами расстояние в пять километров — час по жаре пешком. Едва приступив к чтению, я почувствовала, что глаза начинают слезиться, а нос распухать: у меня оказалась аллергия на пыль. Но, щурясь и чихая, сдаваться я не собиралась — мне обещали тайну. Тайну жизни и смерти. Тайну судьбы «директора-которого-не-расстреляли».

Со временем исследование расширялось. Руководитель в ответ на мои вопросы отсылал к новым фондам и говорил, что примерно там можно найти. Пришлось разыскать «Протоколы заседаний партийного комитета завода им. Ф. Э. Дзержинского»³, просмотреть «Отчетность о ходе проверки личного состава» в фондах ЗИДа⁴, «Прекращенное следственное дело по обвинению: Петрашко, Далингер, Айнбиндер, Максимова, Мальцева, Калачникова, Никонова (по ст. 58–7–11 УК РСФСР)»⁵, сходить в музей завода им. Ф. Э. Дзержинского, собрать все газетные публикации. В ходе исследования обнаружили материалы, непосредственно относящиеся к моей теме, которые размещены в Интернете [<http://stalin.memo.ru/spiski>]⁶.

В результате у меня в руках оказалась почти вся информация, касающаяся жизни моего героя в период с 1937 по 1940 год. Протоколы допросов, очных ставок, показания свидетелей, воспоминания. В них было ужасно много слов о двурушниках, вредителях, нефтяных сепараторах, взрывателях для мин, мотопилах и патефонных деталях (только материалы технической экспертизы составляют целый том). Но все они к делу не относились. Чем больше я узнавала, тем ясней понимала: суть дела проста — В.Я. Далингера хотели убить. Не уголовники и не немецкие диверсанты. Просто товарищи по партии. С голубыми петлицами и в

¹ Следственное дело № 8060 фонда № 641/1, УНКВД Пермской области. (Далее в тексте будет фигурировать именно дело № 8060. — Примеч. ред.)

² Дело № 7 фонда Р-1366, прокуратура Пермской области.

³ ГОПАПО. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 2.

⁴ ГАПО. Ф. Р-42. Оп. 2. Д. 3.

⁵ Там же. Д. 6.

⁶ АП РФ. Оп. 24. Д. 417.

партийных френчах. Причем не только его, и даже, пожалуй, не именно его. Как говорится, «ничего личного» (в том числе и вины). Тем более непонятным было, почему этого не сделали.

Мое исследование — не более чем попытка ответить на этот вопрос, версия. Но рассказывать ее я буду, «как будто так было на самом деле», делая, если потребуется, комментарии в ссылках. Там же я поместила и некоторые комментарии научного руководителя (с его согласия).

Еще несколько предварительных замечаний. То небольшое, что я знаю о различии между отливкой и штамповкой, легированной сталью и бронзой, я позаимствовала из разговоров с преподавателями ПГТУ¹. Метафора игры пришла из воспоминаний сына Владимира Яковлевича Далингера — Виктора: «Они стали играть со своими мучителями в смертельные “жмурки”...»² Мой руководитель подсказал другой образ — сеанс одновременной игры, когда несколько шахматных партий ведутся на разных досках и при этом как-то связаны между собой. Отсюда — присутствие в работе «шахматной» терминологии. А начать я хотела бы фразой, которую сотни раз повторяла про себя. Итак...

Глава 1.

*Дебют*³

Его должны были расстрелять в ноябре 1937 года. И происходило бы все совсем не так, как виделось тогда, в 37-м, после ареста отца его сыну: «Представлял себе шеренгу милиционеров в белых гимнастерках и кастановых остроконечных шлемах, целившихся из наганов в отца, стоящего перед ними почему-то в вышитой рубашке, улыбающегося и совсем домашнего»⁴. Скорее всего, его «шлепнул» бы отупевший от усталости полупьяный «исполнитель»⁵. В затылок. Не целясь.

Выстрел хлопнул бы в звонком и прозрачном воздухе морозной ночи, одной из тех, которые так часты у нас на Урале в середине осени, и инженер Владимир Далингер, 1906 года рождения, член ВКП(б) с 1927 года, технический директор завода № 10 им. Ф. Э. Дзержинского, сгинул бы в безвестной могиле.

¹ Пермский государственный технический университет.

² Далингер В. В. Как я был детдомовцем // Звезда. 01.12.1988.

³ «ДЕБЮТ», а, м. 1. Первое или пробное выступление на сцене, на новом поприще. Д. в оперном театре. Д. молодого поэта. 2. Начало шахматной партии. Ферзевый д.» (Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М., 1984).

⁴ Далингер В. В. Как я был детдомовцем.

⁵ Прочитав это, мой руководитель сказал, что из-за нехватки «исполнителей» для расстрелов в 1937 году иногда привлекали даже постовых милиционеров.

На начало ноября указывает все: соотношение даты ареста и сроков следствия, время отправки дела на Военную коллегию Верховного суда. Даже спешка, с которой оно было «сшито», свидетельствует о том, что в пермском НКВД спешили отрапортовать к ноябрьским праздникам.

В действительности все будет по-другому. Он умрет своей смертью почти через двадцать лет, в 1956 году, на белоснежных простынях одной из московских больниц «для начальников». Еще бы: заместитель министра общего машиностроения, орденоседец! Один из тех, кто ковал Победу. Но, пожалуй, лучше рассказывать все по порядку...

Бронзовый барабан «изделия НС-15» вращался все быстрее. Стальной, конечно, был бы прочней, но стали нужной марки не было, так, авось (наше вечное «авось»), и бронза выдержит. Напряжение внутри конструкции стремительно росло, но это никого особенно не пугало — все-таки седьмое испытание в серии. Неожиданно грохнуло так, что все присутствовавшие в мгновение оглохли. Эффект разрыва барабана нефтеочистительного сепаратора, которым должны были комплектоваться мощные дизели надводных судов военного и торгового флота СССР, был кошмарен. На испытательной площадке цеха № 2 остались лежать два неподвижных тела, раненые надрывно кричали, а уцелевшие, еще

не до конца поняв, что они уцелели, остолбенело ощупывали руки, ноги и головы. Всего пострадало пять человек¹.

Об ужасной аварии на ЗИДе тогда, в марте 1936 года, по Перми еще долго ходили самые невероятные слухи. Говорили шепотом, так как завод № 10 был оборонным и болтать о нем строго запрещалось. Но тех, кто чудом остался жив, просто распирало желание поведать о том, что «рядом графин стоял, так вот ему горлышко снесло вчистую, а на мне — ни царапины!» Часто повторялось слово «вредительство», однако подробностей не знал почти никто. Происшествие расследовала комиссия, результаты деятельности не разглашались, но вроде бы было установлено восемь виновных и осуждено несколько человек. Казалось, дело сдано в архив и забыто. Но только казалось.

* * *

События, предопределившие судьбу моего героя, могут показаться никак с ней не связанными (первые ходы в игре были сделаны на других досках).

Вот одно из них. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года недавно назначенный наркомвнудел Н. И. Ежов выступил с докладом о диверсионно-вредительской деятельности врагов народа. По докладу была принята резолюция о передаче дел Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова в НКВД — сигнал к охоте на правых. Одним из проявлений грядущей кампании стал призыв Сталина к развертыванию критики и самокритики, явно направленный против крупных партийных и хозяйственных деятелей.

Вот другое. Через три месяца был исключен из партии и арестован Иван Дмитриевич Кабаков, первый секретарь Уральского (с 1934 года — Свердловского) обкома, полномостный хозяин Урала с 1929 года. Арестован как руководитель Уральского центра правых и в положенный трехмесячный срок расстрелян².

¹ Из воспоминаний начальника механического цеха А. И. Малинина, хранящихся в фонде музея завода им. Ф. Э. Дзержинского, любезно предоставленных мне хранителем Ниной Федоровной Ефимовой: «На заводе осваивали нефтеочистительный сепаратор в механическом цехе № 2 на площадке 2 этажа. Шло испытание. И в момент пуска этого сепаратора (он из бронзы) барабан разорвался, и осколками были убиты инженер-конструктор Мебель и Гаускин, 2 человека — производственные мастера были ранены (ампутированы руки — у одного правая, у другого — левая рука), слесарь Субботин был ранен в живот, т. е. от этой аварии пострадали 5 человек. Интересно, производственный мастер Ширинкин сидел вблизи испытания за столом, на столе стоял графин с водой — осколком снесло горлышко графина, а Ширинкин был даже не ранен».

² Расстрелян 3 октября 1937 года (ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1 Д. 2242. Т. 1. Л. 462).

Вырисовывается следующая многоходовая комбинация: в стране орудует разветвленная, тщательно законспирированная организация сторонников Бухарина и Рыкова (последних разоблачает сам Ежов). На промышленном, буквально напичканном оборонными заводами Урале действует ее региональный филиал, возглавляемый Кабаковым. Кто же в него входил? Шпионы и диверсанты, назначенные на руководящие должности самим Кабаковым. Они составляли бюро обкома, руководили городскими партийными организациями, издавали областную газету, командовали полками и дивизиями¹.

Кого же тогда «протаскивал»² на руководящие должности бывший первый секретарь обкома, оказавшийся врагом, здесь, в Перми? Наверняка тоже врагов. И дело чести сотрудников Пермского НКВД их выявить. С них ведь и спросят: куда, мол, глядели? Вот тут-то и выясняется, что разменной фигурой в затеянной на самом верху политической игре мог стать любой руководитель, делавший карьеру при Кабакове. А Далингер как раз ее и делал. И какую карьеру!

* * *

Владимир Яковлевич родился в городе Кунгуре Пермской губернии в 1906 году в семье счетовода. Там же, закончив Кунгурский машиностроительный техникум, получил среднее техническое образование. После техникума поступил на заочное отделение Уральского индустриального института. В 1927 стал членом ВКП(б), и с этого момента судьба ему неизменно благоприятствовала. На следующий год Далингер как партийный выдвиженец (по комсомольской путевке) был принят на завод № 10 имени Ф. Э. Дзержинского в должности техника распредбюро сепараторного цеха. Год спустя он уже начальник этого бюро. Еще через год – помощник начальника цеха № 11. Пройдет всего три года с момента прихода Далингера на завод, как в 1931-м его назначат начальником этого цеха. В 1933 году – новый карьерный взлет, теперь он заместитель технического директора завода по производству, а годом позже – технический директор завода. Трудолюбия и организаторского таланта Далингеру, видимо, было не занимать (на заседании парткома завода в 1937 году он признается, что шесть лет не был в отпуске³).

¹ «Большинство членов бюро и пленума обкома прошлого состава было подобрано из заклятых врагов народа», — утверждала совершенно секретная резолюция II Свердловской областной конференции ВКП(б), принятая 19 июня 1937 г. // Политические репрессии в Прикамье. 1918–1980-е гг.: Сборник документов и материалов. – Пермь, 2004. – С. 245.

² Это словечко особенно часто встречается на страницах дела. Кажется, что обвиняемые только и делали, что кого-то или что-то «протаскивали».

³ ГОПАПО. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 2. Л. 22.

Разумеется, получить такое назначение без поддержки первого секретаря обкома Владимир Далингер не мог – это противоречило бы кадровой политике того времени. Конечно, его блестящая карьера творилась под благосклонным взглядом партийного начальства, городского и областного – наш, уралец, молодой, энергичный. Он на виду, сам легендарный¹ наркомтяжпром Серго Орджоникидзе его знал и даже подарил легковую машину (ее отберут после ареста и так и не вернут после освобождения). Далингеру всего 31 год, он женат на Капитолине Ефимовне Яковенко, у них сын пяти с половиной лет. Есть няня. Проживают они в трех комнатах на ул. Луначарского, 99, кв. 43.

Было, правда, одно досадное обстоятельство, испортившее анкету. В 1935 году родную сестру Далингера Маргариту, работавшую в то время секретарем парткома одного из цехов Магнитогорского металлургического комбината, арестовали, обвинив в пособничестве (еще одно слово!) секретарю горкома партии Виссариону Ломинадзе².

Тут мой герой поступил совсем не героически – поспешил заявить в горкоме ВКП(б) и в парткоме завода, что связей с сестрой не поддерживал и материально ей не помогал³ (может, и вправду не помогал?). Так поступают пермские дачники, укушенные клещом (вдруг энцефалитный?), – бегут в ближайший медпункт, где им делают профилактический укол. Помогает не всем. Не помогло и ему.

* * *

Помощник директора завода по ОНУ⁴ Коваленко отложил перо с чувством исполненного долга. Он не считал себя доносчиком. Писать докладные входило в его обязанности – вот он их и писал. «Капитану государственной безопасности НКВД г. Перми т. Лоссосу⁵. При приеме дел и ознакомлении с секретным делопроизводством завода мне стало известно из разговора с гражданином Никоновым М. К. о том, что на заводе в 1936 году был взрыв маслоочистителей-сепараторов авария, предположение есть что это делалось с целью вредительства, т. к. нужно их было делать стальными, а инженер Гаускин И. В. и Мебель Г. М.⁶ изготовляли бронзовыми таким образом

¹ Я так и не поняла, почему Серго Орджоникидзе называют легендарным. Он ведь был просто членом правительства.

² Для моего руководителя это выглядело предзнаменованием: связка Владимир Далингер — «правый» Кабаков в точности повторит связку Маргарита Далингер — троцкист Ломинадзе.

³ ГОПАПО. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 2. Л. 22.

⁴ Аббревиатуру «ОНУ» расшифровать не удалось.

⁵ Коваленко не отличался особой грамотностью. Вот и имя Леопольда Георгиевича Лосося, возглавлявшего ГО НКВД Пермской области с июля 1934 по август 1937 года, он написал неверно. В августе 1937-го Лосос застрелится, будучи уже майором ГБ.

⁶ Оба упомянутых инженера погибли во время аварии.

эти сепараторы могли бы взорваться на судах и причинить убытки нашему государству»¹.

Перспектива устроить показательную расправу над руководством ЗИДа, разоблачив засевших там вредителей, показалась заманчивой, и докладной дали ход.

Вскоре в кабинете технического директора завода № 10 Владимира Далингера раздался телефонный звонок. Звонивший сообщил, что беспокоит Лосос «из органов», и первым делом поинтересовался, не является ли прошлогодняя авария на заводе умышленной. Далингер отрицал наличие умысла, но, как он признавался позже, у него появилось подозрение, что «здесь не просто так»². Далингер, конечно, и вообразить не мог, что именно он и окажется главным виновником трагедии.

Наверняка он стал догадываться об этом на заседании партийного комитета завода, куда его вызвали 27 июля 1937 года³. Директор завода Иван Иосифович Петрашко (тоже из кабаковских назначенцев) выступал с докладом о ликвидации последствий вредительства на заводе. Чувствуя надвигающуюся угрозу, Петрашко постарался переложить часть вины на Далингера. Вспомнил все: арестованную сестру,

¹ Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация оригиналов. ГАПО. Ф. Р-42. Оп. 2. Д. 3. Л. 118.

² ГОПАПО. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 2. Л. 22.

³ Мне очень повезло, ведь я нашла протокол того самого заседания. Мы с научным руководителем вычислили, что он должен был существовать, но я была просто счастлива, когда наши догадки подтвердились. Моя реконструкция происшедшего опирается на материал: ГОПАПО. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 2. Л. 22.

отъезд на курорт в момент отчетно-выборной кампании в партии («удрал от самокритики») и, конечно, злосчастную аварию при испытании сепаратора.

В своем выступлении по докладу Петрашко Далингер пытался оправдаться по всем пунктам. Еще раз отмежевался от сестры. Объяснил, что взяться за выпуск машин при отсутствии у завода необходимых материалов его вынудили в главке, а работавшая после взрыва комиссия в своих выводах его вовсе не упомянула. Что на курорт уехал потому, что шесть лет не был в отпуске. Далингер словно не понимал, что каждое его слово будет истолковано превратно. Ведь он явно «юлил», «замазывал» и «убаюкивал», «прятал политическое лицо». Каяться нужно было, каяться! Но, как оказалось, главное обвинение было еще впереди.

Вопрос Петрашко прозвучал внезапно, как выстрел:

– Далингер, знал ли ты, что тебя выдвигал Кабаков на должность директора завода?

Простенький вопрос, но какой подтекст: а за какие это заслуги и с какой целью японо-германо-троцкистско-бухаринский шпион продвигал тебя на должность директора?

Я не идеализирую своего героя. Далингер был человеком своего времени и поступал согласно правилам этого времени. Он выстрелил в ответ, причем отравленной пулей:

– Не знал и был удивлен твоим выступлением на собрании. Ты мне говорил [что] Кабаков очень доволен, что тебя выдвинули на завод имени Дзержинского, что он тебя знает еще с [завода имени] Молотова.

Подтекст: нет, японо-германо-троцкистско-бухаринский шпион был рад именно твоему назначению, он тебя давно за собой тянет.

Все присутствующие прекрасно понимали, о чем идет речь. Поэтому в заключительной речи секретарь Кагановического райкома партии т. Балтгалв от имени «партийной и беспартийной массы» потребовал «полной ликвидации и полного выкорчевывания всех врагов», приказал прекратить «миндальничать и делать отсрочки», а у Далингера и Петрашко «немедленно отобрать партбилет».

Удивительная сцена. Директор завода, пытаясь выкарабкаться, «топит» своего главного инженера, главный инженер «топит» своего директора (в результате сядут оба). А им обоим в свою очередь помогает «утонуть» секретарь райкома, которого затем тоже арестуют и расстреляют¹.

В итоге было принято постановление: «За укрывательство врагов народа и иных вредителей, за потерю классовой бдительности, за зажим самокритики, за семейственность, подхалимство, за обман

¹ Балтгалв был арестован 20 сентября 1937 года.

партии, за бездушное отношение к нуждам рабочих завода, служащих инженерно-технических работников т.т. Далингера и Петрашко из рядов ВКП(б) ИСКЛЮЧИТЬ и все материалы передать в следственные органы»¹.

Бюро Пермского горкома от 27 июля 1937 года в своем постановлении подтвердило решение заводской и районной парторганизаций об исключении из рядов ВКП(б) Далингера В. Я.² За этим могло следовать только одно – увольнение с завода и арест.

Далингер предпринимает отчаянную попытку спастись – едет «за правдой» в Москву. В поезде он узнает о том, что арестован преемник С. Орджоникидзе – Рухимович, и решает вернуться в Пермь. Но сделать это не успеет – его арестуют прямо в вагоне³.

* * *

Дебют сыгран. В результате Большой Политической Игры «перспективная проходная пешка» – В. Я. Далингер – оказалась в проигрышной позиции. Те, кто начинал «двигать фигуры», не имели в виду именно его – в Далингера попало «рикошетом от рикошета». И шансов уцелеть у него, казалось бы, не было. Однако...

Глава 2.

*Миттельшпиль*⁴

Пахло нафталином и табачным дымом (ночные гости непрерывно курили). Все началось два часа назад, в ночь со 2 на 3 августа 1937 года, когда в квартиру № 43 постучали. Испуганная няня, накинув шаль, подбежала к двери. «Вам кого?» – дрожащим голосом спросила она. «НКВД. Открывайте», – отчетливо произнес незнакомый мужчина.

В дверь шагнули двое. За ними вошел понятой Федор Степанович Матлин, сосед по дому, – испуганный, весь какой-то скукоженный. В квартире Далингера начался обыск.

Чекисты по четко отработанной схеме перетряхивали платяные шкафы, перебирали содержимое письменного стола, рассматривали бумаги. При обыске было обнаружено: «...шесть удостоверений, выданных

¹ ГОПАПО. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 2. Л. 22.

² ГАПО. Ф. Р-42. Оп. 2. Д. 3. Л. 118.

³ «Постановление об избрании меры пресечения» датировано 2 августа 1937 года, а «Анкета арестованного» заполнялась 3 августа. ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 2242. Т. 1. Л. 120. Л. 136.

⁴ «Миттельшпиль (от нем. *Mittelspiel* — середина игры) — следующая за дебютом стадия шахматной партии, в которой, как правило, развиваются основные события в шахматной борьбе — атака и защита, позиционное маневрирование, комбинации и жертвы. Характеризуется большим количеством фигур и разнообразием планов игры» [<http://ru.wikipedia.org>].

Пермским Горсоветом и парторганизации; блокнотов с адресами четыре штуки; проездных удостоверений и грамот восемнадцать шт.; V) Телеграмм шесть шт.; Партийное дело на 9-девяи листах; Писем на восемнадцати листах; служебной переписки на тридцати семи лист чертяжей на двух листах; 9) дело с конструк. на 33-тридцати трех листах; М/калиб. винтовка №5/59 одна шт. охотничье ружье одноств. переломное Ижевск № 5. 12) технических фотографий двадцать семь шт.; 13) Кожанный портфель одна шт.; каковые при обыске изъяты»¹.

Как выяснится впоследствии, в ходе первого обыска Далингера еще и обокрали «по мелочи»: изъяты карманные именные часы так и не попали в протокол². Но ничего компрометирующего обнаружено не было.

Семнадцатого августа оперуполномоченный 3-го отделения Пермского горотдела НКВД младший лейтенант госбезопасности Пушкарев, рассмотрев материалы следствия в отношении задержанного Далингера Владимира Яковлевича, установил: «Далингер явился одним из активных участников контрреволюционной организации правых на Урале и руководил контрреволюционной группой правых на оборонном заводе № 10 им. Дзержинского. Вся активную диверсионно-вредительскую деятельность в оборонной промышленности подготовили совместно с другими участниками контрреволюционной организации диверсионные акты против руководителей ВКП(б) и Со-

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 2242. Т. 1. – С. 132.

² Там же. Л. 45.

ветского Правительства. С 1934 года являлся немецким агентом¹, передавая Германии шпионские сведения по оборонной промышленности города Перми, а посему на основании вышеизложенного ПОСТАНОВИЛ: Далингера Владимира Яковлевича привлечь в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение по ст. ст. 58 п. 6, 7, 8, 9 и 11 УК РСФСР»².

Под постановлением (это важно) стоит подпись самого Пушкарева, а также виза «СОГЛАСЕН» начальника 3-го отделения сержанта Государственной безопасности Королева (за него расписался временно исполняющий дела начальника 3-го отделения сержант ГБ Аликин) и две подписи Далингера. Первая гласит: «Постановление мне объявлено. В. Далингер». Вторая выглядит так: «Настоящее постановление мне предъявлено. 20 / 1 - 1939 г. В. Далингер».

Подписи похожи лишь отдаленно. В первой подписи буквы меньше и 'уже, чем во второй, а буква «т» выглядит как «т», а во второй дважды написано «Т». В первой подписи в слове «объявлено» использован одинарный апостроф ('), а во второй – удвоенный ("). Первая не датирована, вторая датирована. Это дает основания признать подлинной только вторую, датированную, подпись. Первая – сфальсифицирована. Следовательно, в августе 1937-го обвинение Далингеру не предъявлялось, он был ознакомлен с ним лишь в 1939 году.

Это маленькое открытие я сделала уже после того, как сделала другое — большое. Ознакомившись с материалами следственного и надзорных дел, ни в том, ни в другом я не нашла следов каких-либо следственных действий в отношении Далингера с августа 1937 по июль 1938 года. Ни одного протокола допроса. Ни одной очной ставки. Никаких собственноручных показаний. Ничего³.

Значит, без 24 дней год он просто просидел в тюрьме. Как это следует понимать? О нем забыли? Его оставили в покое? Вовсе нет. Изуверские игры, в которых «съедаемыми фигурами» выступали живые

¹ Именно в этом году Далингер назначен техническим директором завода, что не могло произойти без ведома И. Д. Кабакова. Сам Кабаков будет расстрелян в начале октября, так и не успев дать показания по «делу» Далингера.

² Далингеру вменялись в вину: шпионаж (п. 6), подрыв промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения и кооперации (п. 7), террор (п. 8), диверсия (п. 9), совершаемые в составе организации (п. 11). (ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 2242. Л. 121–122).

³ Косвенно это подтверждает и фраза, которой начинается датированное 10 июля 1938 года заявление на имя начальника управления НКВД по Свердловской области: «Находясь в заключении 11 1/2 месяцев, я наконец пришел к выводу о бесполезности дальнейшего запирательства...» (ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 2242. Т. 1. Л. 137). Запирательство в течение года сделало бы честь любому политзаключенному, но, учитывая арсенал применяемых к ним средств воздействия, это очень маловероятно.

люди, продолжались, причем сразу на нескольких полях. Сперва занялись родственниками Далингера.

Пятнадцатого октября арестовали его жену Капитолину Ефимовну Яковенко, врача 1-й детской городской поликлиники. Был повторный обыск, вновь перетряхивали вещи, жгли письма и фотографии. Капитолина Ефимовна проходила по делу мужа и провела в заключении ровно год и один месяц. По воспоминаниям сына, «в тюрьме она заболела туберкулезом, страдала психическими расстройствами»¹.

После ареста матери сына отправили в детприемник. «В детприемнике меня поразило большое число детей самого разного возраста и множество игрушек, сваленных в большую кучу в углу столовой. Думаю, что из моих там кое-что было. В первый день я не мог оторваться от этой замечательной россыпи», — вспоминал он. Почему-то в памяти застревают именно эта куча игрушек и пятилетний мальчик, увлеченно в ней копающийся. Мальчик, у которого полмесяца как арестован отец, а накануне арестовали мать. Наверное, потому, что такое не выдумаешь.

Из детприемника Витя попал в детский дом в деревеньке Шмаково под Новосибирском, где провел около полугода. К концу пребывания в детдоме он находился на грани жизни и смерти, получив воспаление легких, скарлатину, дифтерию носа, осложнившиеся впоследствии глухотой, плевритом и туберкулезным процессом². Спасло ребенка только то, что его искала сестра отца Валентина Яковлевна, добившаяся личного вмешательства «большого начальника», в приемную которого ей удалось прорваться, обивая пороги в Москве. Этим человеком оказался известный в те годы педагог и писатель Антон Макаренко.

Самого Далингера, как выяснилось, следователи пермского городского отдела НКВД оставлять в покое не собирались. Правда, и возиться с ним тоже. Сидя в тюремной камере, Владимир Далингер даже не догадывался, что «костлявая с косой» дважды подходила к нему близко-близко. И дважды отступала.

В надзорном производстве по делу Далингера есть невнятное упоминание о том, что «следственное производство по делу в конце 1937 года было закончено с направлением на Военную Коллегию Верховного Суда СССР. В ноябре месяце 1937 года следственное дело слушанием Военной Коллегией было снято и возвращено на рассмотрение: а) Переоформление его согласно требованиям Военной Коллегии с расчленением по отдельным самостоятельным делам на каждого обвиняемого в отдельности; б) Проведение очных ставок между обвиняемыми»³. Что же произошло?

¹ Далингер В. В. Как я был детдомовцем.

² Далингер В. В. Как я был детдомовцем.

³ ГАПО. Ф. Р-1366. Оп. 2. Д. 6. Л. 54.

Поскольку следствия не было, рискну предположить, что в основе материалов, которые рассматривала Военная коллегия Верховного Суда СССР, лежал все тот же политический донос, составленный по решению заседания парткома завода № 10 от 27 июля. Видимо, следователи (Каменских, Петров, Пушкарев, Королев и пр.) сочли его достаточно весомым для того, чтобы запустить Далингера, Петрашко и прочих «вредителей» одним расстрелом, да и расстрелять всех чохом аккуратно к двадцатой годовщине Октябрьской революции. Они даже не удосужились состряпать на каждого обвиняемого отдельное дело и произвести имитацию следственных действий (ну, например, провести парочку очных ставок).

Таким образом, в первый раз жизнь Владимиру Яковлевичу спасли лень, некомпетентность и торопливость его палачей. Военная коллегия никак не высказалась о его виновности (или невиновности). Она лишь потребовала оформить документы надлежащим образом. Так Далингер, сам того не ведая, получил полугодовую передышку.

О том, что была предпринята вторая попытка, в пермских архивах упоминаний нет. Я узнала о ней из Интернета. На сайте <http://stalin.memo.ru/spiski> обнаружился «Список лиц, подлежащих суду Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР. От 10 июня 1938 года». В списке первой (расстрельной) категории по Свердловской области под номером 17 стояла фамилия Далингера, далее — Петрашко и прочих¹.

Эта находка была редкой удачей! В деле явно зияла «дыра», и мне никак не удавалось связать концы с концами. Было известно, что 9 января 1938 года дело № 8060 вернулось в Пермь на доследование. Но только в июле того же года начались допросы, очные ставки, появились постановления о продлении сроков следствия.

Видимо, пермские следователи просто проигнорировали замечания Военной коллегии Верховного суда СССР и отправили дело в Москву еще раз. Оно попало в очередь слушания на 10 июня, было вновь снято и возвращено на доследование. И пропало! Нет ни его самого, ни даже повторного определения Военной коллегии. Как в воду кануло².

Так Владимир Яковлевич опять избежал гибели, но зато попал в оборот. За Далингера взялись следователи Вайнштейн, Годенко и Эрман, которые всегда добивались своего и были крайне неразборчивы в средствах. Вот строки из докладной записки особоуполномоченного УНКВД по Пермской области лейтенанта госбезопас-

¹ АП РФ. Оп. 24. Д. 417. Л. 55.

² «Обычное разгильдяйство. В том хаосе, что царил в наших органах летом 1938 года, еще и не то могло произойти», — так прокомментировал этот эпизод мой научный руководитель.

ности А. Т. Мешкова, направленной секретарю Пермского обкома ВКП(б) Н. И. Гусарову 26 июля 1939 года (с пометкой «Совершенно секретно»): «ГОДЕНКО в конце 1937 года и в начале 1938 года, работая в бригаде б/пом. нач. 3-го отдела УНКВД по Свердловской области ЭРМАНА (арестован за провокационные методы следствия) по изъятию чуждоклассового элемента в Кизеловском районе и руководя работой камерной агентуры, давал последней установки сговаривать арестованных камеры на дачу показаний о принадлежности их к к-р. организациям. В результате камерной обработки, арестованные, приходя к следователю, давали добровольно любые показания в принадлежности их к к-р. организации и практической к-р. деятельности... Работая в б/Пермском горотделе НКВД вместе с б/нач-ком ГО ВАНШТЕЙНОМ принимал участие в избиениях арестованных. Так им были избиты: ГУСЕВ — б/зам. директора Камлесосплава, ПЕТРАШКО — б/директор завода...»¹.

Следом происходит то, что и должно было произойти. 10 июля 1938 года Далингер В. Я. «сам» пишет заявление на имя начальника управления НКВД по Свердловской области, в котором, «признав» бесполезность заперительства, в семи пунктах излагает обстоятельства своей вербовки бывшим секретарем обкома ВКП(б) Кабаковым (прямо в служебном кабинете последнего), рассказывает о вредительских установках правых и своей «практической вражеской деятельности», называет фамилии восьмерых работников завода № 10, привлеченных в тайную организацию лично им, сообщает, что директор Петрашко на завод прибыл уже завербованным (тем же Кабаковым), обещает быть искренним в своих последующих показаниях и указать пути к «ликвидации последствий вредительства»².

Так начался полугодовой «признательный» период в деле Далингера. Видимо, к этому времени Ванштейн с Эрманом уже надиктовали ему «конспект» будущих показаний. «Конспект» удивительно краток. Исчезли обвинения в шпионаже, терроре и диверсионной деятельности. Даже катастрофа при испытаниях нефтеочистительного сепаратора не упоминается. От роскошного первоначального букета обвинений остались скучные и неинтересные ошметки: загрузка мощностей оборонного завода гражданской продукцией, создание диспропорций между цехами и выпуск недоброкачественной продукции. В общем-то, вещи заурядные, квалифицировать которые как вредительство можно только при наличии доказанного злого умысла. Поэтому у следствия остается последний козырь – сам факт существования на ЗИДе тайной организации правых.

¹ Политические репрессии в Прикамье. 1918–1980-е гг. Сборник документов и материалов. – Пермь, 2004. – С. 293.

² См. ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 2242. Т. 1. Л. 137–230.

С 15 июля начинаются допросы работников завода, подозреваемых в аналогичной вражеской деятельности. Они сознаются. Потом два дня подряд (19 и 20 июля) допрашивают Далингера. Он тоже все признает. Его дополнительно допрашивают 4 сентября, и в тот же день он дает собственноручные показания.

Любопытное чтение — протоколы этих допросов. Конечно, я так и не смогла понять, что такое «кондуктор под взрыватель» или «подгонка путем травки до нужного сопротивления по грузу, после чего выполняется постановка на обезличенный оседающий цилиндр». Но зато я вычислила основной метод вредительской деятельности антисоветской контрреволюционной группировки правых. Он оказался настолько прост и эффективен, с такой легкостью дезорганизовывал работу крупнейшего завода в области производства взрывателей в СССР и срывал исполнение оборонных заказов, что только диву даешься! Суть его — в точном и своевременном исполнении плановых заданий, партийных и хозяйственных директив, а также в строгом следовании чертежам, присылаемым из Главного управления Народного комиссариата оборонной промышленности.

Вот, например, Далингер объясняет, как ему удалось затянуть сроки освоения новых видов продукции и задержать развитие производства уже освоенных марок взрывателей: «Основным методом задержки освоения новых марок взрывателей и торможения развертывания производства по уже освоенным маркам — должен быть метод загрузки завода посторонними гражданскими заказами в ущерб выполнению военной программы.

И то, что мы задумали — вскоре осуществили на практике.

ВОПРОС: Как вы это сделали?

ОТВЕТ: Для достижения вышеуказанной цели, мы умышленно не ставили перед Правительством вопрос о снятии с завода задания по выпуску молочных сепараторов и мотопил»¹.

Значит, «вредительские» сепараторы и мотопилы — часть правительственного задания? И злодеи-правые не могли ни увеличить, ни уменьшить их выпуск?

А вот как в начале 1937 года был сорван заказ РККА на взрыватели АВ-4 и АВ-5: вредителям удавалось «задерживать освоение новых марок под прикрытием всяческих об'ективных причин, главным образом — систематического изменения чертежей со стороны заказчика»². Или: «Воспользовавшись тем же методом — наличием чертежей, полученных от 4-го Главного Управления НКОП, КАЛАЧНИКОВЫМ по моему заданию (данному ему, как я уже показывал в октябре 1935 года в моем кабинете) было собрано 10 партий

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 2242. Т. 1. Л. 180.

² ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 2242. Т. 1. Л. 184.

взрывателей МД-4 (мелкокалиберные донные) с резьбой не соответствующей резьбе снаряда (на снаряде резьба правая, а на взрывателе – левая)»¹.

Это что же такое? В обкоме ВКП(б) – враги. В главке, выходит, тоже. В правительстве – они же. И в Народном комиссариате оборонной промышленности. И все они заодно, и верить-то некому!

Но тут в нашей игре неожиданно появляется новая фигура. Живет этот человек вдалеке от Перми, в подмосковном селе Никольском, работает в секретном «номерном» НИИ № 24 конструктором. Зовут его Василий Далингер, и он приходится моему герою родным братом.

Я не берусь точно указать мотив, которым был продиктован его поступок, но это был поступок, требовавший в те времена изрядного мужества. 12 сентября 1938 года Василий Далингер написал заявление Верховному прокурору СССР Андрею Януарьевичу Вышинскому. Заявление было дерзким. В нем недвусмысленно выказывалось недовольство «возмутительным следствием» в отношении брата: «Почему его арестовали – мне неизвестно, можно лишь предположить, что его доверием могли воспользоваться враги народа: б.секр. Обкома – Кабаков, б.секр. горкома (Перми) Голышев и недавно назначенный (в то время) директор з-да Петрашко (разоблаченный впоследствии шпион).

В том, что брат идейно совершенно предан делу партии и Сов. Власти в этом у меня нет совершенно абсолютно никаких сомнений.

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 2242. Т. 1. Л. 189.

В то время как брата посадили и только что началось следствие народным судом (в Перми) было вынесено решение о выселении жены брата с ребенком из квартиры (?). В скором времени и она была посажена, а ребенок был отправлен в детдом (за Новосибирск) несмотря на просьбы родных отдать его под опеку.

«Тов. Вышинский! — Больше года я терпел и ждал, что в ошибке наконец то разберутся по-моему они и поняли ее давно. Но неужели нельзя найти достаточно большевистской честности, чтобы в этом открыто признаться!?»¹.

Итак, Василий Далингер решил заступиться за арестованного и находящегося под следствием брата, за вредителя и диверсанта. Заступиться, рискуя карьерой, престижной работой. Жизнь, пожалуй.

Пятнадцатого сентября заявление было получено, зарегистрировано и впоследствии направлено в пермскую прокуратуру. Если оно и возымело действие, то совершенно «асимметричное» (хотя и предсказуемое). В конце октября 1938 года у Василия Далингера отбирают военный билет и увольняют из НИИ². Он не сдается, поскольку терять ему уже нечего. 10 декабря того же года он направляет вторую жалобу, на этот раз на имя Председателя Президиума Верховного Совета Михаила Калинина.

И это еще не все! В наш сеанс одновременной игры придется ввести еще одну, третью партию (первая – Вайнштейн и Эрман против Владимира Далингера, вторая – Василий Далингер, который пытается помочь брату).

А произошло вот что: в июле 1938 следователи ретиво принялись не только за моего героя, но и за других «фигурантов» дела № 8060. В результате 15 ноября один из них, Иван Иосифович Петрашко, пишет заявление о пересмотре дела на имя начальника управления НКВД по Пермской области В. Н. Ковалева, областного прокурора И. П. Алексева и секретаря оргбюро ЦК ВКП(б) по Пермской области Н. И. Гусарова. Приведу наиболее характерную его часть:

«Во второй половине июня 1938 года я заболел в тюрьме № 1 крупным воспалением легких и больше в НКВД не вызывался. Оказалось, что руководство горотдела в этот отрезок времени было сменено. Четвертого июля 1938 года меня, больного, с больничной койки тюрьмы доставили в кабинет нач. Пермского горотдела, где я новым руководством, Вайнштейном и Эрманом, был обруган отборной площадной бранью, назван фашистом, и где мне предложено было сознаться. Заявив им, что я никогда ни к какой организации к/р правых не принадлежал и о существовании их ничего не знал, отказался под-

¹ ГАПО. Ф. Р-1366. Оп. 2. Д. 7. – С. 34.

² Там же. Л. 36.

тверждать те липы и ложь провокационного порядка, которые были мной под диктовку следствия написаны и подписаны.

Кроме того я заявил, что я болен и не могу находиться на длительном допросе. Меня отпустили в камеру, я врачом был уложен в постель. 8/VIII 1938 года, невзирая на повышенную температуру и мою болезнь (температура 37,8), я был вызван и посажен на четырехсуточный и непрерывный допрос; и только после обморочного припадка и сердечных припадков, а также бреда от высокой температуры я был от этого так называемого допроса освобожден, не подтвердив никакой липы. Через сутки я опять был взят в таком же болезненном состоянии на двухсуточный без сна непрерывный допрос, где также я клеветы и лжи не признал и категорически отказался подписывать ложь на себя и других.

26 июля 1938 года я был еще не выздоровевший вызван в кабинет начальника горотдела ВАЙНШТЕЙНА (самим ВАЙНШТЕЙНОМ), который заявил мне, что врача он больше посылать ко мне не будет, потребовал подтвердить то, что я член к/р организации правых. Я наотрез отказался эту ложь подтвердить. Тогда ВАЙНШТЕЙН, ГОДЕНКО и ЭРМАН начали бить меня по голове, по лицу, по шее, по позвоночнику, требуя писать заявление на имя начальника областного управления НКВД с признаниям того, чего никогда не было, т. е. с признанием себя членом к/р организации правых. Били меня кулаками, ногами, стеклянной пробкой от графина, били до потери сознания, заявляя мне, что стены горотдела НКВД ничего не выдадут, и если я не подпишу того, что они требуют, так буду убит, так как избивание не будет прекращаться.

Это избивание и плевание в лицо, а также желание ГОДЕНКО воздействовать на меня гипнозом продолжалось восемь часов непрерывно.

Заявив им свой протест против подобных методов допроса, я дал согласие что угодно подписать, дабы спасти свою жизнь до суда; предупредил их, что на суде я все равно буду бороться за правду и от этой лжи откажусь.

Получив в ответ на это заявление еще несколько порций ударов, я в полусознательном состоянии молча взял перо и стал по черновику, составленному ГОДЕНКО, писать ложь в заявлении от 26 июля 1938 года о признании себя членом к/р [организации] правых и всякую ересь, вымысел о методах вербовки меня и указанных других работников как с завода имени Молотова, так и завода № 10 им. Дзержинского»¹.

Обратим внимание на то, что описываемые события происходили в июле. А само заявление почему-то появилось спустя четыре месяца. Почему бы это?

¹ Политические репрессии в Прикамье. 1918–1980 гг. – С. 273.

Дело в том, что наступил ноябрь 1939 года. Именно в это время народным комиссаром внутренних дел становится Лаврентий Павлович Берия, а «железный нарком» Николай Иванович Ежов будет вскоре арестован и расстрелян. На Ежова по доброй традиции свалят весь ужас и все жертвы 1937 года, а новое руководство НКВД осудит «перегибы» и поведет с ними демонстративную борьбу. Когда Лаврентий Павлович «съедал» Николая Ивановича, он, разумеется, ни сном, ни духом не ведал, что при этом «ослабляет позицию» какого-то следователя Вайнштейна в каком-то городе Перми, тем самым «открывая его для атаки» какого-то Петрашко.

Итак, в конце 1938 года те, кто инициировал «большую чистку», видимо, сочли, что цель достигнута. Об этом свидетельствует ряд косвенных признаков: ликвидация приказом НКВД от 26 ноября 1938 года «троек» и «двоек», выносивших приговоры без ограничений по спискам, причем дата появления приказа не случайно совпала с перемещением Ежова в наркомат водного транспорта¹. «Генеральная линия партии» в очередной раз плавно и незаметно вильнула в сторону. Ну а «кровь-то на ком будет»? В таких случаях, как обычно, бросились искать стрелочников. У сталинского «черта» наступал очередной период «линьки». Полетят головы.

Поэтому, наверное, заявление Петрашко не было оставлено без внимания местным начальством, чутко уловившим направление дующих «в верхах» ветров. 1 января 1939 года начальника горотдела НКВД П.Э. Вайнштейна арестовали. Вскоре за ним последуют и остальные члены «команды». Наша игра вступила в стадию эндшпиля.

Глава 3.

Эндшпиль²

А что же Владимир Далингер? Он сидит в тюрьме (срок следствия продлен до 16 января). Несмотря на арест Вайнштейна, допросы свидетелей по его делу продолжаются.

Тем временем в далеком подмосковном Никольском неумный Василий Далингер аккуратно выдрал из старой тетради желтоватый листок и мелким неказистым почерком, нимало не смущаясь орфографических ошибок и небрежных вставок, написал: «Уважаемый Иосиф Виссарионович! Тяжелые переживания и безрезультатность попыток повлиять на ускорение следствия над братом заставляют вторично обращаться к Вам с письмом. Семнадцать месяцев тому назад, в

¹ См.: Высшие органы государственной власти и управления России IX–XX вв. – СПб., 2000. – С. 294.

² «ЭНДШПИЛЬ, -я, м. (спец.). Заключительная стадия шахматной игры» (Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 1984).

Перми, органами НКВД был арестован мой старший брат Далингер Владимир Яковлевич, работавший главным инженером з-да № 10 в Перми. За что арестован брат, я не знаю.

Брата я знал как хорошего честного работника беспредельно преданного партии большевиков ее члена. Его работоспособность внушала к нему уважение всех знавших его близких людей. Споспобствовавший аресту брата б. секр. РК Болгал, б. следователь НКВД, ведший дело брата Пушкарев и б. нач. гор. Упр. НКВД Перми – Легоцкий давно уже арестованы и осуждены. Им этого добиться было легко, пользуясь случаем ареста нашей старшей сестры Маргариты, работавшей в Магнитогорске и осужденной в 1936 году, кажется, за связь с троцкистами. (Брат после ее ареста говорил, что рад, что нет в живых отца и матери, которым пришлось переживать этот позор; я с ней не имел связи в течение 8 лет до ее ареста).

Через 13 м-цев после ареста я начал ходатайствовать об ускорении следствия над братом. Два раза я писал Верховному прокурору, два раза писал в НКВД, прокурору Уральского военного округа, в Президиум Верховного Совета жалобу на принятие мер Верховным прокурором, но ни окончания следствия, не даже ответа нет¹.

За это время мы, близкие брата, переносим большие неприятности. Например, у меня отняли военный билет, 21/2 месяца назад уволили с работы в НИИ № 24 (по ст. 47 п.-в КЗОТ), где я работал конструктором. Я (как и арестованный брат) молодой специалист Советской школы, техник по образованию и у меня есть искреннее желание работать на оборону своей родины. Я уверен, что когда будет оправдан брат, я смогу снова поступить на работу в НИИ № 24.

Убедительно прошу повлиять на ускорение следствия над братом. Преданный Вам В. Далингер»².

Правильное заявление. Василий Далингер четко указал: мой брат не враг, его вина не доказана. А вот задержали его разоблаченные враги! И следствие вели они же!

На письмо стоит штемпель ОС ЦК ВКП(б) «Поступило 14 янв. 1939». Поступило — и было переслано в Пермскую прокуратуру, которой и пришлось разбираться с делом № 8060 на месте. А дело застопорилось.

Едва подследственный Далингер узнал об аресте Вайнштейна, как тут же вспомнил, что подвергался «издевательствам и зверским избиениям»³, что показания, данные им ранее, вынужденные и лжи-

¹ Видимо, многие письма Василия Далингера пропали бесследно. Мне удалось найти четыре: Верховному прокурору СССР, Председателю Президиума Верховного Совета, Генеральному секретарю ЦК ВКП(б), прокурору Пермской области.

² ГАПО. Ф. Р-1366. Оп. 2. Д. 7. Л. 36.

³ ГАПО. Ф. Р-1366. Оп. 2. Д. 7. Л. 24.

вые, и он от них решительно отказывается. О чем пишет в заявлении на имя Верховного прокурора СССР 19 февраля 1939 года. Его «коллеги-вредители» делают то же самое — кто раньше, кто позже.

Заявления эти прокуратура игнорировать не могла — шутка ли, дело на контроле в секретариате ЦК! Поэтому 28 февраля 1939 года принимается решение о продлении срока следствия, повторном проведении очных ставок и проведении новой технической экспертизы. Все сначала!

Далингер 26 мая обращается к следователю УНКВД по Пермской области сержанту Петрову с просьбой изъять из дела ложные показания и передопросить по существу предъявленных обвинений. Кроме того, он отказывается от подписи на протоколе об окончании дела.

И верно. Согласиться с тем, что было изложено в «Обвинительном заключении», означало бы признать свое полное поражение. К прежним обвинениям (завербован Кабаковым, лично завербовал восемь человек, сорвал задание по выпуску взрывателей в 1936 году, в том же году наладил выпуск негодных взрывателей, загружал оборонный завод гражданской продукцией, организовал срыв строительства объекта № 625 и цеха № 4, организовал аварию машины НС-15) добавляется новое – «подготовлял взрыв Пермской ГЭС № 2 и поджог основных цехов завода»¹. Под машинописным текстом – приписка от руки: «От данных им показаний отказался». В конце «Обвинительного заключения», составленного на всех восьмерых «вредителей», еще одна приписка: «Вещественных доказательств в деле нет»².

В третий раз следователи Пермского НКВД собрали всю «ложь и липу» по делу № 8060 и, зная, что на суде обвиняемые непременно от нее откажутся, постарались сделать так, чтобы суда не было. И решили направить дело в ОСО при НКВД. 17 июня 1939 года на «Обвинительное заключение» ложится виза военного прокурора Гринштейна: «С направлением на особое совещание НКВД СССР – согласен».

У Особого совещания и репутация особая. Но, пропутешествовав четыре месяца, дело № 8060 (будто заговоренное) вновь возвращается в Пермь на доследование! Заключение ОСО от 13 ноября гласит: «Кроме признания и отказа обвиняемых нет других доказательств в причастности обвиняемых к контрреволюционной организации, а вредительская деятельность следствием путем экспертизы не установлена. Кроме того обвиняемые при окончании следствия отказались от подписей на протоколах об окончании следствия, а следствие не составило на отказ мотивированного постановления и не передопросило их в присутствии прокурора о их требованиях при окончании дела, а поэтому дело за № 8060 не может быть рассмотрено на Особом

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 2242. Т. 1. Л. 463.

² ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 2242. Т. 1. Л. 475.

Совещании при НКВД СССР, а подлежит возвращению в УНКВД по Пермской области»¹.

И что теперь с этим Далингером и компанией делать? Почему ОСО вернуло дело? То, что обвинение слабо и бездоказательно, равно ничего не значит. То, что обвиняемые отказались от показаний, — пустяк, и не таких под расстрел подводили. Можно предположить, что осенью 1939 года (Вторая мировая война уже идет) возиться с какими-то «правыми», арестованными два года назад, уже не хотелось. Кампания прошла. Ордена не повесят, нет, не повесят. Правда, есть еще и другая версия: если Далингера осудить, то есть признать, что на вооружении РККА находятся сотни тысяч мин с «вредительскими» взрывателями, то все эти мины необходимо срочно изымать, а тот, кто этого не сделает, — сам вредитель. Но кем окажется тот, кто начнет изымать мины из боезапаса Красной Армии в условиях начавшейся в Европе войны?

21 ноября, когда дело поступило из ОСО, было принято постановление об очередном продлении срока следствия. Теперь предстояло «заново предъявить обвиняемым для ознакомления все 3 тома следственного дела, в присутствии прокурора»².

Вот собственно и все.

Передпросы начнутся 23 ноября и продлятся до 15 декабря. Все допрошенные (одного только Далингера допрашивали семь раз) откажутся от ранее данных показаний. Еще трижды³ будет продлеваться срок следствия. Наконец, 14 марта 1940 года по делу № 8060 будет принято постановление: «Созданная следствием по делу вторая экспертно-техническая комиссия, факты, установленные первой комиссией, не подтвердила, за исключением того, что Далингер совместно с Калачниковым в 1935 году выпустили большую партию взрывателей, изготовленных с грубым отступлением от чертежа.

На основании вышеизложенного и учитывая, что кроме признания и отказа обвиняемых других доказательств в причастности обвиняемых к контрреволюционной организации нет, а вредительская деятельность следствием не установлена... следствие по делу на основании ст. 204 п. «б» УПК прекратить, обвиняемых из-под стражи освободить»⁴.

16 марта 1940 года Далингер, как и его «подельники» (но не все — И.И. Петрашко был осужден на 5 лет), вышел на свободу. Ему было 33 года.

Потом, когда в Перми на новоселье к Далингерам соберутся все те, кто был с ним в заключении, они будут плакать и просить друг у

¹ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 2242. Т. 1. Л. 482.

² Там же. Л. 482.

³ 15 декабря 1939 года, 24 января и 5 февраля 1940 года.

⁴ ГАПО. Ф. Р-1366. Оп. 2. Д. 6. Л. 66.

друга прощения: за вынужденные признания, за наговоры, за минуты слабости. Если бы этой сцены не было, ее следовало бы придумать.

А потом будет другая жизнь — жизнь директора оборонного завода, генерала и орденоносца. Три оборонных завода г. Молотова всю войну снабжают фронт авиамоторами, артиллерийскими орудиями и боеприпасами. Ими руководят генералы инженерной службы Солдатов, Быховский, Далингер.

* * *

Конечно, случай Далингера – уникальное стечение стольких обстоятельств, переплетение столь затейливых игр, происходивших в разных местах и на разных уровнях, что я определила эту историю как казус, прецедент.

Но в любом случае два вывода из нее сделать можно. Первый: «жестокое государство» и «сильное государство» – не синонимы. Во вроде бы монолитном сталинском репрессивном аппарате зияют «дыры», образованные человеческой глупостью, некомпетентностью, ленью и разгильдяйством. А общая причина – обманчивое ощущение полной безнаказанности. Поэтому внутренняя логика функционирования инструмента террора предполагает периодическое устранение обнаглевших, разнежившихся или просто бестолковых исполнителей. И вот тогда-то и появляется шанс «ощипать черта».

Второй, безусловный, вывод прост: никогда не предавай своих, борись до конца. Когда в жестокой и циничной государственной игре на кону стоит чья-то жизнь, все оказывается востребованным – дружба, родственные чувства, мужество, изобретательность ума. Не оставить сироту – найти, не бросить старшего брата – заступиться. Такие простые вещи. Такие важные. Самые важные¹.

ДНЕВНИК АРЕСТАНТА

Ольга Диденко,
МОУ «Лицей № 1», 11 класс, г. Пермь
Научный руководитель: **Анна Кимерлинг,**
кандидат исторических наук

Как-то в школе, в классе шестом, на уроке истории нам дали задание рассказать о человеке, в честь которого была названа одна из улиц Перми. Выбор подходящего героя не составил для меня никакого труда – свое детство провела на улице Овчинникова. Я сделала доклад, вот только не особенно вдавалась в подробности, поэтому

¹ «Сбиваешься на патетику», – заметил мой научный руководитель, дочитав работу.

так и не узнала, что революционеров Овчинниковых в Прикамье было двое. В прошлом году мне надо было выбирать тему исследовательской работы по истории, и я сразу подумала об Овчинникове. Уже читала статью о нем (так мне тогда казалось), поэтому сразу отправилась в Государственный архив Пермского края. Долго искала хоть что-нибудь о своем герое – и вдруг в фонде 160 наткнулась на необычный дневник самого Овчинникова. Но не того, о котором был мой доклад.

На первый взгляд, ничем ни привлекательная книга обычного размера. Она настолько стара, что сквозь обклеенную черную бумагу поверх коричневой ткани виден потрепанный картон. Тонкие желтые листы хорошо сохранились – гладкие, целые. Всего в книжке их 190.

Тетрадь содержит ряд кратких отрывочных записей, вроде: «Ходили в баню после месячного периода», «ушло прошение на имя Министра юстиций за №175», «явился инспектор; начались обыски; администрация совместно с полицией чего-то ищет, простукивая полы и стены. Получено письмо от С. П. Б.». Первую датировку я увидела на тыльной стороне обложки: «Сентябрь 29 дня 1908 года». Даже не верилось, что у меня в руках оказался дневник столетней давности! Интересно? Еще бы! Кто же заскучает, узнав, что дневник вел не обыкновенный человек, а преступник, сидевший сначала в Пермской Губернской, а затем в Екатеринбургской тюрьме при царском режиме, а потом в Омском ЧК при советской власти.

«Что он пишет? За что сидит? Был ли он настоящим преступником? Какие мысли его посещали?» – и еще огромное количество других вопросов возникает в голове. Действительно, многих бы заинтериговало содержание дневника, который десятилетиями хранился в секретном отделе Пермского архива. Даже сейчас, спустя век, этот дневник означен как «О.Ц.» (очень ценный документ), к нему имеют доступ только сотрудники этого учреждения. Пришлось постараться, чтобы дело № 97 попало в мои руки.

Большую часть тетради занимают конспекты книг, прочитанных непосредственно в тюрьме, где арестант занимался самообразованием. Встречаются прошения, заявления и жалобы: губернскому прокурору, тюремному инспектору, начальнику тюрьмы и др. В самом начале дневника был намечен список книг, который необходимо прочесть: Э. Геккель «Естественная история мироздания»; Антропология (факты из эмбриологии), «Что мы знаем о происхождении человека»; Чарльз Дарвин «О происхождении видов в животном и растительном царстве путем естественного отбора или о сохранении наиболее усовершенствованных пород в борьбе за существование»; Давид Штраус «Изложение жизни Иисуса для немецкого народа»; Людвиг Фейербах «Сущность христианства»; ряд других работ по естественной истории, истории религии, философии

фии. В конце списка указано несколько учебников и руководств по бухгалтерии. Очевидно, автор дневника собирался освоить в тюрьме эту практическую специальность.

Революционная биография

Кем же был этот арестант, образованный интеллигент, который оставил нам такое ценное наследие? Биографию этого человека я нашла в книге «Революционеры Прикамья»¹.

Его звали Илья Кузьмич (в дневнике он называет свое отчество по-старинному – Козмин) Овчинников. Родился 29 июня 1879 года. К двадцати шести годам служил на речном транспорте, но эту работу считал не главной: с 1905 г. он убежденный социал-демократ. Активно работал в Пермском комитете РСДРП, пытался найти сторонников революционных действий, раздавал прокламации, призывающие к народному восстанию (тогда говорили: пропагандирует), в общем, по мере сил готовил вооруженное восстание. Одни охотно поддерживали его крамольные разговоры, другие опасливо смотрели, но все-таки брали листовки, третьи бранились и отходили в сторону.

Но однажды кто-то сообщил в полицию. И 10 декабря 1905 года Овчинникова арестовали у казармы Ирбитского резервного батальона при попытке распространения революционных прокламаций среди солдат. В протоколе пристав записал, что задержанный живет на Вознесенской улице (ныне улица Луначарского) в доме № 62, на углу Кунгурской (ныне Комсомольский проспект); из родных имеет отца, мать, брата и сестру; состоит в звании шкипера речного плавания, в последнее время служил капитаном парохода. Дать какие-либо показания о подпольной партийной организации отказался, заявив: «Мы объявили полиции бойкот».

И.К. Овчинников был опытным пропагандистом Пермского комитета РСДРП. В подпольной большевистской типографии он помогал печатать прокламации, призывавшие солдат выступить вместе с рабочими против самодержавия. В одной из них писалось: «Товарищи солдаты! Становитесь в ряды рабочей партии, которая борется за свободу свою и вашу. Не стреляйте в народ, потому что вы сами сыны народа. Переходите на сторону народа!»

После ареста Овчинникова в его квартире провели обыск. Перевернув все вверх дном, полиция обнаружила несколько отпечатанных на гектографе революционных изданий, оттиски печати Пермского комитета РСДРП и записи Овчинникова нелегального характера. Избежать наказания было невозможно – все улики налицо. Так Пермская Губернская тюрьма приняла в свои холодные каменные стены еще

¹ Революционеры Прикамья. – Пермь, 1966. – С. 463-469.

одного узника. Но весной 1906 года он был выпущен на поруки отца под залог в сумму 200 рублей.

На свободе Овчинников под прозрачной кличкой «Капитан» продолжает свою деятельность в партийной организации.

С 9 по 11 июня Пермская организация РСДРП потерпела самый провал: были обнаружены лаборатория по изготовлению бомб, хорошо оборудованная подпольная типография, находившаяся во флигеле дома № 142 по Монастырской улице (ныне улица Орджоникидзе). Были арестованы самые активные деятели комитета – Я.М. Свердлов, К.Т. Новгородцева, работники типографии и др. Всего в Перми арестовали около 50 человек¹.

Но, тем не менее, деятельность комитета продолжалась. С роспуском I Государственной Думы обострилось положение в стране. Нужны были листовки, очень много листовок. Необходимо принимать решительные меры по созданию новой подпольной типографии. За это рьяно взялись И.К. Овчинников, Е.Г. Морозова и Л.Н. Сюзева. Они сумели достать шрифт, оборудование для типографии – в общем, все, что было необходимо для печати прокламаций. Осталось только найти подходящее помещение. После долгих раздумий и споров решили организовать новую подпольную типографию в сарае во дворе дома Овчинникова, где неподалеку, на углу Красноуфимской (ныне Куйбышева) и Вознесенской (ныне Луначарского), находился Пермский окружной суд и жандармское управление². Овчинников и его товарищи надеялись на то, что шпикам не придет мысль искать подпольную типографию у себя под носом, тем более у человека, находящегося под строгим надзором полиции.

Итак, революционеры принялись за набор первой прокламации. Это был известный «Манифест к армии и флоту», изданный соединенным комитетом трудовой группы и социал-демократической фракции Государственной думы в Петербурге 12 июля 1906 года по поводу разгона Думы правительством. Листовки напечатали большим тиражом, и уже в начале августа их распространили среди солдат. Пермской полиции пришлось изрядно попотеть, отбирая листовки. Только в лагере одного Ирбитского резервного батальона изъяли 25 экземпляров прокламаций.

Первый успех окрылил Овчинникова и его товарищей. Они с энтузиазмом взялись за печатание следующей прокламации с резолюцией Пермского комитета РСДРП по поводу роспуска думы. В этой резолюции говорилось: «Роспуск думы наносит еще один и очень сильный удар конституционным иллюзиям и ставит перед всеми слоями

¹ Революционеры Прикамья. – Пермь, 1966. – С. 771

² Нечаев Н.Г. 1905 год в Перми // Пермь от основания до наших дней. – Пермь, 2000. – С. 118.

населения, заинтересованными в разрушении самодержавно-крепостнического строя, задачу беспощадной революционной борьбы самодержавием путем всенародного вооруженного восстания и окончательной ликвидации самодержавия путем созыва полновластного всенародного Учредительного собрания, избранного всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов».

3 августа удача перешла на сторону полицейских. Им было чему радоваться и удивляться: обнаружили подпольную типографию, да еще перед носом штаб-квартиры жандармов, когда предыдущая была уничтожена меньше двух месяцев назад.

5 августа пермский полицмейстер, донося губернатору об обнаружении новой подпольной типографии, перечислял ее содержимое: «На столе ручная печатная типографская станок с принадлежностями и с находящимся на нем набором шрифта, набор прокламаций «Народу от народных представителей», две небольшие кассы с разобранным по буквам типографским шрифтом весом до 36 фунтов, около 50 штук отпечатанных прокламаций «Манифест ко всему российскому крестьянству», несколько экземпляров нелегальных брошюр, разного рода переписка политического характера и др.». Далее полицмейстер сообщал, что Овчинников скрылся в неизвестном направлении.

За его домом установили слежку, но он был не настолько глуп, чтобы там появиться. Почти восемь месяцев Овчинников благополучно скрывался от полиции, благодаря товарищам, которые прятали его. Только в марте 1907 года им удалось напасть на след беглеца.

В мае того же года Овчинников был осужден царским судом к одиночному заключению в крепости сроком на два года и шесть месяцев: «Подсудимого Пермского мещанина Илью Кузьмича Овчинникова 28 лет, на основании Уголовного Уложения по статье 126, Г. 17, 19, 53, 63, 66 заключить в крепость на 1 год 6 месяцев с присоединением к сему наказанию наказание определенного по приговору Судебной Палаты от 23 мая 1906 года и с наложением на него судебных по делу издержек»¹. Сначала его поместили в общую камеру Пермской Губернской тюрьмы, а затем перевели в одиночную камеру-келью № 12, находящуюся в башне-крепости. Потянулись долгие дни и месяцы жизни, лишённые свободы и солнца.

Царские застенки

В начале века пермские тюрьмы переживали не самые лучшие времена. Камеры были переполнены опасными политическими заключенными, которых с каждым месяцем становилось все больше и

¹ Нечаев Н.Г. 1905 год в Перми // Пермь от основания до наших дней. – Пермь, 2000. – С. 118.

больше. Тюремная администрация не успевала отвечать на все жалобы, прошения и заявления арестантов или просто не хотела заниматься этим всерьез. Много всего пришлось пережить нашему герою и его сокамерникам за каменными стенами тюрьмы.

Для начала я постаралась узнать, как должны были содержать заключенных по законам того времени. В этом мне помог «Устав о содержании под стражею»¹, утвержденный Министром Внутренних Дел 15 июня 1880 года. А дневник Овчинникова помог понять реальную ситуацию.

Самое первое и довольно-таки важное событие для «новоиспеченных» арестантов – это размещение по камерам. Режим в камерах общего пребывания и в камерах-кельях очень строгий. Правда, его не всегда исполняла тюремная администрация, зачастую даже нарушала самым грубым способом, ничем не мотивируя свои действия. Но, в целом, здешние законы были приемлемыми для отбывания срока.

В течение первых суток при поступлении в тюрьму заключенного посещают начальник тюрьмы и помощник начальника, заведующий полицейским порядком в тюрьме. На этом этапе уточнялось, в какой именно камере будет сидеть заключенный. Также арестанта должны ознакомить с правилами, установленными в тюрьме. Следующим посетителем является врач, который определяет состояние здоровья. Потом следует разговор с тюремным учителем. По закону арестанты обязаны заниматься в тюремной школе не менее чем один час в день. В школе преподавали такие предметы, как закон Божий, грамматика с чистописанием, «основание арифметики», «необходимые сведения об обязанностях и правах верноподданного, а также другие общепользные сведения». Для лиц, уровень знаний которых превышал преподаваемые в школе предметы, уроки заменяли общими чтениями и беседами о научных предметах под руководством учителя. Лицам со средним и высшим образованием предоставлялось проводить время, назначенное для занятий в школе, у себя в камере с научными и литературными трудами, взятыми из библиотеки или привезенными из дома и одобренными тюремной администрацией. При одиночном режиме пребывания арестантам в школе строго-настрого запрещалось разговаривать между собой, дискуссии велись только с учителем. Даже расстояние между арестантами строго соблюдалось. Они должны были находиться друг от друга не менее чем за один аршин (0,71 метра).

Арестанта должны постоянно посещать «чины тюремного персонала». Ежедневно по нескольку раз надзиратели должны заходить к каждому заключенному и выслушивать их жалобы. Старшие надзира-

¹ Этот документ полностью переписан Овчинниковым в свой дневник (С. 30-33). Важно отметить то, что в начале XX в. арестованный имел свободный доступ к нормативным документам о содержании заключенных в тюрьмах.

тели должны обходить все камеры несколько раз в неделю. А также каждый арестованный имел право на свидание с высшими чинами тюремной администрации не менее чем один раз в два или три дня.

После заключения в тюрьму каждому арестанту разрешалось написать своим родным одно письмо со строго определенным содержанием. Для этого существовал бланк, в который вписывалась информация о поступлении в тюрьму, о сроке, когда будет разрешено послать следующее письмо и о первом возможном свидании. В течение первых двух недель ни одному из заключенных не разрешались ни переписка, ни свидания. Исключения допускались лишь при особо уважительных причинах (а это уже решал тюремный персонал).

В течение следующих двух недель можно было отправить одно письмо личного содержания (не по установленному бланку) и назначить одно свидание. На втором месяце разрешалось назначить два свидания и отправить два письма. Наконец, с третьего месяца арестанты могли видеть родственников и друзей четыре раза в месяц и отправлять до четырех писем. Все письма проверялись несколько раз: в тюремной администрации и в жандармском управлении. Сама же отправка корреспонденции полностью находилась в ведении тюрьмы, но оплата почтовых расходов происходила за счет отправителя – арестанта. Дополнительные свидания разрешались в праздник Рождества Христова, первые три дня Пасхи и в воскресенье каждой недели, но только в присутствии одного из тюремных чиновников.

В воскресенье и праздничные дни, когда арестанты по закону были освобождены от обязательных работ, содержащихся в одиночных камерах выводили на прогулку на более продолжительное время, чем в будни. Им давали возможность больше читать, а также «по мере возможности и местных удобств устраиваются общие чтения и беседы о разных общепринятых предметах».

После ареста Овчинникова 3 августа 1906 года прошел еще один обыск, во время которого следователи изъяли «не относящиеся к делу вещи»: книги, принадлежавшие Марии Кузьмовне Малючиной (его сестре), и приложения к ним; также сочинения Шиллера, Салтыкова-Щедрина, Гоголя; несколько тканых половиков, принадлежащих Пермской бесплатной библиотеке, деревянный стол; солдатское увольнительное свидетельство его брата Алексея. Эти вещи были взяты под штампом «относятся к революционной агитации». Тканые половики и деревянный стол агитируют людей?! В дневнике Овчинникова записано шесть прошений с требованием вернуть изъятые, а по сути украденные вещи. Самое раннее из них написано 16 сентября 1907 года, а последнее – 2 марта 1909 года, но нет ни одной строчки о том, что эти вещи были возвращены законному владельцу.

Особо опасных преступников распределяли в одиночные камеры, называемые кельями. Устав и тут определял нормативы: «В каждой

келье должно содержаться не менее 1000 куб. футов воздуха, должны находиться следующие предметы: 1) образ и молитвенник; 2) подъемная кровать с определенными по закону постельными принадлежностями; 3) стол и стул (табурет); 4) полка для вещей; 5) посуда для еды и питья; 6) посуда для умывания; 7) приспособления, необходимые для исполнения назначенной арестанту работы; 8) приспособления для отправления естественной надобности»¹.

Остальных преступников помещали в общие камеры. В наказание за совершенный в тюрьме проступок отправляли в карцер для кратковременного содержания. В случае болезни арестанты, содержащиеся в одиночке, получали еду и медикаменты, назначенные врачом лазарета, непосредственно в келью. При серьезных заболеваниях их переводили в общую тюремную больницу, а на основании письменного удостоверения врача могли запретить пребывание в одиночной камере. А помощь врача была очень и очень востребована! Еще бы! Арестантов ежедневно выводили на прогулку на ничтожно малое время – всего лишь по полчаса два раза в день! По Уставу это время было названо минимальным, но ни одному из надзирателей тюрьмы не пришло бы в голову продлить прогулку; они только противозаконно сокращали ее. Сам процесс «выгуливания заключенных» был очень интересен: они должны были ходить разомкнутой шеренгой по кругу на расстоянии друг от друга не менее пяти шагов. При этом должно соблюдаться полное молчание.

Овчинников написал много жалоб по этому поводу (все жалобы хранятся в дневнике). Он даже подозревал начальника тюремного управления в злонамеренности: «Узнав, что с одним из надзирателей, Южаниным, арестанты отказываются ходить на прогулку из-за его грубости и мании командовать, начальник тюремного управления специально назначил его»². После посещения тюрьмы Прокурор Пермского Окружного Суда подал начальнику тюремного управления жалобу арестантов на надзирателя Южанина. И что в итоге? Южанина поставили к ним в коридор на пост. По словам Овчинникова, Прокурор «сделал поощрение продолжению в его грубых циничных выходках и криках по коридору, и всякая вера в мирное и справедливое назначение прогулок и свиданий улетучилась».

4 августа 1907 года около девяти часов утра Овчинникова вместе с пятью товарищами вывели на прогулку в тюремный двор, который находился между корпусом-башней и тюремной конторой. Подойдя к одному из окон конторы, он увидел арестантку Липкину, которую вызвали туда без всякого предупреждения и хотели препроводить в Уездное Полицейское Управление. Она была переведена из Екатеринбургской

¹ Дневник // ГАПО. Ф. 160. Оп. 2. Д. 97. – С.30.

² Дневник // ГАПО. Ф. 160. Оп. 2. Д. 97. – С.10.

тюрьмы в Пермскую; затем ее выслали в Соликамскую тюрьму, где вследствие невыносимых условий Липкина объявила голодовку, требуя возвращения в Пермскую. После четырнадцатидневной голодовки ее, наконец-то, перевели в Пермь, но не «для поправления надломленного голодовкою организма в тюремной больнице», а для дальнейшего препровождения в Оханскую тюрьму. Она заявила, что больна, и ехать дальше не может. Тюремный врач подтвердил серьезность болезни и дал письменное удостоверение, что ей нельзя покидать тюремную больницу. Несмотря на это, «какой-то» полицейский чиновник объявил, что он должен препроводить ее в полицейское управление. На что она ответила: «У меня следствие закончено по прибытии в Пермскую тюрьму и никаких дел в Уездном Полицейском Управлении не имею, поэтому я не собираюсь слушать ваши необоснованные заявления и ехать с вами!»

После этого пришел начальник тюрьмы Гумберт и сказал, что она должна следовать за явившемся полицейским чиновником, иначе будет применена сила, за последствия которой они не несут ответственности. К счастью (или к несчастью?), Липкина успела передать гулявшему во дворе Овчинникову, что ее, вероятно, обманым путем хотят вернуть в Оханскую тюрьму, из которой она смогла выбраться ценой своего здоровья. А так как никакого предписания губернатора начальник тюрьмы не предъявил, «товарищи-арестанты» попросили приехавшего полицейского чиновника показать им письменное заявление о препровождении т. Липкиной. В Уездном Полицейском Управлении такового не оказалось, и вместо него Гумберт вытащил из кармана брючного костюма смятую бумажку от тюремного инспектора. В ней говорилось, что начальник должен выполнить команду о переводе Липкиной «по распоряжению губернатора по назначению». Она заявила, что у тюремной администрации имеется письменное предписание врача об ее болезни, препятствующей следовать этому порядку. Вместе с этим она потребовала вызова прокурора по телефону, считая действия начальника тюрьмы противозаконными. Ей отказали. Вместо этого Гумберт сделал распоряжение вооруженным сотрудникам взять ее силой.

Раздраженные произволом тюремного начальства и насилием над беззащитной Липкиной, гулявшие начали протестовать. Единственное, что они смогли сделать, показывая свое возмущение, – разбить стекла. Правда, бил стекла один Овчинников. Остальные ограничились возмущенными криками. Такой вид протеста никому не угрожал, так как арестанты не хотели продлить себе срок пребывания в тюрьме. Но и этого было достаточно для открытия револьверного огня по безоружным протестующим. Надзиратели стреляли из окон, потом некоторые выбежали во двор. Эта «вооруженная толпа» накинута на шестерых мятежников! В результате Овчинникова ранили «в тазовую

кость около полости живота, пробив толстый ремень и платье». Когда его вели в тюремную больницу, надзиратель Казанковцев ударил его «леворвером» по спине. А пуля, вынутая из раны, была выпущена из револьвера начальника тюрьмы.

Двор очистили, избитых заключенных развели по камерам. «Беззащитная Липкина была грубо увлечена из конторы», а что стало с ней за стенами тюрьмы, никто не знал.

Только спустя месяц, 8 сентября 1907 года, пришла справка от Прокурора и Пермского Губернатора по делу о вооруженных «разборках» между надзирателями и арестантами, где главным виновником всего сочли начальника Гумбера. Вот только эта справка уже ничего не решала: Липкину увезли в неизвестном направлении, а Овчинников лежал в лазарете с пулевым ранением.

Овчинников тогда написал в своем дневнике, что в Пермской тюрьме из нормальных людей делают неврастеников, а больных сводят с ума окончательно.

Наблюдая все это, Овчинников согласился на одиночное заключение, чтобы ему сократили срок пребывания в тюрьме. С 14 сентября 1907 года по 24 января 1908 года (132 дня) он сидел при Пермской Губернской тюрьме в «корпусе-башне, удовлетворяющей всем требованиям системы одиночного заключения, в одиночной кельи № 12»¹. В 266 статье Устава о содержании под стражею написано: «Лица, приговоренные судом к тюремному заключению, могут быть помещены для отбытия сего наказания в тюрьме, устроенной по системе одиночного содержания арестантов, но не более как на 1 год и 6 месяцев. Время, проведенное означенными лицами в сих тюрьмах не свыше года, засчитывается им в срок наказания, полагая 3 дня содержания в одиночной тюрьме за 4 дня... когда все одиночное заключение продолжительнее года, то каждые 2 дня содержания в одиночной тюрьме, сверх сего срока, засчитывается за 3 дня, определенного судом заключением». Следовательно, сто тридцать два дня, проведенные в одиночке, означали, что ему должны были сократить срок на 44 дня. Но не тут-то было! Сокращение срока от высших инстанций казалось практически недостижимым и невозможным. В прошении, которое Овчинников отправил в Первый Департамент Правительственного Сената, ясно вырисовывается картина произвола со стороны правоохранительных органов.

Первое свое ходатайство о сокращении срока наказания наш заключенный отправил Прокурору Казанской Судебной Палаты, который оставил это ходатайство без последствий. По его «сведениям и соображениям», во-первых, к Овчинникову (которого хотя и содержали в камере отдельно от заключенных) не применялись прави-

¹ Дневник // ГАПО. Ф. 160. Оп. 2. Д. 97. – С.35.

ла, установленные для одиночных тюрем. И, во-вторых, Пермская Губернская тюрьма была устроена по общему режиму пребывания, следовательно, ни о каких одиночных камерах-кельях не могло идти и речи. С получением вышеозначенной резолюции Овчинников отправил прошение на имя Министра Юстиций, где опроверг «сведения и соображения» Прокурора: «Я содержался именно в корпусе, удовлетворяющем всем требованиям системы одиночного заключения в одиночной келье № 12 и при этом ко мне неукоснительно применялись правила об одиночном заключении, о чем свидетельствует Г. Нач. Пермской Губернской тюрьмы в отношении от 24 января 1908 года за № 53, приобщенном к делу переведенного со мною из Пермской тюрьмы в Екатеринбургскую для отбытия заключения Якова Свердлова. При этом сим долгом считаю присовокупить, что отбывшие крепостное заключение Николай Пискунов, Павел Матвеев, Александр Усталов и Константин Иванов, содержавшиеся в упомянутом корпусе-башни в одинаковых со мною условиях, в разное время воспользовались, с разрешением надзора соответствующими скидками»¹.

Главное Тюремное Управление рекомендовало Овчинникову обратиться за решением к прокурорскому надзору. Но эта инстанция тоже отказала Овчинникову.

«Не удовлетворившись означенным», он снова обратился к Пермскому Прокурору, чтобы тот разъяснил Пермской тюремной инспекции о его праве на сокращение срока. Наконец-то, справедливость восторжествовала! Пермский Прокурор в отношении от 12 декабря 1907 года за № 14.331 разъяснил, что, по его мнению, арестанту И.К. Овчинникову нельзя отказать в применении 266 статьи Устава о содержании под стражею, так как хоть он и содержался в тюрьме общего устройства, но к нему строго и неукоснительно применялись правила одиночного заключения. Следовательно, все требования для «одиночек» к нему применялись.

Вскоре, после получения отношения от Пермского прокурора, Овчинников написал следующее прошение на имя Министра Юстиций, которое, казалось, должно было дать положительный ответ. Но тюремная инспекция, видя успехи Овчинникова, решила пойти незаконным путем, тем самым отсрочив сокращение срока. Тюремной администрации было подано распоряжение о переводе в Екатеринбургскую тюрьму в общие камеры всех (!) крепостников, содержащихся в корпусе-башне в одиночных кельях. Это переход противоречил тюремному уставу, в котором говорилось, что перевод из кельи в общую камеру допускался только на основании письменного удостоверения врача о том, что здоровье арестанта не удовлетворяет содержанию в келье или требует временного перевода в общую камеру. После этого

¹ Сохранен стиль написания из Дневника.

Овчинников, надеясь на гуманное отношение к нему, отправил прошение с просьбой не переводить его в Екатеринбургскую тюрьму. Свою просьбу он мотивировал тем, что все его семейство, дом и хозяйство находятся в Перми. А после перевода он лишится положенных ему свиданий с родственниками, что противоречит 962-й статье Устава Уголовного Судопроизводства.

На этом основании он просил Пермского Тюремного Инспектора разъяснить незаконность перевода, а его восстановить в правах на сокращение срока. На этом закон замолчал. Овчинникова и других заключенных в кельях перевели в Екатеринбургскую тюрьму. Даже доводы Пермского Прокурора, поддерживающего права арестантов, не помогли Министру Юстиций принять правильное решение! От последнего был получен ответ, что прошение оставлено без последствий.

Овчинников так и не добился сокращения срока наказания. Как свидетельствует Дневник, его перевели в другую тюрьму. С 25 января 1908 года по 17 сентября 1909 года Овчинников отбывал крепостное заключение при Екатеринбургской тюрьме.

Утром 9 марта политические заключенные передали через начальство прошение прокурору Екатеринбургского Окружного Суда. В нем они требовали посещения тюрьмы прокурором, чтобы сделать ему лично заявление. При этом было высказано, что, «ввиду спешности будущего заявления, видеть его они желают в ближайшем времени. Но если прокурор не найдет возможности посетить тюрьму в течение суток, то заключенные 10 марта с 12 часов дня будут вынуждены объявить голодовку». На это прокурор ответил, что у него много работы, а если есть какие-то жалобы – подавайте их в письменном виде. А жалоб-то накопилось много.

Арестантов «в буквальном смысле слова до смерти забивали». Например, если тебя сегодня не бьют, то ты всегда должен ожидать, что завтра будешь отправлен на ту «живодерню, где преступников исправляют к смерти». Своими действиями высшие тюремные чины парализовали волю заключенных настолько, что у них пропадало желание даже «письменно сноситься об этих истязаниях».

Но если все-таки у кого-то хватало смелости отправить заявление, то раньше чем через три недели ответа можно было не ждать. Наконец, не выдержав тюремного произвола, около семидесяти политических заключенных вынуждены были добиваться справедливости при помощи голодовки. В итоге, проголодав с 10 по 15 марта, пришел Прокурор Казанской Судебной Палаты и лично выслушал все заявления.

Дальнейшие сведения о пребывании в Екатеринбургской тюрьме отсутствуют. 17 сентября 1909 года Овчинников, полностью отбыв срок наказания, вышел на свободу.

Советские застенки

В дневнике есть вторая часть – короткая. Она посвящена пребыванию Овчинникова в советской тюрьме. Точное время определить не удалось, но политическим заключенным Овчинников вновь стал, скорее всего, в начале 1920-х гг. Он писал в дневнике: «тогда принадлежал преступному сообществу, именуемому РСДРП, а теперь за то, что к ней не принадлежу»¹.

Дело было так. Несколько «негодяев» сочинили донос на Овчинникова в Омскую Чрезвычайную Комиссию. Инициатором этого дела был сторож общежития Анисимов – «пьяница, бездельник и эксплуататор своей жены и детей» (пишет о нем Овчинников). Горе-сторож изображал из себя надорвавшегося человека, валялся на кровати, в то время как его жена старалась изо всех сил, исполняя обязанности мужа, а в свободное время еще и стирала на постояльцев в общежитии. Анисимов от нечего делать напивался и начинал скандалить. Правда, одно время он занялся «коммерцией», сбывая спирт одного «желтопогонка», но, не выдержав, сам принялся за уничтожение вредной жидкости. В результате попал в милицию, где его и протрезвили.

После этого вступил в партию коммунистов, где окончательно убедился, что он прирожденный диктатор, и стал самоуправствовать. На замечания отвечал дерзко, вообще, вел себя демонстративно. Однажды библиотека не смогла привезти дров, а это грозило «замерзанием водопровода, раздутием труб и парализацией отопления». Анисимов договорился, чтобы библиотеке предоставили «12 сажень дров» взаимы, которые должны были привезти через пару часов. Когда же стала подъезжать повозка, он остановил ее и начал таскать дрова для отопления своей комнаты. Овчинников, не выдержав самоуправства, стал отводить лошадь с дровами к кочегарке, но коммунист замахнулся на него поленом, чтобы тот не вмешивался. Тогда возмущенный Овчинников спросил: «Что ты, арестант, делаешь?!» Этого хватило Анисимову, чтобы приказать конвою арестовать протестующего. Об этом рьяный коммунист и написал в своем доносе.

В итоге Овчинников был «произведен в палача 90 пробы», который где-то когда-то расстрелял каких-то красноармейцев. Между тем, он стрелять физически не мог: его левый глаз не зажмуривался, следовательно, он не мог прицелиться. Но факт остается фактом: Овчинникова арестовали.

По сравнению с советскими застенками Пермская тюрьма царских времен могла показаться райским уголком. Теперь Овчинникова поместили в камеру, где находилось около 54 человек. Там не было ни стульев, ни столов. Арестанты могли еще сидеть, но лежать, даже

¹ Дневник // ГАПО. Ф. 160. Оп. 2. Д. 97. – С. 48-51.

поочередно, не было никакой возможности. Женщины и мужчины сидели вместе: учителя, кооператоры, бывшие жандармы, а рядом – коммиссары и красноармейцы за пьянство и хулиганство, белоармейцы и офицеры «за якобы контрреволюцию».

Овчинников написал совсем немного. На этот раз он не сумел бы обнаружить такого нормативного документа как «Устав о содержании под стражей», условия заключения были тяжелыми, книг читать не полагалось, а уж писать дневник и подавно. Но Овчинникову повезло. Он просидел по этому делу с 25 февраля по 2 апреля (год в дневнике не указан) и был выпущен за прекращением дела.

На этом дневник обрывается. Дальнейшую судьбу Овчинникова выяснить не удалось. Больше по нему никаких сведений нет. Возможно, он избежал репрессий и дожил до глубокой старости. Очень хочется в это верить.

ПАМЯТЬ ПОДЗЕЛЕНЬКИНО

Артем Трутнев,

Пермский край, п. Ильинский, школа № 1, 8 класс.

Научный руководитель: **Светлана Леонидовна Краснова,**
учитель начальных классов

Ильинские школьники ежедневно проходят мимо братской могилы советских активистов, расстрелянных белогвардейцами в 1918–1919 годах. О памятнике на этой могиле и об истории, связанной с ней, мы ничего не знаем. На уроках истории изучаем даты, события, связанные с революцией, а о том, что касается установления Советской власти в нашем районе, учителя нам рассказывают мало. Я решил с помощью научного руководителя изучить этот кусочек прошлого. Может быть, моя работа окажется полезной не только для меня, но и для других ребят, живущих в Ильинском.

Установление Советской власти

К началу XX века село Ильинское было крупным культурным и торговым центром Прикамья. Установление Советов здесь происходило в сложных условиях. Партийная ячейка была организована в ноябре-декабре 1917 года.

Но, по мнению старожилы райцентра Нины Александровны Ждановой, а она говорит со слов своего отца Александра Александровича Иванцева – начальника отряда красной гвардии, это случилось несколько раньше, в декабре 1917 года, то есть через два с небольшим месяца после октябрьских событий в Петрограде.

Политическая обстановка в Ильинском во многом копировала столичную с разницей лишь во времени. В поселке ждали перемен: отречение царя от престола воспринято с должным пониманием, на Временное правительство, судя по воспоминаниям местных жителей, возлагали надежды и ильинские купцы, и промышленники, графские служащие и даже крестьяне – все они ждали Учредительного собрания, которое должно было поставить точки над «і» и которое так и не состоялось (вернее сказать, началось, но было разогнано большевиками). Может, потому и получилось, что «в селе Ильинском все обстояло почти по-старому: полицию заменила немногим отличающаяся от нее милиция, волостное правление – земская управа. Большевиков ругали вовсю и графские служащие, и учительство, за исключением единиц, и многие из крестьян...» (из воспоминаний А.А. Иванцева).

Хронология событий

12 марта 1917 года в Ильинское поступило известие об отречении царя от престола. В этот день на базарной площади прошёл митинг, организованный вернувшимися домой фронтовиками А.А. Иванцевым и П.Н. Батюковым, на котором присутствовало около 150 человек. Выступали представители большевиков, эсеров, священнослужителей. Единства во взглядах не было и кое-кому пришлось с «мероприятия» убежать.

18 марта 1917 года в Ильинском упразднено волостное правление и организована земская управа, в состав которой вошли представители от кулачества, торговцев, служащие правления Строгановского имения.

К маю в селе оформилось несколько политических партий: большевиков, меньшевиков, левых эсеров, кадетов и еще одна – «индивидуалистов». Первая была самой многочисленной – до 450 человек.

27 октября члены (а может, депутаты) совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, сформированного во второй половине указанного месяца, Иванцев, Колоблов, Батюков, Пермьяков и Черных, пришли в здание земской управы и потребовали ее ликвидации (здание, занимаемое ныне милицией). Земская управа своих позиций не сдавала, и в результате в селе установилось двоевластие. В это же время организован отряд красной гвардии, начальником которого поставили А.А. Иванцева. Тогда же создан комитет деревенской бедноты, его председателем стал расстрелянный впоследствии житель деревни Кокаровщина Иван Осипович Катаев. Двоевластие закончилось в конце февраля 1918 года путем разгона волостного правления. Вот как это происходило (по воспоминаниям А.А. Иванцева): «Шарин приехал затемно и привез 25 винтовок и по пять штук патронов к ним. Мы вооружились. Подобрав наиболее опытных ребят, выступили на разоружение солдат и

милиции. Вначале обезоружили милицию, причем часть милиционеров во главе с помощником начальника милиции Н.А. Черепановым тотчас же присоединилась к нам. Затем пошли в помещение, занимаемое солдатами. Дело было в воскресенье. В Ильинском, в Клубе общественного собрания (позднее – кинотеатр имени Чкалова, столовая ОРСа) в тот вечер шел спектакль. Офицеры и солдаты, исключая дневального, были там. Здесь мы конфисковали револьвер, шашку и до 20 русских трехлинейных винтовок, а также патроны к ним. После этого мы направились делать обыски к дружинникам, торговцам, графским служащим и прочим чиновникам, обезоружив их. Операция длилась всю ночь... К десяти часам утра отряд красной гвардии явился в помещение земской управы. Я вызвал председателя управы, местного торговца Ларионова и объявил ему: «Александр Егорович, отныне и навсегда здесь будет Совет. Без ведома Совета вы не имеете права давать какие-либо распоряжения!» «Слушаюсь, Александр Александрович», – ответил Ларионов. (Заметим, Ларионов приходился Иванцеву родственником).

Первым председателем волостного совета избрали И.И. Пермьякова. Советская власть в лице того же Иванцева обложила местную буржуазию «контрибуцией». Деньги выжимали и уговором, и запугиванием. Как отмечается, сразу же началась конфискация земель у кулаков, церкви, графских служащих и т. п. Судя по имеющимся источникам, установление новой власти в Ильинском прошло без человеческих жертв. Однако нельзя сказать, что этот процесс был мирным, ведь применялось оружие, хоть и обошлось без стрельбы, но могло быть и по-другому.

10-й кавалерийский полк

В августе 1918 года в Ильинском был расквартирован 10-й кавалерийский полк. В село полк прибыл в августе на формирование. Поначалу в нем было 160 человек. Многие ильинцы отмечают в своих воспоминаниях бедность полка: не хватало оружия, обмундирования и провианта. В связи с объявленной мобилизацией полк пополнился за счет местного населения, в основном крестьян, значительная часть которых происходила из зажиточных. В сентябре в село дополнительно прибыли три эскадрона. Они были полностью вооружены. Произошло объединение в один кавалерийский полк. Командиром полка был Константинов, политический контроль осуществляли комиссар Луковский и представитель от Ильинского волисполкома М.А. Лупандин. Сообщается, что полк состоял из двух или трех эскадронов, что примерно составляло 400-500 человек – большая сила. Командный состав был из числа бывших царских офицеров, дворян.

Как сообщает в своих записях непосредственный участник тех событий, а позже – следователь ОГПУ Н.Ф. Паздников, 10-й кавалерий-

ский полк входил в состав 10-й дивизии 3-й армии красных. К этой же дивизии относились 10-й инженерный батальон, артиллерийская бригада и другие части, находившиеся в тылу (Пермь, Сепыч, Вознесенское, Ильинское и т. д.), которые вводились бы в действие в случае прорыва белыми линии фронта, обороны красных с юго-запада на участке Пермь – Глазов. Но дело в том, что формировалась дивизия и действия ее планировались заговорщиками-колчаковцами. По их замыслу она должна была ударить в тыл красным по мере продвижения белогвардейцев к Перми. Однако заговорщиков подвело нетерпение. Ранее намеченного срока – 18 августа был поднят мятеж в Сепыче, подавленный через четыре дня. Расположенную в Перми артбригаду красное командование перевело в Вятку, в результате других перестановок силы мятежников оказались разобщенными, от прежних намерений им пришлось отказаться и в дальнейшем предписывалось действовать по обстоятельствам.

Переворот

С 23 на 24 декабря 1918 года под натиском белых пала Пермь. В истории Гражданской войны этот эпизод известен как пермская катастрофа, случившаяся в результате неумелого командования 3-й армии, успешных действий колчаковской разведки и прямого предательства в советских учреждениях. Впрочем, к отступлению готовились. В Ильинском уже 22 декабря началась эвакуация некоторых учреждений, но полностью ее завершить не удалось.

Утро 24 декабря было морозным. Переворот начался внезапно, под вечер. В 16 часов солдаты первого и второго эскадронов, возглавляемые поручиком Гагиным и корнетом Еремеевым атаковали здания совета, военного комиссариата, чрезвычайной комиссии, общежития красноармейцев, почты, продовольственного отдела. Уже через несколько минут повстанцы захватили все учреждения Ильинского. На почте был убит комиссар Опутин, в военкомате – комиссар Лобанов И.К., в плен взяты секретарь совета Катаев Д.Ф., телефонистка, несколько бойцов.

Вот что пишет о событиях того дня А.А. Иванцев: «В 10 кавполку служили бывшие офицеры Еремеев, Гагин, Ершов и другие. Учитывая наличие кулацких элементов, комиссару Лукавскому неоднократно задавали на партсобраниях вопросы о благонадежности полка. Он всегда отвечал речательством. И вот поздно вечером 23 декабря нас коммунистов вызвали в комитет. Сообщили, что пала Пермь, и всем выдали винтовки и патроны. И с того времени все были начеку. Ночью мы ходили по квартирам коммунистов и предлагали им идти в партийный комитет. К стыду должен сказать, что некоторые не хотели идти, надеясь на милость. Например, Колобов Леонид Михайлович,

которого потом расстреляли, определенно надеялся на графских служащих. А Иван Тимофеевич Пепеляев лично мне заявил, что никуда не поедет, и он тоже был расстрелян.

Днем 24 декабря выяснилось, что пала Добрянка. Тогда уже были выданы винтовки 10 кавполку. Все приготовились к эвакуации. В ЧК сосредоточили кулацкие подводы, думали отступить спокойно. И вот приблизительно часа в четыре началась стрельба. Я из ЧК быстро побежал домой за приготовленными двумя вещевыми мешками с продуктами и барахлом. Выбежал за угол к дому, занимаемому до затопления правлением колхоза имени Дзержинского, по мне с вышки кто-то произвел два выстрела. Пули просвистели мимо. Оставив мысль о мешках, бегом вернулся в ЧК. Подводы уже выезжали со двора, и я только успел пасть на последнюю. Быстро погнали на пруд. По тракту на горе перебежала цепь. Когда выехали на пруд, то у водянок мельницы гарцевал кавалерийский разезд и по нам открыли огонь, но из нас никто не пострадал. Через Семино мы доехали до деревни Пепеляевой и, добавив еще две подводы, уехали в Среднюю Ёгву. Ночью к нам приехал, не помню с кем, Иван Иванович Пермяков. Оттуда с частью среднеёгвинских коммунистов приехали в село Рождественское 25 декабря 18 года».

Далее, по его словам, следует, что из Ильинского 24 декабря успели эвакуироваться Шешин – партийный секретарь, Тягунов, Никонов, Чебыкин, Филоненко, Меркурьев, Пермяков, Серебренников, Черных Алексей Семенович, Черных Семен Алексеевич, Иванцев Иван Матвеевич, Панина Мария Дмитриевна, Вяткина Екатерина Ивановна, Лукавский – комиссар 10-го кавполка, Голышева Клавдия, Овчинников Василий Иванович, Елизаров Егор Иванович, Злыгостев Александр Герасимович, Нигуманов, Алешин, Пьянков из отряда ЧК с сестрой, Корнилков Александр Кондратьевич, Соловьев Николай Иванович, Поносов Борис Петрович. Имена некоторых неизвестны, фамилии многих потом неоднократно упоминаются в числе участников боев за освобождение от белогвардейцев сел Рождественского, у Средней Ёгвы, Богородского, деревни Пустынь и других населенных пунктов.

А что было с теми красноармейцами, сотрудниками советских учреждений, сочувствующих советам, которые не успели эвакуироваться из Ильинского? Их участь печальна. Захватив власть, повстанцы создали военно-полевой штаб, который разместился в доме купца Черноусова. Командование полком принял на себя корнет Еремеев. В первую ночь было арестовано около трехсот человек подозреваемых в сочувствии Советам. Здание школы, волисполкома, ветамбулатории, домов Батанова, Черноусова были превращены в тюрьмы.

На другой день, вечером 25 декабря, в Ильинском был проведен сельский сход, участники которого «проголосовали» за восстановление земской управы, председателем ее снова избрали Ларионо-

ва А. Е., была создана и следственная комиссия из 23 человек. Как сообщается в исторической брошюре «Закамская глушь», по приговору комиссии в ночь с 25 на 26 декабря были расстреляны на берегу Обвы у моста 250 человек – коммунистов и советских работников.

Расправы начались

Из записей старожила Ильинского Нины Александровны Ждановой: «Митрофанов Ефим Ильич жил напротив нас, он папе рассказывал: я приходил в Ильинское в субботу на рынок. Был тогда еще молодой. Смотрю, много народу побежало к дамбе. Я тоже захотел узнать, что случилось. Вижу, ведут арестованных под конвоем из конных и пеших. Людей этих провели по дамбе, затем спустились на реку и отвели в кусты выше моста. Потом послышались выстрелы, после чего конвой удалился. Все направилось туда, оттуда слышались выстрелы. А там кто и что только делал! Одни стаскивали с расстрелянных полушубки, другие – валенки, кто хватал шапку. Одним словом, через несколько минут бедных оснимали до нага. Но ведь эти сволочи, которые не сдохли, и сейчас живут среди нас. Жутко было смотреть. Бросилось мне в глаза, что около одного трупа стоял пожилой мужчина с черной бородой, который не давал никому его трогать. Это был еще совсем мальчик лет 14 или 15, не больше. Люди – звери, не пощадили и его. Кто был расстрелянный мальчик и охранявший его мужчина, я так и не узнал». (Запись относится к 50-м годам).

Примерно в это же время, 24-25 декабря, из Добрянки, отступая от белых, в Ильинское шел красногвардейский отряд, рассчитывая на помощь 10-го кавполка. Однако все, около 300 человек, попали в засаду, были арестованы и расстреляны. Эта же участь постигла часть эвакуировавшихся из Слудки партийных и советских работников, военнослужащих. Другая их часть пошла на Дмитриевское и далее, по левому берегу Обвы в сторону Рождественского, и беду миновала. Кстати, в последней группе был и Александр Николаевич Спешилов, впоследствии писатель, отразивший события тех дней в своей повести «Бурлаки».

Но худшее было впереди. 28 декабря 1918 года в Ильинское прибыл 20-й Тюменский полк белых под командованием небезызвестного капитана Корочкина. Ныне это подразделение более известно как карательный отряд. Штаб его разместился в доме главного лесничего Н.Н. Глушкова (Теплоуховский дом, сейчас в нем районная библиотека). 9 января 1919 года приступил к «работе» военно-полевой суд, члены которого были из местных. В «Закамской глуши» сообщается, что особые услуги карателям оказывали Теплоухова Мария Федоровна, Молчанов Андрей Александрович и некоторые другие «добродоты». Знали ли они, что их «бурная деятельность» для большинства их же односельчан обернется смертью?

Расправа, или исполнение приговора военно-полевого суда началась 10 января с утра. Сперва наказывали розгами – 50 ударов. Порка продолжалась до поздней ночи. Затем начались расстрелы. В числе первых, кого конвой увел на казнь, были Колобов Леонид Михайлович, Завьялов Иван Федорович, Кожевников Ерофей Кириллович, Зырянов Григорий Семенович, Катаев Иван Осипович, Шилоносков Андрей Николаевич и другие – всего 12 человек. Через полчаса была выведена следующая партия обреченных. Расстреливали в местечке Подзеленькино.

«В одно только Ильинске, далеко по неполным данным, расстрелянных свыше 800 и выпорото розгами более 2 000 человек...», – сообщается в исторической брошюре «Закамская глушь».

Установление памятника

Село Ильинское находилось под властью белых в течение шести месяцев. 24 июня 1919 года село было освобождено от колчаковцев бойцами 1-го Северного стрелкового полка Особого Северного экспедиционного отряда. Вскоре в местечке Подзеленькино был установлен деревянный памятник на братской могиле советских активистов.

Перезахоронение останков в связи с затоплением Ильинских земель в 1955 г. Памятник, установленный в Подзеленькино, находился там до затопления. На Первомайские и Октябрьские праздники школа проводила там торжественные митинги. В районном архиве сохранился составленный комиссией из 6 человек акт от 27.08.1955 года документ об изъятии останков из братской могилы борцов за дело революции, расстрелянных и захороненных в 1918 году.

В течение трех дней – с 25 по 27 августа 1955 года – были собраны отдельные кости, их положили в девять гробов. Кости были изъяты все (как указано в акте), братская могила засыпана.

В архиве имеется отчет о ходе расселения населения, переносе строений, сооружений и подготовке к затоплению ложа водохранилища Камской ГЭС по Пермско-Ильинскому району по состоянию на 01.10. 1954 года. Отчет был выполнен машинописным текстом, состоит из 18 пунктов и подписан зам. председателя исполкома А. Поповым.

15 августа 1950 года исполнительный комитет Ильинского районного Совета депутатов трудящихся обратился к исполнительному комитету Московского областного Совета с просьбой указать руководству строительством КамГЭС на необходимость переноса за счет средств КамГЭС могилы из урочища «Подзеленькино», подтапливаемого водохранилищем. А также принять за счет строительства КамГЭС расходы, связанные с устройством нового кладбища вместо закрываемого. (Подписано председателем Косажиным). (Ф.1, оп.3, д.1, л. 85, 85 об.).

Имеется фотография торжественного переноса (акт от 1955 года) гробов и установки памятника напротив «красного» здания школы

(современный «Пятачок» п. Ильинского). Первоначально планировалось памятник, расположенный на братской могиле в Подзеленькино, поднять выше, но там же, где он находился, чтобы с пароходов он просматривался с берега.

Планировалось (обсуждалось) поставить его в окончании вновь разбиваемой улицы Красногвардейской (отсюда и ее название – по воспоминаниям В.Д. Гневашевой, тогда секретаря партийной организации средней школы), однако это осуществлено не было.

По воспоминаниям В.Д. Гневашевой, улицу Красногвардейскую решили делать шире остальных, чтобы была возможность торжественного прохода к памятнику праздничным колоннам. Этот вариант осуществлен не был.

В итоге, по решению местного исполкома, на братской могиле советских активистов, перенесённой в сквер к школе, сделан новый памятник. В 1985 году вокруг него установили металлическое ограждение из нержавеющей стали.

Отголоски событий 1918 года

Рассказывает заместитель прокурора Ильинского района Людмила Васильевна Ревенко:

– Очень часто люди просто гуляют по берегу вдоль училища, около рыбучастка по левую руку, ходят купаться или белье полоскать. В районе бывшего Подзеленькино в реку впадает ручеёк (до него берег крутой). Это место одни годы бывает затоплено водой, а в другие годы, наоборот, вода отходит на три метра. И вот именно здесь на обрывистом берегу и заметили черепа и кости, на высоте примерно 0,5 метра. Их стало вымывать из-за постоянного обрушения берега. Об этой находке сообщали неоднократно и взрослые, и мальчишки. И вот когда в очередной раз поступил сигнал в музей, делу дали ход. Сотрудники музея сообщили о находках в Камскую археологическую экспедицию в город Пермь. Изучением останков занялся археолог Андрей Федорович Мельничук. Археологи подтвердили тот факт, что это человеческие останки, относящиеся к периоду гражданской войны.

Редактор газеты «Знамя» В.И. Симанов сфотографировал это место. К нам в прокуратуру поступило письмо из Пермского краевого общества «Мемориал» с просьбой, чтобы мы провели исследование. Кости были собраны. Назначена судебно-медицинская экспертиза.

Стали обходить старожилов, собирать воспоминания о перезахоронении останков, найденных в этом месте в 1950-е годы. Именно в это время – перед затоплением села, отсюда уже были перенесены кости и захоронены в братской могиле в сквере возле школы. Начали поиск и изучение документов в Ильинском архиве и краеведческом музее, относящиеся к периоду 1950-х годов, о переносе жилых домов,

переносе останков из Подзеленькино в братскую могилу. По всей видимости, тогда не все останки были перенесены.

Прокуратура изучила вопрос, касающийся расстрелов большевиков в 1918 г. Мы отметили, что события 1918 года уже описаны в литературе: это – «Бурлаки» А. Спешилова и историческая брошюра «Закамская глушь».

Судебно-медицинская экспертиза изучила кости и дала свое заключение, в котором подтвердила, что это человеческие останки, имеющие следы пулевых ранений и относящиеся к периоду 1918 года.

Работа по исследованию была завершена. Но мы это дело решили довести до конца, ведь это место имеет историческое значение. Мы отправили письмо главе администрации Ильинского муниципального района В.А. Радыгину. Глава дал распоряжение И.В. Сюткину (отдел культуры) разобраться с этим вопросом. Было решено кости кремировать и поместить в стену памятника в сквере Борцов революции в парке у школы. Ильинский районный краеведческий музей подготовил проект на районный конкурс социальных и культурных проектов «Память Подзеленькино», в котором были указаны сроки и все мероприятия, связанные с переносом и кремацией останков.

Вспоминает Леонид Владимирович Владимирский, 1937 года рождения:

– Сразу после армии, в 1961 году, я пришёл на работу в строительную организацию, где из разговоров услышал, что предприятие изготавливало гробы для перезахоронения расстрелянных белыми красных. Тогда было заготовлено 200 гробов, но использованы были всего 20-30 – не больше. Наверное, кто-то из тех людей, с кем я работал, еще жив. Могу назвать Шилоносова, кузнеца Леонида Жданова, В.В. Овчинникова – они наверняка помнят...

Сам я знаю, что могила и памятник стояли на ровном месте, которое в настоящее время под водой. Памятник был деревянный, с железной массивной оградой.

Вспоминает Вера Дмитриевна Гневашева, 1919 года рождения:

– До 1938 года я работала в с. Слудка, а затем уже в Ильинской средней школе. Помню, что до войны на Октябрьские праздники на 1 Мая у здания райкома партии – оно тогда было в другом месте, проходили митинги, после чего все шествие отправлялось в Подзеленькино. На углу Ленина и Советской стоял дом, где белые расстреливали красных – сначала шли к этому зданию, а уж затем к памятнику по ул. Красногвардейской.

Почему улица так названа? Потому что она оканчивалась на высоком месте со стороны реки – именно здесь расстреливали красноармейцев...

В школе я была секретарем парторганизации и, помню, меня приглашали на заседание комиссии, которая была создана в связи с затоплением. Тогда шла речь, что улицу Красногвардейскую надо сделать шире, т. к. по ней будет организовываться шествие людей к памятнику — он и стоял внизу улицы. Эту улицу действительно сделали шире. Говорили, что река будет после затопления судходна, чтобы с угора был виден памятник, его перенесут туда. Перенесли же памятник в сквер к школе. Школа тоже принимала участие в перезахоронении останков.

Вопрос: Вы помните, сколько могил было перевезено?

Ответ: Не знаю. Много. Если 800 человек расстреляли.

Вопрос: Откуда Вы знаете, что 800 человек было расстреляно?

Ответ: Так слышала. Знаю, что в музее есть материалы о расстреле. В книге у В. Симонова неправильно написано, что улица Кожевникова так названа потому, что здесь выдeldывали кожу. Нет, это название она получила из-за того, что в доме на углу Советской и Ленина был расстрелян Кожевников. Алевтина Дмитриевна Жданова даже предлагала установить мемориальную доску на доме, но этого так и не случилось.

Этот дом перенесли на ул. Кожевникова — он второй слева от «учительского» дома (бывший дом священника Золотавина).

Вспоминает Валентина Николаевна Нырбцева, 1929 года рождения:

— В детстве — это было еще до Великой Отечественной войны — мы, дети, ходили за земляникой в Силин Лог. Здесь тогда стоял железный памятник. Пойдет дождь — мы под памятником переждем непогоду — и снова идем. Памятник находился вблизи «Брестской крепости» — так называют дом, который стоит один слева от дороги. Со слов других людей знаю, что там были похоронены красноармейцы.

Вспоминает Михаил Иванович Сергеев, 1923 года рождения:

— В 1947 году я пришел из армии и сразу начал работать в райком комсомола. В 1950–1951 годах мы занимались перезахоронением расстрелянных белыми красноармейцев.

По разговорам, здесь было расстреляно человек 300. Одной общей могилы не было — хоронили в разных местах, также как и расстреливали. Перевозили останки в 15 гробах, и не один день, а с неделю — на лошадях, машинах.

Сейчас хуже стали относиться к этому захоронению, а тогда люди приходили, не перекрестившись и без поклонов, не уходили.

Вспоминает Виктор Григорьевич Удавихин, 1933 года рождения:

— Знаю, что в п. Ильинском стоял 10-й кавалерийский полк, который перешел на сторону белых. Не исключено, что часть людей, которая не приняла участие в мятеже, была расстреляна белыми. Место

расстрела сейчас под водой, а памятник стоял недалеко от старого рыбучастка: он был в виде звезды и надгробие тоже в виде звезды. Ограда также представляла собой пятиконечную звезду. Этот памятник перенесли в сквер у школы во время затопления.

В заключение хочу сказать следующее. Памятник на братской могиле советских активистов относится к событиям времен гражданской войны. Эти события связаны с историей восстания 10-го кавалерийского полка, перешедшего на сторону колчаковских войск, и последовавшими за этим репрессиями против красновардейцев, партийных и советских работников (расстрелы производились в декабре 1918 – январе 1919 годов).

В 1919 году после восстановления Советской власти на месте захоронения был установлен деревянный памятник. Территория была обнесена металлической оградкой. В 1955 году произведено перезахоронение останков в сквере Борцов революции – в центральной части села Ильинского (возле Ильинской средней школы) и установлен новый памятник.

Однако в 1955 году были перезахоронены не все останки из братской могилы. Во время спада уровня воды Обвинского залива происходит подмывание неукрепленного берега, обрушение грунта. В результате обнаружались новые останки. Прокуратура Ильинского района провела экспертизу. В том же 2006 году Ильинский районный краеведческий музей реализовал проект «Память Подзеленькино», который был направлен на решение вопроса о переносе выявленных останков в братскую могилу в сквер Борцов революции (возле Ильинской средней школы). В результате чего останки были кремированы и прах перенесен в братскую могилу.

«...МЕНЯ ИЗБИВАЛИ И МУЧИЛИ»

**Правдивая история ликвидации «финской агентуры»
в г. Молотове в 1942 году**

Полина Реутова,

МОУ «Лицей № 1», класс 207

(социологическое отделение), г. Пермь.

Научный руководитель: **Александр Казанков**

История и История

Первая – небольшая, человеческая, короткая. И на первый взгляд может показаться, что она с большой буквы только потому, что попала в начало предложения.

Вторая – большая (может, даже Всемирная), развернувшаяся на тысячелетия. Но, если вдуматься, из чего возникает та, большая История, если не из подобных «маленьких»?

Я хочу рассказать о непростой, трагической человеческой судьбе. О том, как весной-летом 1942 года в Перми следователями НКВД была «создана» и ликвидирована диверсионно-террористическая группа, возглавляемая «резидентом» финской военной разведки Михаилом Кривошеиным.

Эта история началась для меня в тот момент, когда я впервые увидела архивное дело № 33 из фонда прокуратуры Пермской области. Особого впечатления оно на меня не производило. Толстая (более 150-ти листов) канцелярская картонная папка блеклого серовато-коричневатого цвета. Внутри – бумаги разного формата и вида. Исписанные выцветшими чернилами, плохо подточенными карандашами, отпечатанные на разболтанной машинке. Постановления об аресте, мере пресечения, протоколы, материалы очных ставок, обвинительное заключение, приговор, кассационная жалоба – кипа документов пока еще не вполне понятного назначения.

Постепенно продираясь сквозь казенные формулировки, фантастическую орфографию (пунктуация отсутствует вовсе) каракулей обвиняемых, понимаю, что мое дело – «ящичек в ящичке», т. е. дело о следственном деле № 1980. А в этом «втором ящичке» – история семи человек, в которой было все – предательство, насилие и произвол, глупость и безграмотность, жертвы и палачи.

Ошибка «резидента»

Холодной мартовской ночью 1942 года работница завода № 10 Наркомата боеприпасов Клавдия Егоровна Кусакина вошла в цеховую душевую, в которой мылись мужчины и о чем-то переговаривались под плеск и журчание струй. Никто из этой компании и не предполагал, что их могут подслушивать. А Клавдия Егоровна не поленилась сочинить донос и дать показания органам НКВД. Вот это поражающее простотой и безыскусностью описание произошедшего:

«19 марта сего года я с работницей Быстровой в 23 часа зашла в комнату душа в цехе № 1, где было восемь человек рабочих, и обратилась к Кривошеину, есть ли у него на участке детали, который ответил:

– Пускай вечно не будет ничего, меня это не касается, – после этого он стал говорить о пребывании на фронте и в плену у финнов. Он заявил:

– Петрозаводск разрушили сами бойцы Красной Армии, финны были ещё далеко, а наши войска уже побежали. У Петрозаводска сдались в плен без одного выстрела 4 дивизии. Я также был в плену у финнов. Они с пленными обращаются хорошо, мне дали супу, хлеба,

банку консервов, 2 пачки папирос и отпустили. Напрасно я ушёл из плена, надо было остаться у них. Я никому не поверю, что они с пленными обращаются плохо, это всё врут. А здесь кормят плохо, а норму требуют выполнять, если выработаешь 1 000 деталей, тебе дают 1 400 шт. Надо объявить голодовку, чтобы с завода всех выгнали и завод закрыли¹».

Позднее Михаил Кривошеин укажет, что в плену никогда не был, и сообщит, что это могут подтвердить в 52-м полку 37-й дивизии. Но поскольку на финском фронте он действительно был, то вполне мог встречать бойцов, действительно бывших в плену, слышать их рассказы, а сейчас, ради красного словца, приписать их себе.

Так или иначе, но криминал был налицо. Кривошеин болтал, кто-то слушал – вот тебе и агитация. Причем самая что ни на есть антисоветская: Красную Армию очерняет – раз, фашистов восхваляет – два, к антисоветским выступлениям подстрекает – три, ослабить советскую власть посредством закрытия оборонного предприятия хочет – четыре. Статья 58 УК РСФСР пункт 10, десять лет исправительно-трудовых лагерей – минимум (в мирное время), верхний предел наказания не ограничен.

Конечно, ничего, кроме слов, не было, но даже говорить такое в 1942 году было опасно. Да что там – смерти подобно. Слушать и не донести – тоже. Возможно, именно поэтому Клавдия Егоровна и сообщила «куда надо». Хотя подобные разговоры не были тогда редкостью. В городе Молотове, переполненном эвакуированными, ранеными, военнослужащими, жившими сплошь и рядом в обстановке жуткой неустроенности и работавшими «на износ», не могли не говорить «лишнего».

22 апреля 1924 года заместитель начальника 3-го отделения ЭКО (экономического отдела) УНКВД лейтенант государственной безопасности Монин составил постановление на арест Кривошеина Михаила Алексеевича (1902 года рождения; уроженец деревни Юферята Перво-Ключевского сельсовета Шабалинского района Кировской области; из семьи крестьян; русский; гражданин СССР; беспартийный; образование низшее; по профессии слесарь; в 1938 году судим по ст. 116 УК РСФСР к трем годам лишения свободы – отбыл; до ареста – военнослужащий рабочей колонны № 1022 при заводе № 10 имени Дзержинского; проживал: г. Молотов, ул. Плеханова, дом 41, барак 2).

Лейтенант ГБ Монин, рассмотрев показания Кусакиной и материал в отношении Кривошеина, нашёл, что Кривошеин с августа и по ноябрь 1941-го служил в Красной Армии и находился на Северо-Западном фронте. В октябре был в плену у финнов и из плена финнами был отпущен. Работал на заводе № 10 бригадиром, систематически среди ра-

¹ 1 ГАПО, ф. Р-1366. Оп. 2. Д. 33. – С. 1-2.

бочих вёл антисоветскую агитацию, направленную на восхваление фашизма, опровергал сообщения Совинформбюро о зверствах фашистов над военнопленными, высказывал намерения перейти на сторону немцев при отправке на фронт.

23 апреля 1942 года Кривошеин, подозреваемый в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. 10 ч. 2 статьи УК РСФСР, был арестован, и уже 2 мая был привлечён к следствию в качестве обвиняемого.

25 апреля материалы по обвинению Кривошеина принял старший следователь следственного отделения ЭКО УНКВД Молотовской области младший лейтенант ГБ Робинзон. И приступил к «производству расследования». Собственно, расследовать было нечего: в антисоветской агитации Кривошеин полностью изобличался показаниями гражданки Кусакиной. Но была в деле одна деталь, открывавшая заманчивые перспективы: пресловутое пребывание в плену. Ведь плен – это возможность вербовки иностранной разведкой, это возможный «канал» связи (финны Кривошеина отпустили – зачем? с какой целью?). Честолюбивому старшему следователю Робинзону пришло в голову, что гораздо внушительнее, чем обвинение в заурядной «болтовне», было бы раскрытие орудовавшего прямо в сердце индустриального Урала, прямо на оборонном заводе НКБ финского «шпиона и диверсанта», который – конечно! как же иначе?! – сформировал там диверсионно-террористическую группу.

Судьба «резидента»

Что можно сказать об этом сорокалетнем беспартийном, ранее судимом уроженце Кировской области? Вот, например, кассационная жалоба, написанная им собственноручно: «Я челавек марограматной батракак и вчем прошу верховный суд смякчит меры наказания так как я был советкий гражданин и опят хочу бы преданым гражданином Советкой Власти (сохранена орфография и пунктуация оригинала)». Так (и в таких выражениях) действительно мог писать человек, едва наученный азам грамоты. Какую, спрашивается, «шпионскую информацию» он мог сообщить – а тем более собрать? Какая разведка вербует слесарей, едва умеющих связать пару слов? В приговоре будет указано, что имущество приговоренного конфисковано не будет – ввиду отсутствия такового. Бедняк, голь перекатная, обитатель рабочего барака Кривошеин, едва понимающий, в чем его обвиняют, но, тем не менее, клявшийся искупить свою вину кровью для роли «финского резидента» не подходил категорически (скорее всего, это понимали и следователи, т. к. в обвинительном заключении слова о «передаче сведений шпионского характера» будут, а п. 6 ст. 58 УК – шпионаж – нет).

Это не имело ровно никакого значения. Его заставили признаться, причем во всем. Робинзон предъявил Кривошеину обвинение в том,

что в 1941 году тот, «находясь в действующей армии, добровольно перешёл к белофиннам, сообщил расположение своей и других воинских частей, о вооружении и другие сведения шпионско-разведывательной и диверсионной работы, дав подписку о своём сотрудничестве с финской разведкой, был зачислен в вооружённый отряд и проводил диверсионную и шпионско-разведывательную работу против Советского Союза, а в 1942 году, прибыв в г. Молотов, среди работающих на заводе Дзержинского систематически вёл антисоветскую агитацию клеветнического и пораженческого характера, распространял антисоветские провокационные слухи о положении на фронтах Отечественной войны и клеветал на Красную Армию».

Направляя после вынесения приговора кассационную жалобу в Верховный Суд, Кривошеин напишет, что его избивали и мучили, грозили сгноить в тюрьме. И, конечно, вскоре он стал называть «сообщников».

2 июня 1942 года был арестован Ткаченко Иван Михайлович («1905 года рождения; уроженец с. Спасское Бурлацкого р-на Орджоникидзевского края; из семьи крестьян-середняков; русский; гражданин СССР; беспартийный; образование низшее; в 1921 году был исключён из рядов ВЛКСМ; в 1937 году родного брата за хулиганство осудили к 3-м годам тюремного заключения; до ареста – боец стройколонны № 1022 при заводе № 10 Наркомата боеприпасов; проживал в г. Молотове по ул. Плеханова в доме 41 бараке 2»).

Старший следователь Робинзон нашёл, что Ткаченко, прибыв в октябре 1941 года в г. Молотов, будучи зачислен как военнослужащий в рабочую колонну № 1022 при заводе № 10, стал проводить среди военнослужащих колонны антисоветскую агитацию клеветнического и пораженческого характера. На допросе 28 апреля 1942 года Кривошеин заявил, что Ткаченко, «являясь враждебно настроенным к существующему в СССР строю», создал антисоветскую повстанческую группу: «Однажды в разговоре с Ткаченко он заявил мне, что создаёт на заводе группу лиц с тем, чтобы организовать из них отряд, при этом заявил, что у него уже есть ряд людей, которые изъявили желание быть у него в отряде. Он предложил мне дать своё согласие войти в состав организуемого им отряда, на что я дал ему своё согласие».

По словам Кривошеина, Ткаченко говорил: «Чем так жить и мучиться, лучше уйти в банду, там хоть с голода не умрёшь, вот настанет тепло, так много найдётся таких, как мы. У нас будет создан большой отряд, а насчёт оружия беспокоиться не следует. Оружие мы достанем всегда. Мы можем совершать нападения на составы, которые везут оружие, на перегоне останавливать поезда, забирать себе оружие, надо нам только не медлить с этим делом. Я скоро вам всем добуду документы совместно с Пулькиным».

Ряд деталей заставляет предполагать, что подобный разговор, скорее всего, происходил на самом деле. Удрать из ненавистной стройколонны, собрать банду из таких же дезертиров и промышленно грабежом, когда «настанет тепло» – отчего не помечтать да не высказать мечту приятелю «в запале да в обиде» на окружающую действительность?! Но для следователя это был настоящий подарок. Легко превращая намерения в действительность, он утверждает: была группа, причем банда дезертиров столь же легко превращается в повстанческий отряд. Поэтому изменяется и квалификация вины.

Согласно предъявленному 17 июня обвинению, Ткаченко уже подзревается в преступлениях, предусмотренных ст. 58 – 2 (вооруженное восстание, захват власти в центре и на местах), 58 – 10 ч. 2 (все та же антисоветская агитация), 58 – 11 (пункт, отягчающий вину, если преступники вступили в организацию).

Всю первую половину июня Кривошеин и Ткаченко продолжали, путаясь и сбиваясь, называть фамилии знакомых и подписывать протоколы, составляемые следователем. Аресты тоже продолжались. 17 июня было утверждено постановление на арест Готвенко Ивана Калистратовича («1902 года рождения; уроженец г. Сталинграда; из рабочих; русский; гражданин СССР; беспартийный; грамотный; в сентябре 1940 года в Ереманском районе был судим по ст. 74 УК РСФСР к 1 году лишения свободы – отбыл; работал токарем на заводе № 10; бывший военнослужащий стройколонны № 1022 при заводе № 10; проживал в г. Молотове по ул. Плеханова, 41, б. 2») и Баранова Александра Ивановича («1899 года рождения; уроженец д. Сениха бывшей Кандауровской волости Пучевского р-на, Ивановской области; из рабочих; русский; гражданин СССР; беспартийный; грамотный; бывший военнослужащий стройколонны № 1022; работал токарем на заводе № 10; проживал в г. Молотове по ул. Плеханова, 41, б. 2»). 18 июня оба были арестованы.

20 июня был арестован Пулькин Михаил Фёдорович («1911 года рождения; уроженец д. Негачева Пустарсенского с/совета Расмешковского р-на Калининской обл.; из крестьян-середняков; по национальности карел; беспартийный; образование низшее; бывший военнослужащий строительной колонны 1022 при заводе № 10; работал в артели «Коопремонт» в г. Кунгуре; проживал в г. Кунгуре Молотовской области по ул. Карла Маркса, 15»).

Разумеется, все они были арестованы на основе «оговора» Кривошеина и Ткаченко (первый честно признается в кассационной жалобе, что «наврал на себя», забыв упомянуть, что он «наврал» на других). Всех троих подозревали в преступлениях, предусмотренных ст. 58 – 2, 58 – 10 ч. 2, 58 – 11 УК РСФСР (стандартный набор). Арестовано уже пять человек – «диверсионная группа» была набрана. Выбивая из

подследственных показания (слова Кривошеина «меня избивали и мучили» – лейтмотив), старший следователь Робинзон шаг за шагом сочинял свою историю – историю, которой не было.

Выходило примерно так: в конце февраля–начале марта 1942 года агент финской разведки Михаил Кривошеин приступил к формированию группы (тут у следователя не сходятся концы с концами: в апреле Кривошеин говорил, что это он дал согласие Ткаченко на участие в банде). Первым был завербован Пулькин, с которым «шпион» Кривошеин был знаком еще до приезда в Молотов, по совместному пребыванию в Кунгуре. Следующим был завербован Ткаченко и далее опять разночтения: то ли он порекомендовал трех бойцов стройколонны № 1022, то ли (по версии Ткаченко) они были привлечены Кривошеиным. Пулькин порекомендовал Баранова, немедленно согласившегося на вербовку.

Примерно в первой половине июня на допросах Кривошеин начинает вдруг говорить о планируемых диверсиях, причем почему-то изъясняется не иначе как формулировками из статей Уголовного кодекса: «Мне было поручено подобрать из числа бойцов Красной Армии лиц, недовольных Советской властью, направлять их на распространение антисоветских клеветнических измышлений в адрес Советской власти и из них же создать антисоветскую группу, которая должна будет совершать диверсии по взрыву железнодорожных мостов, складских помещений, пускать под откос воинские составы и разрушать железнодорожное полотно. В состав созданной мною повстанческо-диверсионной группы входили Ткаченко, Пулькин, Готвенко и другие».

Далее, во второй половине июня, еще более определенно: «Спустя 3 дня мы снова собрались, где Ткаченко нам сообщил фамилии трёх бойцов стройколонны 1022, которых он привлёк для совершения диверсионного акта на заводе. Помню сейчас только одну фамилию, названную им, это Попруга. Он также, как и мы, враждебно настроен к существующей власти в Советском Союзе, возводил клевету на руководителей ВКП(б), при этом каждый раз выражался по адресу руководителей ВКП(б) нецензурными словами».

Отметим, в деле появляется новый фигурант (Попруга), и происходит что-то странное. Кривошеин гладко, как по писаному (что ему не свойственно в принципе), начинает сообщать о подготовке диверсионных актов. Про нецензурные слова он мог запомнить и даже процитировать. Остальное, разумеется, придумано. Почему – догадаться не трудно. Созданной следователем группе нужно подобрать внушительное дело. Ну, если не дело, то, по крайней мере, – замысел. Возможность такая была. На следовательском жаргоне это называлось – «дать девятый через девятнадцатую», т. е. диверсию (ст. 58, п. 9 УК РСФСР) через намерение (ст. 19 УК РСФСР).

И вот, 2 июля 1942 года Готвенко, Баранов и Пулькин были привлечены по делу в качестве обвиняемых. Готвенко обвинён в преступлениях, предусмотренных ст. 58 – 2, 58 – 10 ч. 2, 58 – 11 УК РСФСР, Баранов – в преступлениях, предусмотренных ст. 58 – 2, 58 – 10 ч. 2, 58 – 11, 19 – 58 – 9 УК РСФСР, Пулькин – в преступлениях, предусмотренных ст. 58 – 2, 58 – 10 ч. 2, 19 – 58 – 9 УК РСФСР. До этого подобные обвинения не предъявлялись никому. Конечно, новые пункты обвинения рикошетом вернутся к Кривошеину.

8 июля 1942 года Кривошеину предъявили дополнительные обвинения. В процессе следствия были добыты «новые материалы», свидетельствующие о том, что Кривошеин помимо антисоветской агитации совершил преступления, подпадающие под ст. 58 – 1 б, 58 – 2, 19 – 58 – 9, 58 – 11 УК РСФСР. Первый пункт 58-й статьи говорил о том, что контрреволюционным признавалось всякое действие, направленное на ослабление Советской власти. В 1934 году в первый пункт были вставлены подпункты, и подпункт 1-б подразумевал измену Родине, действия, совершённые в ущерб военной мощи СССР.

Настал черед последних арестов. Кривошеи «сдаёт» еще двоих. 27 июля 1942 года были утверждены постановления на арест Абдурагимова Рассула («1918 года рождения; уроженец д. Дейбук Дохадаевского р-на Махачкалинской обл.; из крестьян; по национальности даргин; гражданин СССР; беспартийный; образование низшее; бывший военнослужащий стройколонны 1022; работал на заводе № 10 Наркомата Боеприпасов в ОТК строительства; проживал в г. Молотове по ул. Плеханова, 41, барак 2») и Попруга Владимира Карповича («1899 года рождения; уроженец д. Кобеньки, Полтавской обл.; из крестьян-бедняков; по национальности украинец; гражданин СССР; беспартийный; образование 4 класса; бывший военнослужащий стройколонны 1022; работал токарем на заводе № 10; проживал в г. Молотове по ул. Плеханова, д. 41, барак 2»).

28 июля 1942 года Абдурагимов и Попруга, подозреваемые в преступлениях, предусмотренных ст. 19 – 58 – 9, 58 – 10 ч. 2, 58 – 11 УК РСФСР, были арестованы. А 11 августа Абдурагимов и Попруга были привлечены по делу в качестве обвиняемых.

Старший следователь Робинзон наверняка был доволен. В результате его действий из жителей второго барака, что по улице Плеханова, 41, собиравшихся в мастерской у Кривошеина язык почесать да власть поругать, была «организована» группа диверсантов, планировавшая (страшно сказать!) взрыв основного цеха № 7 завода № 10 НКБ и пуск под откос военных эшелонов. Каждый из них был подведен под «расстрельную» статью (и не одну), и все на основании слов избитого, измученного, запуганного «марограмотного батрака» (причем по большей части слова эти принадлежали самому следователю, и лишь подписывались Кривошеиным).

Оставалось составить обвинительное заключение, что и было сделано 30 августа 1942 года. Старший следователь Робинзон предлагал к обвиняемым Кривошеину, Ткаченко, Готвенко, Пулькину и Абдурагимову применить высшую меру наказания – расстрел с конфискацией имущества, а к обвиняемым Попруга и Баранову применить лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на 10 лет каждому.

После этого следственное дело № 1980 было направлено Военному прокурору Уральского военного округа.

Конец «резидента»

Итак, арестованные сидят, дело путешествует по инстанциям. И вот 13 сентября в следствие вмешивается надзорная инстанция. В деле хранится документ, подписанный заместителем Военного прокурора Уральского ВО Яковлевым. Ознакомившись с делом № 1980, Яковлев считает, что каких-либо данных о том, что обвиняемые готовили совершение диверсионного акта на заводе № 10 следствием не установлено, все они работали в цехе № 1 и к цеху № 7 отношения не имели. Этого рода обвинения основаны на показаниях Кривошеина, который и являлся инициатором разговоров на эту тему. На применении высшей меры наказания в отношении Кривошеина Яковлев был согласен, но Ткаченко, Пулькину и Абдурагимову предлагал дать по 10 лет ИТЛ, учитывая то, что они были ранены на фронте. Применение расстрела в отношении Готвенко Яковлев считал нецелесообразным, а с предлагаемой мерой наказания в отношении Баранова и Попруга согласен.

Едва ли стоит считать заместителя прокурора Уральского ВО Яковлева строгим ревнителем закона, человеколюбом и, вообще, грамотным профессионалом. Чего стоит тот факт, что, соглашаясь на применение высшей меры наказания в отношении Кривошеина (что предполагает согласие квалифицировать его преступление как измену Родине), Яковлев не обратил внимания на отсутствие в деле запроса в отдел СМЕРШ соединения, где тот служил. Не было и материалов, подтверждающих не только вербовку Кривошеина финской разведкой, но и само его пребывание в плену. Но заместителю прокурора хватило здравого смысла указать на явные несоответствия в ходе следствия, – уж слишком грубо было «сшито» дело.

18 сентября 1942 дело направили на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР – и... словно в воду кануло.

Прошло два месяца. 20 декабря 1942 года Военный прокурор г. Молотова получил от Абдурагимова из тюрьмы № 1 корпуса 1 камеры 25 заявление примерно следующего содержания: «Прошу сообщить, за кем числится моё дело. Следствие моё закончено 28 августа

1942 года. Прошу ускорить моё дело и направить меня на фронт». Всего таких заявлений было четыре. В последнем, датированном 21 января 1943 года, Абдурагимов грозился объявить голодовку в том случае, если его не отправят на фронт или в лагерь.

Прошло еще два месяца. К 17 февраля 1943 года решение по делу всё ещё не было получено. Особое Совецание, не отличавшееся обычно особой щепетильностью, так и не стало рассматривать дело № 1980. Даже для этого органа измышления Робинзона, кажется, оказались недостаточно убедительными. Между тем все мыслимые сроки рассмотрения дела истекали.

Прошло еще два месяца. И обвинители пошли другим путём. 26 апреля 1943 года следственное дело по обвинению Кривошеина, Ткаченко, Готвенко, Пулькина, Баранова, Абдурагимова, Попруга с копией Обвинительного заключения от 30 августа 1942 года через помощника Военного прокурора Уральского ВО по Молотовской области было направлено на рассмотрение Военного трибунала уральского военного округа.

19 мая 1943 года дело из Военной прокуратуры Уральского ВО поступило в Военный трибунал Уральского ВО.

27 мая 1943 года на подготовительном заседании Военного трибунала Уральского ВО в выездной сессии был заслушан доклад помощника Военного прокурора Уральского ВО по Молотовской области по делу № 1980. Обвинительное заключение утвердили, исключив из него за необоснованностью обвинения по ст. 58 – 2. Дело было назначено к слушанию в закрытом судебном заседании без участия государственного обвинения и защиты.

И вот, наконец, 3 июня 1943 года Военный трибунал Уральского ВО рассмотрел дело № 1980 и приговорил:

Кривошеина на основании ст. 58 – 1 б к высшей мере уголовного наказания – расстрелу, без конфискации имущества за отсутствием такового у осуждённого;

Ткаченко и Готвенко на основании ст. 58 – 10 ч. 2 с санкцией 58 – 2 к лишению свободы с отбытием в исправительно-трудовых лагерях сроком на 10 лет каждого с последующим поражением прав на 5 лет каждого с конфискацией имущества;

Баранова и Попруга на основании ст. 58 – 10 ч. 2 с санкцией ст. 58 – 2 к лишению свободы с отбытием в исправительно-трудовых лагерях на 8 лет каждого с последующим поражением прав на 3 года каждого без конфискации имущества за отсутствием такового. Попруга по ст. 58 – 11 за недоказанностью предъявленного обвинения был оправдан;

Пулькина и Абдурагимова к лишению свободы с отбытием в исправительно-трудовых лагерях на 6 лет с последующим поражением прав на 3 года без конфискации имущества за отсутствием такового.

Приговор, по сути, означал крах первоначального замысла следователя. Поскольку обвинения по ст. 58 – 2 (вооруженное восстание) были исключены, перед нами вовсе не повстанцы. Но самый интересный казус произошел с тем самым «девятым через девятнадцатую» – диверсией через намерение. О нем просто забыли. В приговор не включили, а определения о прекращении дела «за недоказанностью» не вынесли.

Казалось бы, на этом история должна закончиться. Но тут вдруг двое приговоренных продемонстрировали волю к сопротивлению.

9 июня 1943 года Верховный суд СССР (высший судебный орган СССР, осуществлявший надзор за судебной деятельностью судов СССР), получил от заключённого Кривошеина Михаила Алексеевича кассационную жалобу. К моменту ее подачи «резидент» Кривошеин находился в тюрьме более года. Он был сломлен морально и физически: в августе он будет числиться коечным больным и не доживет до середины октября. Поэтому его жалоба – это стон отчаяния, последняя попытка обреченного. Она, как ни странно, вызовет действие, но будет уже слишком поздно...

А вслед за кассационной жалобой Кривошеина 20 июня 1943 года в Военную коллегию Верховного суда СССР, которая осуществляла надзор за судебной деятельностью военных трибуналов и рассматривала отнесенные к её ведению уголовные дела, поступила кассационная жалоба от осуждённого Абдурегимова Расула.

Странный это был парень. Он явно выбивался из ряда «молотовских диверсантов». Ему было 24 года, и он принадлежал к другому поколению. Умел приврать, когда это было выгодно. Например, утверждал, что получил низшее образование, и при этом работал в Отделе технического контроля строительства. Говорил, что плохо понимает русский язык, а, между тем, его кассационная жалоба написана практически без стилистических погрешностей и грамматических ошибок накатанным, убористым почерком грамотного человека. Абдурегимов хорошо знал, какие факты биографии сработают лучше всего (сын маленького горского народа, веками угнетаемого и т. д.), и выражался стилем газетных передовиц того времени («полчища иностранной буржуазии», «уливаясь кровью и устилая трупами», «хищники из гитлеровской берлоги» и т. п.). Рассул имел мужество забрасывать заявлениями военную прокуратуру, требуя отправки на фронт, и грозить голодовкой. И в своей кассационной жалобе он, признавая свою вину (часть которой перекладывается, правда, на Кривошеина, Ткаченко и других), просит отправить его на фронт.

Военная Коллегия Верховного суда СССР нашла, что приговор Военного трибунала от 3 июня 1943 года основан на противоречивых показаниях обвиняемых, и 23 июля 1943 года вынесла определение о возвращении дела на доследование с момента предварительного следствия.

9 августа 1943 года заместитель 3 отдела 2 Управления Главной Военной прокуратуры Красной Армии Недбайло дал указания по дальнейшим действиям, касающимся следственного дела № 1980 и осуждённых по нему Кривошеина, Ткаченко, Готвенко, Пулькина, Баранова, Абдурагимова и Попруга: «В процессе доследования необходимо тщательно перепроверить показания Кривошеина, данные им на предварительном судебном следствии, о его вербовке финской разведкой. Обратит особое внимание на то, что в кассационной жалобе Кривошеин категорически отрицает не только вербовку, но и вообще пребывание его в плену у финнов. Это обстоятельство нужно проверить, отправив запрос в отдел контрразведки СМЕРШ Армии, в которой служил Кривошеин. Не исследован также вопрос об организации антисоветской группы на оборонном предприятии, и в этой части, кроме показаний самих обвиняемых, от которых они отказались, никаких доказательств в деле не имеется».

14 августа 1943 года начальник тюрьмы НКВД в письме просил Военного прокурора Уральского ВО принять соответствующие меры, касающиеся заключённого Кривошеина, содержащегося в тюрьме «с нарушением», так как 3 июня 1943 года он был приговорён к расстрелу Военным трибуналом Уральского ВО. Также начальник тюрьмы сообщил, что «данных о рассмотрении дела от Военного прокурора Уральского ВО, за которым заключённый Кривошеин согласно извещения Военного трибунала Уральского ВО от 25 июля 1943 года был перечислен, ему не поступало». В переводе с канцелярского на русский это означает примерно следующее: у меня тут заключенный есть, Кривошеин, за вами числится, очень плох, помрет скоро, а мне отвечать. Вы или расстреляйте его, раз уж приговорили, или пересматривайте его дело.

Тем временем громоздкая бюрократическая машина, неспешно поскрипывая, начинала реагировать на указания сверху. Согласно определению Военной Коллегии Верховного суда СССР от 23 июля 1943 года 17 августа помощник Военного прокурора Уральского ВО по Молотовской области направил в адрес Управления НКГБ Молотовской области следственное дело № 1980 на доследование.

Только 26 августа дело № 1980 было принято к следственному производству отделом УНКГБ по Молотовской области. При проверке местонахождения обвиняемых для вызова на допрос оказалось, что Кривошеин находился на кожном лечении в больнице тюрьмы № 1 и ввиду тяжёлого состояния на допрос следовать не мог. Остальные после суда Военного трибунала Уральского ВО были направлены в лагерь для отбытия наказания. И 27 августа 1943 года следствие по делу № 1980 было приостановлено до выздоровления обвиняемого Кривошеина и установления местонахождения и прибытия в УНКГБ Молотовской области остальных.

5 октября 1943 года Кривошеин, находясь в тюрьме № 1 под стражей, умер от дистрофии. И 14 октября следствие по обвинению Кривошеина было прекращено за смертью обвиняемого.

Так закончилась жизнь крестьянского сына, простого слесаря Михаила Кривошеина. Здесь же обрывается вымышленная судьба агента финской разведки, диверсанта и главы повстанческой группы, «антисоветского агитатора» Михаила Кривошеина. Их так и не успели разделить – реального и выдуманного. Звучит кощунственно, но его смерть принесла пользу тем, кто попал в следственную мясорубку по его вине, ведь многие были «обличены» только его показаниями. Но он был не последней жертвой.

В декабре 1943 года следствие в отношении Баранова из-за смерти подсудимого было прекращено.

Дальнейшие события напоминают фарс. Дело «доследовалось» до мая 1944 года. И все обвиняемые, в конечном счете, были освобождены. Раньше всех – Абдурагимов (14 марта 1944 года) – «за недостаточностью улик» дело прекращено.

Готвенко, Ткаченко и Пулькина все-таки судили повторно 9 мая 1944 г., на закрытом заседании Молотовского городского суда, и приговорили по ст. 58 – 10 ч. 2: Ткаченко и Готвенко – к 3 годам без поражения прав и конфискации имущества, Пулькина – к 2 годам без поражения прав. Ну не извиняться же перед ними! Пусть спасибо скажут, что «учитывая болезненное состояние» (т. е. попросту – инвалидность) освободили из-под стражи.

Последним вышел на свободу Попруга (дело прекращено 13 июля 1944 г.). К моменту освобождения он страдал дистрофией второй степени и к физическому труду был не годен.

...Страшная история. При этом нелепая, потрясающая именно своей обыденностью. Нет пафоса, громких имен, открытых процессов с журналистами. Мир ничего о них не знал... Две жертвы, четыре полупереваренных (но все-таки выплюнутых) системой человеческих обрубка, «не годных к физическому труду». Шестеро – из десятков миллионов жертв...

Конечно, случались истории и помасштабней, и пострашней. Что особенного в этой? Ничего! Она могла произойти в те годы где угодно и с кем угодно. Потому что человеческая жизнь ничего не стоила. Она могла оборваться в любую минуту. Одно слово – и нет человека. Исчез. Канул в небытие. Так что ни дна, ни крышки, ни бугорка... Не донесешь ты – донесут на тебя. И то же самое повторится с тобой. Все просто.

ЛИТОВСКИЕ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ: СВОИ ИЛИ ВРАГИ?

Марите Руткаускайте,
г. Пермь, гимназия «Ювента», 11-й класс.
Научный руководитель: А.О. Гребенщиков

Что такое история?

Когда я была маленькой, бабушка рассказывала мне о том, что мои родственники были выселены из Литвы силой. Тогда ее рассказы были похожи на страшные сказки. Кто имел право это сделать? Почему это произошло? И что такое выселить силой? Мне казалось: в жизни такое, что рассказывает бабушка, не может быть.

Но все резко изменилось в прошлом году, когда у нас в гимназии показывали выставку «Пятая графа. Причина репрессий – национальность». Я снова вспомнила бабушкины рассказы, но сейчас они казались мне еще страшнее. Выставка буквально раскрыла мне глаза на то, как важна в истории жизнь одного народа, состоящего из конкретных людей. Мне стало скучно и обидно на уроках истории. В учебнике много говорят о больших, великих, известных людях, личностях,

но забывают о судьбе «маленького человека». Мои родственники – не знатные люди, но это моя история.

Я стала расспрашивать папу. Его рассказы дали мне новые сведения, которые он узнал от бабушки. Я начала читать книги о депортации прибалтийских и других народов. В начале учебного года узнала о конкурсе «Человек в истории», и у меня возникло желание заняться серьезным исследованием истории литовского народа на примере судьбы моих родственников.

Трудность заключалась в том, что между нами тысячи километров. Звонить же в Литву и разговаривать об этом по телефону неудобно. Поэтому я составила вопросы и отправила их по Интернету. Пока ждала материалы из Литвы, собирала информацию здесь, в Перми. Пошла в Информационный центр ГУВД Пермской области, где находились личные дела моих родственников. Сначала мне не разрешили делать копии с документов. «Этот документ, – говорили вежливые тети, – внутреннего пользования, и мы не можем дать вам его копию». Таких документов было очень много! Но, к счастью, разрешили делать на листочках записи, которые они потом тщательно проверили. В конце работы в архиве мне все-таки повезло: разрешили сделать ксерокопии некоторых документов.

Одновременно я встретилась с моей двоюродной бабушкой Лидией Яковлевной Воробьевой. Ее воспоминания записала на диктофон, а потом расшифровала. Потом получила материалы из Литвы. Двоюродный дедушка Теофилюс пишет о том, что ему запомнилось и что рассказывали его мама (моя прабабушка) и братья.

Все это помогло создать для себя более полную, живую, яркую, но и более трагическую картину, чем у меня была раньше.

Потеря родины. Билет в один конец

Моего прадеда звали Руткаускас Антанас. Он родился в 1906 году в семье крестьянина Руткаускаса Каралиса и Каролины. Прапрадед Каралис занимался сельским хозяйством. У него было 17 гектаров земли. Еще он работал секретарем в местной администрации. Когда в 1922 году умер Каралис, Антанасу было шестнадцать лет. Из-за смерти отца ему пришлось бросить учебу. Он стал главой семьи, и на его плечи легли все тяготы крестьянской жизни. Через несколько лет у Антанаса появилась своя семья. Его женой стала Мария Ярушавичус.

В своих воспоминаниях Теофилюс пишет: «В 1925 году, будучи 19 лет женился (Антанас) на нашей матери Марии, которой тоже было 19 лет». Они жили в соседних поселках: Антанас – в деревне Бутерманцы Бутерманской волости; Мария вместе с родителями проживала в той же волости в деревне Пикушкес.

В семье Антанаса и Марии родилось восемь детей. Самый старший – Иозас – родился в 1929 году. Перед самой войной Антанас сделал капитальный ремонт всех хозяйственных построек и частично закупил материал на новый дом. Во время войны он его построил. Каким образом ему удалось построить дом во время войны, когда дома разрушали, а не строили? Иозас в своей автобиографии, хранящейся в личном деле, сообщает: «До соединения Литвы с Советским Союзом отец работал старостой 12 лет».

Архивные документы не дают однозначного ответа на вопрос: когда именно Антанас был избран поселковым старостой. В своих воспоминаниях Теофилюс говорит, что отца впервые односельчане избрали старостой в 1934 году. Учитывая год рождения самого Теофилюса, я не могу полностью полагаться на его информацию, которую он мог получить только от матери или братьев. Но из этих цифр видно, что Антанас был избран поселковым старостой в первой половине 30-х годов. Теофилюс продолжает: «В 1940 году, когда впервые вошли войска (советские), отец отказался от выборной должности, стал работать только на своей земле». Об этом Теофилюс тоже мог узнать только от своих ближайших родственников, например, от Иозаса, который в той же автобиографии пишет: «Когда Литва соединилась с СССР, отец работал с полгода старостой, после чего был освобожден от работы». Так отказался или был освобожден? Две причины могли побудить Антанаса оставить место поселкового старосты: он уволился по собственному желанию, потому что не собирался связывать себя никакими отношениями с советской властью, так как воспринимал приход русских как оккупацию Литвы, или ушел после оказанного на него давления со стороны новых «хозяев».

Вскоре после начала Великой Отечественной войны территория Литовской ССР была оккупирована фашистской Германией. «С приходом немецких войск в 1941 году он также остался на этой должности и работал до 1944 года», – рассказывает о муже Мария во время допроса. После этих слов у меня создается впечатление, что мой прадед не покидал должность старосты. Высказывания Марии можно расценивать как заступничество за мужа, она покрывала его, если Антанас действительно оставил должность старосты по собственному желанию только потому, что не хотел служить советской власти. Иозас в автобиографии пишет, что немецкие власти заставили отца работать старостой. Возможно, сын так же, как и Мария, заступает за Антанаса. Их слова отличаются от того, что сообщает Теофилюс: «Во время войны, в 1942 году, отца опять избрали старостой». Я думаю, что его ответ лучше отражает события того времени, потому что, как я уже говорила, он пишет свои воспоминания тогда, когда можно не скрывать правду.

И в это время Антанас, как я думаю, строит себе новый дом, потому что для него это время было достаточно спокойным.

Как только войска Красной Армии освободили Литву от немецкой оккупации, Антанас снова ушел с должности старосты. Что произошло с ним после этого? Иозас пишет, что на третий день после освобождения Литвы отец был взят рабочим на строительство аэродрома, после чего он не вернулся. В автобиографии прабабушки написано, что на третий день после освобождения Литовской ССР прадед Антанас был взят русским солдатом, и больше она его не видела. Слова Иозаса и Марии похожи, видимо, они перед тем, как писали этот документ, советовались. Во время допроса в 1954 году Мария говорит еще более конкретно о судьбе мужа: с приходом частей советской армии в июле 1944 года он был арестован органами МВД. Скорее всего, мой прадед действительно был арестован, но сумел сбежать. Антанас не захотел стать пленником советской власти. И он не мог смириться с тем, что его родина была захвачена второй раз и превратилась в часть сталинского государства. Он уходит в лес, чтобы бороться за независимость своей страны.

17 июля 1945 года – этот теплый летний день на всю жизнь остался в памяти моих родственников. «Рано утром окружили дом и велели собираться, все время была команда «быстрее». Сборы продолжались часа три. Мы брали одежду, пищу, предметы первой необходимости. В аресте участвовал лейтенант, который в 1941 году был ранен и его выходили местные жители. Вот этот лейтенант и говорил матери: «Берите с собой больше, все пригодится». Так запомнился этот день маленькому Теофилиусу.

Жена и дети Антанаса были высланы из Литвы в «соответствии с распоряжением НКВД СССР № 328 от 16 июня 1945 года как члены семьи активного участника банды национального подполья на спецпоселение сроком (не указан) в Кудымкарский р-н Молотовской обл. без права выезда к прежнему месту жительства» и «по постановлению Алитусского УО МВД Литовской ССР от 6 июля 1945 года как члены семьи участника банды литовского националистического подполья». Как видно из первой цитаты, срок проживания на спецпоселении не указан, зато четко указано на лишение права возврата в Литву. Исходя из этого, я делаю вывод: мои родственники были высланы навечно.

И еще – никто им не сказал, за что и почему с ними так поступили. В 1949 году на совершеннолетних членов семьи Антанаса завели личные дела. В них были документы, которые свидетельствовали о преступлениях моего прадеда: «Добровольно поступил к немцам старостой, где активно выполнял приказы и распоряжения немецких властей, участвовал в арестах и расстрелах советских граждан, в период немецкой оккупации работал старшиной Бутерманской вол., проявляя активность, поддерживая режим захватнической власти. Он

руководил отрядом «Сависовга» в целях борьбы с партизанским движением. Во время освобождения ЛССР Руткаускас сбежал с немцами, после вернулся в банду, где так же активно участвовал в борьбе против советской власти».

Виновен или невиновен мой прадед? По советским законам – да! Но Литва до 1940 года была независимым государством. Я не хотела бы оправдывать или обвинять его. Это сложная проблема, и нужно оказаться в той ситуации, почувствовать на себе ее тяжесть, чтобы сделать определенный выбор. Я так думаю. Но советская власть наказала многодетную семью за поступки отца и мужа. Она лишила их родины и всего, что с ней связано. С точностью до наоборот был реализован провозглашенный Сталиным принцип «сын за отца не отвечает».

Жизнь под стук колес

Станция... Думали ли Мария и ее дети о том, что когда-нибудь вернутся обратно в Литву? «Везли в товарных вагонах, в них было от 30 до 40 человек – по несколько семей. Нар не было, только несколько полок, спали на своих вещах, для естественных нужд была дыра, умывальника не было». Так описывает в своих воспоминаниях условия жизни в вагоне Теофилюс.

Во время этапирования люди были лишены какой-либо свободы. «Остановки делали в маленьких поселках, они были разными по своей продолжительности, и люди лезли под вагоны для естественных нужд. Вагоны закрывались, охраняли солдаты. Сколько их было, трудно сказать, так как ходить во время остановок запрещалось».

Дорога для семьи Антанаса и других депортированных стала тяжелым испытанием: «Были побегии, но о них мы узнали только когда прибыли на место. Были и смертельные случаи: погиб мальчик между вагонами, получила травму и сестра Марите».

В конце июля товарный поезд с депортированными из Литвы достиг Урала. Последней станцией в «железнодорожной жизни» Марии с детьми стал поселок Менделеево. Их «выгрузили» из вагона и...

Я попыталась представить, что они увидели, когда ступили на чужую для них землю, что испытали, почувствовали. Тупик железнодорожного пути, серая пустынно-скукающая станционная площадка, окруженная сотрудниками НКВД. Вдали какие-то хмурые домики, хозяйственные постройки. Наверное, они с горечью вспомнили родную деревню, свой дом. И здесь им жить...

Однако дорога на этом не закончилась. Литовцев распределили по машинам и повезли в город Кудымкар, до которого от Менделеево напрямую около 150 км. Учитывая извилистость и состояние дорог, до центра Коми-Пермяцкого округа (КПО) они могли добраться не

раньше чем через семь-восемь часов. Из Кудымкара Марию с детьми направили в поселок Визяй. Оттуда и из других леспромхозов за литовцами пришли машины. «...Но сломалась машина, и нас бросили на дороге. Никто не хотел брать на борт мать с маленькими детьми. После довели до Демино, из Демино на телеге в Визяй», – так описывает последний день нелегкой дороги Теофилюс.

Визяй «многоликий»

Они приехали в поселок, где все другое – обычаи и традиции, где свои правила и порядки. Здесь мои родственники должны были обрести вторую родину. Но возможно ли такое?!

Бабушка Лидия Яковлевна, которая была одной из первых, с кем познакомились литовцы, говорит, что в Визяе проживали тогда представители семнадцати национальностей. Почему так много? Дело в том, что в 1937 году здесь приступили к созданию леспромхоза, который нуждался в большом количестве рабочих рук. Первоначально основную часть населения составляли русские и коми. Но после начала строительства в поселок буквально хлынул поток людей из других областей и республик Советского Союза. Среди приезжих были татары, башкиры, мордва, марийцы и другие.

В своих воспоминаниях Лидия Яковлевна утверждает, что литовцев привезли в Визяй 1 августа 1945 года. Она называет цифры: количество высланных из Литвы – около 60 семей, или 275 человек.

Теофилюс пишет, что сначала их поселили в частном доме за селпо, потом они переехали в барак, который раньше служил домом для людей, приехавших работать в Визяйский ЛПХ. Барак был очень длинным. В нем примерно 40 комнат, и в каждую селили по семье. Площадь одной комнаты не больше 20 кв. м. Это чуть больше однокомнатной «хрущевки», но без кухни и ванной комнаты.

Лидия Яковлевна работала бухгалтером в Визяйском ЛПХ и была среди тех, кто принимал депортированных. Она рассказывала мне, что сначала очень сердилась на литовцев за то, что они называют разные фамилии. Но потом ей объяснили, что Руткаускене – это жена, Руткаускайте – дочь, Руткаускас – мужчина. Так состоялось первое знакомство будущих родственников. Лидия Яковлевна оказалась умной женщиной, она все поняла и стала к ним относиться очень по-доброму.

Что представлял собой Визяй? На окраине поселка, около речки Котыс, находилась улица Прибрежная. За гаражом ЛПХ начиналась Гаражная улица. Она тянулась до самых больших улиц в поселке – Финской и Татарской. Последние две получили свои названия в знак заселения их представителями соответствующей национальности.

Жизнь на поселении

«Старики вымерли в первом году поселения, дети стали скелетами, некоторые сами уже не поднимались», – это воспоминания Теофилюса о самом трудном времени на поселении. Лидия Яковлевна рассказывала, что литовцам выдавали ссуду. Ее размер она не уточняет, но могу предположить, что ссуда была очень маленькой. Поэтому они стали менять вещи, привезенные из Литвы, на продукты. Вещи, которые были в их поселенческой жизни самым дорогим напоминанием о родине, стали спасением от голодной смерти!

Горе не обошло стороной семью моих родственников. В 1945 году, вскоре после приезда, умерла самая младшая – дочь Марите.

Деньги они начали зарабатывать сами только с 1946 года, когда Марию и Иозаса приняли в леспромхоз. Прабабушке дали работу сучкоруба. Иозаса послали на курсы трактористов. До депортации он окончил начальную школу на литовском языке и проучился три года в гимназии. По словам Теофилюса и Лидии Яковлевны, поселенцы-литовцы хорошо учились, несмотря на языковой барьер, и почти все становились специалистами в своем деле.

Помимо трудностей, которые доставались всем поселенцам, они должны были соблюдать режим, который установила им советская власть. В этой части, нарушая хронологический порядок, я расскажу о том, какие требования предъявлялись к спецпоселенцам-литовцам и как их могли наказать (и наказывали) за «непослушание» власти.

Правовое положение поселенцев определялось несколькими документами, которые им объявляли. Они давали расписки о том, что ознакомились с этими документами и несут ответственность за нарушения.

Я узнала, что термин «спецпереселение» появился в начале 1930 года. Спецпереселенцами называли высланных в ходе принудительной коллективизации раскулаченных крестьян. Через пятнадцать лет, 16 августа 1944 года, НКВД СССР издал «Инструкцию по учету спецпереселенцев», согласно которой учету подлежали все контингенты спецпоселенцев. Серьезных отличий в правовом положении и в реальной жизни между спецпоселенцами и спецпереселенцами не было. Мои родственники были спецпоселенцами, по официальным документам относились к категории «литовцы». Постановление «О правовом положении спецпереселенцев» им объявляли потому, что они как спецпоселенцы попадали под его действие.

Запутанной, не совсем понятной для меня остается ситуация с Альгирдасом, но по другой причине. Кроме расписки об объявлении Постановления СНК СССР № 35 от 8 января 1945 года, он дал расписку об объявлении ему Указа ПВС от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного

поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны». Альгердас не должен был подписывать такой документ, так как литовцы не относились к категории народов, которые подверглись депортации в годы войны. По этому указу «навечно» на спецпоселении оставались немцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары и ряд других народов, высланных в период с 1941 по 1945 год. Самовольное оставление места поселения, согласно этому документу, каралось 20 годами каторжных работ.

А ведь была уже середина XX века; через две недели после подписания этого Указа, 10 декабря 1948 года Генеральная Ассамблея ООН примет Всеобщую декларацию прав человека – а в СССР существует каторга!

Расписка Альгирдаса, о которой я только что писала, и содержание других расписок Марии, Иозаса и Витаутаса об ответственности за побег с места поселения подтверждает ранее сделанный вывод о том, что мои родственники были сосланы в Кудымкарский район навечно. Ниже приводится расписка Иозаса:

Расписка

1950 г. января 3 дня мне, спецпоселенцу Руткаускас Витовтас с. Антанаса объявлено о том, что за побег с места поселения из Кудымкарского р-на Молотовской обл. я буду наказан в судебном порядке лишением свободы сроком на 10 лет тюремного заключения, а все члены моей семьи будут высланы в районы Крайнего Севера Якутска.

Руткаускас Иозас.

Последние расписки Мария, Иозас и Витаутас подписали в связи с объявлением им Постановления СМ СССР от 5 июля 1954 года. Это произошло осенью того же года. Уже не было Сталина и ситуация в стране начинала меняться. Но мои родственники по-прежнему испытывали на себе действие жестоких сталинских законов.

Первоначально на всех спецпоселенцев были заведены карточки персонального учета, а с июня 1949 года на совершеннолетних стали оформлять личные дела. Из семьи Руткаускасов тогда они были заведены только на Марию и Иозаса. 3 января 1950 года личное дело завели на Витаутаса, а 16 февраля 1954 года – на Альгирдаса. На Ону дело не завели, потому что в то время, когда она достигла совершеннолетия, ее уже не было в поселке. Она сбежала 16 июля 1947 года, причем ей удалось это сделать только со второй попытки. Когда ее поймали в первый раз, то практически никак не наказали. Заставили работать. Во второй раз побег Оны оказался удачным.

Из Визия Она добежала до Менделеево. На станции забралась в товарный поезд, который шел в сторону Москвы, и навсегда покинула место поселения. Как и многие, она не смирилась с выселением, мечтала вернуться домой на родину, в Литву, пусть даже советскую. В то

время ей было всего пятнадцать лет. В этом возрасте подростки как раз способны на такие авантюрные поступки. Лидия Яковлевна говорит, что многие убегали с поселения так, как сбежала Она, но большинство ловили и возвращали обратно.

Через родственников Она написала в Визяй письмо (символами, понятными только Марии и братьям), что у нее все в порядке, что она добралась до Литвы и живет не в родной, а в соседней деревне, так как там безопаснее. Она сообщила, что вышла замуж и сменила фамилию. Ее объявили во всесоюзный розыск, но так и не нашли. 23 марта 1955 года розыск моей двоюродной бабушки Оны был прекращен, и ее сняли с учета спецпоселения. После этого ей, наверное, стало не так страшно. Она Руткаускайте первая из моих родственников достала обратный «билет» на родину...

Поселенцы должны были отмечаться в комендатуре. «Сначала «отмечались у того лейтенанта каждый день. ...Через год появился другой комендант и начали отмечаться в неделю раз», – рассказывала Лидия Яковлевна. Если они пропускали «отметку», даже не по своей вине, их наказывали выговором, штрафом или арестом на 5 суток.

Мои двоюродные деды по своему характеру были непоседы, энергичны как в работе, так и в отдыхе. Особой активностью, даже задиристостью, отличался Иозас. 11 сентября 1953 года он пришел в сельский клуб в нетрезвом виде и стал выражаться нецензурными словами. Мне не известна причина его поведения, но не сомневаюсь в том, что он был способен на такие выходки. Лидия Яковлевна много об этом рассказывала. Участковый уполномоченный расценил действия Иозаса как нарушение общественного порядка. Я думаю, что он был прав, но не могу согласиться с наказанием, которое назначили Иозасу – «один месяц принудительных работ с вычетом 25% по месту работ».

Наказание, которое получил мой двоюродный дед, имело последствия. 15 сентября была очередная «отметка» в комендатуре. В тот день Иозас начинал большую работу, был занят в течение нескольких дней и физически не мог присутствовать в Визяе. Очередная «отметка» была 30 сентября, которую Иозас не пропустил. Но комендант стал его отчитывать за предыдущий пропуск. Иозас написал объяснение: «не был потому, что находился на работе пятнадцатого, шестнадцатого также работал допоздна, и еще три дня. После того заходил в комендатуру, Вас не было, потому и не отметился». Видимо, коменданта это объяснение не удовлетворило. 5 октября Иозасу вынесли наказание (цитирую): «руководствуясь Постановлением СНК СССР № 35 от 8.01.1945 года с инструкцией о наложении административных взысканий, объявленной в приказе НКВД СССР № 376 от 14.09.1945 г. постановил:

Спецпоселенца литовца Руткаускас Иозас с. Антанаса... подвергнуть штрафу в размере пятидесяти рублей. Обязать деньги внести в Кудымкарское отделение банка... и квитанцию об уплате штрафа представить в спецкомендатуру в 10-дневный срок после объявления настоящего постановления».

Постановление было объявлено 16 октября, но Иозас с ним не согласился. Он обратился в Визяйский ЛПХ за справкой:

Справка

Дана настоящая в том, что тракторист Руткаускас Иозас с. Антанаса в сентябре месяце 1953 г. согласно путевке листов находился на следующих работах: 15.09.53. – поездка на Парму со шпалорезкой, в пути 31 час; 18.09.53. – поездка в Сенино за грузом, в рейсе 11 часов; 19.09.53. – поездка в Чешино за грузом, в рейсе 11 часов. Всего за вторую половину сентября 53 года в рейсе 53 часа. 16.10.53. Бухгалтер Визяевского ЛПХ Михалева.

Однако справка не помогла. Постановление утвердил начальник Коми-Пермяцкого ОКРО МВД, и комендант не собирался его отменить. Поэтому Иозасу пришлось заплатить штраф, о чем свидетельствует квитанция об уплате в его личном деле.

Если же поселенец планировал куда-либо уехать, то ему необходимо было получить на это разрешение. В соответствии с Постановлением № 35 спецпереселенцы за самовольную «отлучку за пределы расселения обслуживаемой спецкомендатуры» несли административную и уголовную ответственность, так как нарушали режим спецпоселения. Наказание в виде ареста на 5 суток 14 января 1952 года получил Витаутас за то, что «без ведома коменданта самовольно выехал в Кудымкар».

Иозас, Альгердас – в «тисках» советских законов поселенческой жизни

С 1947 года Иозас – тракторист Визяйского ЛПХ. Как известно, на любой работе случаются неприятности. Учитывая, что литовцы были неместные, к тому же депортированные, эти неприятности могли случаться с ними довольно часто. Первое известное мне происшествие, связанное с работой Иозаса, случилось осенью 1950 года. В конце сентября, 26 числа, мастер лесопилки Кузнецова подала заявление на имя поселкового коменданта Плотникова о том, что Руткаускас отругал ее нецензурными словами за то, что она не дала ему денег. Я вполне допускаю, что Иозас «обласкал» мастера лесопилки нецензурными словами. Для расследования дела был привлечен рабочий Шлятин. В своей объяснительной (которая больше похожа на донос) на имя начальника КПО МГБ подполковника Гаврилова он пишет, что литовцы требовали завышенной кредитовки. Ст. лейтенант П.П. Рак-

шеев, задача которого заключалась в том, чтобы проверить жалобу Кузнецовой, тоже был на стороне мастера. Он даже нашел доказательства других «злодеяний» Руткаускаса: «угрозы убийства членов семьи члена партии Чептина и других». Причем Ракшеев приложил заявление, написанное самим Чептиным, который обвиняет Иозаса в организации хулиганской шайки из литовцев и угрозах убийства. Это заявление – уже прямой донос.

Расследование инцидента началось через месяц после заявления мастера лесопилки Кузнецовой и длилось всего несколько дней. Плотников и Ракшеев в своих рапортах на имя начальника КПО МГБ подполковника Гаврилова предлагали наказать Иозаса переводом семьи Руткаускасов на постоянное место жительства в Самковский ЛПХ. Но директор ЛПХ заступился за Иозаса, он сказал, что его «надо воспитывать, а не переводить куда-то на работу». Коменданту не удалось наказать всю семью, но Иозас «получил по заслугам» – его подвергли аресту на пять суток.

С 1950 года двоюродный дед Иозас и Лидия Яковлевна жили вместе. Но в 1952 году их совместная жизнь была прервана. Иозаса осудили по статье 74 ч.1 УК РСФСР к одному году тюремного заключения. Когда читала документы по этому делу, я не встретила никакого объяснения, за что его наказали. В Уголовном кодексе 1926 года нашла первую часть 74-й статьи: «хулиганство, т. е. озорные, сопряженные с явным неуважением к обществу действия, совершенные в первый раз, – лишение свободы на срок до трех месяцев, если до возбуждения уголовного преследования на совершившего указанные действия не было наложено административного взыскания».

Сначала не могла понять, что произошло с Иозасом. Допускаю, что он совершил какое-то мелкое хулиганство, но налицо произвол – нарушение закона. В архивном документе четко написано: статья 74 ч. 1. Он должен был получить максимум три месяца, а получил целый год!

Но поняла эту ситуацию, когда обратилась к Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 августа 1940 года, в котором нашла объяснение 74 статьи: «хулиганские действия на предприятиях, в учреждениях и в общественных местах – караются тюремным заключением сроком на один год, если эти действия по своему характеру не влекут за собой более тяжкого наказания».

Иозас отбывал наказание в ИТК пос. Закамск Молотовской области с 24 февраля 1952 года по 13 января 1953 года.

Вольный поселок Визяй и спецпоселение: психология взаимоотношений

У спецпоселенцев забрали все: родину, родственников, друзей. «Союз нерушимый голодных и вшивых навеки сковал великую Русь», –

так пели литовцы об СССР. Для них Советский Союз не был родиной. Они не любили страну, Сталина и все, что «помогло» им оказаться в Визяе.

Отмечаться в комендатуре – не самая большая трудность в их жизни. Они постоянно ощущали на себе настороженные взгляды местных жителей. Взаимоотношения с ними, и вообще положение в визяйском обществе зависело от многих факторов. В том числе от того, как они сумеют себя подать, что и как смогут сделать, смогут ли добиться уважения.

В своей работе я использовала два «устных источника»: Лидия Яковлевна, жена старшего сына Марии – Иозаса, местная, и Теофилюс, младший из братьев, литовец. Я задала им совершенно одинаковый вопрос: «Как в поселке относились к поселенцам?» На что получила следующие ответы:

Лидия Яковлевна: «Местные хорошо относились, на луга ходили, песни пели. Не было плохого отношения... Молодежь, когда дралась, обзывалась и чего только не делала. Насчет того, что говорят, что их притесняли, это совершенно не верно».

Теофилюс: «К поселенцам относились по-разному. Большинство женщин и пожилых мужчин – сдержанно, в школе учителя поддерживали местных. Самыми агрессивными были юноши».

Понятно, оба мнения: и Лидии Яковлевны, и Теофилюса – субъективны.

Литовцы были чужаками, к тому же высланными, наказанными по решению советской власти. Мнение Лидии Яковлевны заслуживает уважения: в поселке были люди, трезво оценивавшие ситуацию, в которой оказались литовцы. Я знаю, что такие люди помогали им в их нелегкой поселенческой жизни и понимали их. Согласитесь, это важно! В своем интервью Лидия Яковлевна часто повторяла, что литовцы были самыми культурными и опрятными из всех народов, приехавших на поселение, что располагало к ним других людей. Но есть и другой аспект, повлиявший на отношение к литовцам в поселке. Как пишет Теофилюс, неприязнь местных окончилась тогда, когда они увидели работающих литовцев. Они работали везде: и в ЛПХ, и в колхозе, и у себя на участках.

Но были и неприятные случаи, инициаторами которых являлись молодые ребята.

«После работы, вечером матери шли в столовую, получали хлеб и суп. Агрессивно настроенные местные нападали, отнимали хлеб, выливали суп, а ведь дома ждали дети, наутро надо было идти на работу. Литовцы, ребята 15-16 лет, организовались и устроили засаду. Расправа была такая, что спустя несколько лет потерпевшие говорили: «Да мы были малы, дураки, но зачем так надо было бить». «После этого на женщин больше не нападали. Единичные стычки были», – пишет Теофилюс.

Почему именно молодые ополчились против литовцев? Ну, а кому же еще! Я не думаю, что люди в возрасте от 35 лет будут выходить

на улицу, чтобы вылить суп. Но подобные настроения они выражали, выражали вслух. А молодые их воплощали в жизнь.

О том, что в адрес поселенцев звучали грубые и оскорбительные слова, свидетельствует архивный документ из дела Витаутаса.

7 января 1952 года «коменданту по селу Визяй тов. Плотникову от спецпереселенцев, находящихся на работе при Нельсинском участке Визяйского ЛПХ», поступило заявление. В нем говорилось, что тов. Пигилев Василий и рабочий Харин Андрей Васильевич в пьяном виде оскорбляли их «разными словами (фашист, изменники родины и т. д.)». Это происходило в Нельсинском колхозном клубе, «где, как и все желающие культурно провести свое свободное время после работы», присутствовали Рудковский (Руткаускас) Витаутас, Вайшнорас Иван и Станислав, Пужас Адольф, Якус А.М. Кроме того, что спецпоселенцев литовцев оскорбляли, первый из них получил удар ногой в грудь, а второй – валенком по голове. После этого рабочий Харин собрал вокруг себя несколько человек из своей бригады и продолжал оскорблять спецпоселенцев. Товарищ Пигилев был преподавателем Каштановской школы. Своим поведением он не только иллюстрировал то, как он относится к поселенцам, но и как педагог показывал плохой пример, который мог стать заразительным. И Харин, и Пигилев были членами партии. Это в определенной степени свидетельствует о настроениях в партийной организации Визяя. Спецпоселенцы просили принять меры к зачинщикам случившегося. Но в деле Витаутаса я не увидела ни одного документа об удовлетворении просьбы оскорбленных поселенцев.

Но не только местная молодежь выражала свое недовольство. Молодые литовцы не любили, когда свои дружили с русскими. В поселке жил литовец по фамилии Рачкаускас, он полюбил русскую девушку Надю, сделал ей предложение и... его убили... По официальной версии, вечером, когда Рачкаускас возвращался с лесопилки, он встретил тракториста Можейкаса, который стукнул его по голове палкой и спрятал под мост. Но до сих пор остается загадкой, кто на самом деле убил Рачкаускаса, причем все точно знают, что это сделали литовцы. Следствие тянулось очень долго, Можейкас взял всю вину на себя, за что получил всего год условно и ежемесячное вычитание (25 %) из заработной платы. Что побудило литовцев совершить такой поступок? Точный ответ неизвестен. Но я достоверно знаю, что в поселке были случаи заключения браков между литовцами и русскими, причем без пролития крови, как с той, так и с другой стороны. Примером может служить брак Лидии и Иозаса.

В своем письме Теофилюс пишет: «бедности колхозников не было границ», он жалеет их, а жалость в этом случае не может соседствовать с ненавистью. Общение – вот что помогло литовцам и местным колхозникам понять друг друга. «Литовцы, дети шли в окружающие

деревни менять привезенное на картошку, но, чтобы их обманывали или обкрадывали, не слыхал...», – признается Теофилюс.

И литовцы, и местные помогали друг другу. Как говорит Лидия Яковлевна: «В то время все одинаково жили. Шиковать-то никто не шиковал, на равных условиях жили».

В середине 50-х годов поселенцам-литовцам начинают больше доверять. Начиная с этого времени в их личных делах можно найти разрешения на выезд в другие города нашей области. Конечно, не стоит забывать, что режим спецпоселения после смерти Сталина стал ослабевать. Но их направляли в другие города не только на работу. Более того, за спецпоселенцев ходатайствуют различные организации. В июле 1954 года в окружную комендатуру МГБ по Молотовской области обратился заместитель председателя КПО окружкома профсоюза лесной и бумажной промышленности с «просьбой разрешить выехать в г. Молотов физкультурникам из Визяйского ЛПХ тт. Рудковскому Витасу (Руткаускас Витаутас) и Рачковской Ядвиге для участия в областной спартакиаде в легкой атлетике». В деле Витаутаса имеются разрешения, подтверждающие его участие в областной спартакиаде. А Иозасу даже разрешили выехать на лечение в Осинский санаторий Молотовской области, который он посетил в первой половине октября 1956 года. Эти факты определенно свидетельствуют о том, что поселковые власти стали доверять литовцам. Отношение к ним стало другим.

В поселке тоже было все спокойно. «Мама не боялась за нас, мы могли прийти и в час ночи, и позже. У нас было очень спокойно, не было бандитских разборок. И улица на улицу никогда не дрались. Никогда не было никаких угроз со стороны поселенцев, если только, когда напьются», – говорит Лидия Яковлевна.

Возвращение

«В 1956 году, осенью, мать получила орден многодетной матери», – пишет Теофидюс в своих воспоминаниях. «Медаль материнства» I степени Мария получила по Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 сентября 1956 года. А на основании этого награждения через полтора месяца, 31 октября, пришло заключение о снятии с учета спецпоселения. Итак, с этого момента все мои родственники получили обратный билет на родину. О нем они мечтали всю свою жизнь на поселении, надеялись увидеть родину и свой дом.

Но была только одна маленькая «проблема», которую поставил перед ними Советский Союз: они не имели права проживать в Литве. Не обращая внимание на это, нарушая строгие советские законы, семья Руткаускасов поэтапно уезжает с места поселения в Литву. В мае 1957 года уехал Иозас, чуть позже Мария, Альгердас, Ионас и Теофи-

люс, в 1959-м – Витаутас, а Пранас вернулся после того, как отслужил в армии. В советской армии также служили Ионас и Альгердас.

Как я уже упоминала, им нельзя было жить в Литовской ССР. «Старших братьев вызывали в милицию, предупреждали, чтобы покинули Литву через 24 часа. Они писали заявления в вышестоящие организации и ждали ответа. Так продолжалось до 1959 года». Они жили не в своем доме, а в домах своих родственников, прячась от вездесущих органов советской власти. Но после того, как Мария получила документ, подтверждающий, что ее дети служат в армии, им дали прописку в Литве. С этого момента с жизнью в советской России юридически их больше ничего не связывало. Там, в Визяе, у них остались друзья, знакомые, с которыми они пережили самые сложные годы своей жизни.

Вместо заключения

В прошлом году в Литве моему прадеду Антанасу, который был убит 20 февраля 1948 года, и другим «лесным братьям» поставили памятник. Этот памятник располагается на месте захоронения более ста пятидесяти человек, погибших с 1945 по 1952 год, и представляет собой крест. Память о том, что Литва принадлежала СССР и что Сталин был здесь полновластным хозяином, не исчезнет, ее нельзя вычеркнуть из сердец многих литовских граждан. В 40-е–начале 50-х годов Сталин по всей Литве «заложил» на будущее огромное количество «бомб», которые, взрываясь и сегодня, говорят и кричат о том, чтобы это время больше никогда не повторилось.

КТО ОН, ПОЛИТРУК ЕНДАЛЬЦЕВ?

Автор: **Екатерина Торovina**,
МОУ «Лицей № 1», 11 класс

Научный руководитель: **Анна Кимерлинг**,
кандидат исторических наук

...На уроке истории нам показали плакат времён Великой Отечественной войны, на котором был изображён человек, который, вскинув руку с пистолетом, поднимает солдат в атаку. Красивый, молодой парень. Жест – отчаянно-лихой. Из подписи я узнала, что это политрук. И мне стало очень интересно, кто же они такие, политруки.

Я открыла словарь русского языка и нашла лишь скупое определение:

«Политрук (сокращение: политический руководитель) – в подразделениях войсковых частей Красной Армии (до 1942 года): лицо военно-политического состава, руководящее политической работой. (Воинские звания 1935–1942 годов)»¹. Но этого было мало, и я решила провести маленькое расследование. Для начала заглянула в Интернет и нашла историю того самого плаката. Оказалось, что на нём настоящий политрук Алексей Гордеевич Еременко, героически погибший в 1942 году на Южном фронте, но его имя фотокорреспондент не успел записать. Оно стало известно значительно позже, когда его на плакате узнали родственники, земляки и однополчане².

В нашем лицее все пишут исследовательские работы, и я решила, что узнаю о политруках гораздо больше, если моя работа по истории будет именно о них. Я ожидала, что меня отправят в библиотеку и предложат прочитать несколько книг о войне, но всё получилось не так. Анна Семёновна Кимерлинг (моя учительница истории) принесла мне пачку пожелтевших от времени писем. Она объяснила, что это письма с фронта её бабушки – политрука Аркадия Георгиевича Ендальцева. Их бережно хранила долгие годы её бабушка Клавдия Ивановна. Письма лежали в глубине полки шифоньера среди постельного белья. Она сказала, что однажды, когда она была ещё маленькой, бабушка достала и показала ей эти письма. Они были завернуты в старую газету и перевязаны узкой лентой. Бабушка не читала ей эти письма, просто показала, как выглядит фронтовой треугольник, и спрятала обратно. Лишь много лет спустя, когда Клавдии Ивановны и Аркадия Георгиевича уже не было на этом свете, Анна Семёновна вновь вытащила свёрток из шкафа и прочла, а теперь и я держу в руках эти письма. Меня не надо было лишний раз просить быть с ними осторожной, обращаться бережно, я и так поняла, что эти пожелтевшие листки – та история, которую невозможно «пройти» на уроках, да и просто – семейная реликвия.

Как только я пришла домой в тот летний день (в июне у нас в лицее исследовательская практика, и мы подбираем материалы для будущей работы), сразу же развернула письма. Для начала я их рассмотрела, а потом стала читать как простой читатель, не обращая внимания ни на что, читала как роман. Если честно, то мне сначала было немного неловко читать эти письма, ведь Аркадий Георгиевич писал их своей семье, своей любимой Каве (так он ласково называл жену), в них он выражал свои мысли и чувства, а это – личное. Но в конце концов я поняла слова нашей учительницы, что история – это, в первую очередь, судьбы отдельных людей, а судьбы отдельных людей – уже история. И это помогло справиться с неловкостью.

¹ Толковый словарь русского языка под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. – М., 1994. – С. 544.

² Жилкин В. Поднимая в атаку бойцов // www.politruk.ru/9.htm

Прочитав письма «запоем», я стала более тщательно вчитываться в строчки и анализировать. Для начала составила хронологическую таблицу. В ней отмечала дату отправления писем, место пребывания отправителя, выписала наиболее важные цитаты. Затем взяла интервью у Инны Аркадьевны Бахаревой (старшей дочери Аркадия Георгиевича) и у моего земляка Наума Лазаревича Розенберга, чьи воспоминания о войне в журнале «Урал» произвели на меня большое впечатление. Интервью помогли мне лучше разобраться в той ситуации, которая сложилась в жизни моего героя – политрука Ендальцева.

Пачка писем в газетной бумаге

В общей сложности я прочитала 58 писем. К сожалению, среди них не было писем 1942 года, но и те, что имелись, содержали много информации. Аркадий Георгиевич писал небольшие письма, но старался напоминать о себе как можно чаще, хотя это ему не всегда удавалось.

Не все письма Аркадия Георгиевича внешне похожи друг на друга (даже написанные на простых листах). Например, я нашла один треугольничек. Сразу вспомнила старые фильмы, в которых родные получали такие весточки с фронта. Странно, но я нашла только одно такое письмо¹. Возможно, потому, что Ендальцев А.Г. занимал достаточно высокое положение в армейской жизни (как-никак он был политрабником) и мог посылать письма в конвертах. Аркадий Георгиевич писал не только письма, но и отправлял телеграммы. Они сохранились не все, но в письмах есть упоминания о них, когда Аркадий Георгиевич сердится, что его Кава редко ему отвечает: «Время прошло уже больше месяца, как я выехал из дома, и за это время я послал 4-5 писем, перевод и телеграмму, а ответа от Вас нет»².

Некоторые письма написаны на военных почтовых карточках, а карточки интересны даже сами по себе. На них есть различные изображения и призывы к борьбе с фашизмом, такие, например, как: «Завоеваний Октября не отдадим!», «На защиту СССР». На бумаге для письма и на «воинских» тоже содержатся различные призывы: «Мы можем и должны очистить советскую землю от гитлеровской нечисти. (Сталин)», «Смерть немецким оккупантам!», строчки из стихотворения: «Конница грозная, бурей лети, нечисть вражью сметая с пути!». На бумаге для письма мы видим изображение конницы, артиллеристов, а на «воинских» – картина поля боя, где на переднем плане медсестра помогает раненому бойцу. Можно сказать, что бумага для письма, «воинские», почтовые карточки – это отдельный объект для

¹ Позднее, в интервью с Инной Аркадьевной Бахаревой, дочерью Аркадия Георгиевича, я выяснила, что писем-треугольников было больше, однако, они не сохранились.

² Письмо А. Г. Ендальцева от 21.11.1941.

исследования. Они имели важное идеологическое значение, ненавязчиво, как 25-й кадр, воздействовали на отправителя и получателя.

Благодаря письмам Аркадия Георгиевича, можно узнать, чем занимался политрук в годы войны, где он служил, учился, когда приезжал в отпуск, что его волновало и возмущало, какие слова и мысли надо было писать, зная об обязательной цензуре (вспоминается более правильное слово, которое нам говорили на уроке истории – «перлюстрация»), что за взаимоотношения с друзьями и семьей были у него во время войны.

А рядом шла война...

Итак, кто же он такой – политрук Аркадий Георгиевич Ендальцев?

Как правило, политрук не участвовал в боевых действиях, а чаще писал донесения, проводил политработу, контролировал деятельность командира. Одним словом, находился при штабе. Я читала воспоминания Н.Л. Розенберга, бывшего комсоргом батальона, потом разговаривала с ним. Он очень много и интересно пишет о Великой Отечественной войне, но я хотела бы отметить лишь один эпизод, касающийся типичного отношения к политрукам на фронте. Розенберг пишет, что практически все командиры Советской Армии считали их бездельниками и болтунами: «Функция комиссарского контроля над командиром давно себя изжила, она сковывала его инициативу и глубоко оскорбляла. А ведь в полку или отдельном батальоне были и замполит, и парторг, и комсорг, а потом и начальник клуба, и начальник библиотеки. А выше – еще член Военного совета, начальник политотдела и штат инструкторов. В период между боями можно было хотя бы провести собрание, никому не нужный семинар или что-нибудь вроде этого. А во время боя политработник вообще выглядел никому не нужным человеком. Это было всем видно»¹.

Сам же Н.Л. Розенберг говорил в интервью: «Политруки как люди, как личности были обыкновенные, преданные Родине и хорошо воевали... они сами часто вынуждены были в боевой обстановке принимать решения где им быть и что им делать. Многие из них были среди солдат, воевали нормально, хорошо, некоторые имели возможность уклониться. Это зависело от личности»².

А как же действовал политрук Ендальцев? Как вёл себя в экстремальных ситуациях? Точных ответов на эти вопросы мы не найдем ни в одном из его писем. Однако в письмах Ендальцева есть такое выражение: «Письмо пишу, а вокруг идет бой»³. Выходит, что он не всегда принимал участие в бою.

Что же было в другое время? Очевидно, он занимался типичной для политрука работой, а именно проводил политзанятия и писал по-

¹ Н. Розенберг. Война у каждого своя // Урал. 1999. № 5. – С. 144-168.

² Из интервью с Н.Л. Розенбергом. Записано 16.06.2004 г. Дома у Н. Л.

³ Письмо А.Г. Ендальцева от 22.07.1941 г.

литдонесения. Из интервью с Н.Л. Розенбергом я узнала, что «в политдонесении писали о моральном состоянии воинского подразделения, отмечались лучшие, самые смелые солдаты и офицеры и отмечались случаи трусости некоторых солдат».

О постоянной необходимости писать донесения упоминается в письмах Аркадия Георгиевича: «5 августа я приехал с Гребенчей на машине на новый командный пункт штаба, немного позавтракал и сел писать политдонесение...»¹. Он пишет об этом, как о привычной части своей жизни, органичной, как завтрак.

Выходит, что Аркадий Георгиевич ничем не отличался от обычного политрука. Однако судьба А.Г. Ендальцева была типичной для политруков только в начале войны.

Он отправился на советскую границу еще до 22 июня 1941 года, на учения в должности инструктора политотдела 153 стрелковой дивизии², на которую он был назначен в августе 1940 года. Уже 5 июля 1941 года³ передовые отряды дивизии вступили в бой с крупными силами мотомехчастей противника, прорывающегося к Витебску⁴. Ендальцев был одним из тех, кто с первых дней войны попал в гущу событий: «18 июля принял первое боевое крещение, которое было жаркое...»⁵.

На десятый день боевых действий их дивизия попала в окружение, в котором находилась около месяца. А.Г. Ендальцев в письме от 31 июля 1941 года пишет: «Наша дивизия выходила из окружения, отлично это сделал, правда, с потерями, полковник т. Гаген»⁶.

¹ Письмо А.Г. Ендальцева от 9.08.1941 г.

² Согласно сайту http://kraj.vitebsk.net/index.php?page=vov&sod=_arch_41_018 с августа 1940 г. и по июль 1941 г. 153 стрелковая дивизия (ныне 3-я Гвардейская стрелковая Волмовахская Краснознаменная ордена Суворова дивизия), в которой служил Аркадий Георгиевич, занималась боевой подготовкой в Камышловских лагерях в составе Уральского военного округа. В первой половине июня 1941 г. дивизия, по приказу Народного комиссара обороны СССР, была переброслена в Витебск.

³ Об этом упоминает сам А.Г. Ендальцев в письме от 22.07.1941 г.: «С 5 июля по настоящее время все идут бои с противником».

⁴ http://kraj.vitebsk.net/index.php?page=vov&sod=_arch_41_018

⁵ Письмо А.Г. Ендальцева от 22.07.1941 г.

⁶ Н.А. Гаген родился в 1895 г. в семье потомственного дворянина. Великую Отечественную войну он встретил командиром новой 153 стрелковой дивизии, которую сформировал сам в г. Свердловске. Находясь в окружении под Витебском, он частично перевел дивизию на партизанские методы борьбы. Это позволило нанести удары по тылам врага, наступавшего в сторону Смоленска, и дало возможность вооружиться за счет противника. Несмотря на то, что его дед был немцем, Гаген всем сердцем и душой был с Россией. Своим однополчанам он говорил так: «Да, происхождение мое немецкое, но мой дед, мой отец и я родились в России. Это моя Родина... Главная наша цель в том, чтоб вырваться из окружения и бить немецко-фашистских захватчиков до полного разгрома!» 19 сентября 1941 г. за мужество и героизм, проявленные под Ельней, 153 СД получила звание гвардейской.

Через месяц после начала войны Аркадий Георгиевич получил серьёзное ранение¹. Долго искал госпиталь (первое письмо из госпиталя датировано 9 августа 1941 года), с трудом сумел избежать ампутации руки (это из его послевоенных воспоминаний, рассказанных А. С. Кимерлинг).

О самом ранении одно из писем. Пр процитирую его почти целиком: «5 августа (речь идет о 1941 годе – Е. Т.) часов примерно 3–4 дня меня ранило осколком мины в левое плечо, довольно солидно придется лечить ее около месяца. Коротенько опишу, как это было... стрельба около Днепра шла к разгару, подошел подполковник т. Черепанов, посмеялись и разошлись опять по своим местам. Время шло, шел и бой, стали обстреливать наш командный пункт и вот при переходе со старого командного пункта на новый мы, т. е. я, Старцев, Порошин пошли в глубь леса, вдруг завизжала мина, около нас оказалась начатая рыть щель. Я и Порошин бросились в эту щель, а Старцев попал рядом, и вот я только успел спрятать голову, левое плечо было, видимо выше края щели. Около трех метрах от нашей щели разорвалась мина, и вдруг почувствовал, что меня как будто что-то обожгло в плечо, я Порошину и говорю – «ранен», он вышел из щели и перешел дальше. Когда обстрел закончился, я посмотрел на плечо, оно было все изорвано и окровавлено, Гребенча мне сделал перевязку»². Я уверена, что он пишет так подробно об этом ранении потому, что оно его по-настоящему потрясло. Он почувствовал ужас войны на самом себе.

Но после госпиталя судьба А.Г. Ендальцева отличается от судьбы обычного политрука на войне. Его направляют инструктором политотдела танкового военного училища на Урал. Он готов был ехать на фронт, но командование распорядилось по-другому, а он привык выполнять приказы: «не хотелось, но на то мы люди военные, чтобы подчиняться»³. В мае 1943 г. он едет на курсы в Военно-политическую академию имени В.И. Ленина в г. Белебей. Оттуда пишет: «Конечно, придётся приложить много трудов, терпения и энергии. Этими качествами обладаю, заранее я знал, что придётся крепко попотеть, ну ничего, к этому не привыкать»⁴.

Он не вернётся на фронт вплоть до 1944 года. Вот что он писал в автобиографии: «С октября 1941 по декабрь 1941 года находился после госпиталя в резерве главного политуправления Советской Армии»⁵. В декабре 1941 года Главное политуправление Советской Армии послало работать инструктором политотдела танкового военного училища⁶, где и работал до мая 1943 года. С мая 1943 по май 1944 года

¹ За полученное ранение Ендальцеву был вручен орден Красной Звезды.

² Письмо А.Г. Ендальцева от 9.08.1941 г.

³ Письмо А.Г. Ендальцева от 19.12.1941 г.

⁴ Письмо А.Г. Ендальцева от 9.05.1943 г.

⁵ г. Горький.

⁶ г. Соликамск.

был слушателем Высших Всеармейских Военно-политических курсов Главного политического управления Советской Армии¹. По окончании курсов был послан в распоряжение политуправления 2-го Украинского фронта, где работал инструктором политотдела тыла фронта до окончания войны»².

Становится ясно, что Аркадий Георгиевич был на фронте около 3-х месяцев. Могло ли так сложиться без его активного участия? В письмах-то он о фронте скучает, а в действительности – туда не рвется: «все ничего, но скука, на фронте лучше»³. Вероятно, эта героическая фраза для жены и дочерей, чтоб они могли им гордиться.

С мая 1944 года были на фронтовом пути политрука Ендальцева еще и командировки: в Румынию и Венгрию⁴. Он ничего не пишет о Венгрии, но очень интересно отзывается о жителях Румынии: «Народ малокультурный, странные нравы, хотя удивляться нечему, так-как нам, советским людям, известно что такое капиталистическая система»⁵. В других письмах Аркадий Георгиевич продолжает эту тему: «Живут некультурно, жрут свою мамалыгу (кукуруза, смолотая и густо смешанная в кипяченой воде), хлеб не употребляют, какие особые люди. На Красную Армию смотрят как на завоевателей, как Армию-победительницу, иначе и быть не может, мы им не пешки, наших офицеров зовут господин офицер, оно только так и должно быть. Наш офицер Красной Армии должен быть для них господином, так как наша Армия есть Армия культурная, высоко образованная, и мы еще выше держим ее авторитет»⁶.

Проблема армии-завоевателя Румынии прорывается в этом письме сквозь обычную политкорректную сдержанность, и в этом отношении данный отрывок уникален. Складывается впечатление, что письма заранее «причѐсаны под цензуру». Я заметила, что он совершенно чѐтко знает, как нужно писать, например, о своем государстве. Это не удивительно, он же профессиональный партийный работник: «Мы выросли при Советской власти, она нас воспитала – Великая Родина»⁷ или же: «Это приятно слушать, когда интересуются нашими успехами в глубоком тылу, да и на самом деле, большие имеем успехи, иначе и быть не может. Мы Советские люди, которые

¹ г. Москва

² Автобиография А.Г. Ендальцева. Написана для приема на работу в РСУ на должность старшего инспектора по кадрам в 1964 г.

³ Письмо А.Г. Ендальцева от 22.10.1941 г.

⁴ Там он получил краткий русско-венгерский разговорник, который интересен сам по себе. В нем можно найти такие интересные фразы, как «не беспокойтесь, я заплачу, мы даром не берем». Вообще в разговорнике приведены довольно-таки вежливые формы обращения: «Извините», «Спасибо» и т. д.

⁵ Письмо А.Г. Ендальцева от 26.05.1944 г.

⁶ Письмо А.Г. Ендальцева от 5.06.1944 г.

⁷ Письмо А.Г. Ендальцева от 26.05.1944 г.

воспитаны Советским государством, во главе которого стоит великая партия большевиков»¹. И вдруг взрыв откровенного шовинизма!

Можно предположить, что что-то действительно написано от чистого сердца. Ведь люди того времени так настраивались с детства, воспитывались преданными Советской власти, Сталину, партии. Это носилось в воздухе. Но некоторые его слова звучат уж слишком пафосно.

И ещё одно наблюдение. Чем ближе победа, тем громче в письмах звучат патриотические фразы. В первых письмах (1941–1943 г.) он вообще ничего не говорит о вере в победу. Он лишь интересуется здоровьем своей семьи, спрашивает, получила ли его жена аттестат и т. д. Да, он поздравляет семью с годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции, но я думаю, что это уже была привычка. С 1943 года патриотические нотки звучат чаще, и оптимизма прибавляется: «Скоро очистим нашу священную землю от самого заклятого врага – фашистской армии, враг еще не добит, он еще огрызается, врага будем добивать в его собственной берлоге»². Он воодушевлен: «Ты, видимо, знаешь, милоч, и слушаешь радио, как наша прекрасная Красная Армия уничтожает заклятого врага, какие огромные имеем успехи. Дело идет к полной победе»³. В письмах 1944 года политрук мечтает о победе: «Какой это будет замечательный день в жизни нашего Великого народа»⁴.

«Милоч, чем объяснить, что я долго не получаю писем...»

Чем больше я вчитывалась в письма, тем больше понимала, что не смогу ограничиться только судьбой политрука. Фронт и тыл разделить невозможно. Аркадий Георгиевич, его Кава, две дочери: Инна (1937 года рождения) и Нелли (родилась в 1942) – это единое целое. Забота о семье в тылу всё время звучит в письмах политрука Ендальцева, и я решила обратиться к единственной свидетельнице тех лет – дочери Инне Аркадьевне Ендальцевой (по мужу Бахаревой). Ёе полное имя – Инесса, но оно ей никогда не нравилось и по сегодняшний день она называет себя Инной. В 1941-м ей было всего 4 года и её воспоминания отрывочны и неточны, но в начале 1945-го ей уже восемь, и она может рассказать больше об этом времени. Когда я взяла у неё первое интервью, то окончательно поняла, что буду писать не только о политруке, но и о его семье. Аркадий Ендальцев сохранил свою жизнь для жены и дочек, а они выжили в голодном тылу для него.

¹ Письмо А.Г. Ендальцева от 26.11.1944 г.

² Письмо А.Г. Ендальцева от 23.08.1944 г.

³ Письмо А.Г. Ендальцева от 26.07.1944 г.

⁴ Письмо А.Г. Ендальцева от 18.09.1944 г.

Постараюсь разобраться, что это была за семья – Ендальцевы, как они жили во время войны. Письма помогут мне увидеть мир этой семьи со стороны Аркадия Георгиевича, с фронта. Интервью с Инной Аркадьевной приоткроет его с другой стороны, из тыла.

Человек не идеален. И письма безжалостно свидетельствуют, что Аркадий Георгиевич любил одну из своих дочерей сильнее, это сразу бросается в глаза. Свою старшую дочь Инну он называл «милая дочка Инночка», «котик Инночка» (правда, свою младшую дочь он называет «кнопка», но вспоминает о ней не всегда). В одном из писем он пишет совсем прямо: «...Я узнал как живут мои дочки, а особенно любимица Инночка»¹ Или же: «8 марта² за Инночку выпил, за свою любимицу дочь которая по праву заслуживает себя так называть»³. С одной стороны, Аркадия Георгиевича можно понять, ведь он знает Инну лучше, какое-то время до войны они были вместе, она для него ближе. Неля родилась в 1942 году, он не видел, как она родилась и росла. Даже для самой Нели существовало «два папы: один папа – на комодке, а другой папа – на войне»⁴. Но всё-таки она тоже его дочь и заслуживает его любви в равной степени.

Иногда даже создаётся впечатление, что Аркадий Георгиевич забывает о своей младшей дочери. Он признаётся Каве: «Она (Инна) как-то все же в памяти больше, правда, ты не пойми, что Неля забывается, нет она после каждого твоего письма встает в памяти»⁵. Так или иначе, Аркадий Георгиевич остается хорошим, любящим отцом. Приведу еще одну строчку из его письма жене: «Ты ж прекрасно знаешь, что за своих дочерей отдам все»⁶.

Мы не знаем, что писала в ответ Клавдия Ивановна своему мужу. Её письма на фронт он не сохранил. Моя учительница истории говорит, что и свои письма он хотел выбросить, но так и не собрался поискать их. Видимо, писем Кавы было не так много, они были короткими и трудно читаемыми. Это не удивительно, К.И. Ендальцева окончила всего 3 класса, больше никогда и нигде не училась и в грамоте была не сильна.

Но Аркадий Георгиевич в письмах часто винил свою жену в том, что она не пишет ему: «Кава, чем объяснить, что я долго не получаю писем, что за причина? Меня сильно волнует, здоровы ли дочери, а ты не хочешь об этом мне писать. Если это так, то слишком глупо делаешь. Что хочешь этим достичь, я не понимаю. Ты великолепно понимаешь, что значит не получать два месяца письма из дома, где растут две прекрасные дочери, как ты думаешь, а? Или я ни черта

¹ Письмо А.Г. Ендальцева от 26.11.1944 г.

² 8 марта – день рождения Инны.

³ Письмо А.Г. Ендальцева от 17.03.1945 г.

⁴ Интервью с И.А. Бахаревой. Записано 13.10.2004 г.

⁵ Письмо А.Г. Ендальцева от 11.02.1945 г.

⁶ Письмо А.Г. Ендальцева от 18.04.1945 г.

не понимаю, что творится дома»¹; «Меня сильно беспокоит, что случилось дома или никак не доходят письма прямо не знаю на что и подумать»².

Аркадий Георгиевич беспокоился о своей семье, желал, чтобы у них всё было хорошо, старался помочь. Он волновался, не голодает ли его семья, вовремя высылал аттестат³: «Кава, меня больше всего беспокоит, получаешь ли ты деньги по аттестату...»⁴. Несколько раз посылал домой деньги: «Кава, я тебе телеграфом переслал денег 700 рублей»⁵, это было 28 октября»⁶. Интересовался здоровьем дочерей и жены: «Меня волнует одно, как здоровье твое и Инночки с Нелей, поправились ли они и какое ихнее здоровье»⁷.

И правильно беспокоился. Во время войны семья политрука жила в городе Свердловске. Инна была ребенком, но она помнит, что жилось тяжело. Питались они довольно плохо: чаще всего ели жмых, «заваруху»⁸ (заваренная на воде мука) и картошку⁹. Всем семьям военных выдавали тогда участки, которые, как правило, засаживались картофелем. Участки были необработанными, на них рос лес, и Клавдии Ивановне приходилось самой выкорчевывать пни.

Когда мама уходила на работу, маленькая Инна заботилась не только о младшей сестричке, но и о детях соседки, дальней родственницы Ендальцевых. Эта соседка, тётя Ася, работала фотографом в Доме офицеров. Иногда она приносила детям что-нибудь поесть. Инна помнит синюю манную кашу на воде, без соли и сахара, тогда она казалась ей очень вкусной.

Сладостей, естественно, почти не было. Однако Инна Аркадьевна вспоминает: «Сестричка у нас была очень пухленькая, очень комму-

¹ Письмо А.Г. Ендальцева от 25.05.1945 г.

² Письмо А.Г. Ендальцева от 21.11.1941 г.

³ Аттестат – выдаваемый военнослужащему документ на право получения денежного или другого довольствия. По всей видимости, А.Г. Ендальцев посылал денежный аттестат на семью. Он давал ей право получать часть денежного довольствия офицера через военный комиссариат по месту жительства.

⁴ Письмо А.Г. Ендальцева от 31.07.1941 г.

⁵ Много ли это, 700 руб. во время войны? В сборнике воспоминаний «Война глазами женщин и детей», изданном в 2004 г. Пермским государственным архивом Пермской области, есть воспоминания Н.Д. Аленчиковой. Она свидетельствует, что однажды в Уфе она купила на рынке у спекулянта буханку хлеба за 300 рублей.

⁶ Письмо А.Г. Ендальцева. 30.10.1941 г.

⁷ Письмо А.Г. Ендальцева от 13.08.1944 г.

⁸ И. Бахарева вспоминает, что, будучи уже взрослой, имея свою семью, она пришла к маме и попросила сварить заваруху, которая запомнилась ей как очень вкусная. Мама ее предупредила: «Ты её есть не будешь». Но Инна настаивала: «Я тебя очень прошу. Я добавлю масла и буду есть». Мама сварила маленькую кастрюлечку, но, конечно, это оказалась совершенно несъедобная пища. (Из интервью с И.А. Бахаревой. 13.10.04 г.)

⁹ Интервью с И.А. Бахаревой. Записано 13.10.2004 г.

никабельная. Когда она бегала по двору, военные мимо неё не проходили, всё время угощали. Ей потом сшили фартук с карманом, у неё всегда там что-то было: конфеты, шоколадки, какие-то штучки хлебные. Так она нас подкармливала¹.

Чтобы хоть как-то прокормить себя и дочерей, Клавдия Ивановна работала на складе², где упаковывали посылки на фронт. Работала в режиме: сутки через сутки. В штате она не числилась и зарплаты деньгами не получала, но ей давали продуктовые карточки³. Однако одной работы было недостаточно, и жена политрука Ендальцева шила на заказ одежду и сдавала кровь. Клавдия Ивановна отоваривала карточки как иждивенец: 200-400 гр. хлеба в день, мяса и рыбы на месяц 1,2-1,8 кг, жиров 300-400 гр⁴. Как донор она получала дополнительную карточку, на которую иногда удавалось купить кусочек масла, несколько раз детям «перепадало какао сухое»⁵. Какао давали обычно вместо положенного сахара, могли дать и сухой кисель. Карточки – хлебные, продуктовые и промтоварные – выдавались ежемесячно. Отоваривание их было платным, а деньги Клавдия Ивановна могла получить только за шитьё и от мужа с фронта.

Страшно представить, что было бы, потеряй Клавдия Ивановна хоть одну карточку или если бы их ограбили тогда, в середине войны. Вот что рассказывает об этом Инна Аркадьевна: «Квартиры тогда обворовывали по-страшному. Однажды к нам тоже лезли воры. Мы жили на четвёртом этаже в полногабаритном военном доме. Мама закрывала дверь на берёзовый ствол (от стены до двери). И вот однажды она проснулась, разбудила меня и сказала: «Инночка, к нам в квартиру лезут, пошли, будем держать дверь...». Воры пытались ворваться, но мы сидели на бревне, чтобы оно не сдвинулось с места»⁶. Грабители не смогли войти в квартиру.

С тем, что Кава была донором, связано одно из писем её мужа. 28 июня 1944 г. Аркадий Георгиевич пишет жене: «Да, Кава, на днях опубликован указ правительства об утверждении нагрудной медали для донора, как обстоит дело у тебя, ты должна его получить, сообщи об этом мне». В те времена за ордена доплачивали. Может быть, он думал, что и за почётный знак что-нибудь перепадёт.

У Клавдии Ивановны начало пропадать молоко, а младшую Нелю надо было кормить. Инна вспоминает: «Моей маленькой сестричке выдавали в баночке литровой (примерно полбаночки) сухого молока. Молоко было всё комочками. Когда мама уходила, я старалась хотя

¹ Интервью с И.А. Бахаревой. Записано 13.10.2004 г.

² Справка от 27 марта 1943 г.// Найдена среди писем А.Г. Ендальцева.

³ Продовольственные карточки были введены 22 апреля 1942 года.

⁴ www.ssu.samara.ru/plat7_www/1_11.html#r_2

⁵ Интервью с И.А. Бахаревой. Записано 13.10.2004 г.

⁶ Интервью с И.А. Бахаревой. Записано 13.10.2004 г.

бы несколько комочков взять, высосать. Это вместо конфет было. Потом мне мама запретила, объяснила, что это Нелечке, что у неё молоко исчезает. И я не стала». Представлять себе голодного ребенка, который в свои шесть лет осознал, что забирает еду у младшей сестры, и прекратил это делать, довольно трудно и страшно.

Да, жизнь в тылу была тяжелой и, очевидно, Клавдия Ивановна иногда жаловалась своему мужу на судьбу. В ответ А.Г. Ендальцев писал ободряющие письма: «Да, я вполне понимаю, моя милая старушка, что тебе тяжело... Ну ничего пережили самое тяжёлое время, скоро кончим войну и будем жить опять вместе»¹. Он очень любил свою Каву, часто видел её и дочерей во сне, вспоминал совместно прожитую жизнь с первого дня знакомства.

В письме от 4 августа 1944 года Аркадий Георгиевич писал: «Вот кончим скоро войну и будем опять жить вместе и будем сильнее ценить жизнь и будем брать от нее все, что будет в наших с тобой силах». Он был благодарен жене за детей: «доволен своими дочерьми, которых ты так прекрасно воспитываешь, за что я тебя не раз благодарил и писал... Я всегда был и остаюсь спокойным за дочерей, которые имеют такую прекрасную маму»².

Конечно, жизнь во время войны не была легкой, но люди не унывали. Они понимали: чтобы выжить, нужно держаться вместе, помогать друг другу. Пожалуй, никогда люди не были настолько дружны, как во время войны. Инна Аркадьевна рассказывает: «Как кому-то похоронка приходила, все собирались, утешали, помогали, чем могли»³. Никто не оставался в стороне от чужого горя. Все понимали, как тяжело тому, кто получил такое известие, ведь многим уже пришлось пережить горечь утраты близкого человека.

Когда фронтовик приезжал в отпуск, это было настоящим чудом. Всегда приятно видеть родного человека живым, и тем более здоровым. Люди, которым пришлось испытать весь ужас войны, умели находить счастье в простых вещах. Для них было достаточно получить любую весточку от родного человека – и на душе уже было спокойно. А как же иначе? Ведь на фронте каждый день мог стать последним. Семье Ендальцевых повезло. По воспоминаниям Инны Аркадьевны, её папа был дома дважды за пять лет войны. Однако по письмам, Аркадий Георгиевич приезжал домой минимум три раза (письма от 7.11.1941 г., 10.05.1944 г., 18.10.1945 г.), если не считать 1942 г., за который письма не сохранились. Инна Аркадьевна помнит первый и последний приезды её папы домой.

Первый раз он приехал домой, когда получил ранение (в то время ей было четыре года). По рассказам Инны Аркадьевны, папу отпра-

¹ Письмо А.Г. Ендальцева от 28.08.1944 г.

² Письмо А.Г. Ендальцева от 26.07.1944 г.

³ Интервью с И.А. Бахаревой. Записано 17.11.2004 г. Дома у И.А.

вили в госпиталь, а так как он ехал через Свердловск, где находилась его семья, то он решил их навестить. Он приехал поздно ночью. Когда Инна проснулась, то сразу же почувствовала тяжелый запах. «Как сейчас помню... никакой мышцы не было, был сустав просто и кожа», – рассказывает Инна Аркадьевна. Но если посмотреть по письмам, то А.Г. Ендальцев не ехал через Свердловск сразу после ранения, домой он приезжал уже после госпиталя.

Второй раз, по воспоминаниям Инны Аркадьевны, Аркадий Георгиевич был дома уже в конце войны, когда ехал на Восток. Помнит она и его приезд оттуда: «Я очень хорошо помню, когда он вернулся из Китая. Он приехал с двумя огромными чемоданами». В подарок он привёз кимоно для жены и дочерей. Инна помнит, что она и её сестричка «надевали эти кимоно и выходили, воображали, потому что ни у кого не было таких кимоно, как у них»¹.

В апреле 1944 года Аркадий Георгиевич приезжал домой в десятидневный отпуск. 4 августа 1944 года он пишет: «Скоро четыре месяца, а это будет 11 августа через 7 дней, как мы опять расстались с тобою, эти десять дней отпуска, которые провел с тобою и детьми, долго будут в моей памяти, это была декада самая лучшая, пожалуй, из всей нашей с тобой жизни».

Аркадий Георгиевич очень хотел, чтобы Инна была грамотной. Он неоднократно интересовался её учёбой, делал по этому поводу замечания: «В этом письме много Инночка сделала ошибок...»², «прежде всего меня так сильно радует... то, что Инночка стала учиться в школе и имеет оценки пятерки, это же, ты знаешь, как мне радостно». Для него было очень важно, чтобы дочь получила образование: «Очень жалко, что в этот самый серьезный для ее период не будет меня дома, ей же надо будет помогать в том, чтобы она правильно писала буквы, красиво и грамотно – это самое главное в этот момент... Прошу как можно сильнее развивать ее память, конечно, не переутомляя, что так же важно для учебы и жизни... Надо дочерей выучить так, чтобы они впоследствии на нас не обижались, и стране будут нужны грамотные люди. Мы с тобою имеем плохонькую грамотешку, так пусть наши дети имеют ее отличную»³.

Из писем видно, что поллитрук Аркадий Георгиевич Ендальцев – обыкновенный человек со своими достоинствами и недостатками. Война повлияла на него так же, как и на других людей, со временем он стал больше ценить жизнь. Его характер сильно изменился, он стал более резок и груб. Аркадий Георгиевич и сам это замечает. В письме от 11 февраля 1945 года он пишет: «...Я стал гораздо грубее,

¹ Интервью с И.А. Бахаревой. Записано 13.10.2004 г. Дома у И.А.

² Письмо А.Г. Ендальцева от 31.01.1945 г.

³ Письмо А.Г. Ендальцева от 7.08.1944 г.

это неизбежное явление – война она о себе дает знать, да и нервы стали играть». В другом письме он пишет: «Да, характер изменился сильно, это факт, не забывай, скоро четыре года войны и войны не простой, суровой войны, которая сильно переделывает человека, характер становится суровее... Дорога войны – это суровая школа для человека, идя по этой дороге, человек испытывает себя»¹.

УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ЗАКЛЮЧЁННЫХ В ТЮРЬМАХ В КОНЦЕ 40-Х ГОДОВ XX ВЕКА (на примере тюрьмы № 1 города Молотова)

Тамара Нечаева,
МОУ «Лицей № 1», 11 класс, г. Пермь
Научный руководитель: **Анна Кимерлинг,**
кандидат исторических наук

Сегодня мы можем найти много сведений о том, как миллионы людей в сталинскую эпоху были отправлены в ГУЛАГ, как вся страна была превращена в большой лагерь, как была выстроена сама система мест заключения. Можем прочитать воспоминания людей, прошедших мясорубку сталинских лагерей. Но это лишь те люди, которые сумели написать и опубликовать свои мемуары. А сколько воспоминаний так и не будет представлено вниманию исследователей – по разным причинам. В том числе, и потому, что участников тех страшных событий становится все меньше. Но есть еще архивы, в которых хранятся документы органов надзора за местами заключения, хранятся письма с жалобами заключенных. Тюрьма № 1 (ныне следственный изолятор) города Молотова (ныне Пермь) – одна из многих. Рассказ о ней может приоткрыть еще одну страницу истории советской карательной системы.

Система надзора

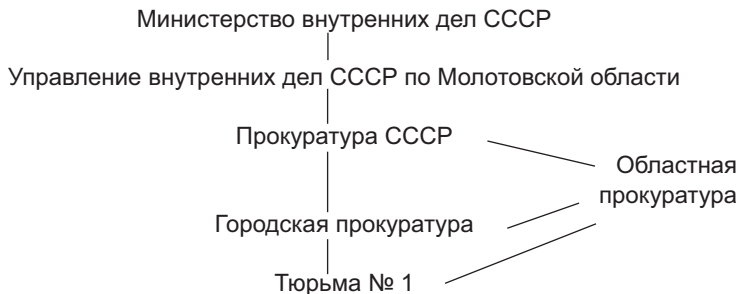
«Надзор за тюрьмами» – именно так на казенном канцелярском языке полагалось называть работу одного из отделов Молотовской

¹ Письмо А.Г. Ендальцева от 17.03.1945 г.

городской прокуратуры, работники которого отслеживали и анализировали вопросы заключения в тюрьмах и лаготделениях, находящихся в черте города. Частью этой работы был и надзор за тюрьмой № 1, которая в 1940-е годы была одновременно следственной тюрьмой и тюрьмой пересыльной. Отвечал за надзор помощник городского прокурора. А городская прокуратура, в свою очередь, отчитывалась перед прокуратурой РСФСР, а также перед областной прокуратурой. В отделе по надзору за местами заключения областной прокуратуры работали два человека: начальник отдела и прокурор.

Схема надзора за тюрьмой № 1:

Приведенная схема показывает, что такая система надзора была довольно неудобной. Стоит заметить, что в тюрьме № 1 города Молотова содержались пересыльные и подследственные заключённые, а

они обычно прибывали из области, следовательно, тюрьму в большей части контролировала областная прокуратура¹.

Получается как в пословице: «у семи нянек дитя без глаза». Так как работа по надзору расплылась на две прокуратуры, то часто возникло несогласование действий, и не было единства в проведении контроля. Время от времени областная прокуратура требовала от прокуратуры союза передать надзор за тюрьмой № 1 в её руки. Городская прокуратура не возражала. Но заместитель генерального прокурора СССР каждый раз относился к этому неодобрительно. Иными словами, областной прокуратуре города Молотова отказывали в просьбе о передачи надзора за тюрьмой № 1 в её руки: «Прокуратура города Молотова, осуществляющая надзор за большим количеством следственных и судебных арестантских дел, должна иметь возможность непосредственно осуществлять борьбу с нарушениями приказов 20с и 172с, а поэтому ликвидировать там отдел по надзору за местами заключения нельзя»². В результате, прокуратура тюрьмой особо не интересовалась. Начальник отдела по надзору за местами заключения Гриф не отчитывался прокурору области о работе по контролю над тюрьмой № 1 и по выполнению некоторых приказов, которые должна была выполнять прокуратура города Молотова. Эти приказы относились к тюрьме № 1, следовательно, отчитываться по ним должна была областная прокуратура перед прокурором области, так как эта часть работы лежала на ней³. Одним словом, полная неразбериха.

Проясняться что-то стало только после проверки прокуратуры Молотовской области московской комиссией из прокуратуры РСФСР. Комиссия установила, что тюрьмой никто не занимается, нашла нарушения. Прокуратура области, получая акты проверок тюрьмы от городской прокуратуры, особо не заостряла своё внимание на них. Её работники убрали акты подальше и забывали про их существование до тех пор, пока кто-нибудь сверху не напоминал о них.

Областной прокуратуре надо было найти и наказать виновных. Ими оказались прокуроры из отдела по надзору. И на оперативном совещании 4 октября 1948 года, проходившем с участием представителя прокуратуры РСФСР Колотушкина, работники областной прокуратуры назвали виновных, но по возможности смягчили обвинения: «... товарищ Гриф знает работу, но он неудовлетворительно организует свою работу, а сам стремиться сделать всё. Товарищ Куликов – малограмотный, но тоже работу знает...». В общем, отдел по надзору за местами заключения работоспособен, но не работает. Поэтому начали говорить об увеличении штата отдела.

¹ См.: Докладная записка. ГАПО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 656. – С.48-48 об.

² Письмо. ГАПО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 656. – С.48 а.

³ См.: Рецензия на проверку работы прокуратуры области. ГАПО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 657. – С. 461.

Но что-либо изменить было невозможно. Два сотрудника постоянно враждовали, доносили друг на друга, поэтому времени на работу у них не оставалось. Комиссия установила, что «судебно-следственные органы к вопросу ареста, оформления материала на арест относятся несерьёзно. Сроки следствия грубо нарушаются. Перечисления на арестованных от одного органа за другим составляются безграмотно, не соответствуют действительности. На неоднократные требования начальника тюрьмы о высылке перечислений или постановлений о продлении сроков следствия по тем делам, где есть явные нарушения, как правило, органы прокуратуры и суда мер не принимают. Дела в судах города Молотова рассматриваются крайне медленно»¹.

Тюремная волокита

Часто в тюрьмы люди попадали случайно. Отчасти это связано с лимитами: необходимо посадить определенное количество человек, соответствующее плану. План спускали сверху, и его нужно было выполнить. А как выполняли, никого не интересовало. «Доблестные» стражи порядка изворачивались, как могли. Ситуация хорошо отображена в книге Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». «...Органы чаще всего не имели глубоких оснований для выбора, какого человека арестовать, какого не трогать, а лишь достигали контрольной цифры. Заполнение цифры могло быть закономерно, могло же носить случайный характер. В 1937 году в приемную Новочеркасского НКВД пришла женщина спросить: как быть с некормленным сосунком-ребенком её арестованной соседки. «Посидите, – сказали ей, – выясним». Она посидела часа два – её взяли из приемной и отвели в камеру: надо было спешно заполнять число, и не хватало сотрудников рассылать по городу, а эта уже была здесь!..» Попасть в тюрьму было совсем несложно. Если человек попадал в тюрьму, то для него наступала пора невыносимых мучений. Начиналось всё с тюремной волокиты.

Очень показательны ситуации в тюрьме № 1. Вот случай с заключённым Леготкиным². Гриф должен был отправить с актом проверки тюрьмы копию приговора Леготкина, но её почему-то там не оказалось. То есть получается так: человек сидит в тюрьме, а приговора нет. Зачем же он тогда сидит? В конце концов копия приговора нашлась, правда, в другом месте. А если бы из-за этой ошибки Леготкина выпустили на свободу? Гулял бы себе «преступник» по белу свету. Хорошо, что в те времена заключённых не торопились выпускать на свободу, даже если приговора не было.

¹ Письмо. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 657. – С. 52.

² См.: Рецензия на акт проверки тюрьмы № 1. ГАПО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 657. – С. 219.

А затем выяснился новый факт: тюрьму проверяли 2 марта, а Леготкин осуждён 19 марта. Каким же образом можно было узнать 2 марта, что Леготкин осуждён 19-го? Но Гриф сумел оправдаться, списал всё на опечатку при наборе текста. Мол, тюрьма была в действительности проверена 2 апреля, а не 2 марта. Но как-то настораживает такая ситуация: потерялась копия приговора. Вероятнее всего, Леготкин перешёл в разряд осуждённых заключённых раньше, чем его осудили, а тюрьма действительно была проверена 2 марта, поэтому-то и копии приговора при акте не оказалось, так как приговор ещё не был вынесен. Возможно, мои догадки неверны, и действительно была допущена опечатка, и копия приговора из-за халатности попала не туда, куда надо бы, но в это слабо верится, такие совпадения редко бывают случайностью.

Приведём ещё несколько выдержек из документов, свидетельствующих о грубейших нарушениях правил содержания заключённых¹:

1. «30 октября 1946 года Лысьвенским ГО МВД по статье 19-162 пункта «в», 64 УК РСФСР арестован Медведев Альберт Степанович, расследование по его делу окончено в срок и 30 ноября 1946 года передано в суд, но в процессе расследования установлено, что фактическое имя обвиняемого не Альберт, а Геннадий. В тюрьму об этом сообщено не было, и высланное в тюрьму перечисление не являлось действительным, т. е. не соответствовало имени обвиняемого по постановлению на арест. В результате Медведев продолжал числиться за ГО МВД до 5 февраля 1947 года, так как по этой же причине не был своевременно этапирован по требованиям суда...».

2. «По требованию Коми-Пермяцкого окружного суда из колонии № 1 УИТЛК МВД по Архангельской области 20 мая 1949 года в тюрьму № 1 города Молотова прибыл ранее осуждённый Попов А.Е., который, несмотря на неоднократные требования со стороны тюрьмы и областной прокуратуры, окружным судом не вызывается. В тюрьме № 1 содержится с нарушением процессуального срока»².

3. «За народным судом 2 участка Орджоникидзевского района города Молотова с 23 апреля 1949 года до июля месяца числился заключённый тюрьмы № 1 Костин П.М., который содержался в тюрьме с грубым нарушением процессуальных норм».

4. «В соответствии с определением областного суда от 19 февраля 1949 года подлежал немедленному освобождению из-под стражи Тетерин И.С., однако этот заключённый был освобождён лишь 1 марта 1949 года. По определению того же суда от 10 января 1949 года подлежал

¹ См.: Акт проверки областной прокуратуры. ГАПО. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 657. – С. 378-380. Донесение о выполнении приказов № 20с и № 172с. ГАПО. Ф.Р-1366. Оп. 1. Д. 656. – С.18-19. Доклад. ГАПО. Ф. Р-1366. О. 1. Д. 659. – С. 145.

² Доклад. ГАПО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 659. – С. 141.

освобождению Базарьев Л.И., который тюрьмой освобождён 24 января 1949 года, то есть через 14 дней после вынесенного определения».

Нарушение сроков содержания заключённых влечёт за собой перенаселённость тюрьмы. По данным на 25 сентября 1947 года в тюрьме № 1 находилось более 200 человек с нарушением сроков следствия, примерно столько же содержались с нарушением сроков рассмотрения дел судами¹. Несмотря на напоминания, мер по ускорению следствия принято не было, хотя для этого были все необходимые условия: при тюрьме № 1 была оборудована следственная часть.

Нарушение сроков этапирования

Перенаселённость тюрьмы № 1 также вела к нарушению сроков этапирования. «За период январь-май были зафиксированы отказы конвоя вагона заключённых от приёма арестованных для этапирования по тюрьме № 1 города Молотова четыре случая... по мотивам отсутствия мест в вагоне»².

Бывало и такое, когда людей этапировали без постановления об этапировании. То есть, когда необходимо – не этапируют, а когда не надо – этапируют. Следственный заключённый Тиде Альберт Самуилович был арестован 16 мая 1947 года прокурором Марионовского района Омской области за самовольный уход с работы. «10 июня 1947 года Тиде прибыл в следственную тюрьму № 1 без постановления об этапировании с перечислением за прокурором Сталинского района города Молотова. По прибытии Тиде в тюрьму прокурору Сталинского района т. Бурцеву было послано уведомление и, несмотря на ряд напоминаний, прокурор Сталинского района Бурцев никаких мер не принял, и Тиде продолжал содержаться с нарушениями сроков». Волокита по его делу была довольно длительной, но, в конечном счете, он был освобождён из-под стражи³.

В прокуратуру области поступали жалобы из Кишертского района о несвоевременном этапировании заключённых из тюрьмы № 1. Областная прокуратура проверила этот вопрос, и оказалось, что заключённых, направленных в Кишертъ и в другие районы, везли в Свердловск, только зачем это делалось, не сказано. Так, например: «...нарсудом Кишертского района были затребованы в судебное заседание заключённые Глинова, Добрынина и Горелова на 24 июня 1948 год. Тюремной они были 23 июня сего года выданы на этап, но вместо того, чтобы доставить их в Кишертъ, они были проведены в Свердловск, а в Кишертки не сняты из вагознака и впоследствии вновь возвращены

¹ См.: Докладная записка. ГАПО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 656. – С. 138.

² Докладная записка. ГАПО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 659. – С. 131.

³ См.: Доклад. ГАПО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 657. – С. 190.

в тюрьму № 1. В результате, судом дела, назначавшиеся на 24 и 28 июня 1948 года, были не рассмотрены по вине работников РО МВД, не получивших из вагознака упомянутых заключённых. В этот же суд был истребован заключённый Будилов на 18 июня и на 28 июня 1948 года, но в судебное заседание доставлен не был по той же причине, что был провезён в Свердловск, а не в Кишерт, из вагознака не был получен работниками Кишертского отдела МВД»¹. Они их просто взяли и увезли в другое место, а там, видимо, использовали в собственных целях. Такие действия недопустимы, это запредельный произвол.

Превышение должностных полномочий

Незаконные действия, а точнее, побои были широко распространены среди работников тюрьмы. Они, пользуясь своим служебным положением, неправомерными действиями оказывали давление на заключённых. Работники тюрьмы заставляли кассационных заключённых вопреки их желаниям подписывать справки о том, что они не желают обжаловать свои приговоры². А заставить кассационных заключённых отказаться от возможности выйти на свободу можно только с помощью жестоких побоев. Таким же способом вымогают у заключённых вещи и деньги³.

В тюрьме был такой случай: дежурный помощник начальника тюрьмы – младший лейтенант Сушков, применил методы «самбо» к заключённым Журавлёву и Ахметову, якобы нарушавшим камерный режим. За это он был наказан пятью сутками ареста. Но заместитель начальника управления по надзору за местами заключения попросил информировать прокуратуру, в чём именно выразились действия Сушкова, названные как метод «самбо». А они выразились в «завёртывании за спину рук», и эти действия Гриф назвал методом «самбо». Но теперь уже начальник отдела по надзору за общими местами заключения потребовал проверить, чем было вызвано со стороны Сушкова «завёртывание за спину рук», и в зависимости от результатов проверки решить вопрос о более строгом наказании для Сушкова. Заместитель прокурора области ответил начальнику отдела по надзору за общими местами заключения, что Сушков применил метод «самбо» в порядке самообороны и что нет необходимости в более строгом наказании для Сушкова⁴. Если это была самооборона, то за что же его наказали

¹ Докладная записка. ГАПО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 657. – С. 293-294.

² См.: Рецензия на акт проверки тюрьмы № 1 . ГАПО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 657. – С. 219.

³ См.: Ответное письмо. ГАПО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 657. – С. 316.

⁴ См.: Доклад. ГАПО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 659. – С. 3., Письмо. ГАПО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 659. – С. 24а., Письмо. ГАПО. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 659. – С. 24б., Письмо. ГАПО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 659. – С. 24в., Письмо. ГАПО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 659. – С. 24г.

пятью сутками ареста? Но все прекрасно понимают, что означало в тюрьме «завёртывание за спину рук» и что, по большей части, оно не является самозащитой. Также знают о поблажках для работников тюрьмы и вседозволенности по отношению к заключённым.

А когда дело касается наказания заключённых, работники тюрьмы стараются принять наиболее жёсткие меры, даже если они излишни. Так, в акте проверки тюрьмы № 1 был указан случай о помещении в карцер заключённых, нарушивших тюремный режим. Причины помещения в карцер не были обозначены, было только сказано, что «необоснованного водворения в карцер не было». Но этого недостаточно для убеждения в законности принятых мер. 13-14 сентября 1948 года была проведена проверка тюрьмы № 1 Колотушкиным. Во время проверки в карцере находился заключённый Токаренко Б.К., который должен был там просидеть 20 суток за подготовку нападения на охрану. Такое решение было принято начальником тюремного отдела, хотя водворить в карцер на 20 суток мог только начальник УМВД или его заместитель. Начальник тюремного отдела превысил свои полномочия, о чём было доложено начальнику УМВД¹. Начальник тюремного отдела Семёнов в ответном письме прокурору области Куляпину написал: «Считаю, что взыскание мною на заключённого Токаренко в размере 20 суток карцера в соответствии приказу МВД СССР от 21 ноября 1940 года № 001453 п. 45 наложено правильно»². Даже если взыскание наложено правильно, то сути дела это не меняет, так как речь идёт о том, что начальник тюремного отдела не имел права отправлять в карцер заключённых на такой срок самостоятельно. Заслужил заключённый такое наказание или нет – решать начальнику УМВД или же его заместителям.

Бытовые и санитарные условия содержания заключённых

В тюрьме № 1 помимо взрослых содержатся несовершеннолетние. По отношению к ним также допускались неправомерные действия. Те же необоснованные аресты, аресты за незначительные преступления, нарушения сроков содержания.

Бытовые условия для несовершеннолетних, как докладывает в акте проверки тюрьмы № 1 прокурор по надзору за местами заключения Прокуратуры РСФСР Колотушкин, удовлетворительные: самые лучшие камеры, кровати «с полным комплектом постельных принадлежностей», книги, игры. «...Кормят несовершеннолетних за общим столом, покамерно в специально отведённом помещении под столо-

¹ См.: Акт. ГАПО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 657. – С. 360.

² Ответное письмо. ГАПО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 657. – С. 402.

вую, обедают под наблюдением дежурного надзирателя и воспитателя...». Жалоб со стороны несовершеннолетних по поводу обращения с ними не было. Правда, несмотря на это, среди несовершеннолетних зафиксированы заболевания гриппом и чесоткой.

Среди взрослых тоже зафиксированы заболевания, такие как сыпной тиф. Это свидетельствует о неудовлетворительных санитарных условиях. Но в акте проверки тюрьмы № 1 всё представлено в «розовом свете», условия содержания удовлетворительны, взрослые размещены отдельно от несовершеннолетних, разделены по роду преступлений. Все камеры в надлежащем состоянии¹. В общем, всё безупречно.

Но разве можно узнать истину из переписки между работниками прокуратур?! В ней не отражается реальная картина, порой непонятен смысл донесений. Реальную картину дел можно увидеть из менее официальных источников. Стенограмма выступления прокурора области Куляпина гораздо полнее отражает положение дел в тюрьме № 1:

«Помещение пересыльной тюрьмы не соответствует элементарным требованиям для содержания пересыльного контингента. В одном бараке содержится от 400 до 800 человек. Люди лежат вповалку на нарах, на полу, без постельных принадлежностей, без различия по статейным и возрастным признакам и без должной изоляции между мужчинами и женщинами. ...Но чтобы держать людей на подобии скота, загнанного в барак, чтобы эти люди спали на голом полу, в грязи, это совершенно недопустимо».

И вот такие-то условия в актах проверок называют удовлетворительными. Понятно, почему в тюрьме была высока смертность и заболеваемость. В таких условиях не то, что жить – существовать невозможно. Ни один работник тюрьмы никогда не помышлял о «перевоспитании» заключенных, хотя преступивших закон людей отправляют в тюрьму не только для отбывания срока наказания, но и для того, чтобы они пересмотрели свои взгляды на жизнь и изменились в лучшую сторону. Наоборот, в таких условиях человек ожесточается и становится ещё более опасным для общества.

Обратимся вновь к Солженицыну. Вход в тюрьму он описал, как калитку, открытую каждому из нас: «...По долгой кривой улице нашей жизни мы счастливо неслись или несчастливо брели мимо каких-то заборов, заборов, заборов – гнилых деревянных, глинобитных увалов, кирпичных, бетонных, чугунных оград. Мы не задумывались, что за ними? Ни глазом, ни разумением мы не пытались за них заглянуть, а там-то и начинается страна ГУЛАГ, совсем рядом, в двух метрах от нас. И еще мы не замечали в этих заборах несметного числа плотно

¹ См.: Акт. ГАПО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 657. – С. 360.

подогнанных, хорошо замаскированных дверок, калиток. Все, все эти калитки были приготовлены для нас! – и вот распахнулась быстро роговая одна, и четыре белых мужских руки, не привыкших к труду, но схватчивых, уцепляют нас за ногу, за руку, за воротник, за шапку, за ухо – волокают как куль, а калитку за нами, калитку в нашу прошлую жизнь, захлопывают навсегда...»¹.

Тюрьма в любом обществе является своеобразным его отражением. Она страдает всеми общественными болезнями, иногда преподнося их в гипертрофированном, уродливом виде. Какое время, такие и тюрьмы. В этом отношении тюрьма № 1 города Молотова вполне типична, я бы даже сказала – показательна.

В период 40-х годов XX века попасть в тюрьму было не трудно. Труднее было не попасть. Часто люди не знали, за что их арестовали. Конечно, среди заключённых попадались и настоящие преступники, которые заслуживали строгого наказания. Но ужас в том, что вместе с ними страдали и те, кто попал в тюрьму по политическим мотивам или просто по недоразумению. И таких было очень много.

Заключенные содержались в нечеловеческих условиях. Мужчин и женщин, убийц и воров, хулиганов и ни в чем не виновных людей помещали в одну камеру. Подростки жили вместе со взрослыми, хотя в актах проверки тюрьмы № 1 говорится о якобы безупречных условиях. Только в этих фальшивых актах и фигурировали кровати, постельные принадлежности в полном комплекте. На самом же деле заключенные спали прямо на полу, вповалку. Везде царил смрад. В камерах грязно, холодно, мерзко!

Мы понимаем, что источники, находящиеся в нашем распоряжении, к сожалению, не дают полной картины условий содержания заключённых. Не сохранились письма заключенных, нет документов, исходящих от тюремных чиновников, но есть документы прокуратуры, наблюдавшей «тюремное хозяйство» извне. И этот взгляд неизбежно улавливал только отдельные фрагменты. Но и имеющихся свидетельств хватает, чтобы в полной мере оценить атмосферу произвола, в которой находились заключенные.

Многое в тюрьме решалось силой. Чтобы усмирить непослушных, периодически устраивались «мордобои». Кассационных заключённых принуждали отказываться от пересмотра дел, причём принуждение словами не ограничивалось, охрана была вооружена холодным оружием. Когда факты превышения должностных полномочий выходили наружу, виновных, конечно, наказывали, но по минимуму. А если надо наказать заключённого, то тут рады стараться. Накажут «по полной программе» и еще добавят...

¹ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ// http://history.tuad.nsk.ru/Author/Russ/S/Solzhenit/Gulag1/Gulag_11.html

Надзор за тюрьмой со стороны прокуратуры был отвратителен. Обязанности старались перекинуть с одних плеч на другие. Это не составляло особого труда, так как в системе надзора не было чёткости. Соответственно, и порядка внутри тюрьмы не было.

Я попыталась проникнуть за закрытые двери рядовой тюрьмы, прикоснувшись к одной из наиболее грязных, охраняемых грифами секретности тайн сталинской эпохи. С тех пор, однако, мало что изменилось. Мир тюрем по-прежнему закрыт, практически герметичен. Сведения «с той стороны» звучат в обществе редко и глухо. О «той стороне» не принято говорить, но это не значит, что обществу не следует этого знать.

ПО РЕКАМ ПАМЯТИ

«По рекам памяти» – один из самых известных проектов волонтерской программы Молодёжного «Мемориала». Он связан с поисковой, исследовательской работой по изучению истории политических репрессий в Прикамье в советский период. Сплавливаясь на катамаранах по рекам Пермского края, волонтеры обследуют места расположения бывших спецпосёлков и лагерей ГУЛАГа 1930–1950-х годов, устанавливают в этих местах мемориальные знаки, записывают воспоминания местных жителей. Проект «По рекам памяти» даёт возможность юношам и девушкам непосредственным образом, «вживую» познакомиться с непростым прошлым своей Родины.

Экспедиции «По рекам памяти» накопили уже свою собственную, насыщенную событиями историю. В 2011 году наш замечательный проект отметил «юбилейную» дату – 10 лет со дня проведения первой экспедиции. За это время в трудных и в то же время романтических путешествиях по нашему краю приняли участие сотни молодых людей из Пермского края, регионов России и зарубежных стран. С самого начала программу возглавляет Роберт Латыпов, он же является бессменным «капитаном» почти всех уходящих на сплав команд. Каждый раз, возвратившись из очередной экспедиции, Роберт публикует на сайте общества «Мемориал» (www.rmem.ru) отчет об итогах работы ребят. Этот деловой отчет нередко дополняют сами волонтеры. Их дневниковые записи, сделанные в пути, передают непосредственные впечатления об увиденном, о людях, чьи воспоминания о нелегком прошлом не просто записаны ими, но и пережиты сердцем.

В заключение хотелось бы разместить здесь стихотворение Саши Асланьяна, одного из авторов этой главы. Может быть, оно лучше передаст суть того нравственного урока, который получают ребята, побывавшие в экспедиции «По рекам памяти»:

Александр Асланьян

Я это помню!

Снова в путь
И нам нельзя свернуть.
Мы поднимаем паруса,
На крыльях памяти взлетая,
Поближе к синим небесам,
Туда, где мир, где злоба тает.

Пусть снова ветры бьют в лицо,
И кто-то нас не понимает,
Мы под истории венцом
Идем вперед от края к краю.

Мы видим, говорим и слышим.
Все то, что было в дедовы года,
Так пусть же память нам дается свыше,
Чтоб не забыть, что было, никогда.

«Я НЕ ПРОСТО СЛУШАЛА РАССКАЗ, Я ЕГО ВИДЕЛА...»

Дневник участницы Чаньвинского похода Екатерины Рулевой

22 августа

Место записи: г. Пермь, улица Тургенева, 8.

Километраж дня: 0 км, без учёта моей дороги от Екатеринбурга до Перми.

Итак, в данный момент я лежу на пенке в квартире «Мемориала» на Тургенева, 8. Нас здесь 11 человек. Ребята все, на первый взгляд, отличные, просто замечательные ребята. Опять же, посмотрим, что будет дальше.

Приехав утром, я застала в этой квартире лишь одного неспящего человека – Олю из Рязани. Остальные, прибывшие раньше меня, в составе трёх человек отсыпались после ночи долгих разговоров. Часам к 11 все уже проснулись, и наш общепризнанный повар – Сергей из Екатеринбурга – состряпал обед. Большой ему за это респект! Затем я, Оля, Сергей и две девчонки из Екб (Лена и Арина) намылились, наконец-то, гулять. Так как у нас было всего 2 часа на прогулку, мы успели дойти лишь до Егошихинского кладбища. Зато уж мы использовали это время по полной программе: скакали и прыгали, шли по улице корабликом, распевая песни с морской тематикой, бежали и т. д. В итоге мы уже начали опасаться, что ещё немного в том же духе и нас, чего доброго, объявят сумасшедшими.

Около 17:00 на Тургенева началось собрание, на котором мы обсудили некоторые детали экспедиции, её задачи и маршрут. Катю из Саранска (к тому времени она уже приехала на квартиру со своей подружкой Юлей) назначили захвостом, Юля отвечала за походную аптечку, Сенечку (Серёгу из Ё-бурга) попросили стать поваром, а я вызвалась (и кто ж меня за язык тянул???) на роль Нестора. На собрание явились также Сергей из пермского «Мемориала» и Максим, вскоре, но уже после обсуждения, подошёл и Захар. Затем все разбрелись по квартире и занимались своими делами. Я вот, в частности, села (точнее легла... прямо-таки развалилась и расплзлась!) записывать события прожитого дня. ... Хочется кушать...

Да, и вот ещё что. Вечерком к нам в гости пришёл Феликс с другом Тони. Оба – волонтеры из Германии. Проходят добровольный социальный год: Феликс – в Перми, а Тони – в Волгограде. Я была безумно рада снова увидеть Феликса. Было немного грустно: Феликс и Тони в

воскресенье уезжают к себе на родину. Вот мы их и провожали... хорошие всё-таки ребята... эх, грустно!!!

23 августа

Турклуб «Олимп», г. Александровск, улица Чернышевского, 10. 250 км – переезд из Перми в Александровск на микроавтобусе.

Утром встали пораньше, чтобы беспрепятственно упаковать вещи, помыться и покушать. В 9:30 утра, когда вся компания была готова, мы общими силами погрузились в «Газель» с прицепом и отправились в город Александровск (Пермский край, Александровский район). За 3 с лишним часа пути с периодическими остановками (по случаю выпадения рессоры) состав экспедиции, особенно её ё-буржская часть, успел нахохотаться, напеться песен. Кто-то даже успел выспаться среди этого общего шума. В общем, короткое путешествие на «Газели» с упорно и методично опадающей рессорой удалось на славу.

Приехав в местный клуб «Олимп», мы покидали рюкзаки, поели и, пройдя инструктаж, разошлись брать интервью у местного населения, которое могло рассказать нам, что происходило здесь во времена сталинских репрессий. Естественно, опрашиваемыми были бабули и дедули в возрасте от 60-ти и до бесконечности. Мы с Леной направились к одному дедушке на улицу Пушкина (Холмогоров А.С.).

Когда мы пришли к дедушке, нам пришлось... «опрашивать» его сына Александра, точнее это он нас опрашивал. Ну, вот не было дома дедушки!

В их квартире больше всего поразили картины Саши. Три картины, сделанные витражной краской по стеклу. Одна из работ была в японском стиле (с иероглифами, значение коих, к сожалению, так и не удалось узнать), вторая представляла собой рамку с фотографией его мамы, а третья... третья, просто одуреть! Аж мурашки по коже! Третья картина привела меня в полнейший восторг. Это была репродукция (если так можно про неё сказать) картины Сальвадора Дали («Сон, вызванный полётом шмеля над гранатом, за секунду до пробуждения»). Если честно, стыд мне и срам, потому что я название точно не помню, так что советую уточнить для пущей достоверности информации, но общий смысл названия примерно такой). На стекле, сделанная рукой художника-самоучки (а Саша уверял, что никогда специально не учился рисовать), висящая на стене (до этого я видела её только в дурацких книжках с репродукциями), эта картина смотрится просто потрясающе... Убиться мне на этом месте...

Пока мы за чаем обсуждали с Сашей насущные проблемы стоперов и собаководов, объявился дедушка. Нам он сначала показался не слишком приветливым. Дедушка собирался в баню со своим другом, и такому благовому намерению мы препятствовать не смогли. В общем, договорились прийти в 21:00, когда он уже сходит в баньку.

Когда мы с Леной вернулись в клуб на Чернышевского, мне было очень смешно: все наши пришли с интервью, все со своими впечатлениями, разогретые новой информацией, без конца рассказывали о «своих» бабулях и дедулях... В общем, оставалось только слушать и ждать, когда же и мы с Леной возьмём интервью. Сергей и Юля, например, побывали у женщины – её прозвали «женщина-музей» – которая рассказала им кучу интересного о своей семье и временах репрессий и показала сохранившиеся вещи: от фамильных драгоценностей (сама женщина дворянского происхождения) до корсета и перчаток конца XIX-го – начала XX-го веков.

Итак, в девять часов мы отправились на свидание к дедушке. Это был первый человек, который в подробностях рассказал нам о своей нелёгкой молодости в те страшные годы. Даже не думала, что меня это так заинтересует, потому что, когда я поехала в экспедицию, на сплав, очень размыто представлялись мне те вещи, о которых теперь нам рассказывал этот дедушка, Александр Семёнович. И огромное спасибо Лене за то, что она взяла на себя основную нагрузку по задаванию вопросов. Слушая рассказ, я забывалась, а ведь одновременно с этим нужно было ещё откапывать в мозгах неназойливые наводящие вопросы, не имея перед глазами «склерозника», и, кроме этого, придумать, как их задать и в какое время, чтобы не сбить с толку говорящего и не увести его в ненужную сторону.

24 августа

Турклуб «Олимп», г. Александровск, улица Чернышевского, 10.

Сегодня день был намного интереснее и насыщеннее, как в событийном, так и в эмоциональном плане. Днём мы с Леной снова отправились на интервьюирование. На этот раз мы беседовали с женщиной лет 60-ти с небольшим. Отец её был поволжским немцем и был репрессирован. Разговаривать с ней было приятно, она с видимой

охотой отвечала на наши вопросы и, кроме того, очень любит Германию и немецкий язык. И я её в этом понимаю. После квартиры вчерашнего дедушки, её дом казался чуть ли не верхом цивилизации. Плюс ко всему бросался в глаза идеальный порядок и то, что дома эта женщина ходит в обуви, даже не просто в обуви, это было бы ещё полбеды, а в лакированных туфлях на внушительном каблучке.

Одним из самых полезных, для нас лично, сведений, полученным от неё, был адрес дедушки-немца, который полжизни провёл в лагере на зоне. Таким образом, мы попали к Давиду Ивановичу Янцену. Я бы даже не поленилась написать здесь всю его историю, но боюсь, у меня не хватит ни времени, ни таланта, чтобы описать это так живо и выразительно, как сделал это сам дедушка. Поэтому предлагаю вам, дорогие участники экспедиции, за его рассказом обратиться в архив (только вот в какой?), где должна скоро появиться расшифровка нашего интервью. Но свои впечатления от того, что я услышала, я не могу не описать.

Когда я только увидела дедушку, то решила, что тот, кто будет делать расшифровку, изрядно попарится, т. к. дикция у деда явно хромала. Но мои опасения оказались напрасными. За те полтора часа, что мы провели в доме Давида Ивановича, я не слушала его рассказ и не видела деда, нет... Я смотрела отличный фильм или просто потрясающий спектакль, а может, я читала книгу... Во всяком случае, у меня было очень отчётливое ощущение, что всё, что рассказывает дедушка, я вижу своими глазами, что нет меня в этой маленькой комнате, и комнаты этой тоже нет, нет ничего, кроме старческого голоса и картины, ужасающей картины искалеченной человеческой жизни...

Не знаю, как мне удалось не разреветься там и не сорваться, не обнять этого человека, не знаю... Зато вот ночью... меня прорвало. Но об этом после.

Давид Иванович нарисовал нам подробный план бывшего лагеря, показал свои награды, которые мы потом сфотографировали. В общем, мы с Леной выполнили свою задачу на «отлично».

Ближе к вечеру мы установили мемориальный знак на месте бывших захоронений репрессированных и составили общую карту посёлка. И всё это на основе двух рисунков, добытых нами на интервью, и схем, принесённых другими ребятами. Установили место, где приблизительно находилась зона, и попытались определить годы, когда в логу (на балке) производились захоронения (получилось что-то около 1936–1937 гг.).

Вечером мы с девушками помылись в баньке. Лет 10 не была в общественной бане! Вечером мы сидели в наших «номерах», то бишь в турклубе. Я намеревалась не спать подольше и дописать дневник, но не вышло...

...Я вся уревелась, и то, что не позволила себе выплеснуть днём, всё то, что накопилось и уже забродило где-то внутри, всё это вырвалось ночью... Как здорово встречать необычных (хотя это не совсем подходящее слово, непонятно на самом деле, что оно значит... «необычный») людей. Как здорово, что они вообще ещё существуют на этом свете, на этом трижды долбаном свете, в котором так много уродов!...

25 августа

Маршрут: г. Александровск – урочище Новый. 35 км на «Уазике».

Утром встали раненько (те, кто спали, конечно), выгрузили вещи из турклуба и закинули их в машины-«уазики». Машины было две. Я, ебуржане и ещё несколько человек ехали вместе в одной машине и, возможно, именно поэтому (хотя это всё только моя придурь) случился очередной маленький косяк. Наша машина перегрелась (не иначе как от наших разговоров) и встала на полпути. Мы небольшой компанией решили идти пешком. Погода была прекрасная, дорога была ужасная... А принцесса и того хуже. На подходе к самым грязным местам нас подобрала вторая машина. Таким образом, мы приехали на первую стоянку.

Вот ведь, убить мою дырявую память (ах, если бы это возможно было сделать, не разбивая головы об стену!!!), я уже не помню, сколько км мы протопали пешочком. Но это, на самом деле, не так важно, а важно то, что случилось, когда мы совсем было подошли к нашей стоянке. Мы шагали вдвоём с Леной, сзади шёл Захар. Под ногами была жутчайшая, отборная грязь, какая не встречается у нас в городе даже в самом колоритном районе Уралмаш (а уж грязь-то там знатная!), по бокам этой «дороги» торчала довольно рослая трава, по мозгам бил мерзенький дождичек...

Откровенно говоря, стоянка наша почему-то находилась в болоте, следовательно, чтобы наш тщедушный костёр не помирал совсем, я добровольно нанялась работать ветром, а пацаны без конца пилили и рубили. Да уж, денёк выдался... в самый раз для начала сплава.

Вечером мы, наконец-то, вылезли из той лужи, где мы осели, и перебрались чуть поближе к реке. Там было сухо, и мухи не кусали. Ну что ж, поели, попили, посидели у костра со старыми любимыми песня-

ми и разошлись по домам. Их было всего-то три штуки: женский дом, мужской дом и... скажем, смешанный.

Кстати, днём несколько участников нашей поисковой экспедиции выбирались на разведку к местам, где раньше располагался лагерь репрессированных. (В урочище Новый в 1950 – 1980-е гг. располагался лагерный пункт и посёлок. Их-то мы и обследовали – прим. Р. Л.)

Я вот тут заметила для себя одну вещь.... Когда уже находишься, так сказать, «в теме», всё это воспринимается совершенно по-другому... как-то более лично. Хотя у этого слова нет степени сравнения... а впрочем, чёрт с ним. Всё это уже настолько близко и главное вот что... это затрагивает лично тебя, не как простого, абстрактного, а как ЖИВОГО человека, нет, даже не как человека ...не знаю, как лучше это сказать... это касается моей личности, моего «Я», причём настолько глубоко, что там я уже не человек... вот и всё...

...Если кто-то что-то понял в этом, с позволения сказать, лирическом отступлении, то я очень рада, т. к. сама ещё этого до конца не понимаю, поэтому объясните, если не трудно.

Между прочим, я себе тоже устроила небольшую экскурсию: прогулялась вдоль по узкоколейке. Было довольно темно, было однозначно сыро, и по всему лесу расползся туман. На мели мы налима лениво ловили, для меня Вы поймали линя; о любви не меня ли Вы мило молили и в туманы лимана манили меня. ... Да, что-то несёт меня... тройка удалая... не, правда как-то нездорово заносит.

Да, лес был просто удивительный... Я себя в этом тумане чувствовала ёжиком, который упал в реку... И так захотелось чаю с можжевеловыми листьями... Но предаваться воспоминаниям о любимом мультике что-то мешало. Как-то не вязалась беззаботно-грустная философия мультя с гнетущей, тяжёлой энергетикой этого леса. В принципе, обычный себе лес, но что-то в нём было такое, от чего хотелось, либо идти всё дальше и дальше, либо развернуться и бежать к чёртовой матери и вообще забыть про это место раз и навсегда. Не знаю, наверно, я просто чересчур впечатлительна... Жутко было думать, что видели эти деревья и эта речка, и казалось, в самом тумане сосредоточена эта страшная память...

26 августа

Маршрут: урочище Новый – урочище Анюша.

12 км по чаньвинским лопухам.

С этого дня, уважаемые участники экспедиции, начинается, собственно, сам сплав. Правда, как стало понятно потом, это был не совсем сплав, точнее совсем не сплав, я даже не возьмусь придумать названия тому занятию, которому мы предавались в течение трёх-четырёх часов (а может, и меньше, но мне это время показалось безумно долгим) пути до стоянки. С утра наши мужчины собрали катамараны, накачали гондолы,

нагрузили на них вещи... мы даже вёсла взяли (!)... Нет, ну официально мы, конечно, были на катах и даже иногда гребли, и то, что было вокруг, носило гордое название «река Чаньва»... Короче говоря, на практике мы всё чаще шлёпали пешком по камням и лопухам и тащили на себе каты. Вот уж точно картинка маслом, «Бурлаки на Чаньве» называется. Шли и хототали тупо сами над собой: вот ведь придурки! Нагрузили каты, вёсла схватили и залезли по самые уши в лопухи, чтобы таскать на себе каты по щиколотку в воде (а она, заметьте, не только мокрая, но и холодная!).

Однако лопушки, которые мы уже так успели полюбить, что решили культивировать это неприхотливое растение в своих домашних ваннах, оказались безобидными цветочками, по сравнению с коварными камнями. Не было практически ни одного спокойного участка.

В общем, так, если у кого возникнет безумное желание убить свой кат, милости просим на Чаньву (отдавайте предпочтение верховьям и не забудьте отыскать парочку поваленных деревьев: ни с чем не сравнимо удовольствие от протаскивания ката под деревом, стоя по пояс в лопухах!!!)

Ещё стоит, наверное, описать тот душераздирающий звук, с которым кат проползает по камню. Если вам когда-нибудь приходилось в самую лунную ночь слышать вой самого несчастного приведения в тяжелейшем приступе самой безысходной тоски, то вам, поверьте, знаком этот звук. Вот, честное слово, как ножом по сердцу! И не зря у нас замирало то самое сердце: причалив, мы обнаружили здоровенную дыру в чехле гондолы.

Выгрузив вещи, мужская половина лагеря приступила к срочной реанимации катамарана «Буцефал».

27 августа

**Маршрут: урочище Анюша – урочище Махнёвские поляны.
24 км**

«Всё плывёт, всё изменяется»... Куда же нам плыть???

А сегодня у меня Днюха.

С утра, когда я вся такая красивая и сонная выползла из палатки, где долго приходила в себя, меня коллективно поздравили с Днём дождения. Было приятно.

Блин, прожила ровно половину жизни. Ужас.

«Земную жизнь, пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу...» (Данте, «Божественная комедия»). Ну, ладно, лес не такой уж и сумрачный, а так, нормальный себе лес.

Днём некоторые из наших снова отправились на разведку по местам бывших лагерей... (В исследовательской разведке на территории бывшего лагеря и спецпосёлка Анюша участвовали Роберт Латыпов, Николай Шавшуков – «Мягкий Папа», Маша Власова и Оля Падчина – прим. Р.Л)

После долгих приготовлений и зашиваний (наши девушки поочерёдно «делали приятное» капитану Захару, который без устали зашивал и заклеивал «Буцефальскую» рану: вдввали ему нитку в иголку), мы решили покинуть, наконец, этот берег. Кстати, приятная новость: всю ночь шёл дождь (Захар договорился с «пасанами» на небе), и вода заметно поднялась, что позволило нам забыть все горести мелководной, каменистой и лопушистой Чаньвы. Всё-таки нет худа без добра. Но надо сказать, что когда река стала шире, сама собой появилась другая проблема: приходилось грести всё время, и всё время против ветра.

Итак, наш экипаж (Захар, Сергей, Макс, я и Маша) на контуженом «Буцефале» и конкурирующий катамаран «Чума» с полным экипажем (Мягкий Папа, Роберт, Юля, Катя и Оля) на борту отбыли к месту следующей стоянки.

Мы с Машей как всегда гребли по очереди, при этом успевали петь песни, кто что вспомнит. А бедные носовые с «Чумы» (Катя и Юля) гребли бесшумно всю дорогу (у меня бы, честно, руки отвалились!), хотя у них мёртвым грузом ехала Оля; могли бы тоже друг дружку сменять. А вообще, это, конечно, их дело.

Пока гребла, я всё время пыталась подстроиться под ритм Макса. Просто не могу так... Привычка делать всё синхронно с кем-то, особенно такие... простые движенья. Вот что значит долго репетировать, уже вырабатываются профессиональные привычки.

Итак, мы прибыли на новую стоянку (урочище Махнёвские поляны – прим. Р. Л.), там было неплохо, только довольно неудобный спуск, по которому у один раз благополучно скатилась на попе.

Вечером отмечали немного мой ДР... Девчата даже проявили креатив: показали миниатюру «глаза турика» (лагерная фишка: из нескольких человек показывают части тела). А ещё они сделали походный пирог со сгущёй, мёдом и сушками. Признаться, они меня опередили и хорошо сделали, т. к. я бы вряд ли успела. Вот. Объявляю им своё «БОЛЬШОЕ спасибо».

Ночью я страшно захотела купаться. В общем, тут Остапа понесло...

Была почти полная луна, было тепло, и мухи совсем не кусали. Когда я уже переоделась в купальник, меня поймали и стали активно отговаривать. Я решила сдаться после нескольких попыток, а потом всё-таки искупаться. Ведь в свой, не побоюсь этого слова, юбилей... нет, всё-таки я боюсь этого слова... в общем, в свой ДР хоть раз можно нарушить ТБ? Ну, вот я и нарушила. По-моему, правила для того и существуют, чтобы пить шампанское. Когда все разошлись по койкам... пардон, по мешкам, я ещё немного посидела, полюбовалась луной и пошла купаться.

Вода показалась просто горяченькой, как будто она загорелась от лунной дорожки. Очень здорово. Не буду описывать ощущения от купания ночью голышом в залитой луной реке, это просто нужно пережить.

28 августа

Маршрут: урочище Махнёвские поляны – стоянка у Тихого камня.

16 км

А вокруг такая красотища!!!

Дежурные, которых я так немилостиво всё время обхожу вниманием, трудятся, между прочим, почти целый день на благо наших желудков. Хочу сказать каждому дежурному в отдельности, а значит, каждому участнику нашей экспедиции, отдельное, персональное спасибо за их старания прокормить наш лагерь. (А ведь есть ещё дежурные-рецидивисты, кормившие нас не один, а целых два дня!) И сегодня я познаю все тяготы и лишения тяжёлой судьбы дежурных: сегодня вашему вниманию, дорогие участники экспедиции, предлагаются фирменные походные блюда от меня и Серёги.

Мужчины опять заклеивали и подковывали нашего коняшку «Буцефала», который стал теперь головной болью нашего бесценного капитана Захара.

Перед отъездом коварный Папочка увёл троих своих дочек (Юлю, Катю, Машу) в лес и, более того, заманил их в пещеру. Что было в пещере, мы узнали только по их рассказам, но адреналинчику, говорят, хватило сполна. Пришли девчата уставшие, но довольные. Я пятьдесят шесть раз отругала себя за то, что не пошла. «Ой-ой-ой! Мне же ещё перекус готовить! Не успею!» Тьфу! Вот ведь чушь!

Когда все вернулись, включая и наших рыбаков-грибников Макса и Сергея (Макс с упорством опытного рыбакова чуть не каждый день ходил рыбачить), мы отчалили на следующую стоянку, к Тихому камню.

У Тихого камня мы наткнулись на цивилизацию. Дело в том, что место, где мы остановились, кто-то уже давненько облюбовал и обжил. Там была почти баня (только каркас), навес для тента, столы, скамейки, и, как в сказке про Машеньку и трёх Медведей, на столе лежала большая деревянная ложка.

Мы решили воспользоваться медвежьим гостеприимством и сделать завтра баню, а сегодня мы кушали за НАСТОЯЩИМ СТОЛОМ! Приготовили картошковый полусупчик и жареные грибы (набрали на предыдущей стоянке лисичек). Причём я даже грибы эти жарила, а потом ещё и ела(!). Дело в том, что есть две вещи, от запаха которых меня начинает мутить: чеснок и жареные грибы. Так вот, происходит как раз то, чего я хотела: я начинаю избавляться от каких-то своих закоренелых привычек и страхов. Это мне нравится очень сильно.

И, кстати, если не ошибаюсь, в первый раз ужин доели до конца. Должно быть, было мало... а может, просто вкусно.

Ночью вышла на небо полная и очень яркая луна. Как раз рядом с нашей стоянкой были скалы и гора, и луна, поднимаясь «настырно всё выше и выше», освещала скалы, как прожектор. От луны и вся поляна стала синевато-дымчатой. Уснуть в такую ночь мне было невозможно, поэтому я, как псих-одиночка (всё чаще замечаю, что чувствую себя здесь именно так), сидела у затухающего костра, выла на луну. Когда посветлело, почти как утром, а вместе с тем и похолодело так же порассветному, я поняла, что если просижу здесь ещё хоть минуту, то завтра мне обеспечен насморк и капитальный недосып.

29 августа

Маршрут: стоянка у Тихого камня – посёлок Камень.

8 км

Всё-таки хорошо, что я вчера утащила себя спать, а то у нас уже 3 чела холят и лелеют свою ненаглядную простуду и глотают таблетки.

Сегодня будет баня!!! Баня, баня, баня, баня вжик... Ура!

Да, баня была клёвая! Баня – это здорово!!! Огромное СПАСИБО нашим мужчинам, которые сделали эту замечательную баню!

После баньки мы почти сразу погребли к Тихому Камню. Сначала залезли на гору... На маленькую горку, около 200 метров или что-то вроде того. Я сильно пожалела, что стала курить. Дыхалки, откровенно говоря, не хватало. Я чувствовала себя старым паровозом, который спятил и вдруг, ни с того ни с сего, полез на гору, пыхтя и издавая другие характерные для старого механизма звуки.

Как бы то ни было, мы благополучно и без жертв долезли до пещеры Подъельничной и пошли внутрь. Там было темно, сыро и много камней, чего, собственно, и следовало ожидать от пещеры. Прогулявшись внутри, вылезли наружу и полезли дальше вверх. Доковырявшись до самого верха, осели на каменном выступе.

...Не знаю, нет у меня таких слов, чтобы описать тот вид с высоты птичьего полёта, это ощущение столь близкой пропасти... Сразу вспомнилось, что такое СВОБОДНЫЙ полёт и захотелось немедленно рвануться вниз и улететь куда-нибудь...

Спуск с горы оказался намного легче, чем мы себе представляли. Чисто психологически он был тяжелее подъёма, но зато не требовал больших физических затрат.

После посещения горы поплыли дальше и высадились в сосновом бору около посёлка Камень. Предварительно заехав в сам посёлок и закупив всё необходимое, мы переправились на другой берег. Всё это время шёл мелкий, очень назойливый, противный дождь, а посему все были мокрые и холодные. Я в первый раз за всю экспедицию замёрзла... Неприятно.

На берегу Захар оперативно развёл костёр из запасённых сухих дров. Совместными усилиями повесили тент, и дежурные сделали ужин.

30 августа

**Маршрут: посёлок Камень – урочище Елово.
25 км**

Утром проснулись, как обычно. Правда, я счастливая и часов не наблюдаю, поэтому даже не знаю толком, во сколько мы встаём.

Сегодня мне НАДОЕЛО грести. Правда-правда. Я уже забыла, записала ли я, что построилась под ритмичные движения Макса, и теперь мы гребём синхронно. Я страшно довольна, только грести уже, правда, надоело. Говорят, мы прошли сегодня 25 км. Верится с трудом, но моё плечо думает, что гребло все 50. Ну, в принципе, 25 км на двоих – вполне нормально. Интересно, смогла бы я проплыть 30 км самостоятельно?

У нас была длительная стоянка у Сафоновой горы (*бывший слепцопосёлок Сафоново – прим. Р. Л.*). Здесь я почувствовала себя одним из героев книги Джерома К. Джерома. Дело в том, что мы отправились на кладбище... «Мы отдыхаем, сэр, и нам бы не хотелось видеть склепки, гробики и, уж тем более, саркофагики, сэр» («Трое в лодке, не считая собаки»).

А если серьёзно, то это безумно интересно и, конечно, жутковато тоже. Особенно, когда идёшь и знаешь, что идёшь по могилам, на которых уже просто нет ни крестов, ни памятников, а практически на них, этих могилах, стоят уже другие памятники и оградки... И ты идёшь, и так тебе неудобно, потому что по-другому-то больше никак не пройти, только вот по этим безымянным могилам...

Максим обнаружил один крест с эпитафией. От неё, признаться, мурашки по коже: «Вы уже дома, а мы в гостях». Жуть. Причём могила какого-то немца (фамилия Цема), умер в 1932 г.... В общем, явно какой-то ссыльный.

Пока мы (Макс, Маша и я) бродили по кладбищу и записывали имена тех, кто мог быть репрессированным, другая небольшая группа устанавливала недалеко мемориальный знак.

Проведя примерно час на этой стоянке, мы поплыли дальше и остановились у горы, в урочище Елово. Развели рядом костерок, покушали и обсудили нашу, уже теперь подошедшую к концу экспедицию.

После ужина мы еще раз подвели итоги, порефлексировали. Может быть, нужно было рефлексировать вместе каждый вечер? Просто обнаружилось столько всего невысказанного, но важного, чего по ка-

ким-то причинам не могли сказать просто так. А теперь, откровенно говоря, было уже поздно. То есть это не значит, что говорили зря, но что-то изменить в этой конкретной экспедиции было уже невозможно. Она закончилась. Быстро и без фейерверка.

31 августа

Маршрут: урочище Елово – посёлок Яйва (плотина Яйвинской ГРЭС).

8 км

Закончилась экспедиция, говоришь? Не тут-то было. «Опять скрипит потёртое седло...» В смысле нужно снова грести. Вот сейчас Машенька устанет, и наступит моя очередь. На самом деле, мне не то, чтобы сильно надоело или так уж сильно болит рука, просто хочется столько всего написать, что мысли о гребле отбивают всякую охоту жить и радоваться жизни.

...Нет, вру – лень грести, и рука всё-таки болит.

Ну, всё, Маша устала. Я пошла к станку.

Итак, мы прошли последние свои метры на этих катамаранах и в последний раз затащили их на берег. После мы ещё мыли гондолы и сушили резину, убирались на берегу (сразу вспомнила фразу из фильма: «Пойду приберу лес»), жгли мусор. А потом за нами приехала всё та же весёленькая «Газель», но ехать было уже не так весело, хотя не могу сказать, что по дороге я не смеялась. Был какой-то «естественный осадок», выпадение которого всегда допускается... Просто было немного грустно, что всё закончилось, что заканчивается, в сущности, всё, и всё проходит. И скоро я приеду домой, а там... Мама дорогая, можно я лучше прогребу ещё 10 км?!

А ещё в голове почему-то сложилась давно забытая фраза из «Белой гвардии», и так давит на мозг, что если я её сейчас не напишу, я просто не выдержу... Не знаю насчёт точности цитаты, если что – исправляйте. Вот она, записанная в «Газели» кривеньким почерком: «Всё пройдёт. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звёзды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Нет ни одного человека, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них. Почему?»

1 сентября

Место записи: г. Пермь, улица Тургенева, 8

А некуда больше плыть!!!

Вчера вечером мы отмечали наше возвращение на большую землю. А сейчас я, уважаемые участники экспедиции, порздаю немного комплиментов.

К нам на посиделки пришли Роберт Младший, он же Бобби, и Дельфинчик. А ещё пришёл Захар и всех удивил: от привычного тельника, шортов и очаровательной полосатой шапочки не осталось и следа. Он был в костюме, и, как выяснилось, ему идёт не только тельник, но и костюм.

А Дельфинчик с лёгкостью прибила меня своими песнями. Глубокие, красивые и невероятно грустные... Добавить к этому хороший голос и слух, да ещё мелодичные гитарные переборы... В общем, скажу дежурное «здорово», просто у меня слов уже нет.

Ночью сказала, наконец, своё веское «вали спать!» моя многодневная усталость: к моему сожалению, я заснула, не проводив до такси саранских девчонок. Что ж, скажу хотя бы сейчас: «Доброго им пути и удачи!»

Вот так. А теперь я сижу в экспрессе и пишу всякую ахинею...

Я ведь обещала писать то, что приходит на ум, вот, получите-распишитесь. Конечно, кое-где я пыталась сгладить острые углы своих мыслей, сдерживала и чистила их, но старалась всё-таки оставить в них себя. А это, по-моему, самое главное...

Зэ энд.

ЗАБЫТЬ ИХ НЕ СМОГУ УЖЕ НИКОГДА

Короткое повествование Александра Асланьяна о том, чему научила его майская экспедиция 2008 года

Здравствуй, Читатель!

Если ты читаешь эти строки, значит ты здесь не случайно и, надеюсь, не последний раз. То, что я хочу здесь сейчас рассказать, нельзя назвать дневником в его классическом понимании. Это повествование о том, что было. Не претендуя на объективность, рассказываю тебе все то, как я понял это, и надеюсь, что тебе оно будет интересно. Вперед!

С тех пор прошло больше двух лет. Я сижу перед экраном монитора, пересматриваю фотографии, сделанные Мальте, Надей, Настей, Женей, Робертом, Таней, Рамилем, Зоей, мной самим. И вспоминаю эти дни, это время, этих людей такими, какими мы были тогда, в начале мая 2008 года. Смотрю и не верю: неужели это мы? И перед тем, как сесть писать эти строки, казалось, есть что сказать, все слова верны, все идеально, логично, а сейчас, я понимаю, что для того, чтобы описать все, не хватит мне и века. Но... я попробую, хотя бы часть.

Мы собирались в экспедицию: кто сразу, а кто нет (я относился к таким людям). Надо сказать, что первоначально нас начал агитировать Рамиль, и я сомневался, думал, надо ли это мне. Но, стоило только познакомиться ближе с Робертом Латыповым, как я загорелся этой мыслью. Умеет Роберт зажигать, ничего не скажешь.

Потом началась подготовка, планомерная, четкая работа. Очень важная, ибо всё надо проверить и отремонтировать то, что не отремонтировано, проверить, что не проверено, заклеить, что не заклеено, зашить, что не зашито, и все это перепроверить!

В день отъезда на Перми II я смог познакомиться с теми, кого не знал ранее, и вот он, старт экспедиции дан! За спиной остались городские проблемы и треволения от ощущения грядущего. Грядущее настало...

Электричка проглотила положенные шесть часов, за которые мы должны были что-то понять, что-то сделать. Мы должны многое, и каждый отвечает за себя. Каждый решал в те мгновения свои вопросы и, честно признаюсь, не помню, что решал я. Был лишь в восторге от грядущего, от того, что вот уже рядом свершится ЭКСПЕДИЦИЯ, как много в этом слове для ожидания сплелось...

Выгрузились и в надежде на солнышко решили посбросать куртки в машину. Но что-то или кто-то нас остановил(-ло) и не зря: спустя несколько минут пошел снег. Все в этой жизни не случайно. Наш путь был в посёлок с непонятным и одновременно привычным названием Усьва.

Погружение началось. История на нашем пороге, как и мы в преддверии живой истории. Мы приехали на точку старта нашей экспедиции, и, казалось бы, начинаем писать историю, собирать материал, но мы лишь фиксируем то, что уже самим своим существованием написало свою историю.

Казалось бы, долгий срок в посёлке, но и он оказался краток. Мы сколько смогли опросили людей, свидетелей прошлого, но, пожалуй, именно общаясь с этими людьми, с репрессированными, людьми, подвергшимися величайшей несправедливости от своего государства, начинаешь понимать смысл истории, как науки, как, не побоюсь этого слова, всеобщей науки, которая через историков – ретрансляторов бытия, повествует будущим поколениям о прошлом, об их прошлом. Но, когда мы говорим с людьми, которые все это пережили, были и видели все то, что мы стремимся показать людям, живущим сейчас,

понимаешь этот мир, эту историю, как СВОЮ историю, пусть тяжелую, но все-таки историю России.

Потом, когда вечером мы возвращались в дом, за весельем, за делами и заботами, внутри себя переживали, передумывали и вспоминали, всё сказанное и услышанное. Возможно, пытаюсь не только это запомнить, но и осознать, впитать и сделать все слова, все это горе и радости, всю жизнь своей жизнью, частицей самих себя.

Мы, привыкшие к городу, к возможностям и перспективам, увидели людей, которые, будучи высланными в поселок, покидали его всего несколько раз в жизни, с трудом или совсем не представляют себе все то, что мы считаем обыденным и привычным: сотовая связь, Интернет, электронные книги и сайты... И здесь, именно здесь, начинаешь понимать, что мир возможен без всех этих прибабасов, мы увидели его таким, каким он «застыл» в середине двадцатого века.

И именно там, в Усьве, мы стали теми, кто создал связку между прошлым и настоящим, протянув первый мост через широченную трещину беспмятства и отчужденности, выросшую за годы, проведенные за «длинным забором лагерей и немотой все понимавших...». Мы поставили памятный знак на мысе развилки у трассы

Соликамск – Березники – Кизел – Чусовой. По моим ощущениям это было среднее между крестом, забором лагеря и колючей проволокой, которая удерживает человека на кресте.

Потом настал день отправления вниз по реке Усьва, по нашему летописному пути. Мы шли вниз, сжигаясь, привыкая к стилю гребли друг друга, перекаты и шиверы нам казались порогами, мы были счастливы, просто так, без выкрутасов и понтов, ведь как это здорово! На реке выясняется, что из себя представляет человек, но и здесь формируется команда. Из разных людей, но с единой целью. Мы поднялись на Столбы и для кого-то это был свой Эверест, своя К-2 или пик Жанну. Свое достижение.

Помимо мыслей, о которых я говорю, были просто посиделки у костра и радость от движения, от жизни, от общения с людьми, с которыми в привычном мире мы вряд ли бы встретились и стали общаться, дружить.

Мы отошли от стоянки у Столбов и впереди были урочища Талица и Медвяжка, Бревно, поселки Мыс и Бобровка, где мы уже высаживались не как зеленые юнцы, а как заправские командос, лихо

преодолевая расчески и прижимы, кусты и, вообще, любые препятствия, такие как бобровые плотины.

По собранным до экспедиции сведениям мы находили места лагерей, ставили памятные знаки – кресты с табличками о бывших здесь поселениях.

Будучи на местах лагерей, мы натыкались на безмолвные свидетельства истории и снова в поселках говорили с людьми, творившими эту историю, людьми, которые лучше любого документа расскажут нам то, чего нет нигде, это живая история, история памяти, история жизни людей, поколений, покалеченных репрессиями.

Сейчас, год спустя, я вспоминаю их и с горечью понимаю, что кто-то из них уже ушёл, став частицей земли, в которую вкладывал свой труд и жил на ней, будучи вплетенным своею судьбой в трагическую и героическую судьбу державы, которая звалась когда-то Российской империей, СССР, а теперь стала зваться Российской Федерацией. Будучи одними из сотен миллионов людей, они и только они оставили свой след в нашей истории, а теперь и в нашей памяти. В который раз я прокручиваю в памяти их лица и понимаю, что забыть их я не смогу уже никогда.

Мы прошли добрую сотню километров по «реке теснин», двадцать человек, три катамарана, люди из разных городов, с разным миропониманием, разными целями, но ставшие единой командой. Мы получили массу впечатлений, множество знаний и умений, многое поняли и осознали, но как краток этот миг восьми дней на Усьве...

Пришла пора расставаться. Мы вышли из офиса «Мемориала» и тут, поняв, что этот миг неповторим, стояли вместе, всматриваясь в родные лица друзей. Мы расходились, и закат, гаснущий на западе, завершал нашу экспедицию. Уехал великолепный Володя Миркин и добрейшая Оля Кислова. Потом мы провожали ставших близкими нам Зою и Настю, которые на следующий день ехали домой в Йошкар-Олу. Уехал несколько позже в Германию Мальте Мирам, которого мы приучили есть семечки и объясняли русский мат. Поезд, уносящий Зою и Настю, растаял в расплавленном мареве Перми II. Здесь всё началось и закончилось, всё так неслучайно...

Р. S. Ребята, не забывайте друг друга! Всё-таки это было не зря!

Р. P. S. И вот сейчас, здесь, в Перми, готовится новая экспедиция. Где будут и «старички» и новые люди. Вперед!!!

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ

Из отчетов, написанных бессменным «капитаном»
экспедиций «По рекам памяти» Робертом Латыповым

Чаньвинский поход. Август 2007 года

В августе 2007 года в Александровском районе Пермского края Молодёжный «Мемориал» провел очередную поисковую экспедицию «По рекам памяти». Она включила в себя обследование мест расположения бывших лагерей и спецпосёлков ГУЛАГа (1930–1950 гг.) по берегам рек Чаньва и Яйва, установку в этих местах мемориальных знаков, сбор и запись устной истории у местного населения, преимущественно у жертв политических репрессий. В экспедиции приняло участие 13 человек – молодые люди из Саранска, Екатеринбурга, Рязани, Александровска и Перми.

Первым объектом исследований стал город Александровск. С начала 1930-х годов здесь располагалась спецкомендатура. Большая часть спецпереселенцев была из числа раскулаченных, позднее к ним добавились уроженцы Тамбовской, Могилевской областей (БССР). Среди репрессированных были венгры, латыши, белорусы, украинцы, сербы. В 1942–1945 годах в районе работали батальоны трудовармейцев немецкой национальности, ранее депортированных из Днепропетровской области (УССР) и из Риги (Латвия).

Часть волонтеров работала в районном архиве, другая – собирала «устную историю». В документах архива ребята нашли дополнительную информацию о бывших лагерных учреждениях и спецпосёлках в районе предстоящего водного похода. Устные воспоминания местных жителей также дали немало интересных фактов. Так, по их сведениям в восточной части города, за частными садами и на левом берегу ручья Елового в 1940–1950-х годах существовали захоронения спецпереселенцев и трудовармейцев. Количество похороненных там, также как и их национальный состав, неизвестны. В середине 1950-х годов кладбище было уничтожено. Волонтеры нашли место бывшего кладбища и установили там мемориальный знак.

Следующим этапом экспедиции стало обследование двух бывших лагерных пунктов, расположенных на реке Чаньва – посёлки Новый и Анюша. Все они ранее входили в систему Кизеллага.

СПРАВКА. Кизеловский ИТЛ (Кизеллаг)

Организован в июне 1947 г. (выделен из состава Широковского ИТЛ) и действовал, по меньшей мере, до 2002 года. Его управление располагалось в городе Кизел. До 1960 года число заключенных в лагере достигало 21 300 человек, занятых на лесозаготовках, достройке Широковской ГЭС, в промышленном, дорожном, гражданском и жилищном строительстве.

Заключённые лагерей в Новом и Анюше занимались лесоразработками и поставками крепёжного леса на шахты Кизеловского угольного бассейна. Максимальное количество осуждённых в каждом лагере не превышало 200 человек. Лагеря были временными объектами – они действовали только на период проведения лесоразработок. После вырубки деловой древесины и оскудения сырьевой базы все постройки спешно демонтировались или разрушались, заключённых переводили в другие зоны; с ними же уходили из посёлков и семьи охранников. Разрушение зданий и дорог закончили александровские жители – искатели металлолома. Этим объясняется тот факт, что на месте бывших «лесных» зон и посёлков сегодня практически не осталось следов пребывания человека. Места расположения бывших посёлков уже обследовались в ходе исследовательской разведки Молодёжного «Мемориала» в ноябре 2006 года. Так, по посёлку Новый сегодня известно, что он был образован в 1953 году на реке Чаньва в 12 километрах от посёлка Талый. Входил в состав Луньевского поссовета Александровского района. Основой посёлка служила лагерная зона – лагерный пункт ВВ201/10-15. Посёлок соединялся с «большой землей» не только грунтовой, но и узкоколейной железной дорогой, которая проходила вдоль реки Чаньва. По УЖД перевозили лес до посёлка Талый (лагерный пункт ВВ201/10-17) и далее к шахтам Кизела. В настоящее время дорога разобрана, но по ней вполне ещё можно передвигаться не только пешком, но и на машине.

Сегодня посёлок выглядит несколько «лучше» других бывших лагерных посёлков, поскольку закрыт был лишь в 1991 году. Благодаря этому здесь ещё можно обнаружить остатки жилых барачков и хозяйственных построек. По крайней мере, волонтерам удалось с большей или меньшей вероятностью определить и зафиксировать местонахождение зданий бывшего продовольственного склада и магазина, бани-прачечной, дизельной и др.

Наибольший интерес у молодых исследователей вызвал посёлок Анюша. Он был основан ещё в 1920-е годы. По непроверенным архивным данным в 1924 году сюда были насильно привезены несколько десятков семей священнослужителей. В 1930-м здесь появились первые раскулаченные. Но ненадолго – скоро их спешно перебросили на строительство Яйвалесозавода. В 1939 году сюда привезли семьи поляков. Ещё позднее здесь появился лагерный пункт Кизеллага, соединённый веткой УЖД с посёлком Талый. Официально посёлок Анюша была закрыт в 1981 году.

В настоящее время от посёлка практически ничего не осталось. Место представляет собой большое урочище, вытянутое с востока на запад вдоль речки Анюша. Сплаваясь на катамаранах по Чаньве, волонтеры обнаружили лишь остатки деревянного моста, по которому раньше вывозили лес. Возмущение у всех участников экспедиции вызвало то обстоятельство, что почти всё урочище (а это несколько гектаров) без видимой

причины перепахано бульдозерами. Причём, совсем недавно. Почти все остатки сооружений и построек сметены. Такое ощущение, что кто-то сознательно уничтожал следы пребывания здесь людей. С большим трудом волонтерам удалось найти и зафиксировать место расположения штрафного изолятора бывшей зоны. Поскольку кладбище спецпереселенцев и

заклѳченных не было обнаружено, решено было поставить мемориальный знак в центре урочища, на берегу реки Чаньва.

Сплав закончился 31 августа. По мнению руководителя проекта «По рекам памяти» Роберта Латыпова, в ходе экспедиции сложилась сплѳченная команда. Хочется верить, что для ребят этот поход стал важным событием в их жизни.

Усьвинская экспедиция. Май 2008 года

Подведены итоги очередной поисковой экспедиции «По рекам памяти», прошедшей 2–10 мая 2008 года в Гремячинском и Чусовском районах Пермского края. В ней приняли участие 20 человек, в основном, студенты исторических факультетов вузов Перми, Нижнего Новгорода, Йошкар-Олы и Томска.

Основным маршрутом экспедиции стала горная река Усьва в её весеннем разливе. Поисковики прошли на катамаранах около 100 километров, установили пять мемориальных знаков на местах бывших спецпосѳлков (в урочищах Талица, Медвяжка, Бревно, в посѳлках Усьва и Мыс), записали интервью с 32 местными жителями.

Особо ценная информация была получена в посѳлке Усьва (Гремячинский район). Волонтеры выяснили, что в конце 1920-х годов этот шахтерский посѳлок был фактически заново основан репрес-

сированными. В основе своей это были семьи раскулаченных крестьян. В январе 1931 года на усьвинских угольных копях уже работала 371 семья спецпереселенцев. И их количество всё возрастало. На 1 июля 1939 года здесь уже проживала 981 семья. До 1956 года все они находились, как тогда говорили, «под спецкомендатурой».

В советское время в окрестностях посёлка работали шахты «Усьва 1-2», имени Чкалова, имени 40-летия Октября и другие. С 1942 по 1956 годы в шахтах работало несколько сот трудоармейцев – депортированных немцев Поволжья и крымских татар. Здесь же работали и заключённые Кизеллага. Подтвердились сведения об использовании 1 484 заключённых лагерного пункта № 23 для треста «Губахшахтстрой» в 1949 году. Поисковикам стало известно и о существовании «женской» зоны в посёлке, о которой ранее не было документальных свидетельств.

С 1944 по 1950 годы в посёлке находился лагерь для немецких военнопленных (отделение № 11 лагеря № 207). Здесь содержались бывшие солдаты и офицеры СС и так называемой власовской армии (РОА). С помощью местных жителей волонтеры Молодёжного «Мемориала» уточнили местонахождение лагеря, составили схему расположения объектов зоны, собрали сведения о быте и трудовой деятельности заключённых. Была проведена визуальная разведка сегодняшнего состояния кладбища военнопленных на окраине посёлка.

По окончании двухдневных поисковых работ в посёлке Усьва волонтеры установили мемориальный обелиск в память жертв политических репрессий, жителей этого района. Следует особо отметить, что работа поисковиков стала возможной, благодаря поддержке местной администрации в лице его главы Р. Р. Сулейманова.

Опросы жителей в посёлках Мыс и Бобровка подтвердили первоначальные сведения о том, что основной упор в использовании здешних спецпереселенцев приходился на лесоповал и сплав леса по воде до города Чусовой. Большинство репрессированных жителей здесь также составляли семьи раскулаченных крестьян: в посёлке Мыс таких семей было 70, в посёлке Бревно (ныне не существует) – 68. Однако выяснились подробности того, откуда и как попадали сюда люди, в каких условиях жили. Как отдельная история – воспоминания о тех, кто был вторично репрессирован в печально известные 1937–1938 годы. Большинство арестованных тогда (в посёлке Мыс, например, это 73 человека, в посёлке Усьва – 125 человек) так никогда и не вернулись к своим родным: были либо расстреляны, либо попали в лагеря ГУЛАГа.

Кизеловская экспедиция. Май 2009 года

2 мая 2009 года стартовала очередная поисковая экспедиция «По рекам памяти». На этот раз она проходила в Кизеловском и Александровском районах Пермского края, а основным её маршрутом стали реки Кизел и Малая Вильва в их весеннем разливе. Почему был выбран именно этот район поиска?

С 1929 по 1956 годы шахтёрский город Кизел и прилегающая к нему территория являлись одним из крупных «островов» Архипелага ГУЛАГ. Более половины населения района составлял так называемый

мый «спецконтингент» – семьи раскулаченных и высланных крестьян (в разное время от 4 до 25 тысяч человек), трудармейцы – депортированные немцы Поволжья и крымские татары (более 4 тысяч человек), заключённые Кизеловского исправительно-трудового лагеря (до 23 тысяч человек), проверочно-фильтрационных лагерей для бывших советских военнопленных, а также лагерей для немецких военнопленных (около 3,5 тысяч человек). Их принуждали к тяжёлому труду на угольных шахтах, лесоповале, на строительных и прочих тяжёлых работах. Благодаря их труду и самопожертвованию, Кизеловский район к концу 1950-х годов стал одним из наиболее интенсивно развивающихся промышленных центров страны. За это была заплачена немалая цена – многие сотни и тысячи ни в чём неповинных людей погибли и остались здесь навечно.

В истории района и города кровавый след оставил и «Большой террор». По сведениям общества «Мемориал» 689 жителей города в 1937–1938 годах были вторично репрессированы. После ареста и предъявления ложных обвинений в «контрреволюционной деятельности» 168 человек были расстреляны, 358 человек получили длительные сроки заключения. Всего же по Кизеловскому району за два года жертвами репрессий стали 2 424 человека.

В этом районе мемориальцы уже проводили исследовательскую разведку в октябре 2008 года. В ходе нынешней экспедиции 2-9 мая 2009 года волонтеры участвовали в более масштабных исследованиях – работа в районном архиве и музеях, интервьюирование старожилов, установка памятных знаков в местах расположения лагерных учреждений Кизеллага. В частности, такие знаки, выполненные руками самих волонтеров, появились в городе Кизел, в посёлках Всеволодо-Вильва и Башмаки. Поддержку и помощь в работе молодых мемориальцев оказали районные и поселковые администрации, журналисты, местные краеведы.

В экспедиции приняли участие 20 молодых людей из Перми, Нижнего Новгорода, Ханты-Мансийска, Ижевска, Александровска. Всех их объединяет желание узнать настоящую, неретушированную историю родного края и страны в целом, своими глазами увидеть очевидцев сталинской эпохи, места их ссылки и заключения, способствовать сохранению памяти о трагическом прошлом. По словам одного из участников экспедиции, «этот проект помогает мне понять историю не только как набор фактов или разрозненных событий, но как живой процесс, помогает увидеть отражение крупных событий на отдельных людях и пытается восстановить мост между прошлым и будущим».

Сплав на катамаранах по речкам Кизел и Малая Вильва прошёл успешно. Практически без потерь, если не считать утопленного весла на одном из крутых поворотов. Были экстремальные моменты – завалы из деревьев и промышленного мусора, прижимы, обилие поворотов. Двое из участников «успели» искупаться в весенней воде –

к счастью, без неблагоприятных последствий. Два раза пришлось «обноситься», вытаскивать катамараны на берег и вручную воловь их мимо препятствий. Мосты в районе посёлка Расика и деревни Малая Вильва такие низкие, что иначе эти места не преодолешь.

Вообще-то говоря, по таким речкам прикамские туристы не ходят, предпочитая более чистые в экологическом отношении и более известные маршруты. Подтверждением этого факта стало практически полное отсутствие по берегам туристских стоянок.

О результатах работы. Волонтеры записали около 45 интервью. Большая часть из них – в Кизеле и Всеволодо-Вильве. В каждом из населённых пунктов команда работала два дня. Меньшую часть интервью, но не менее интересную, ребята записали в посёлках Расик и Башмаки.

История последнего, кстати, весьма интересна. В 1940–1960-е годы это был крупный посёлок на 5 тысяч жителей. Здесь размещался центр Башмаковского лагерного отделения № 1 Кизеллага. В его состав входили следующие лагерные пункты: л/п «Башмаки», л/п «Штабной», л/п «49 квартал», л/п «13 квартал» и л/п «Усолка». Основная производственная деятельность – лесозаготовки для Кизеловских шахт и строительных работ. Благодаря местным жителям (их сейчас в посёлке осталось не более 50 человек), нам стало известно о времени существования лагерного отделения, местах расположения пяти зон, численности заключённых. По словам местных старожил, политзаключённых держали только в одной зоне, на «49 квартале». Это одна из самых удалённых лесных зон.

В настоящий момент интервью постепенно расшифровываются и поступают в электронную базу архива устной истории Пермского «Мемориала». Часть из них будет использована в Книге памяти «Годы террора».

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ	3
Поклониться миллионам жертв	5
Предложения совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ об учреждении общенациональной государственно-общественной программы «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении»	12
Катынь: хроника событий	33
НЕ ЗАБЫВАЙТЕ НАС!	73
Анна Ахматова. Реквием (отрывок)	75
А. Бурдин. Как арестовывали «меньшевиков» в Очере	76
Материалы о пермском враче П.Т. Гусарове	80
«Быть мне счастливым...»	80
Я родился в сорочке	80
Искры памяти. Воспоминания Дмитрия Гусарова о своем детстве и отце	83
Письмо Нины Павловны	92
Воспоминания о генерале Пядышеве	94
О. Курочкина (Просвирнина). Сиротские слезы	99
Т. Лаут. След на земле	108
А. Нечиперович. Из когорты одержимых	113
Г. Никитенко. Для тебя среди детей не бывало чужих	119
Г. Штомпель. Сохраните живую душу	132
СУДЬБЫ ЧЕКИСТОВ	143
В. Гладышев, А. Калих. Уж сколько их упало в эту бездну... ..	145
В. Гладышев. «Чтобы трупы не попали в нежелательные руки...»	155
Н. Петров. Человек в кожаном фартуке	158
НОВОМУЧЕНИКИ	165
Венец терновый	166
Владимир Гладышев. «Молиться кротко за врагов...»	167
М. Осоргин. Священник Иаков Шестаков – свидетель истории	171
Л. Тетюева. Святой человек	177
ВЕХИ ПАМЯТИ. ПУТЕВОДИТЕЛЬ	193
Его имя – целая эпоха в истории ПГТУ	195
Микробиолог Владимир Здравосмыслов	196
Заложница мужа или два проклятия	199
Почерк с наклоном влево	205

Последний долг.....	207
Я – из ордена Дерзо-Поэтов.....	209
Ученик Баухауза.....	211
ДЕЛО ВРАЧЕЙ.....	213
Прошлое ждет своего часа?	214
«Дело врачей» на Урале	219
ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ...	
РЕФЕРАТЫ ПЕРМСКИХ ШКОЛЬНИКОВ	285
Л. Ладыгина. Казус инженера Далингера	288
О. Диденко. Дневник арестанта.....	311
А. Трутнев. Память Подзеленькино.....	324
П. Реутова. «...Меня избивали и мучили»	334
М. Руткаускайте. Литовские спецпереселенцы: свои или враги?	347
Е. Торовина. Кто он, политрук Ендальцев?	361
Т. Нечаева. Условия содержания заключенных в тюрьмах в конце 40-х годов XX века	374
ПО РЕКАМ ПАМЯТИ	385
Екатерина Рулева. Я не просто слушала рассказ, я его видела... ..	388
Александр Асланьян. Забыть их не смогу уже никогда.....	400
Роберт Латыпов. Путешествие в прошлое	404

ГОДЫ ТЕРРОРА
Книга памяти жертв политических репрессий
Часть шестая
Том 3

Редактор

А. М. Калих

Корректор

Т. Н. Назукина, Н. Н. Лазько

Верстка

О. А. Чилеева

Дизайнер

Е. В. Палкина

Подписано в печать 03.05.2011. Формат 108×84^{1/32}
Бумага ВХИ. Печать офсетная. Тираж 1500 экз. Заказ № 2852.

ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова»
618400, г. Березники, ул. Циренщикова, 9.
Тел. (34 24) 23-77-29, 25-55-71.
e-mail: kupec_tarasov@mail.ru